IMT Nuremberg Archives

H – 1207

International Court of Justice

H1207 – 0001

17-1207

H1207-0002

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Том 29-ый Экз. 2

С о д е р ж и т:

17 июня - утреннее и вечернее заседания
18 июня - утреннее и вечернее заседания
19 июня - утреннее и вечернее заседания
20 июня - утреннее и вечернее заседания
21 июня - утреннее и вечернее заседания
22 июня - утреннее заседание.

Страницы: с 13591-ой по 14162-ю включительно.

H1207 – 0003

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Том XXУ1-Й Экз. 2.

С о д е р ж и т:

27 мая – утреннее и вечернее заседания

28 мая – утреннее и вечернее заседания

29 мая – утреннее и вечернее заседания

30 мая – утреннее и вечернее заседания

31 мая – утреннее и вечернее заседания

Страницы: с 11888-й по
12446-ю включительно.

H1207 – 0004

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 13591 стр. по 14162 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 17 июня 1946 г. по 22 июня 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ
М а й о р: А. Полторак
/А.ПОЛТОРАК/

"24" декабря 1946 г.
г. Нюрнберг

H1207 – 0005

СТЕНОГРАММА 29/2

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 17 июня 1946 г.

Утреннее заседание.

Встать! Суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА. Господа судьи, подсудимые Шпеер и Фриче отсутствуют на утреннем заседании Трибунала.

/Прямой допрос подсудимого Папена (продолж.)/

КУБУШОК. Я хотел бы указать Трибуналу на то, что я перехожу теперь к событиям 1933 года, после чего мой допрос займет очень набольшое количество времени. Таким образом я сегодня в течение дня закончу допрос.

Итак, господин свидетель, в пятницу Вы заявили Трибуналу, что на известном совещании с Гитлером 4 января 1933 года в доме Шредера Вы не обсуждали вопрос о создании нового кабинета, последовавшем после 30-го января. Далее Вы заявили, что до 22 января Вы не участвовали ни в каких совещаниях политического характера. Обвинение инкриминирует Вам то, что Вы повлияли в это время на имперского президента в том отношении, что Гитлер 30 января был назначен рейхсканцлером. Скажите, Вы в этом направлении оказывали свое влияние на Гинденбурга?

ПАПЕН. Прежде чем ответить на этот вопрос, я прошу разрешить мне исправить ошибку, которую я допустил в своих показаниях в пятницу. Г-н председатель спросил меня, когда был занят Иерусалим; я сказал-в 1918. Г-н председатель совершенно прав, это было в 1917 году. Прошу извинить меня.

Итак, я отвечаю на Ваш вопрос: я не оказывал такого

влияния на рейхс-президента Гинденбурга, но если бы даже я и повлиял так на него, то это влияние не имело бы решающего значения для окончательного решения президента. Политическое положение, как мы увидим, давало имперскому президенту только две возможности: или нарушить Конституцию или создать кабинет Гитлера.

Кроме того, как я уже указывал в конце моих предыдущих показаний, из тех исторических событий, которые имели место в январе и которые освещены в документе № 9 на стр.27-31, совершенно ясно, что в течение всего января, до 22-го числа, без моего участия почти ежедневно имели место переговоры имперского правительства с различными партиями или переговоры между самими партиями; темой этих переговоров был вопрос о возможности образовании большинства в Рейхстаге. Все эти переговоры не имели успеха. Я заявил, что рейхсканцлеря Шлейхер пытался путем расщепления партий добиться большинства в Рейхстаге. Эта попытка расщепления партий не была успешной. Эта попытка окончательно потерпела крах 20 января. Эта дата была для общественности знаменательным днем, так как в этот день рейхсканцлер в Рейхстаге заявил, что он уже не придает больше значение получению большинства в Рейхстаге.

КУБУШОК. Я должен в этой связи указать на документ № 9 книги документов № 1, на 27-й странице. Я ограничусь оглашением отдельных цитат. Заглавие:

"11-го января - рейхсканцлер фон Шлейхер принял вождя германской народной партии - Лингельдея".

На следующей, 28-й странице имеется доказательство того, что 12-го января еще предпринимались попытки расщепить партию НСДАП через Штрассера".

Я цитирую в начале страницы:

"Вместе с тем только сейчас стало известно, что рейхс-

H1207 – 0006

H1207 – 0007

президент на прошлой неделе принял Грегора Штрассера для беседы с ним. Штрассер, вероятно, имел намерение временно воздержаться от этого. Только в случае внезапного конфликта между Гитлером и имперским правительством Шлейхера, Штрассер, очевидно, сыграет особую роль.

В это время происходили косвенные выборы, которые дали ясную картину перспективы дальнейшего развития НСДАП. Я читаю в середине абзаца от 15-го января следующее:

"Победа НСДАП на выборах не только опровергает утверждения ее противников относительно упадка национал-социалистского движения, но и является доказательством того, что застой в НСДАП преодолен и что теперь национал-социалистское движение находится на под"еме".

В переговорах, предметом которых было достижение большинства в парламенте, особое место занимают переговоры Шлейхера с партией центра, руководителем которой был прелат д-р Каас.

Я цитирую последний абзац стр.28.

"Рейхсканцлер фон Шлейхер принял прелата д-ра Каас, председателя партии центра, и имел с ним длительную беседу. Что касается смены кабинета, то в правительственных кругах считают возможным сотрудничество Штрассера-Гугенберга-Штегервальда, несмотря на затруднения, которые, несомненно, встретятся на пути осуществления этого намерения. Тайный советник Гугенберг поставил при этом условие, которое заключается в том, что должна быть обеспечена нормальная деятельность кабинета, по крайней мере, в течение одного года".

На следующей странице - 29-й, я ссылаюсь приблизительно на последние 10 строчек высказываний статс-секретаря Планк, старейшего советника рейхстага.

"В этом совещании национал-социалисты должны играть ведущую роль и предпринять неудавшуюся в конце 1932 года попытку об"единить все группы -от национал-социалистов до центра для получения большинства в Рейхстаге. Эти переговоры, в которых правительство Шлейхера вовсе не участвовало, вел Гитлер. В случае созыва 31 января Рейхстага и возникновения затем конфликта между правительством и Рейхстагом или в случае возникновения этого конфликта в результате других событий, следует особое внимание уделить критическому положению, в котором окажется таким путем государство. Правительство распустило бы в таком случае Рейхстаг и назначило бы новые выборы в начале осени".

На стр.30 я обращаю Ваше внимание на первое заглавие...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок, Трибунал считает, что нет необходимости оглашать все эти подробности. Из заголовков этих записей ясно, что имели место переговоры политического характера, которые привели к захвату власти национал-социалистской партией. Это все, что Вы желаете сказать?

КУБУШОК. Я хочу доказать, что образование правительства 30 января было неизбежным решением вопроса и об"ясняется событиями в политической жизни и парламенте. Поэтому важно установить, какие события имели тогда место, какие попытки не имели успеха и какие другие возможности существовали и что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хочу сказать, что в самих заголовках этих записей сказано, о чем идет речь. Таким образом, Вы можете оглашать только эти заголовки и не вдаваться в подробности. На 30-й странице, например, имеется запись от 21 января, которая, как и другие записи, дает полное

H1207 – 0008

H1207 – 0009

представление о сущности данного вопроса.

КУБУШОК. Я согласен с Вами, г-н председатель, и позволю себе сослаться в этой связи на 31 страницу и зачитать часть текста относительно свержения рейхсканцлера Шлейхера 28 января.

"О решающем совещании между рейхсканцлером и рейхспрезидентом официально сообщается следующее:

"Рейхсканцлер фон Шлейхер сделал сегодня доклад рейхспрезиденту о создавшемся положении и заявил, что нынешний правительственный кабинет сможет проводить в рейхстаге свою программу и свои установки лишь в том случае, если рейхспрезидент предоставит ему право роспуска рейхстага. Рейхспрезидент фон Гинденбург заявил, что в настоящее время он не может принять это предложение. Рейхсканцлер фон Шлейхер в ответ на это заявил об отставке имперского правительства; рейхспрезидент принял эту отставку, уполномочив кабинет временно продолжать исполнять свои обязанности".

Для того, чтобы доказать, что других возможностей, кроме создания парламентарного правительства Гитлера, не было, я ссылаюсь на краткую запись на 32-й странице. "Национал-социалисты вновь категорически заявили, что для них может стоять вопрос лишь о правительстве Гитлера. Все другие попытки разрешения этого вопроса они категорически отвергают и будут бороться с ними. Это касается, конечно, кабинета Папена, но и кабинет Шахта также немыслим".

Итак, я ссылаюсь на следующий документ. Это документ № 8. Здесь подробно освещаются все возможности, которые имелись для создания нового правительства.

Г-н свидетель, как реагировал рейхсканцлер фон Шлейхер на эту политическую ситуацию?

ПАПЕН. Рейхсканцлер фон Шлейхер, после того, как его попытки расколоть НСДАП и создать большинство в рейхстаге провалились, попросил президента дать ему диктаторские полномочия, что означало нарушение конституции. Таким образом, он хотел сделать то, что я уже предлагал рейхспрезиденту 1 декабря 1932 года, как единственный выход из создавшегося положения, предложение, которое на этот раз рейхспрезидент принял, но генерал фон Шлейхер помешал это сделать тогда.

КУБУШОК. 22 января в доме Риббентропа состоялось совещание, в котором приняли участие Геринг, Вы, Майснер и Оскар фон Гинденбург. Это совещание было созвано по Вашей инициативе, или по инициативе кого-либо другого?

ПАПЕН. Инициатором этого совещания от 22 января был Гитлер. По его просьбе фон Риббентроп предоставил в распоряжение совещавшихся свой дом. Рейхспрезидент хотел знать, каковы были взгляды Гитлера относительно ликвидации политического кризиса и какие предложения он намерен сделать. Вследствие этого беседа 22 января все время концентрировалась вокруг требований национал-социалистов, но об образовании нового правительства, которое последовало 30 января, тогда еще ничего не говорили.

КУБУШОК. 28 января в середине дня рейхспрезидент поручил Вам вести переговоры о создании нового правительства. Какие возможности для создания нового правительства имелись у Вас на основании создавшейся политической ситуации?

ПАПЕН. Создание правительства парламентарного большинства было невозможным, и 20 января мы отказались от этого. Гитлер не согласился принять участие в этом правительстве, тем более руководить таким правительством. Во-вторых, рейхспрезидент 23 января отказался поддержать предложение

13596

H1207 – 0010

H1207 – 0011

правительственного кабинета Шлейхера об об"явлении чрезвычайного положения в стране и о роспуске рейхстага, что означало нарушение Конституции. Он отказался поддержать кабинет Шлейхера потому, что Шлейхер залвил ему еще в декабре, что нарушение конституции означает гражданскую войну, а гражданская война означает анархию, хаос, так как я с помощью армии и полиции не смогу поддержать порядка. В-третьих, т.к. Гитлер давал свое согласие на участие в правительственном кабинете, ~~то~~ нам осталась только эта последняя возможность и для этого, имелись же силы и фракции, которые еще в 1932 г. поддерживали мое правительство.

КУБУШОК. Каково было то поручение, которое было Вам дано рейхспрезидентом?

ПАПЕН. Это задание состояло в следующем: предложить создать правительство под руководством Гитлера, с возможным ограничением влияния национал-социалистов в рамках существующей Конституции. Я позволю себе добавить, что был очень необычным тот факт, что рейхспрезидент поручает формирование правительства лицу, которое не будет лично руководить этим правительством. В обычном порядке Гинденбург, естественно, формирование нового правительства должен был бы поручить самому Гитлеру. Он поручил это дело мне, потому что хотел по возможности ограничить влияние Гитлера в этом правительстве.

КУБУШОК. С кем же Вы вели переговоры?

ПАПЕН. Я вел переговоры с руководителями тех групп, правых групп, которые должны были войти в состав нового правительства, т.е. с КСДАП, немецкой национальной народной партией, "Стальным шлемом" и немецкой народной партией.

КУБУШОК. Какими принципами руководствуясь, вы подобрали

13597

состав нового правительства, который Вы предложили президенту?

ПАПЕН. Я руководствовался единственной, имевшейся у нас возможностью, и предложил рейхспрезиденту создать правительство в рамках коалиции с этими силами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кубушок, Трибунал считает, что подсудимый дает слишком подробные об"яснения по этому вопросу. Он уже ответил, почему президент послал за ним и какое он имел к этому отношение. И это единственный вопрос, который касается его. Поскольку он уже дал об"яснения по этому вопросу, ~~то~~ нет необходимости вдаваться в детали.

КУБУШОК. Так как Обвинение квалифицирует формирование им правительства, как преступление, ~~то~~ он защищает себя ~~себя~~ своими показаниями о том, что он старался ограничить влияние Гитлера в этом правительстве. Ведь для этого очень важно...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Именно это я и сказал. Он дал уже соответствующие об"яснения по данному вопросу. Нет необходимости в том, чтобы он сообщал какие-либо детали в подтверждение этого об"яснения. Я только что записал, что президент вызвал его для того, чтобы свести до минимума влияние Гитлера. А сейчас он вновь начал освещать все детали.

КУБУШОК. Г-н председатель, он хочет только показать, каким образом он хотел ограничить влияние Гитлера. Это ведь очень важный момент. Он нам сейчас расскажет, что он сделал, чтобы ограничить влияние Гитлера в правительстве: выбор лиц и ряд других ограничений, которые были проведены для того, чтобы не дать Гитлеру возможность оказать на правительство доминирующего влияния. Это очень важный момент для опровержения утверждения Обвинения.

13598

H1207 – 0012

H1207 – 0013

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, подсудимый может кратко осветить этот вопрос, не углубляясь в ненужные детали. Это все, чего желает Трибунал.

ПАПЕН. Я буду очень краток, милорд.

Итак, барьеры, предохраняющие от влияния Гитлера, были следующие: 1. Незначительное число национал-социалистских министров в кабинете, а именно из 11 только 3, включая и Гитлера;

2. Все основные экономические ведомства в этом кабинете находились в руках ненационал-социалистов;

3. На посты министров по мере возможности назначались специалисты;

4. Совместные доклады рейхсканцлера Гитлера и вице-канцлера Папена Гинденбургу для того, чтобы не допустить чрезмерного личного влияния Гитлера на Гинденбурга;

5. Я пытался создать парламентарный блок в качестве противовеса политическому влиянию национал-социалистской партии.

КУБУШОК. В какой степени рейхс-президент Гинденбург принимал участие в выборе лиц, которые должны были войти в новое правительство?

ПАПЕН. Гинденбург сказал, что он сам назначит министра иностранных дел и министра обороны. На эти два решающих поста им были назначены: господин фон Нейрат – доверенное лицо рейхспрезидента, а на пост министра иностранных дел на пост министра обороны – генерал фон Бломберг, который также был особо доверенным лицом рейхспрезидента. Из национал-социалистов в этом кабинете были только в качестве министра внутренних дел – Фрик, деятельность которого, как министра внутренних дел Тюрингии в составе правительства Тюрингии была, исключительно умерен-

ной, и позднее в качестве министра без портфеля, прусский министр внутренних дел господин Геринг.

КУБУШОК. В этой связи я ссылаюсь на документ 87 /третья книга документов/ и на документ 93. Это - письменное показание под присягой бывшего министра доктора Альфреда Гугенберга и затем опросный лист барона фон Лерснера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какую страницу Вы указали в книге три?

КУБУШОК. На стр.194 и 195-й - письменное показание Гугенберга; опросный лист барона фон Лерснера находится на страницах 210-212.

Обвинение утверждает, что правительство, созданное 30 января, своей программой сделало программу НСДАП. Г-н свидетель, я прошу Вас дать показания по вопросу о том, что было основой политики нового правительства, созданного 30 января?

ПАПЕН. Утверждение Обвинения совершенно неправильно. Программа, которую мы приняли 30-го января, не была программой нацистской партии. Это была коалиционная программа. Это следует с полной ясностью из того обращения этого правительства к немецкому народу от 1-го февраля. Для того, чтобы констатировать этот исторический факт, разрешите мне зачитать из этого обращения лишь два предложения. Там сказано:

"Национальное правительство будет считать своей главной и первой задачей восстановление духовного и морального единства нашего народа. Оно будет рассматривать христианство, как базу для своих общих моральных воззрений, и охранять семью, как решающую основу жизни нашего народа и государства.

Колоссальная проблема реорганизации нашей экономики будет разрешена с помощью двух четырехлетних планов".

13600

H1207 – 0014

H1207 – 0015

Я хотел бы еще зачитать дополнительно одно предложение: "Это правительство полностью сознает величие своего долга поддерживать и укреплять мир, который необходим миру больше, чем когда-либо".

В остальном эта коалиционная программа, которая рассматривается Обвинением, как нацистская программа, содержала еще следующие пункты: сохранение самостоятельности провинции или федерального устройства Германской империи, соблюдение правовых норм и несменяемость судов, неприкосновенность конституционной реформы, охрана прав христианских церквей и, прежде всего, устранение классовой борьбы путем разрешения социальной проблемы, т.е. восстановления действительного единства народа.

КУБУШОК. Со своей стороны Вы делали что-либо для того, чтобы обеспечить проведение в жизнь своих собственных политических идей?

ПАПЕН. Я сделал все, что было в моих силах, для того, чтобы ~~вопрос~~ вместе со своими политическими сторонниками осуществить те идеи, которые я сам внес в эту программу. Самым важным в то время мне казалось создание внутри правительства противовеса национал-социалистам, и поэтому я просил руководителей правых партий отказаться от старых партийных программ и об"единиться в одну общую большую политическую организацию, которая поставила бы своей целью бороться за выдвинутые нами принципы.

Партийные руководители не согласились сделать это. Границы, существовавшие между партиями, были слишком сильны, и все осталось попрежнему. Единственное, что мне удалось осуществить, это создание на выборах общего блока всех партий.

И ради создания этого блока на выборах, я пропагандировал в своих многих речах эту программу, которая была программой коалиции.

КУБУШОК. Я ссылаюсь здесь на речь, которую свидетель произнес в период предвыборной кампании 11-го февраля. Эта речь содержится в документе № 12 на страницах 54-55. Я цитирую на странице 55-й, приблизительно в середине страницы один очень краткий абзац:

"Поэтому в том обстоятельстве, что настоящий имперский кабинет представляет собою не одну партию или движение, а совокупность различных групп национального движения, свободных политических деятелей и специалистов, - я вижу в этом не недостаток, а преимущество".

Скажите, какие особые вопросы в этой программе блока на выборах особенно подчеркивались? Вы это освещали в различных своих речах. Чтобы сэкономить время, я прошу Трибунал в связи с этим принять пока к сведению документ № 10. Охарактеризуйте, пожалуйста, кратко Вашу позицию по каждой из этих проблем. Сначала по социальной проблеме.

ПАПЕН. В центре моей программы стояла безусловно социальная проблема, т.к. она была всеобъемлющей. Нашей задачей было сделать ведущих классовую борьбу рабочих довольными гражданами страны и обеспечить каждому его существование и жилье. Я в то время говорил в своей речи, которая имеется в только что упомянутом документе, что всегда будет существовать имущественное различие, но что нельзя допускать того, чтобы какая-то маленькая кучка владела всем, а подавляющая масса народа не владела ничем, и в первую очередь я неоднократно указывал на то, что если нам удастся разрешить социальную проблему, то этим самым мы внесем значитель-

H1207--0016

H1207 – 0017

ный вклад в дело удовлетворения нужд народов Европы.

КУБУШОК. Какова была Ваша программа в области внешней политики?

ПАПЕН. Программа была очень простой. Она исчерпывалась нашим желанием мирным путем устранить дискриминацию немецкого народа и суверенитета нашей страны.

КУБУШОК. Какова была программа в области религиозных вопросов?

ПАПЕН. Из всех моих речей следует, что возрождение немецкого народа на христианской основе я считал предпосылкой для разрешения социальной проблемы. Я позже буду еще говорить об этом.

КУБУШОК. Я представляю здесь, как доказательство, уже упомянутый мною документ № 10. Я прошу приобщить этот документ к делу. На странице 39-й этого документа имеется смысловая ошибка в переводе, и, ввиду того, что вопрос о роспуске профсоюзов будет еще рассматриваться мною, я хотел бы огласить на странице 39-й краткий абзац в середине страницы:

"Я не отрицаю, что профсоюзы сделали кое-что для того, чтобы воспитать в рабочих чувство профессиональной чести и профессиональной гордости. Некоторые профсоюзы, например: союз торговых служащих, в этой области были образцом для других. Истинному перелому и сознательной работе в этом направлении противостояла, однако, идея классовой борьбы. Если профсоюзы поймут знамения нашего времени и оставят всякую политическую деятельность, то они смогут стать крепкой опорой нового порядка". Конец цитаты.

Я прошу Вас высказаться о результатах выборов 5 марта 1933 года. В этой связи я ссылаюсь на документ № 98, это

схема результатов выборов этого года.

ПАПЕН. Эти выборы имели решающее значение для дальнейшего развития. Вначале я позволю себе констатировать, что эти выборы были действительно свободными выборами, так как они проводились вместе со старыми деятелями республики. То, что эти выборы были свободными, доказывает и то обстоятельство, что число голосов коммунистов и социал-демократов не уменьшилось. Я лично рассчитывал на то, что НСДАП будет иметь успех на выборах.

В ноябре 1932 г. я отобрал у НСДАП 36 мандатов и полагал, что НСДАП снова получит эти мандаты. Я также надеялся, что мой собственный блок на выборах будет иметь большой успех. Я мог надеяться, что страна поймет необходимость создания внутриправительственного противовеса по отношению к нацистам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кубушок, будет вполне достаточно, если Вы будете называть только цифры. Мы сами можем сделать вывод на основании этих цифр; мы не нуждаемся в дополнительных пояснениях и комментариях по этому поводу. Имеется очень много гораздо более важных вопросов, которые мы должны рассмотреть.

КУБУШОК. Г-н свидетель, расскажите об издании закона о чрезвычайных полномочиях от 23 марта 1933 года.

ПАПЕН. Этот закон о чрезвычайных полномочиях был издан потому, что необходимо было иметь спокойную рабочую обстановку для проведения мероприятий экономического порядка. Сначала велись переговоры с партиями центра, чтобы добиться в парламенте одногодичного перемирия, но эти переговоры ни к чему не привели. Итак, возникла необходимость издать такой закон, который имел в истории известные параллели.

H1207 – 0018

H1207 – 0019

Этот закон очень резко критикуется Обвинением и выставляется как доказательство того, что существовал заговор. Я поэтому хочу подчеркнуть, что я сам все время старался обеспечить известный контроль и сохранить за рейхспрезидентом "право вето". В протоколе заседания кабинета от 15 марта сказано, что статс-секретарь Майснер считал, что сотрудничество рейхспрезидента не является необходимым.

КУБУШОК. Я ссылаюсь здесь на документ 25 – это документ США-578. Я здесь обращаю внимание Суда на мнение Папена, которое он высказал на этом совещании кабинета, а также и на только что упомянутое высказывание Майснера.

"Майснер статст-секретарь правительственного кабинета, кабинета рейхспрезидента и его превосходный сотрудник".

Затем я ссылаюсь на документ № 23 и, в частности, потому, что из этого перечисления временных законов видно, что тогда нельзя было править страной с помощью имперских законов, и что закон о чрезвычайных полномочиях должен был заменить эти, постоянно меняющиеся временные законы. Я прошу извинить меня, я ошибся. Позиция статс-серетаря Майснера освещена в документе № 91, + это документ США-578, который я уже упоминал.

23 марта 1933 г. был издан закон об амнистии, который Обвинение характеризовало, как абсолютное новшество в законодательстве. Что Вы можете сказать относительно этого закона?

ПАПЕН. Обвинение называет этот закон "Одобрением политического убийства".

Я должен сказать по этому поводу следующее. Этот закон был издан по распоряжению рейхспрезидента, а не по распоряжению кабинета, и явился естественным концом революционной

эпохи, которая длилась семь недель. Существует очень много параллелей таких амнистий, имевших место в прошлом, например, закон от 21 июля 1922 года - закон молодой германской республики. Этот закон ~~тоже~~ включает ~~меры по амнистии~~ в список преступлений, подлежащих также убийство.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ № 28, на странице 99 первой книги документов. Этот документ представляет собой закон от 21 июля 1922 года, который завершает период государственных беспорядков 1920-21 гг. Затем я ссылаюсь на страницу 100, документ 28, он содержит упомянутый закон от 20 декабря 1932 г.

23 марта был издан закон об особых судах. Что Вы можете рассказать по этому поводу?

ПАПЕН. И эти особые законы или законы об особых судах не являются новшеством. Я сам, будучи рейхсканцлером, 9 августа 1932 г. издал такой закон, и основывался при этом на распоряжении кабинета Брюнинга от 6 октября 1931 г. В революционные периоды политические преступления должны караться скорым судом в соответствии с нормами правосудия.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ № 27 на стр.89 первой книги документов и особенно я обращаю Ваше внимание на предисловие к § 1. Из этого предисловия следует, что это чрезвычайное распоряжение, о котором здесь только что упоминалось, базировалось на чрезвычайном декрете Брюнинга от 1931 года.

1-го апреля 1933 г. проводился бойкот евреев. Это было правительственное мероприятие. Принимали ли Вы какое-нибудь участие в нем?

ПАПЕН. Утверждение д-ра Геббельса о том, что кабинет одобрил это мероприятие, является совершенно неверным. На-

H1207 – 0020

H1207 – 0021

против, по инициативе кабинета Гитлер 10 и 12 марта сделал в печати соответствующее заявление, которое будет представлено моим адвокатом; и если Обвинение мою телеграмму, которую я послал 25 числа в Нью-Йорк, называет чудовищной "вынужденной ложью", то и здесь я могу лишь сказать, что это утверждение совершенно не обосновано. Публичные заявления Гитлера должны были дать и дали нам уверенность в том, что такие эксцессы не будут более иметь места, и, веря в это, я послал эту телеграмму. Было бы совершенно непонятным, если бы я 25-го числа послал телеграмму в Нью-Йорк...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кубушок, мне казалось, что Вы спросили действительно ли подсудимый участвовал в проведении этих мероприятий, но я не знаю, в чем заключался его ответ. Он отвечает уже в течение нескольких минут, но я не вижу, в чем заключается его ответ.

ПАПЕН. Я сказал, что утверждение Геббельса о том, что кабинет одобрил этот бойкот, является ложью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему бы не ответить прямо, участвовали ли Вы или нет?

ПАПЕН. Нет, мы не участвовали в нем.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ № 33, помещенный на странице 113-й книги документов. Это заявление Гитлера от 10 марта. Я цитирую 3 последние строчки: "Следует в корне пресечь всякие нападения на отдельных лиц, повреждения автомашин и нарушение торговли". На той же странице 113, последняя фраза предпоследнего абзаца из заявления Гитлера от 12 марта.

"Кто с сегодняшнего дня попытается единичными действиями нарушить деятельность нашей администрации или хозяйственной жизни, тот действует сознательно против национального правительства".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кубушок, я не хотел мешать подсудимому рассказать Трибуналу о том, что он делал в соответствии с его телеграммой, посланной в "Нью-Йорк Таймс", но я хотел бы, чтобы он сначала ответил на Ваш вопрос. Сейчас, если он желает, он может дать дополнительные об"яснения по поводу этой телеграммы.

КУБУШОК. Итак, я прошу Вас еще раз коснуться вопроса относительно "Нью-Йорк Таймс".

ПАПЕН. Я могу только добавить, милорд, что было бы совершенно ~~необходимо~~ необ'яснимо, если бы я послал эту телеграмму 25 апреля в "Нью-Йорк Таймс", зная о том, что через три или четыре дня опять начнется бойкот евреев. Это ведь совершенно бессмысленно. Я хотел бы указать, впрочем, на то, что в тот же день г-н фон Нейрат тоже послал подобную телеграмму кардиналу О'Коннелл

КУБУШОК. Расскажите, пожалуйста, о Вашей позиции в отношении еврейского вопроса.

ПАПЕН. Мою позицию в отношении еврейского вопроса можно обрисовать очень кратко. Я всегда в этом вопросе занимал такую позицию, которой требует католическая церковь от своих прихожан. Мое отношение к вопросу рас, с учетом национал-социалистской доктрины, я высказал в своей речи в Глейвице в 1933 году в глазах всей общественности. Мой защитник передаст Суду соответствующий документ. Совершенно другим вопросом, который не относится к моей основной позиции по еврейскому вопросу, является вопрос о чрезмерном влиянии еврейских элементов в тех сферах, которые являются выражением общественного мнения;- печать, литература, театр, кино и, особенно, право. Я не сомневался, что это чрезмерное влияние евреев в этих сферах общественной жизни является нездоровым явлением, и что его каким-то образом надо устранить. Но это, как я уже сказал,

13608

H1207 - 0022

H1207 – 0023

не имеет никакого отношения к расовому вопросу.

КУБУШОК. Я ссылаюсь здесь на документ № 16 на странице 68, в котором содержится выдержка из упомянутой речи свидетеля в Глейвице в 1934 г. Я цитирую. Фон Папен говорит здесь: "Против исследования расовых вопросов и против заботы о чистоте расы, которые имеют своею целью сохранить в чистоте характерные качества своего народа и пробудить в нем дух национальной общности, конечно, нечего возразить. Эта любовь к своей расе никогда не выразится в ненависти по отношению к другим народам или расам. Это - решающее, и никогда забота о чистоте расы не должна вступать в конфликт с христианством, так как раса и христианство не антиподы, а только различные элементы. Христианство создало из всех германских племен только один германский народ, и нет никакой нужды создавать новую северо-германскую религию для того, чтобы иметь возможность подчеркнуть значение нашей нации".

Далее, в связи со вторым вопросом, по которому свидетель дал свои показания, я ссылаюсь на документ № 29 на странице 103. Это выдержка из дневника от 4 июля. Это - дневник Додда. Затем я ссылаюсь на документ № 35, на странице 115. Это статья из газеты "Фельдшер беобахтер" от 19 августа 1933 года. Эта статья озаглавлена: "Правительство Папена написало на своем знамени лозунг защиты евреев."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Кубушок. Это август 1933 года, не правда ли?

КУБУШОК. Это документ № 35 на странице 115.

Я только что огласил заглавие этой статьи из газеты "Фельдшер беобахтер" от 19 августа 1933 года. Там сказано, что правительство Папена написало лозунг защиты евреев на своем знамени. Это сообщение освещает высказывание г-на

Карского из Берлина, представителя еврейской народной партии. Карский руководил синагогами в Берлине. В то время он заявил, — я цитирую последний абзац этой статьи:

"К счастью конституция германской республики все еще защищает права евреев, и правительство Папена написало на своем знамени лозунг защиты евреев".

В законе о профессиональных чиновниках от 7 апреля 1933 г. содержатся ограничения в отношении евреев. Сделали ли Вы что-либо для того, чтобы эти первоначально планировавшиеся в большом масштабе ограничения были сведены до их минимума, отражены в этом законе?

ПАПЕН. Разрешите мне сделать небольшое дополнение. Мне кажется, что Вы забыли представить Трибуналу документ № 33, к вопросу об устранении чрезмерного влияния евреев из судопроизводства.

КУБУШОК. Мы представим этот документ в связи с Вашим ответом на этот вопрос. Z ПАПЕН. Я был согласен с законом о профессиональных чиновниках от 17 апреля 1933 г. в том отношении, что чиновники еврейской национальности, которые поступили на службу после 1918 года, подпадали под этот закон. Здесь речь идет о большом переселении евреев из восточных стран, в особенности из Польши, в Германию. Известно, что Польша в то время была настроена резко антисемитски. Я добился у Гинденбурга того, чтобы под эти законы в коем случае не подпадали участники войны, так как я всегда считал, что немец, выполнивший свой долг перед отечеством, независимо от того к какой расе он принадлежит, не должен быть ущемлен в своих правах.

КУБУШОК. Итак, я ссылаюсь на документ 33 на странице 114. Это сообщение министерства Юстиции, из которого следует, что при издании этого закона о профессиональных чиновниках

H1207 – 0024

H1207 - 0025

в адвокатуре было занято 3.515 евреев. На основании тех смягчающих обстоятельств, о которых только что упоминал свидетель, закон не распространялся на 735 участников войны и 1.383 адвоката, которые были допущены к адвокатуре до 1914 г. Таким образом, на своих должностях остались 2.158 евреев-адвокатов, в то время как были сняты с должности 523 еврея. Каково было Ваше общее отношение к этому закону о профессиональных чиновниках?

ПАПЕН. Я считаю, что вполне законным явлением был тот факт, что и ~~т.е.~~ национал-социалисты, состояв в коалиции с другими партиями и получив больше чем 50% голосов немецкого народа, должны были получить возможность занять часть должностей профессиональных чиновников. Я хотел бы указать, что национал-социалисты ~~не~~ в своей пропаганде, которая велась ими целыми годами, всегда выступали против так наз. бюрократизма, и нельзя было предвидеть того, что они сами позднее впадут в ту же самую ошибку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не будет ли удобно сейчас сделать перерыв.

/Об"является перерыв на 10 минут./

Встать! Суд идет!

КУБУШОК? Мы только что говорили о законе о профессиональных чиновниках. Мы коснулись отдельных пунктов этого закона, которые в известной степени соответствовали полностью идеям НСДАП.

Скажите, что послужило для Вас поводом к тому, чтобы Вы по этим указанным пунктам сделали им определенные уступки?

ПАПЕН. В то время я был убежден, что мы с помощью этого закона о профессиональных чиновниках создадим некую базу. Я не предвидел и не мог предвидеть, что партия уже позднее...

в последующие годы будет издавать в этой области все новые законы и что она, таким образом, полностью разорит профессиональных чиновников.

КУБУШОК. Каково было Ваше отношение к роспуску партий?

ПАПЕН. С изданием закона о чрезвычайных полномочиях стало неизбежно устранение из общественной жизни партий. Гитлер потребовал 4 года времени для проведения реформы, которую мы намеревались тогда осуществить. Из документа № 25 следует, что я просил Гитлера создать новый основной государственный закон, и Гитлер в своей речи от 23 марта обещал это сделать. В этой речи он предусматривал проведение конституционной реформы соответствующими полномочными конституционными органами. Эта реформа, по моему мнению, революционным путем привела бы нас к новой, лучше обоснованной демократичной и парламентской системе. Впрочем, я должен сказать, что я не видел никакой опасности, если ведущее положение занимала какая-либо одна партия. Мы видели много хороших примеров в других государствах. Так, например, в Португалии и в Турции система господства одной партии оказалась вполне пригодной. И, в конце концов, я позволю себе указать на то, что я в своей речи в Марбурге 17 июня 1943 г. критиковал такое развитие, сказав при этом, что его можно рассматривать лишь, как переходный период, который закончится с проведением в жизнь конституционной реформы.

КУБУШОК. Каково Ваше отношение к закону об имперских наместниках от апреля 1933 года? Опишите, пожалуйста, Ваши взгляды по вопросу о германском федерализме.

ПАПЕН. Этот вопрос, Высокий Суд, был поднят здесь Обвинением, чтобы обвинить меня в лицемерии, лжи или обмане. Обвинение, в частности, обвиняет меня, - я имею ввиду в данном

13612

H1207 – 0026

H1207 – 0027

случае федеративное устройство Германии, - в том, что я изменил свою первоначальную точку зрения 1932 года, и в 1933 году придерживался, якобы, совершенно другой точки зрения. Но, если я даже и изменил свои взгляды по этому вопросу, то я не вижу почему вопрос о федеративном или центральном правительстве может рассматриваться как преступление в рамках этого Устава. А, впрочем, я вовсе и не изменял своего мнения.

То, что я говорил в 1932 году, было следующее: Я признавал преимущества федеративной системы для Германии и хотел поддержать ее, но я всегда желал, даже в 1932 г., чтобы мы в Германии пришли к согласию на более широкой политической основе. Мне кажется для федеративной страны само собой разумеющейся вещью было то обстоятельство, чтобы все отдельные составные части ее управлялись по единым принципам. Вот о чем шла речь. Вот почему я вмешался в прусские дела 20 июля. Кто знает историю Германии, тот знает, что Бисмарк преодолел эту трудность, назначив рейхсканцлера одновременно прусским премьер-министром. Таким образом, если теперь в 1933 году мы назначили имперских наместников в федеральных землях, то этим самым мы лишь хотели добиться того, чтобы они заботились о создании единой политической линии. Во всем остальном праве федеральных земель остались нетронутыми - у них были свои собственные финансы, правовая и образовательная системы и свои собственные парламенты.

КУБУШОК. По вопросу относительно закона об имперских наместниках я ссылаюсь на документ № 31, в частности, на страницу 111-ую. Из приведенной здесь цитаты первоисточника Пфундтнер-Нейберт следует, что только следующим законом об имперских наместниках, изданном в 1935 г., т.е. после того, как подсудимый фон Папен ушел со своего поста, была отменена

система местной власти в федеральных землях.

Скажите, по каким причинам Вы 7 апреля 1933 г. оставили пост прусского премьер-министра?

ПАПЕН. Мое письмо Гитлеру от 7 апреля 1933 г. было представлено Обвинением. Это письмо показывает причины моего ухода в отставку. В Пруссии, и о чем я уже говорил, я уже 20 июля обеспечил координацию политических целей. Законом об имперских наместниках рейхсканцлеру была предоставлена возможность или самому стать премьер-министром Пруссии, или назначить на этот пост своего заместителя. Поэтому свою деятельность в Пруссии я считал законченной. Впрочем, я хотел бы обратить внимание на следующее обстоятельство: Выборы от 5 марта дали национал-социалистам значительное большинство также и в прусском парламенте. Прусский ландтаг собрался на сессию и, само собой разумеется, выразил желание избрать на пост премьер-министра национал-социалиста. В силу всех этих причин я и ушел в отставку.

КУБУШОК. Обвинение вменяет Вам в вину, что Вы, как один из самых видных католиков, особенно способствовали консолидации нацистского господства в области церкви. Поэтому я хочу сейчас выяснить Вашу позицию в этом вопросе. Пожалуйста, опишите положение германской церкви в то время.

ПАПЕН. Это – комплекс вопросов, предъявленных мне Высокий Суд, для меня является самым тяжелым из всего обвинения в том, что я, будучи католиком, содействовал осуществлению этого заговора против мира. Поэтому я прошу Высокий Суд разрешить мне вкратце обрисовать мою позицию в вопросах, касающихся церкви.

Католики в Германии об"единились в партию центра. До 1918 г. эта партия центра всегда стремилась к компромиссу между левыми и правыми партиями. После войны эта картина

13614

H1207 – 0028

H1207 – 0029

полностью изменилась.

Мы видим, что центр в большинстве случаев организует коалицию с левыми партиями. В Пруссии такое положение продолжалось с 1918 до 1932 гг. Неоспоримо, что эта партия центра в годы после ~~во~~йны поражения в войне имела многие заслуги в области поддержания жизни государства, но ее коалиция с социал-демократией именно в области церковно-политических вопросов сделала невозможным сотрудничество партии центра с правыми партиями. В области важных политических вопросов и в вопросах состава партии партия центра осуществляла политику компромиссов, которая была связана с уступками в церковно-политических вопросах. Что такое положение вещей...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кубушок, к чему все это относится?

КУБУШОК. Обвинение говорило здесь, что Папен, будучи видным католиком, использовал свое положение для консолидации нацистского господства. Он был двуличен и это качество проявляется в этой связи и проливает свет на его личность. Сейчас подсудимый дает об"яснения о том, какую позицию он занимал с начала своей политической деятельности в области вопросов, связанных с политикой в отношении церкви. Так как он был членом партии центра, а потом вышел из нее, то необходимо выяснить то противоречие, которое возникло между ним и партийным руководством. Далее мы хотим...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но почему необходимо так детально освещать этот вопрос? Он хочет, конечно, показать, что он не оказывал содействия нацистской партии. Он, несомненно, являлся католиком и, очевидно, хочет показать, что он не оказывал поддержки нацистской партии. Он не хочет углубляться во все детали о католическом влиянии и о его роли, как като-

лица, в оказании этого влияния.

КУБУШОК. Г-н председатель, я хочу сделать общее замечание о том, что, рассматривая дело Папена, мы хотим доказать, что с самого начала подсудимый твердо следовал своим принципам. Для этого необходимо осветить отдельные периоды времени. Мы уже приближаемся к тому моменту, когда мы сможем оставить тему об условиях внутренней политической жизни, а следующие темы будут значительно короче. Мне кажется, для того чтобы дать полную характеристику подсудимого, следует коснуться отдельных деталей; по мере сил мы будем, конечно, стараться опускать излишние и не имеющие непосредственного отношения к делу детали.

Я хотел бы еще указать на следующий момент. Все дело Папена резко отличается от обвинений, предъявленных другим подсудимым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кубушок, Трибунал прекрасно понимает, что дело каждого из этих 21 подсудимых весьма сильно отличается от дел других подсудимых. Нам это хорошо известно, но мы хотели бы только, чтобы дела всех подсудимых представлялись должным образом, без излишних обременительных подробностей. Трибунал надеется, что Вы попытаетесь ограничить подсудимого в его показаниях и будете освещать только действительно важные вопросы.

Сейчас, пожалуйста, продолжайте.

КУБУШОК. Хорошо, г-н председатель. Мы постараемся это сделать. Продолжайте, пожалуйста.

ПАПЕН. Возможно я исчерпаю этот вопрос, если я скажу, что моя политика внутри партии за использование консервативных сил создала мне славу плохого католика. Иностранец, не немец, не может судить о следующем: в те годы католик, не являвшийся членом

H1207 – 0030

H1207 – 0031

партии центра, но принадлежавший к одной из правых партий, считался плохим и неполноценным католиком. Это и есть то, против чего я всегда выступал.

КУБУШОК. Папен в своем правительственном заявлении от 4 июня 1932 г. ссылался на то, что вся общественная жизнь Германии в то время находилась под большим влиянием существовавшей до тех пор коалиционной политики Пруссии. В связи с этим я ссылаюсь на документ 1, страница 2 и цитирую последнюю часть первого большого абзаца.

"Во все области культуры и общественной жизни слишком глубоко проникли атеистически-марксистские идеи, т.к. христианские силы государства слишком легко шли на компромиссы. Чистоту общественной жизни нельзя ни сохранить, ни восстановить путем компромиссов ради паритета.

Поэтому следует вынести совершенно ясное решение, какие силы намерены работать над воссозданием новой Германии на неизменных принципах христианского мировоззрения."

В этой связи я хотел бы указать на документ 37, стр. 119, где в своей речи в Мюнхене от 1 марта 1933 г. свидетель высказывает ту точку зрения, о которой он только что говорил.

Г-н свидетель, скажите, как Вы себе представляли обеспечение положения церкви при новом правительстве и что Вы сделали в этом направлении?

ПАПЕН. Во-первых, я побудил Гитлера высказать совершенно определенное свое мнение по этому вопросу, что он и сделал, и, в частности, сделал в положительной форме. В предисловии к произнесенным мною тогда речам есть замечание относительно того, что первой и самой важной задачей является внести некоторые поправки в программу национал-социалистов в части ее, касающейся религии, так как это является предпосылкой для создания единого фронта обоих вероисповеданий в этой коалиции.

Во-вторых, заключением конкордата я попытался создать гарантию ~~определенной~~ ослабленной политики в отношении церкви при помощи внешне-политических ~~моментов~~ соглашений.

КУБУШОК. В этой связи я ссылаюсь на документ 37, на страницах 119-120. Здесь содержатся выдержки из речей свидетеля.

Я ссылаюсь сейчас на том 1, стр.38 и середину страницы 119. Это - выдержка из произнесенной в Дортмунде в феврале 1933 г. речи. Здесь Папен говорит...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Этот документ у нас имеется.

КУБУШОК. Это - документ № 37, страница 119.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, я нашел это. Я хотел только сказать Вам, что для нас будет вполне достаточно, если Вы сошлетесь на этот документ. Дело в том, что Вы уже дошли до того периода, когда он ушел с поста премьер-министра Пруссии в 1934 году, сейчас же Вы вновь хотите вернуться к 1933 г.

КУБУШОК. Он ушел с поста премьер-министра Пруссии в 1933 г. Я хотел бы сослаться сейчас на эту речь - на странице 119 и на странице 120-й.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он ушел в отставку в 1933 или в 1934 году?

КУБУШОК. В 1933 году.

Я ссылаюсь на эту речь и на выдержки, находящиеся на странице 120. Это - воззвание имперского правительства к немецкому народу от 1 февраля 1933 года. Скажите, какие события привели к конкордату?

ПАПЕН. Я повторяю, что я во что бы то ни стало хотел обеспечить христианскую базу империи. Поэтому в апреле 1933 года я внес Гитлеру предложение о том, что права церкви должны быть изложены в конкордате, а за этим кон-

H1207 - 0032

H1207 – 0033

кордатом должно последовать соглашение с Евангелической церковью. Гитлер, хотя в его партии были сильные возражения против этого, согласился с этим. Так было принято решение относительно заключения конкордата.

Обвинение придерживается той точки зрения, что этот конкордат был обманным маневром. В этой связи я хочу сослаться на тот факт, что если те господа, с которыми я заключил этот конкордат /это - статс-секретарь Пачелли, в настоящее время - папа Римский, который хорошо знал Германию в течение 13 лет так же, как и синьор Каас, который стоял во главе партии центра в течение многих лет/, если оба эти господина согласились на подписание этого конкордата, то нельзя сказать, что этот конкордат был обманным маневром.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ № 39 /страница 121/, затем на следующий документ - документ № 40 /это страница 12 /. Из этого документа я хотел бы огласить одну выдержку. После заключения конкордата Гитлер издал декрет. Этот декрет гласит ~~так~~ /это находится приблизительно на середине 122 страницы/:

"В связи с этим я приказываю:

1. Немедленно отменить распоряжения о роспуске всех тех организаций, которые признаны вышеуказанным договором и которые были распущены без указания со стороны имперского правительства;

2. Отменить все репрессии против духовных лиц и других руководителей этих католических организаций.

Не допускать в будущем повторения подобных явлений и виновных привлекать к ответственности, согласно существующим законам".

Я зачитал эту цитату для того, чтобы доказать, что

только позднее Гитлер изменил некоторые свои взгляды по этому вопросу, вероятно потому, что его окружение оказывало на него соответствующее влияние.

Затем я хочу сослаться на документ 41, на странице 123. Этот документ представляет собой телеграмму фон Папена Гитлеру. В английском переводе этого документа имеется большая смысловая ошибка. Я имею в виду второе предложение этой телеграммы. Здесь говорится: "Благодаря Вашей великой и мудрой государственной деятельности". В этой фразе в английском тексте сделан неправильный перевод. Вместо "государственной" сказано "спортсменской".

Затем я ссылаюсь на следующую телеграмму, находящуюся на той же странице. Это телеграмма фон Папена епископу Трира. К обсуждаемым вопросам относятся также письменные показания, данные под присягой, в частности, документ 43 на странице 127. Этот документ представляет собой письменное показание под присягой барона фон Твикеля, который должен послужить заменой письменного показания под присягой кардинала фон Гален, который следовало бы представить здесь, но данное лицо - кардинал фон Галлен умер. Эти вопросы с ним обсуждались, но он не успел их изложить в письменном виде. Тот, кто обсуждал с кардиналом фон Галленом все эти вопросы, изложит их в данном письменном показании, данном под присягой.

Особенное внимание я хотел бы обратить также на документ № 52, стр.128; этот документ представляет собой письменное показание под присягой Шмитта - аббата в Грюсау, хорошего старого друга подсудимого. В предпоследнем абзаце он говорит следующее по вопросу конкордата:

"Г-н фон Папен вскоре был глубоко потрясен все возрас-

H1207 – 0034

H1207 – 0035

тающим нелойяльным поведением германского правительства, которое проявилось после заключения конкордата, и он всегда очень подробно высказывался мне о своем беспокойстве по этому поводу, а также взвешивал средства, с помощью которых можно было бы воспрепятствовать этим нарушениям конкордата. Я, на основании своего собственного опыта, также могу показать, что он всегда лично активно добивался лояльного соблюдения конкордата".

Г-н свидетель, кроме конкордата Вы сделали еще что-нибудь для реализации своих церковно-политических взглядов?

ПАПЕН. Да. 15 июня 1933 г. в Берлине я обосновал организацию, которую мы называли "Крест и орел". Немного позднее я создал рабочую организацию "Германский католик". В этих двух организациях, помимо членов политических партий, должны были собираться католические силы. Организация "Германский католик" имела своей задачей собирать все жалобы, сообщать мне о них, чтобы я мог добиться соответствующей помощи.

КУБУШОК. Обвинение инкриминирует Вам, что роспуском "Трудового союза немцев-католиков" Вы сами нарушили конкордат. Что Вы скажете по этому поводу?

ПАПЕН. Да, более того, Обвинение характеризовало весь период, который последовал за заключение конкордата, как "Характерное развитие церковной политики заговорщиков и участие в ней Папена".

То, что мне инкриминируется саботирование конкордата, является чудовищным обвинением; оно связано с роспуском упомянутой мной организации "Трудового союза немцев-католиков". Из документа ясно вытекает, что этот "Трудовой союз немцев-католиков" уже прекратил по существу свою деятельность после путча Рема 30 июня 1934 года и что последовавший затем

роспуск его, который был произведен мной, был лишь чисто формальным актом. К тому же этот союз вообще не имеет никакого отношения к конкордату. Это ведь было политический союз, который никогда не находился под охраной конкордата.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ 45-й, стр.129; этот документ представляет собой обмен телеграммами между Гитлером и Гинденбургом в связи с удовлетворением требований Евангелической церкви.

По вопросу о "Трудовом союзе немцев-католиков" я ссылаюсь на документ 74, стр.130-132. Там находится письменное показание под присягой. Простите, я неправильно указал № документа. Это документ 47, стр.130 - письменное показание руководителя организации "Германский католик" Графа Родериха Туна.

О роспуске этой организации он говорит на стр.131, я цитирую второй абзац:

"30 июня 1934 г. бюро "Трудового союза немцев-католиков" было занято чиновниками гестапо, которые конфисковали архив и увезли его. Я сам был арестован". О том, что после этого роспуск этой организации был чисто формальным актом, сказано на стр.131 в последнем абзаце:

"После моего освобождения из заключения, которое последовало через некоторое время , конфискованный архив не был возвращен. В силу позиции партийных инстанций не могло быть речи о возрождении или дальнейшей деятельности этой организации. Практически дальнейшая деятельность "Трудового союза немцев-католиков" не могла иметь места уже потому, что единственный человек, который мог всегда, когда это необходимо, вмешаться и помочь "Союзу", я имею в виду г-на фон Папена, не был с нами после того, как он переехал в Вену. Для руковод-

H1207 – 0036

H1207 – 0037

ства оставалось решить вопрос о том, каким образом официально оформить фактическое прекращение деятельности организации. При этом следовало учитывать особенно то обстоятельство, что в случае официального об"явления о принудительном роспуске организации, большое число католиков, которые в период деятельности организации присоединились к ней, должны были в результате этого подвергнуться преследованиям. Для того, чтобы предотвратить это, руководство "Трудового союза немцев-католиков" само заявило о роспуске своей организации.

И, наконец, я цитирую последнее предложение этого абзаца: "Для того, чтобы использовать все оставшиеся возможности, для того, чтобы охранить католические интересы, в этом заявлении еще раз указывалось на то, что официальные власти и, прежде всего, сам Гитлер, торжественно обязались охранять христианские и церковные интересы".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, пожалуйста, когда подсудимый фон Папен переехал в Вену?

КУБУШОК. 15 августа 1934 г.; он был назначен в конце июля 1934 года.

Летом 1934 г. стало совершенно ясно, что конкордат со стороны партии саботировался и что Гитлер не сдержал своих заверений. Как Вы об"ясните такое поведение Гитлера?

ПАПЕН. Мне кажется, что в то время Гитлер сам намеревался сохранять мирные отношения с церковью, но что радикальные элементы его партии не желали этого, и что прежде всего влияние Геббельса и Бормана привело к тому, что Гитлер неоднократно нарушал заверения, данные церкви. По поводу этих нарушений я неоднократно протестовал перед Гитлером, и в своей речи в Марбурге я публично заклеймил их. Я завил там:

"Как мы сможем выполнить свою историческую миссию в Европе,

если мы сами вычеркнем себя из рядов народов, исповедывающих христианство."

КУБУШОК. Я сейчас ссылаюсь на документ № 85 и прошу ~~Трибунал~~ приобщить его к делу. Это документ 85 на стр.186...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Перевод не поступает.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ 85 и прошу приобщить его к делу. Он находится на странице 186. Этот документ представляет собой письменные показания под присягой д-ра Глазебока, бывшего руководителя "Союза католиков-консерваторов Германии".

Г-н свидетель, 14 марта 1937 г. папа Римский Пий XI торжественно заявил о нарушении конкордата. Обвинение говорит, что если бы Вы серьезно восприняли все эти заверения, изложенные в конкордате, то Вы уже в то время ~~бы~~ должны были бы оставить свою официальную должность. Что Вы скажете по этому поводу?

ПАПЕН. И что бы от этого улучшилось? Кроме, как в австрийских делах, я уже не имел никакого влияния на Гитлера в вопросах политики, а оставить в то время свой пост в Австрии - мне запрещало мое убеждение в том, что именно в критическое время, в 1937 г., было необходимо остаться там. Мы потом с Вами еще коснемся этого вопроса и Вы убедитесь в этом. Впрочем, я позволю себе сказать, что если Обвинение предполагает, что я на основании этого заявления папы должен был и был вправе оставить свой официальный пост, то, что сделали в этом отношении церковные круги? Они не отозвали из Берлина Нунциуса, а епископ Берлинг, который представлял интересы католиков в государственном совете, не вышел из этого совета. Все это было, конечно, правильно, так как мы тогда все надеялись еще на поворот в политике.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ № 48 на странице 133.

H1207 – 0038

H1207 – 0039

Это документ был уже представлен Обвинением как доказательство США-356. В моей книге документов он находится на 133 странице. Это заявление папы Пия XII от 2 июня 1945 г. Я цитирую абзац:

"Несмотря ни на что, нужно признать, что Конкордат в последующие годы обеспечил некоторые преимущества или, по крайней мере, предотвратил более худшее зло. Несмотря на все имевшие место нарушения его, он дал католикам юридическую основу для защиты, а также явился крепостью, в которой они, будучи в оппозиции, могли противостоять до тех пор пока это было возможно постоянно растущей кампании религиозных преследований.

О практическом влиянии конкордата говорится также в документе № 49, который находится на странице 134 моей книги документов. Этот документ был уже представлен Обвинением как доказательство США-685. Этот документ представляет собой письмо заместителя фюрера имперскому министру образования, в котором говорится о роспуске теологических факультетов университетов. Я цитирую последний абзац этого письма:

"При этом следует, как Вы уже указывали в Вашем письме, учитывать положения, содержащиеся в Конкордате, и церковные соглашения. Те факультеты, которые не упоминаются в специальных пунктах Конкордата или церковных соглашений, как, например, факультет в Мюнхене или некоторые другие, могут быть закрыты без всякого колебания. То же самое относится и к **катол** теологическим факультетам в Австрии, в Вене и в Граце.

КУБУШОК. В последующие годы было почти полностью подавлено открытое обсуждение вопросов, касавшихся политики

в отно ении церкви, так как была запрещена деятельность католической прессы и , что являлось нарушением Конкордата, даже католические церковные бюллетени были запрещены. Какие меры приняли в этой области.?

ПАПЕН. Мне казалось, что после того, как католическая пресса была запрещена и почти полностью прекратила свое существование, я должен был сделать что-нибудь для того, чтобы продолжать общественную дискуссию по этим вопросам, по вопросам борьбы с враждебными церкви тенденциями. Я неоднократно говорил по этому вопросу с епископом доктором Гудаль, выдающимся церковником в Риме. Моя защита представит Суду книгу этого епископа, которую он написал в 1936 году. Эта книга, наряду с моей резкой критикой антицерковных тенденций, содержит также и об"ективную оценку положительных социальных идей национал-социализма. Поэтому это особенно интересно в связи с тем, что в 1936 году эта высокая церковная инстанция предприняла попытку установить контакт между здоровой доктриной национал-социализма и идеями христианства.

КУБУШОК. В каком отношении Вы считаете эту книгу важной, учитывая пред"явленное Вам обвинение?

ПАПЕН. Я считаю эту книгу очень важной по следующим причинам: Обвинение очень облегчило свою задачу: имея в виду преступный конец национал-социализма, оно всю вину сваливает на первые годы развития движения, и на всех людей, которые, руководствуясь честными намерениями, пытались придать прогрессивный и творческий характер этому движению, обвинение наклеивает ярлык преступника. И вот в 1936 году человек, облеченный высоким духовным саном, подымает свой голос, пытаясь по собственной инициативе исправить создавшееся положение. Сегодня мы знаем, что

13626

H1207 – 0040

H1207 – 0041

эта цель не была достигнута и что мир превратился в груды развалин. Но разве это дает право обвинять в преступлении миллионы людей, только потому, что они пытались достичь в то время чего-то хорошего?

КУБУШОК. В этой связи я ссылаюсь на документ № 36 на стр.116, на выдержки из упомянутой книги епископа Гудаль и прошу Суд приобщить к делу этот документ. В связи с затронутыми сейчас свидетелем вопросами о изгнании лиц, облеченных высоким духовным саном, по вопросу синтеза христианских и национал-социалистских идей, я ссылаюсь на документ № 50, стр.135. Это воззвание австрийских епископов, которое по их поручению было составлено кардиналом Иннице-ром. Книга Гудаля, г-н свидетель, имела своей целью побудить Гитлера изменить избранный им путь.

Как принял Гитлер издание этой книги?

ПАПЕН. Сначала мне казалось, что на Гитлера эта книга произвела очень большое впечатление, но антихристианские тенденции окружавших его людей снова взяли верх и убедили его в том, что очень опасно допустить в Германии издание такой книги. Книга была напечатана в Австрии и поэтому на издание ее в Германии должно было быть получено разрешение. Единственное, чего я мог добиться, было разрешение напечатать всего 2.000 экземпляров, которые он хотел распределить среди руководящих лиц партии для изучения изложенных там вопросов.

КУБУШОК. Установили ли Вы, что внешняя политика германской империи проводилась в последующие годы в духе опубликованных при формировании этого правительства директив?

ПАПЕН. Да, во время моего пребывания в правительстве она проводилась целиком и полностью в духе этих директив

Я напомню о дружественном пакте с Польшей, который был заключен в то время и который являлся серьезным шагом на пути к миру; он был заключен Гитлером, хотя и был очень непопулярным в связи с вопросом о корридоре. Затем я напоминаю о пакте 4-х держав, который был заключен летом 1933 г. Он подкрепил договоры, заключенные в Локарно и пакт Келлога. Я хотел бы напомнить о визите господина Идена в январе 1934 года, во время которого мы сделали предложения о демилитаризации СА и СС. Таким путем мы ~~по~~пытались мирным путем освободить Германию от дискриминации. По моему мнению катастрофической ошибкой великих держав было то, что на этой стадии развития они не пошли навстречу Германии и тем самым подавили существовавшие радикальные тенденции.

КУБУШОК. 14 октября 1933 года Германия ушла с конференции по разоружению. Было ли это отходом от проводившейся Вами до тех пор политики, о которой Вы только что говорили?

ПАПЕН. Уход с конференции по разоружению не означал того, что мы отказались в принципе от своей прежней политической линии. Уход с конференции по разоружению последовал по той причине, что обещанное и предоставленное нам равноправие 11 декабря 1932 года было вновь отнято.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок, скажите мне, пожалуйста, действительно ли подсудимый говорит о том, что принципы, принятые в 1933 году содержатся в каком-то документе?

КУБУШОК. Имеется заявление имперского правительства от 1 февраля 1933 года. В этом правительственном заявлении изложены новые основные принципы политики нового кабинета. Документом к ним служит заявление правительства от 23 марта 1933 года. Это заявление было опубликовано тогда по случаю

13628

H1207 – 0042

H1207 – 0043

издания закона о чрезвычайных полномочиях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не можете ли Вы назвать документ, на который Вы сослались вначале?

КУБУШОК Господин председатель, я сообщу Вам о нем после перерыва.

(Обращаясь к свидетелю). Каковы были причины для выхода Германии из Лиги Наций и каково было Ваше отношение к этому?

ПАПЕН. Выход из Лиги Наций представлял собою вопрос, к которому можно было относиться по-разному. Я сам был за то, чтобы Германия оставалась в Лиге Наций. Я помню, что накануне того дня, когда Гитлер решил сделать этот шаг, я лично отправился в Мюнхен, чтобы побудить Гитлера остаться в Лиге Наций. Я был того мнения, что для нас было бы намного выгоднее оставаться в Лиге Наций, поскольку мы имели там многочисленных связей еще со времен Штреземана. Тем не менее, если бы Германия вышла из Лиги Наций, то это был бы, может быть, своего рода тактический прием, поскольку в таком случае мы могли бы надеяться, что прямые переговоры с главными державами окажутся более действенными.

Из беседы г-на фон Нейрата с послом Буллитом ясно видно... это документ Л-150... г-н фон Нейрат говорит там о том, что Германия предложила создать реорганизованную Лигу Наций, в которую она бы вновь вступила.

КУБУШОК. Я ссылаюсь в этой связи на документ 93. Это опросный лист д-ра Лерзнера. В вопросе 5-м свидетель дает показания относительно поездки фон Папена в Мюнхен. Это

– на стр.213.

Господин председатель, поскольку этот вопрос займет довольно много времени, я попросил бы сейчас об"явить перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, сейчас мы сделаем перерыв.

(Трибунал об"являет перерив до 2-х часов)

13630

H1207 – 0044

H1207 – 0045

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА от 17/VI-46г.

(Вечернее заседание)

Встать, Суд идет!

КУБУЁК. Перед этим меня спросили о документах, относительно заявления правительства от 1 марта 1933 г. и от 23 марта 1933 г. Выдержки из заявления правительства от 1 марта 1933 г. содержатся в документе № 12 стр.88. Это совсем небольшая выдержка. Заявление от 23/III-1933 г. находится в книге документов - документ № 12, страницы 56-58, тоже в виде отдельных выдержек. Под номером США-668 это заявление было представлено полностью. (Продолжение допроса подсудимого Франца фон Папена).

2 ноября 1933 г. Вы в речи в Эссене перед предстоящим народным плебисцитом говорили относительно выхода из Лиги Наций и одобрили политику правительства. Обвинение на основании этой речи сделало неблагоприятное для Вас заключение. Какие причины побудили Вас тогда произнести эту речь?

ПАПЕН. Выход из Лиги Наций был очень важным внешнеполитическим решением. Мы хотели подчеркнуть всему миру, что этот выход не представляет собой изменений в наших внешнеполитических методах. Поэтому Гинденбург и Гитлер в своих открытых воззваниях подчеркнули, что немецкий народ во время плебисцита должен решить вопрос о том, что выход из Лиги Наций должен служить только и исключительно только миру и равноправию.

КУБУЁК. Я сослался на документ № 60, страницы 170, 61 и 62, страницы 147-152 книги документов. Это - заявление

Гитлера имперскому правительству и Гинденбургу. Содержание всего этого заявления заключается в изменении методов, а не в изменении целевой установки. Вы тогда были имперским комиссаром по включению Саарской области. Какую политику Вы преследовали в решении Саарского вопроса?

ПАнеП. В Саарском вопросе я всегда действовал в духе дружественного соглашения с Францией, причем в том духе, что Саарская проблема должна быть урегулирована без плебисцита. Отказ от этого плебисцита не был задуман как нечто эгоистическое, ибо этот плебисцит был обеспечен для Германии в любое время. Мое предложение было охотно принесенной жертвой ради соглашения и одновременно я тогда сделал предложение о том, чтобы за возвращение саарских шахт Франция получила бы возмещение в 900 млн. франков. Разрешите также упомянуть, что и после выхода из Лиги Наций мой уполномоченный по Саарскому вопросу, барон фон Лерснер, постоянно вел переговоры с органами Лиги Наций о Саарской области в духе дружественного соглашения. Летом 1934 г. мой уполномоченный беседовал по этому вопросу с французским министром иностранных дел Барту.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ № 59, страница 145. В этом документе находится публичное заявление свидетеля о его отношении к Саарскому вопросу. Барон фон Лерснер в своем опросном листе (документ № 93, стр.212, в вопросе третьем) высказался по этому вопросу. Существовали ли какие-либо признаки того, что после выхода из Лиги Наций это общая мирная внешняя политика была лишь целесообразной политикой, обусловленной некоторым периодом времени, и что в будущем предполагалась агрессивная политика?

H1207 – 0046

H1207 – 0047

ПАПЕН. Ни в коем случае. Выход из Лиги Наций был для нас лишь изменением методов, в то время мы вели непосредственные переговоры с великими державами. То, что мы проводили политику мира, я лично подчеркивал во многих публичных заявлениях. Разрешите в этой связи сослаться на документ № 56, который будет предъявлен моим защитником.

КУБУШОК. Документ № 56, стр.44 - содержит речь свидетеля в Котбусе от 21 января 1934 г. Я прошу принять этот документ.

Знали ли Вы о каких-либо мерах по вооружению, которые бы могли навести на мысль, что в будущем будет проводиться агрессивная политика?

ПАПЕН. Мне кажется, что в ходе процесса этим Высоким Судом было установлено, что вооружение, собственно, началось значительно позже. Если Гитлер, действительно, в 1933 или в 1934 г.г. принял меры по вооружению, это это были меры, которые он обсуждал с военным министром или министром воздушного флота. Я, во всяком случае, никогда не занимался такими вопросами. Впрочем здесь было уже установлено, что этот часто упоминаемый имперский комитет обороны в 1933 г. и в 1934 г. был лишь комитетом референтов под руководством одного подполковника.

КУБУШОК. Вы ранее говорили о мерах охраны, которые во время формирования правительства Гитлера были приняты для того, чтобы ослабить влияние партии. Какова была позиция Гитлера и влияние НСДАП в 1933 и в начале 1934 г.г.?

ПАПЕН. Постепенно между Гитлером и Гинденбургом установилось отношение доверия. Это повело к отмене общих докладов. Одним из решающих факторов этого развития было влияние Гитлера на имперского министра обороны Бломберга.

Уже тогда, в 1933 году, Гитлер пытался добиться решающего влияния в армии. Он хотел удаления тогдашнего генерала фон Гамерштейна и добивался, чтобы его заменили генералом Рейхенау, который считался сторонником партии.

Тогда я побудил имперского президента не выполнять этих пожеланий Гитлера и рекомендовал ему назначить генерала фон Фрича.

Дальнейшей причиной этого развития было включение союза "Стальной шлем", то-есть группы консервативных правых в СА при НСДАП. Затем появились новые члены кабинета, которые были членами партии Гугенберга, руководитель консервативных правых вышел в отставку и оба важнейшие министерства, которыми он руководил(министерство экономики и министерство сельского хозяйства), были заняты национал-социалистами.

Решающее психологическое влияние, как я уже сказал, оказали результаты выборов 5 марта. Теперь во всех правительствах федеральных земель в большинстве случаев сидели национал-социалисты и оттуда оказывалось постоянное давление на Гитлера. Гитлер опирался теперь на силу партии и во все увеличивающемся об"еме, он из человека, готового пойти на компромисс, превратился в автократа, который не желал заключать компромиссов.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на аффидевит бывшего министра Гугенберга,- документ 88, страницы 196-198 книги документов.

Далее, я ссылаюсь на документ № 13, страницы 59-61 книги документов,- аффидевит доктора Конрада Иостена. Что имелось собственно в виду назначением Вас на должность вице-канцлера?

13634

H1207 - 0048

H1207 – 0049

ПАПЕН. Моя должность вице-канцлера, была задумана как должность заместителя рейхсканцлера, однако, без всякого ведомства. Вскоре, однако, выяснилось, что о заместителе не приходилось и думать, так как Гитлер сам разрабатывал все вопросы. Тот факт, что у меня не было никакого ведомства, ослабляло мою позицию, так как эта позиция основывалась лишь на доверии Гинденбурга, которое уменьшалось в той мере, в какой усиливалась позиция Гитлера.

КУБУШОК. На что опирался Гитлер в кабинете с точки зрения конституции?

ПАПЕН. Конституционное положение рейхсканцлера в кабинете было установлено 56-й статьей имперской конституции, в которой сказано: "Имперский канцлер устанавливает основные линии политики и несет за это ответственность перед рейхстагом. Если политика отдельного министра не соответствует этим директивам рейхсканцлера, то по этому вопросу вносит решение не кабинет большинством голосов, а один рейхсканцлер. А 58 статья конституции гласит: "Кабинет не имеет права отменять решения рейхсканцлера, связанные с возражениями, выдвинутыми против его политики".

КУБУШОК. По этому вопросу, который ранее, во время пред"явления доказательств, был неправильно рассмотрен с правовой точки зрения, я ссылаюсь на комментарий к веймарской конституции Герхарда Аншютца. Это—документ 22, страницы 80 и 81 книги документов. Я, ссылаюсь на страницу 81, на примечание 4-е к статье 56-й. В этом примечании ясно сказано, что при разногласиях относительно применения принципов политики вопрос решает исключительно рейхсканцлер и что в этих принципиальных вопросах не может быть проведено никакого

голосования и решения большинством голосов.

Какие выводы Вы надеялись сделать на основе этого развития?

ПАПЕН. В середине 1934 г. внутреннее напряжение в Германии усиливалось во все возрастающей степени. Создалось положение, что уступки, на которые мы (наши) как участники коалиции, не могли привести к окончательному внутреннему умиротворению, что партия рассматривала их лишь как начало нового революционного движения. Это был совершенно очевидный отход от коалиционного пакта, который был заключен 30 января. Мои неоднократные возражения в кабинете остались безуспешными. Если не имелось возможности, вынудить рейхсканцлера в кабинете изменить свою политику. Это мы изложили с точки зрения конституционного положения, - то для меня оставался единственный лишь выход - отставка или выступление перед общественностью. Если бы я ушел в отставку, то я бы больше не мог говорить. Поэтому я решился говорить сейчас, говорить публично, и я решил обратиться по этому принципиальному вопросу к германскому народу. Если я, как это утверждает Обвинение, был бы только оппортунистом, то я бы молчал и оставался на своем посту или же принял какой-либо другой пост. Но я теперь решил обратиться к общественности, учитывая все последствия, которые из этого вытекают.

КУБУШОК. 17.6.1934 года Вы произнесли в Марбурге эту речь. Что Вы надеялись достичь этой речью?

ПАПЕН. В этой речи я поставил на обсуждение и на решение Гитлера все эти вопросы, которые были направлены на проведение разумной политики в Германии. Я в этой речи выступал против притязаний определенной группы или партии на революционную или национальную монополию. Я выступал против

13636

H1207 – 0050

H1207 – 0051

принуждения и угнетения других. Я выступал против антихристианских стремлений и притязаний на целостность в области религии. Я выступал против подавления и униформирования мысли. Я выступал против подавления всякой критики. Я выступал против нарушения фундаментальных принципов права и против неравноправия перед судом. Я выступал также против раболепства, практиковавшегося в партии. Мне было совершенно ясно, что если бы удалось хотя бы в одном пункте прорвать кольцо этой системы, которая была базой нацистской системы, то тогда мы могли бы привести в порядок эту систему. Например, можно было бы восстановить критику и восстановить свободу мысли.

КУБУШОК. Речь, значение которой подчеркнуло и Обвинение, содержится в документе № 11, страница 40. Я хотел бы сначала указать на то, что в английском тексте имеется описка. Речь датирована не 7 июля, как это указано в переводе, а 17 июня. Вследствие принципиального значения этой речи, которая по своей критике является единичным случаем в германской истории с 1933 года, я зачту отдельные части этой речи, я ссылаюсь на страницу 41 и начинаю приблизительно с середины страницы:

"Мы знаем, что молва и слухи из темноты, в которой они скрываются, должны быть извлечены на свет. Открытое заявление мужчины приносит немецкому народу больше пользы, чем, например, безудержная болтовня прессы, относительно которой господин министр народного образования и пропаганды высказался, что она не имеет больше лица. Этот недостаток несомненно существует. Печать должна существовать для того, чтобы

осведомлять правительство о том, где скриваются недостатки, где гнездится подкуп, где совершаются серьезные ошибки, где находятся люди не на своем посту, где совершаются прегрешения против духа германской революции. Анонимная или тайная служба информации как бы хорошо она не была организована, никогда не могла бы заменить прессу. Редактор облечен законной ответственностью, анонимные же поставщики сведений не могут быть подвержены контролю и возникает опасность раболепства. Если же призванные для этого органы общественного мнения недостаточно освещают эту таинственную темноту, которая распространяется среди народа, то государственный деятель должен сам вмешаться в это и назвать вещи своими именами".

На странице 42-й, приблизительно немного выше середины страницы говорится: "Историческая правда заключается в том, чтобы необходимость принципиального изменения курса была признана и проводилась даже такими людьми, которые боятся пути поворота, произведенного массовой партией.

Притязания на революционную или национальную монополию определенной группы кажутся мне поэтому, преувеличенными, не говоря уже о том, что они подрывают единство народа.

Страница 43-я, одно предложение приблизительно на середине страницы: "Но всякая жизнь может быть организована, так как иначе ее механизируют. Государство есть организация, жизнь есть рост".

Страница 45, приблизительно немного ниже середины этой страницы: "Подавляющее влияние одной партии вместо существования нескольких партий, кажется мне, с точки зрения исторической, переходящим моментом, который только до тех пор

13638

H1207 – 0052

H1207 – 0053

имеет основание, пока этого требует безопасность поворота и пока не будут произведены новые выборы лиц". Относительно религиозного вопроса свидетель высказывается в своей речи на странице 46, приблизительно в середине:

"Однако религиозное государство, которое опирается на живую веру в Бога, не следует путать с светским государством, в котором преходящие ценности заменяют веру в потусторонний мир."

Приблизительно, пятой строчкой ниже:

"Несомненно внешнее уважение к исповедованию религии является прогрессом по сравнению с полным отсутствием уважения к религии, которое проявил вырождающийся рационализм. Однако мы не можем забывать, что действительной религией является связь с Богом, а не теми заменителями, которые посеяны в сознании народов материалистическим подходом к истории какого-нибудь Карла Маркса. Итак, если широкие круги, стоящие на точке зрения тотального государства и полного слияния народа требуют единых религиозных основ, то они не должны забывать что мы должны считать себя счастливыми, имея такие основы в христианстве".

И затем три последние строчки на этой странице:

"Я убежден, что христианское учение представляет собой по меньшей мере религиозную форму всего мышления Запада и что с пробуждением религиозных сил произойдет новое проникновение христианских благ в германский народ, глубину которых вряд ли может вообразить себе человечество, прошедшее через 19-й век. За решение того, - будет ли новая германская империя христианской или она потеряется в

сектанстве и полурелигиозном материализме - будет итти тяжелая борьба".

На странице 48, приблизительно, несколько выше середины страницы:

"Однако, если революция произошла, то правительство представляет собой весь народ, оно никогда не является экспонентом отдельных групп".

Дальше, внизу, приблизительно 10 последних строчек:

"Поэтому речь идет не о том, чтобы характеризовать дух только штампованным словом "интеллектуальность". Недостаточный или примитивный интеллект не дает права бороться против интеллектуальности. Если сейчас мы иногда жалуемся на 150-процентных национал-социалистов - это такие беспочвенные интеллигенты, которые хотят оспаривать существование ученых с мировым именем, так как у них нет партийных книжек".

Следующая страница 49, вверху, первая строчка:

"Нельзя возражать, что у людей умственного труда нехватает жизненности, без которой нельзя руководить народом. Великий ум настолько жизнеспособен, что он жертвует собой ради своего убеждения. Смешивание понятий жизненность и грубость было бы покорением насилию, которое опасно для народа".

О тождественности судей он говорит в следующем абзаце, из которого я хочу зачитать последнюю строчку:

"Они выступают против равноправия перед судом, которое клеймится как либеральное вырождение, когда оно в действительности является предпосылкой для всякого справедливого приговора. Эти люди разрушают великий фундамент государства, который во все времена (не только во времена либеральные)

13640

H1207 - 0054

H1207 – 0055

назывался справедливостью. Их нападки были направлены на безопасность и свободу личной жизненной сферы, которые завоевал себе немецкий народ в тяжелых боях, ведшихся на протяжении тысячелетий. Против раболепства он высказывается в следующем абзаце, во 2-м предложении:

"Великие люди не делаются пропагандой, они вырастают благодаря своим действиям и признаются историей. И раболепство не может нарушать эти законы!

О воспитании речь идет в следующем абзаце, который я начну зачитывать со второго предложения:

"Мы не должны обманывать себя биологическими и психологическими границами воспитания. Принуждение также кончается волей самоутверждения подлинной личности. Реакция на принуждение - опасна. Как старый солдат я знаю, что самая строгая дисциплина должна дополняться известными свободами. И хороший солдат, с радостью подчинявшийся безоговорочному повиновению, высчитывал дни своей службы, так как потребность свободы коренится в самой природе человека. Поэтому применение военной дисциплины во всей жизни народа должно держаться в границах, не противоречащих человеческой природе".

Со следующей страницы 50 я зачитаю из последнего абзаца второе предложение:

"Движение когда-либо должно кончиться. Когда-либо должно быть создано твердое социальное целое, которое должно быть связано соблюдением прав и неоспоримой государственной властью. Нельзя ничего строить на вечной динамике. Германия не может явиться движением в неизвестность, о ко-

тором никто не знает, когда оно приостановится".

Со следующей страницы я в качестве последней цитаты зачитаю первый абзац:

"Правительству хорошо известно о личной выгоде, безхарактерности, неискренности и самомнении, которые хотели бы распространиться под личиной германской революции.

Оно не обманывает себя и тем, что драгоценное сокровище доверия, оказываемое ему немецким народом находится под угрозой. Если хотят близости и спаянности народа, то нельзя недооценивать народный ум, нужно отвечать доверием на его доверие и не быть всегда только его опекуном. Германский народ сознает серьезность своего положения, он чувствует экономическую нужду, он хорошо понимает недостатки некоторых рожденных нуждой законов. У него очень тонкий слух для распознания неправедливости и насилия, он смеется над неуклюжими попытками обмануть его красивыми словами. Ни одна организация и ни одна хорошо организованная пропаганда не могла бы одна сохранить на продолжительное время доверие. Поэтому я воспринял пропаганду против так называемых политиканов несколько иначе, чем это восприняли некоторые другие. Ни подстрекательства, в частности молодежи, ни угрозы беспомощным слоям населения, а только полное доверие и договоренность с народом могут поднять уверенность и готовность к борьбе. Народ знает, что от него ждут тяжелых жертв. Он вынесет их, он пойдет за фюрером с непоколебимой верой, если ему помочь советом и делом, если только каждое слово критики не будет истолковываться как злой умысел и если отчаявшихся патриотов не будут клеймить, как врагов государства".

13642

H1207 – 0056

H1207 – 0057

Господин свидетель, какое влияние было оказано марбургской речью?

ПАПЕН. Эта речь в Марбурге была запрещена по приказанию министра пропаганды Геббельса. Лишь одна или две газеты смогли передать ее содержание, но этого было достаточно, чтобы привлечь внимание самой Германии и заграницы. Когда я узнал о запрете министра пропаганды, я отправился к имперскому канцлеру и просил его о своей отставке. Я сказал ему: "Это совершенно невозможно, чтобы вице-канцлеру Вашего правительства было запрещено произносить речи. Мне больше ничего не остается, как уйти". На это Гитлер сказал мне: „Это ошибка министра пропаганды, я поговорю с ним и запрет будет отменен." Таким образом, он удерживал меня на моем посту еще несколько дней. Сегодня я знаю, что он уже тогда лгал мне, так как подсудимый Функ показал, что он получил от Гитлера поручение отправиться к Гинденбургу, чтобы доложить ему о том, что вице-канцлер выступал против политики кабинета и Гитлера, и что он должен быть смещен с этого поста. Если свидетель Гизевиус показал здесь, что господин фон Папен молчал и что он, по крайней мере, мог бы мобилизовать дипломатов, то разрешите мне указать на то, что из дневника г-на Додда становится совершенно ясно, что внешний мир точно был информирован об этом моем последнем выступлении.

КУБУШОК. Я указываю относительно последнего замечания свидетеля на документ № 17, страницы 71-72 в дневнике Додда. Прошу прощенья, в английском тексте это страницы 69-70. Я цитирую, начиная со второго абзаца, первую строку: "Во всей Германии теперь царит большое возбуждение".

(Ранее упоминается о речи в Марбурге). "Все пожилые образованные немцы чрезвычайно обрадованы"

В записи от 21 июня он сообщает, что речь была передана по телефону в редакцию "Нью-Йорк Таймс" и что газеты в Лондоне и в Париже помещают "Инцидент с Папеном", как он/ называет в своем дневнике речь в Марбурге, на самых видных местах. В этой связи я ссылаюсь на начало 72-й страницы, в английском тексте это стр.70.

Относительно мер правительства, предпринятых против марбургской речи и ее распространения, я ссылаюсь на документ № 15, страница 66, - это заявление под присягой фон Вестфалена, из которого следует, что лишь обладание копией речи было достаточным для того, чтобы на кого-либо из чиновников было наложено дисциплинарное взыскание.

Господин свидетель, затем наступили события 30 июня 1934 года. В какой степени Вы были затронуты этими событиями?

ПАПЕН. 30 июня утром ко мне позвонил по телефону министр Геринг и попросил меня придти к нему для одного разговора. Я отправился к Герингу. Он заявил мне, что в империи началась революция, революция в СА, что Гитлер находится в Мюнхене, чтобы подавить там восстание и что ему, Герингу, дано поручение восстановить в Берлине спокойствие и порядок. Господин Геринг просил меня в интересах моей собственной безопасности, как он сказал, отправиться в свою квартиру и оставаться там. Я очень энергично протестовал против этого требования, однако, господин Геринг настоял на своем. По пути домой я сперва отправился в свое бюро, в здание имперской канцелярии. Когда я туда прибыл, я нашел это здание занятым СС и мне было лишь разрешено отправиться в мой

H1207-0058

H1207 - 0059

собственный кабинет, чтобы взять с собой свои документы. Затем я поехал домой. Там я нашел крупный отряд СС. Телефон был раз"единен, радио выключено и я был изолирован от всякого соприкосновения с внешним миром на три дня.

КУБУШОК. Какие меры были приняты против Ваших сотрудников?

ПАЛЕН. О мерах, которые были приняты против моих сотрудников, я, конечно, узнал лишь 3 июля, после того, как я снова получил свободу. Я узнал, что мой референт по делам прессы, господин фон Бозе, был застрелен в своем бюро. Я узнал, что два моих секретаря - господин фон Чирский, а также другой секретарь, были заключены в концлагери; через несколько дней я узнал о смерти моего друга и сотрудника господина Эдгара Юнга.

КУБУШОК! Пытались ли Вы информировать об этом имперского президента?

ПАЛЕН. На третий день моего заключения мне, наконец, удалось установить телефонную связь с Герингом. Я потребовал, чтобы мне тотчас же предоставили свободу. Господин Геринг извинился и сказал, что эта ошибка, что я столь долго нахожусь в заключении. Затем я немедленно отправился в имперскую канцелярию. Там я встретил Гитлера, который намеревался как раз начать заседание кабинета. Я просил его выйти в другую комнату для разговора и отказался последовать его желанию присутствовать на заседании кабинета. Я сказал ему: "То, что случилось с членом Вашего правительства настолько невероятно и неслыханно, что я могу дать на это лишь один ответ: повторение своего ходатайства об отставке и причем немедленно".

Господин Гитлер пытался уговорить меня остаться. Он сказал: "В кабинете, а позже в рейхстаге, я Вам об"ясню, как все это получилось и почему это должно было произойти". Я сказал ему: "Господин Гитлер, нет никакого об"яснения и никакого извинения этим действиям. Я требую, чтобы в отношении того, что произошло с моими сотрудниками, было начато немедленное следствие и были установлены факты". Я потребовал от него немедленного опубликования сообщения о моей отставке. Господин Гитлер после того, как он увидел, что я вовсе не намерен остаться в правительстве, сказал, что он не может опубликовать сообщение о моей отставке, так как возбуждение в немецком народе слишком велико. Сообщение о моей отставке он может опубликовать лишь через три-четыре недели.

Когда я ушел от Гитлера, я попытался лично и через одного из моих секретарей установить связь с Гинденбургом. Это не удалось. Мой секретарь установил, - я должен добавить, что господин фон Гинденбург находился в то время в Нейдеке, в Восточной Пруссии, - мой секретарь, который отправился в Восточную Пруссию, установил, что ~~[illegible]~~ добраться до Гинденбурга невозможно. Кругом были заграждения. Мои личные телефонные звонки были безуспешны. Я отправился к моему другу, командующему сухопутными силами, генералу фон Фричу и сказал ему: "Почему не вмешиваются вооруженные силы? Вооруженные силы - единственный фактор порядка, который остался у нас в стране. После того, как были убиты генерал фон Шлейхер, его жена и другие офицеры, по моему мнению, было бы необходимо, чтобы сами вооруженные силы восстановили порядок". Господин фон Фрич сказал мне: "Я могу действовать лишь в том случае,

13646

H1207 - 0060

H1207 – 0061

если я получу приказ от фельдмаршала фон Гинденбурга". Однако к Гинденбургу мы не могли пробиться. Очевидно, он с другой стороны был проинформирован о полной легальности событий, о которых Гитлер заявил в рейхстаге, что они были совершены с полным правом. Я не присутствовал на этом заседании рейхстага, как это утверждает свидетель Гизевиус. Я между 30 июня и моим назначением в Австрию не принимал участия ни в одном мероприятии правительства. Разрешите еще упомянуть, что я в эти дни просил имперского канцлера о выдаче трупа моего друга Бозе. Известно, что гестапо сожгла трупы других. Мне удалось получить труп Бозе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы об"явим перерыв.

(Перерыв на 10 минут).

Встать! Суд идет!

МАРШАЛ СУДА. Господа судьи, подсудимый Гесс отсутствует на вечернем заседании суда.

КУБУШОК. Пожалуйста, продолжайте, Вы как раз отвечали на последний вопрос.

ПАПЕН. Я бы хотел в заключение еще заметить, что мне удалось добиться надлежащего, торжественного погребения останков моего друга Бозе и что я при этом у его могилы произнес речь, в которой подчеркнул, что однажды справедливость, ставшая причиной этого убийства, снова восторжествует.

КУБУШОК. Я в этой связи ссылаюсь на документ № 14, на страницах 62-63, аффидевит Марии Розе - личного секретаря свидетеля. На странице 63-й она упоминает как раз о погребении Бозе.

Далее я ссылаюсь на документ № 19, на страницах 77-78.

Это-аффидевит Шафгоча, который детально описывает, как сорвались попытки свидетеля попасть в Нейдек, к Гинденбургу.

Последний документ, на котором я остановился, был документ № 19, на страницах 77-78. Господин свидетель, тогда Вам предлагали пост посла в Ватикане. Пожалуйста, расскажите подробнее об обстоятельствах при которых было сделано это предложение.

ПАПЕН. Правильно, что Гитлер пытался втянуть меня в круг своих приверженцев и что он, примерно, через восемь дней после описанных событий прислал ко мне статс-секретаря Ламмерса, чтобы тот спросил меня, готов ли я принять пост посла в Ватикане. Я, естественно, отказался от этого предложения и упоминаю об этом здесь лишь потому, что через несколько недель я принял пост посла в Вене, исходя из совсем других соображений и чтобы доказать, что я не придавал никакого значения получению какой-либо должности. Я тогда самым резким образом отклонил это предложение Гитлера.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ № 18, страницы 75-76 книги документов. Это - аффидевит Марты фон Папен, жены свидетеля, которая описывает этот визит Ламмерса. Далее я ссылаюсь на...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В моей книге документов это находится на страницах 74 до 79.

КУБУШОК. Да, правильно. В различных текстах страницы различные. В немецком и французском тексте это страницы 75, 76.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но у меня нет 75, 76, 77 и 78 страниц.

КУБУШОК. У Вас нет этих страниц? Я внесу их в книгу

13648

H1207 - 0062

H1207 – 0063

документов, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

КУБУШОК. В английской книге документов это на стр.73 и 74.

По поводу вопросов, на которых до этого останавливался свидетель, относительно его неучастия в заседании рейхстага от 13 июля, я сослался на документ 21 на странице 79. Это выдержка из газеты "Фелькишер Беобахтер" относительно этого заседания Рейхстага. Здесь указываются фамилии министров, присутствовавших на заседании и фамилии свидетеля Папена здесь нет.

Когда Гитлер сделал Вам предложение поехать в качестве чрезвычайного посла в Вену?

ПАПЕН. В день убийства Дольфуса, 25 июля 1934 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Можете ли Вы напомнить мне, доктор Кубушок, были ли поставлены какие-либо вопросы свидетелю Ламмерсу в связи с этим предложением?

КУБУШОК. Да. Да, свидетелю Ламмерсу был задан один вопрос. Во время допроса свидетеля Ламмерса его спрашивали об этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И что он ответил?

КУБУШОК. Он сказал, что Папен отклонил это предложение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте.

ПАПЕН. 25 июля в день убийства Дольфуса ночью мне позвонил по телефону Гитлер. Он предложил мне немедленно поехать в качестве посла в Вену. Я ответил ему: "Как Вам могла притти в голову эта странная идея?". Он информировал меня об убийстве Дольфуса, о чем я до этого момента еще не знал, и сказал: "Совершенно необходимо, чтобы немедленно

кто-либо взял на себя ведение дел, и я хотел бы, чтобы этот был человек, который был бы знаком с обстановкой".

Я возразил, что по телефону я не могу принять решения по этому поводу. В ответ на это он попросил меня немедленно отправиться для переговоров в Байрет.

КУБУШОК. Как проходили переговори в Байрете? Вы поставили какие-либо условия для принятия этого предложения?

ПАПЕН. Переговоры в Байрете протекали таким образом, что Гитлер заявил мне, что я являюсь единственно подходящим лицом для того, чтобы восстановить положение в Австрии, так как Гитлер знал о моем отношении к этой проблеме на основании многочисленных протестов, которые я заявлял в кабинете министров в связи с отношением к Австрии. Он знал, также, что я был другом убитого доктора Дольфуса и что я был знаком с господином фон Шушнигом.

Я поставил свои условия, и эти условия заключались в следующем: немедленный отзыв гаулейтера партии, который по распоряжению Гитлера находился в Австрии. Это был господин Габихт. Гитлер придерживался мнения, что если бы он это сделал, то это означало бы признание его вины.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой гаулейтер?

ПАПЕН. Габихт?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне показалось, что Вы сказали будто это его фамилия. Я хотел бы знать, в каком гау он был гаулейтером?

КУБУШОК. Он был ландесляйтер?

ПАПЕН. "Гаулейтер", может быть, неправильное обозначение. Он был послан Гитлером в Австрию для того, чтобы там быть его посредником и оказывать влияние на дела австрийских

H1207 – 0064

H1207 – 0065

национал-социалистов.

КУБУШОК. Господин свидетель, может быть, Вы имеете в виду, что его титул был "ландеслейтер", который соответствует титулу "гаулейтер" в Германии?

ПАПЕН. Он был ландслейтером – это был титул для тех людей, которые руководили партийными организациями за границей. Гитлер возразил, что если он отзовет этого человека, то это будет выглядеть как признание его виновности в совершении убийства Дольфуса. Я ответил ему: в виновности германской партии или ее органов так или иначе убежден весь мир и для меня важно лишь то, чтобы с настоящего момента прекратить эти связи. Я далее требовал письменного заверения Гитлера относительно того, что будущая германо-австрийская политика, то, что в общем вульгарно называлось политикой аншлюсса, будет исключительно ориентироваться на эволюционное развитие. Это означает отказ от всяких насильственных актов и агрессии.

Гитлер согласился как на немедленный отзыв Габихта, так и на второе требование, – т.е. дачу письменного заверения. И, наконец, я заявил о своем согласии провести акцию умиротворения в Австрии, однако, со сроком ее до восстановления нормальных, дружественных отношений.

Из этого вытекало, что мой титул в Австрии был расширен и я позже назывался "послом с особыми полномочиями".

КУБУШОК. Г-н свидетель, мы слышали о Вашем политическом разрыве с Гитлером после Марбургской речи, о Вашем выходе из кабинета и о том, как с Вами обращались 30-го июня. Теперь я попрошу Вас изложить причины, которые привели к тому, что

Вы приняли этот пост в Австрии, несмотря на описанные Вами события.

ПАПЕН. Это решение поехать в Австрию служит Обвинению поводом для особого упрека по отношению ко мне. Если хотят понять это решение, то необходимо знать историю Германии и необходимо знать, что австрийский вопрос был центральной проблемой германской политики вообще. Доктор Зейсс-Инкварт очень подробно говорил по этому вопросу. Поэтому я могу сказать весьма кратко, и мне необходимо лишь добавить, что также и с немецкой стороны достижение единства германского народа, за которое мы боролись в течение трех веков, являлось самой важной и самой значительной целью нашей национальной политики вообще. Тогда 30 июня коалиция, которую я основал 30 января, потерпела катастрофу. С исторической точки зрения установлено, что мне не удалось достичь моей цели в отношении внутренней политики. Теперь после убийства Дольфуса возникла опасность, что Германия также и в этом большом внешне-политическом вопросе желаемого единства, не достигнет никакого успеха.

Обо всем этом я размышлял, когда я взвешивал принятие этого очень тяжелого решения, должен ли я следовать желанию Гитлера. Если бы это был член партии, которого он послал туда, тогда было бы ясно, что все надежды потеряны. Если бы он послал дипломатического деятеля из министерства иностранных дел, то можно было бы предположить, что этот чиновник не будет иметь личного влияния на Гитлера. Таким образом, если необходимо было спасти положение, то нужно было найти такого человека, который был бы в состоянии оказывать влияние на

13652

H1207 – 0066

H1207 – 0067

Гитлера и который, как я, - был бы независим и имел бы собственную политическую линию. Сегодня так же, как и тогда, мне совершенно ясно, что многие из моих друзей не могли понять этого моего шага и что они рассматривали его как проявление моей бесхарактерности. Я придерживаюсь того мнения, что это является решением, за которое должен был каждый нести ответственность, не учитывая того - поймут его или не поймут, даже если бы это шло вразрез с его совестью. А моя совесть говорила мне, что я должен сделать все, чтобы по крайней мере в этом вопросе восстановить порядок.

КУБУШОК. В отношении общей темы относительно Австрии, я ссылаюсь на материалы, которые были пред"явлены ранее в связи с предшествующей темой.

В дополнение я хотел лишь указать на документ 64 на странице 157, на документ № 65 на странице 158 и на документ № 81 на странице 178. Последний документ был уже пред"явлен по делу Зейсс-Инкварта. В нем рассматривается отношение государственного канцлера доктора Реннера к вопросу об аншлюссе. Я хотел бы огласить лишь последние четыре строчки на странице 179-й:

"Как социал-демократ и как поборник права на самоопределение наций, как первый канцлер республики германской Австрии и как бывший председатель мирных делегаций в Сен-Жермене, я буду голосовать "за"!

Я огласил этот документ в настоящий момент, так как я хотел бы поддержать высказывание подсудимого, который назвал австрийский вопрос вопросом судьбы для обеих стран. Из этого лучше всего вытекает то, что руководящий государственный деятель доктор Реннер даже в весьма тяжелом

положении высказался за дружественные отношения между Австрией и Германией.

Господин свидетель, Гитлер 26 июля написал Вам письмо, в котором он сообщает Вам о Вашем назначении на пост чрезвычайного посла в Вене. Это письмо было упомянуто Обвинением. Чем Вы об"ясните содержание этого письма?

ПАПЕН. Содержание этого письма можно очень легко об"яснить. Если бы я должен был иметь шанс установить нормальные дружественные отношения, если бы я должен был иметь этот шанс занять определенную позицию по отношению к австрийскому правительству, то после событий 30 июня мне необходим был общественный вотум доверия. Гитлер должен был настоящим письмом удостоверить то, что моя задача состоит в умиротворении и что он хотел отступить в данном случае от своих террористических методов. Это сказано в письме. И если Обвинение утверждает, что это письмо является шедевром обмана, то я нахожу это совершенно непонятным.

КУБУШОК. Г-н Мессершмит утверждает в своем аффидевите ПС-2385, что Вы из Вены вели агрессивную политику по отношению к юго-восточным государствам Европы и цитирует в качестве Вашего личного высказывания в связи с его ответным визитом следующее:

"Юго-Восточная Европа до Турции представляет собой тыл в Германии и я назначен для того, чтобы осуществить задачу по включению этих стран в состав Германии. Австрия является первой страной в этой программе". Вы выступали с такого рода высказываниями?

ПАПЕН. Осенью 1934 г. я занял мой пост в Вене и одним из первых коллег, которого я увидел, был г-н Мессершмит. Я

H1207-0068

H1207 - 0069

никогда не получал поручения вести такую политику, как об этом говорит г-н Мессершмит в своем аффидевите, и я ничего не говорил в этом духе господину Мессершмиту.

КУБУШОК. Я ссылаюсь в этой связи на опросный лист, документ Хорти. Это-документ № 76 на страницах 172 и 173.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок, прежде чем Вы обратились к аффидевиту Мессершита, Вы, или подсудимый говорили о каком-то письме. Документ, который сейчас лежит перед нами есть то самое письмо?

КУБУШОК. Да, это письмо в свое время предъявило Обвинение. Это письмо относительно назначения подсудимого. Это — документ № 2799-ПС.

СЭР ДЭВИД МАКНЕЙЛ ФАЙФ. Милорд, если у Вас имеется британская книга документов, № 11, то это находится на 37-й странице.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю Вас.

КУБУШОК. Свидетель только что высказался относительно утверждения Мессершмита в этом аффидевите, документ ПС-2385. Тот же вопрос, а именно вопрос относительно ответного визита Мессершмита к Папену рассматривается в следующем аффидевите Мессершмита, документ ПС-1760. Я прошу обратить внимание на то, что текст высказывания относительно влияния Германии на юго-восточные государства Европы в этих двух аффидевитах Мессершмита весьма различен.

Как я уже говорил по вопросу, который я поставил перед этим, Мессершмит в документе 2385-ПС утверждает, что Папен сказал, что он призван для того, чтобы осуществить задачу включения стран юго-восточной Европы в Германию". В противовес этому в документе ПС-1760 сказано совершенно иное. Там

Мессершмит говорит, что Папен при этой встрече сказал, что он уполномочен осуществить то, чтобы все страны юго-восточной Европы до границы с Турцией рассматривались как естественный тыл Германии и чтобы осуществление германского экономического и хозяйственного контроля над всей этой областью было облегчено благодаря его деятельности. Таким образом, в первом аффидевите говорится о включении этих стран в состав Германии, а в другом - об облегчении хозяйственного и экономического контроля.

Я останавливаюсь на том высказывании, которое сделано во втором аффидевите ПС-1760 и спрашиваю свидетеля, - делал ли он подобное заявление о том, что именно вся южная часть Европы вплоть до границ Турции представляет собой германский тыл и что он призван для того, чтобы облегчить хозяйственный и экономический контроль Германии над этой областью. Вы делали подобное высказывание?

ПАПЕН. Я буквально заявил мистеру Мессершмиту ....

(К микрофону подходит представитель английского обвинения сэр Дэвид Максуэлл Файф).

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ (прерывая). Милорд, я не знаю, имеет ли смысл для Трибунала заслушивать ссылку на эти две выдержки. Выдержку 2385-ПС, милорд, Вы найдете в книге документов 11-А, во второй книге документов, на странице 24-й внизу. Ссылка в документе 1760-ПС в книге документов 11, стр.22, приблизительно на одной трети страницы.

ПАПЕН. Мое действительное замечание по отношению к г-ну Мессершмиту, возможно, не так уж далеко от последней цитаты, которую зачитал мой защитник, как это показывает разница между последними высказываниями в аффидевитах Мес-

H1207 - 0070

H1207 - 0071

сермита. Вполне возможно, что мы говорили по вопросу о юго-восточной Европе и также вполне вероятно, что я указал на то, что экономические и политические вопросы юго-восточного пространства, как для германской политики, так и для австрийской политики имеют особенно большое значение, так как распространение нашей торговли на Балканах являлось весьма законной целью. Я постоянно информировал Берлин обо всем, что я узнавал в Вене относительно политики стран юго-восточной Европы, так как это, естественно, входило в круг задач посла в Вене. Однако, кроме этого я во время всей моей деятельности в Вене не делал ничего, что в какой-либо степени могло бы соответствовать тому, о чем здесь утверждает Мессерсмит. В остальном я хотел бы сказать, что было бы весьма глупо и противоречило бы самым примитивным правилам дипломатии, если бы я во время первого же разговора с иностранным послом сделал бы ему такое открытие. Это было бы сенсационно и я безусловно мог бы быть уверен в том, что на следующий день об этом узнало бы австрийское правительство и весь мир.

КУБУШОК. Я ссылаюсь в связи с этим на опросный лист принца Эрбаха. Это документ за № 96 на стр.238-й. Эту тему разбирают вопроси 8 и 9. В английском тексте страница 232, в русском тексте стр.230.

ПАЛЕН. Может быть мне следует добавить, милорд, что Обвинение имеет все отчеты, которие относятся к венскому периоду моей деятельности и что эти отчеты показали бы это, если бы я преследовал выполнение такой задачи.

КУБУШОК. Вы когда-либо во время Вашей деятельности в Вене вели переговоры с венграми и поляками о разделе Чехословакии? Именно, Г-н Мессерсмит выдвигает такое утверждение.

13657

ПАПЕН. Нет, я этого никогда не делал. Политикой империи в Чехословакии ведало исключительно наше посольство в Праге.

КУБУШОК. Я указываю на опросный лист Хорти. Это-документ, который был уже пред"явлен под № 76. Далее я указываю на документ № 68 на странице 162. Это - отчет Папена от 31 августа 1935 года, направленный Гитлеру. Г-н Мессерсмит утверждает в упомянутом аффидевите, что во время этой беседы Вы заявили, что Вы находитесь в Австрии для того, чтобы подорвать деятельность австрийского правительства и ослабить его. Вы делали такие высказывания?

ПАПЕН. Я хотел бы принципиально высказаться по поводу этого аффидевита. Если я должен говорить дипломатическим языком, то я должен назвать это весьма удивительным. Господин Мессерсмит в этом аффидевите сам рассказывает, что он во время моего первого визита, в связи с назначением меня на должность, встретил меня с ледяной холодностью. Это вполне правильно. Мне было вполне известно, что г-н Мессерсмит является самым ярым противником нацистской системы. Тем удивительнее должно казаться то, что здесь считают, что во время второго визита я, так сказать, открыл свое сердце господину Мессерсмиту.

Также и та фраза, которая здесь была процитирована, что я прибыл в Австрию для того, чтобы подорвать деятельность австрийского правительства и ослабить его, - естественно, неверна, так как и такое высказывание было бы, само собой разумеется, немедленно сообщено г-ном Мессерсмитом австрийскому правительству и оно сделало бы невозможным всю мою деятельность по умиротворению политики в Австрии.

Разрешите в этой связи сослаться на высказывание австрийского министра иностранных дел Шмидта, которому не было ничего

13658

H1207 – 0072

H1207 – 0073

известно о такой деятельности с моей стороны.

КУБУШОК. Я ссылаюсь в этой связи также на показание Глейзе-Хорстенау, допрошенного по делу подсудимого Зейсс-Инкварта.

Г-н Мессершмит далее показывает, что Вы во время беседы заявили ему, ~~что~~, что Вы свою репутацию хорошего католика хотели использовать для оказания влияния на некоторых австрийцев, как, например, на кардинала Иннцера. В другом месте своего аффидевита он даже утверждает, что Вы без долгих размышлений и без всяких угрызений совести хотели использовать для этой цели то, что Ваша жена была известна, как преданная католичка. Пожалуйста, выскажитесь по поводу этого утверждения Мессершмита.

ПАПЕН. Это обвинение я считаю наиболее оскорбительным из всех других обвинений, которые выдвинуты против меня. Я понимаю, что можно критиковать политику какого-либо дипломата и неправильно ее истолковывать. Но я не могу понять, что обвинять можно в том, что он хотел использовать собственные религиозные убеждения для грязных политических махинаций, и тем менее я понимаю и считаю безвкусицей то, что здесь утверждают, что я даже хотел использовать религиозные убеждения моей жены для этих целей. Я хочу предоставить это на рассмотрение Высокого Суда.

КУБУШОК. Г-н Мессершмит в своем аффидевите говорит также об одном документе, автора которого он не указывает, которым показал ему министр иностранных дел Бергер-Вальденег в 1935 г. и из которого вытекает содержание Вашей беседы с Гитлером, Шахтом и фон Нейратом в связи с Вашим визитом в Берлине. Во время этого разговора было якобы принято решение о том, что в течение 2-х последующих лет следует избегать вмешательства во внутренние дела Австрии и, наконец, доктор

Шахт, якобы, предоставил для поддержки австрийских национал-социалистов сумму в 2 миллиона марок ежемесячно. Что Вы можете сказать по поводу этого заявления г-на Мессершмита?

ПАПЕН. Согласно показаниям г-на Мессершмита, речь идет, по всей вероятности, о донесении агента, которое получил австрийский министр иностранных дел относительно моей поездки в Берлин. Содержание этого донесения в сущности неправильно. Неправильность в отношении той части показаний, которая касается доктора Шахта, уже показана в результате допроса доктора Шахта в качестве свидетеля. Однако, в этом донесении имеется кое-что, что является справедливым. В этот период в Австрии имелся так называемый фонд помощи, который руководился господином Лангом. Здесь уже у свидетельского пульта было показано, что эти мероприятия по оказанию помощи женщинам и детям эмигрировавших в Германию национал-социалистов, проводились с ведома австрийского правительства и полиции. Однако я не просил господина Шахта официально внести определенную сумму в этот фонд поддержки и сам не оказывал этому фонду такой денежной поддержки. Эти суммы, очевидно, давались из Германии от партии.

КУБУШОК. В этой связи я ссылаюсь на свидетельские показания Глейзе-Хорстенау, который показал здесь, что австрийское правительство знало о фонда поддержки Лангома. Г-н Мессершмит надеется, на основании донесения австрийского министра иностранных дел Бергер-Вальденега, передать содержание Вашего высказывания, сделанного в 1935 г.: "Да, у Вас есть сейчас друзья во Франции и в Англии и Вы можете немного дольше сохранить Вашу независимость". Вы делали такое высказывание?

13660

H1207 – 0074

H1207 – 0075

ПАПЕН. Такое высказывание было бы с дипломатической точки зрения не только глупым, но и невозможным, так как оно означало бы само собой разумеющийся конец всякой дипломатической деятельности. Ни в одном случае то, что Мессерсмит, долголетнее успешное сотрудничество или долголетняя деятельность, как он называет это, не может быть с политической точки зрения согласована с таким открытым признанием в том, что я хочу сохранить независимость Австрии лишь на совсем незначительный период времени.

КУБУШОК. Г-н Мессерсмит показал далее в этом аффидевите, что Вы открыто заверяли о том, что Вы хотите избавиться от некоторых членов австрийского правительства, между прочим, также и от канцлера Шушнига. Это правильно?

ПАПЕН. Правильно как раз обратное. Я никогда не стремился к устранению канцлера Шушнига, наоборот, я стремился к тому, чтобы он проникся доверием к моей политике, к политике примирения. Я считал г-на фон Шушнига искренним австрийским патриотом, однако, также человеком, который никак не хотел отрицать своей прогерманской политики. И, несмотря на многочисленные деловые разногласия, это его прогерманская линия всегда была хорошим основанием для нашего сотрудничества. В остальном я могу лишь добавить, что если дипломат желает, чтобы произошло изменение в составе правительства, при котором он аккредитован, то он, очевидно, заявил бы об этом открыто.

КУБУШОК. Обвинение пред"явило здесь Ваш доклад Гитлеру от 17/У-1935 г. как доказательство, что Вы хотели вовлечь Шушнига в правительство национал-социалистов. Этот документ

№ США-64. В моей книге этот документ имеется под номером 66, на страницах 159-160. Каковы были Ваши намерения в действительности, г-н свидетель?

ПАПЕН. Относительно этого документа я должен высказаться несколько подробнее. Этот доклад был написан через 8 месяцев после убийства Дольфуса, т.е. в тот период, о котором само Обвинение утверждает, что в первые два года я имел инструкцию оставаться пассивным. Когда этот доклад был написан, мы имели сведения о том, что Штаргенберг проводит совместно с Муссолини политику, которая является серьезным препятствием на пути примирения Австрии с Германией. Поэтому я предложил Гитлеру активно вмешаться в ход событий. Я предложил противопоставить Шушнига вместе с поддерживающей его христианско-социальной партией, враждебной диктатуре Хейдвера, Штаргенбергу, а именно на основе предложения об окончательном урегулировании германо-австрийских интересов. В этом докладе говорится: "Если Германия признает государственную независимость Австрии и возьмет на себя обязательство не оказывать влияния на австрийскую национальную оппозицию, т.е. национал-социалистскую партию, то это поведет к созданию коалиции этих сил. Последствием было бы то, что Германия приняла бы участие в Дунайском пакте, т.е. мирное урегулирование общеевропейских вопросов.

КУБУШОК. Вы только что заявили, что стремились к честной политике урегулирования интересов?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кубушок, Трибунал хотел бы более ясно понять, что именно подсудимый сейчас хотел сказать.

КУБУШОК. Только что я узнал, что перевод на английском языке не поступал. Вы предлагаете, г-н председатель, чтобы

13662

H1207 – 0076

H1207 – 0077

чтобы подсудимый еще раз повторил весь ответ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, конечно. Это будет лучше всего. Но мне кажется, маловероятным, чтобы английский перевод плохо поступал.

КУБУШОК. Г-н свидетель, пожалуйста, ответьте еще на этот вопрос, только немного медленнее, чтобы не было трудностей в переводе.

ПАЛЕН. Когда был написан этот доклад, мы имели сведения о том, что Штаргемберг, командующий хеймвером, решил проводить с Муссолини политику, в соответствии с которой в будущем будет вестись борьба в Австрии со всеми дружественными по отношению к Германии тенденциями.

Для того, чтобы выступить против этого маневра князя Штаргемберга, я рекомендовал Гитлеру предложить Шушнигу, чтобы он вместо того, чтобы заключить союз с Хеймвером, добился коалиции с христианско-социальными силами, которые не были против примирения Германии с Австрией. Для того, чтобы побудить его, Шушнига, к тому, чтобы он согласился на эту коалицию, – Гитлер должен был предложить ему окончательное урегулирование интересов Германии и Австрии. Другими словами Гитлер должен был ему сказать: Германия признает государственную независимость Австрии и дает обещание в будущем не вмешиваться во внутренние дела Австрии.

Далее я сказал Гитлеру, что, если мы достигнем такого умиротворения, т.е. будем находиться в дружественных, хороших отношениях с Австрией, тогда мы даже можем присоединиться к дунайскому пакту. Это была комбинация французов, итальянцев, чехословаков, которые всегда выступали за заключение дунайского пакта со включением в него и Австрии. Мы в Герма-

нии тогда выступали против политики этих держав, так как мы опасались, что Австрия присоединится к дунайскому пакту и станет окончательно на позиции, враждебные Германии. Если мы, однако, будем в хороших отношениях с Австрией, тогда мы, как я сказал Гитлеру, можем присоединиться к этому дунайскому пакту и тем самым создать весьма важную основу для мира в Европе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы не забывайте о надежде, которую Вы выразили сегодня утром.

КУБУШОК. Вы только что заявили, что Вы вели честную политику урегулирования интересов. Правильно ли, что Вы оказали влияние на Гитлера в том отношении, что в своей речи в рейхстаге 21 мая 1936 г. он заявил о сохранении независимости Австрии?

ПАПЕН. Да, это вполне правильно, так как это заявление было предпосылкой для нормализации и урегулирования интересов эволюционного порядка, так как наша общая политика могла проводиться лишь в том случае, если в ней принимала участие и Австрия. Австрии было приказано, согласно Сен-Жерменскому миру и женевским протоколам, держаться подальше от Германии. Таким образом, если бы Австрия хотела взять на себя инициативу улучшения отношений с Германией, то это явилось бы предпосылкой для того, чтобы мы признали суверенитет Австрии.

КУБУШОК. Я хочу указать на ошибку в переводе. В английском переводе вместо того выражения, которое здесь употребил подсудимый, а именно: "Эволюционного порядка" сказано "революционного порядка".

Пожалуйста, выскажитесь по поводу договора от 11 июля 1936 года.

13664

H1207 – 0078

H1207 – 0079

ПАПЕП. Договор от 11 июля сэр Дэвид назвал обманным маневром, коварной попыткой создать новые трудности для австрийского правительства, подорвать его деятельность путем включения в его состав прогерманских элементов, как Глейзе-Хорстенау или посла министра иностранных дел Вмилта. Эта оценка договора совершенно неправильна и я полагаю, она не отвечает исторической действительности. Мне кажется, что это показали допросы и, в частности, показания австрийского министра иностранных дел. Договор был результатом моих двухлетних усилий, направленных на то, чтобы установить нормальные отношения между братскими государствами. Договор соответствовал желаниям обоих правительств, т.е. не только немецкого, - это признал сам канцлер Шушниг, и это имеется в моем сообщении от 1 сентября 1936г. относительно речи, которую произнес Шушниг перед австрийскими рабочими.

Почему же австрийское правительство должно было заключить этот договор? Здесь же не было никакого принуждения заключить этот договор, если бы оно само не желало восстановить нормальные дружественные отношения с германской империей. Именно поэтому я просил Гитлера в его речи в рейхстаге об"явить о признании суверенитета Австрии. Этот договор ни в коем случае не должен был означать отказ от соединения обоих государств, которого мы добивались в будущем. Однако он признает полную свободу действий Австрии. Цель об"единения обоих государств теперь должна была быть достигнута эволюционным, соответствующим установленному порядку, путем. Это соответствовало соглашению, которое я заключил 26 июля с Гитлером. Этот договор имел вторую часть, которая не была опубликована. Эта вторая часть содержала все те моменты, которые

были необходимы для того, чтобы достигнуть умиротворения, а именно пункты об амнистии, об урегулировании наших отношений в прессе и об отмене так называемой оплаты лицензии на в"езд в сумме 1.000 марок.

Это была оплата лицензий для в"езжающих, распоряжение о которой издал Гитлер по отношению к Австрии. Тогда каждый немец, который хотел поехать в Австрию, должен был заплатить тысячу марок. Эта оплата лицензий была отменена.

С другой стороны, в этой второй неопубликованной части договора, господин Шушниг обещал привлечь к сотрудничеству в Австрии представителей национальной оппозиции, к которым он питает доверие. Нам включение австрийской оппозиции в парламентскую деятельность в Австрии казалось предпосылкой для всех других мирных решений. Другими словами, партия должна была постепенно перейти от нелегальной деятельности к легальной.

Г-н Мессершмит - я хочу еще добавить-в своем аффидевите неправильно указал, что вторая часть этого договора содержала положения о том, что целый ряд лиц, которые пользовались доверием канцлера, должен был быть привлечен к исполнению должностей министров. Это, очевидно, + ошибка в ходе рассуждений г-на Мессершмита, так как речь шла не о лицах, пользовавшихся доверием Гитлера, а о лицах, которые пользовались доверием Шушнига. Это же было соглашение, которое заключил Шушниг.

Кроме того, г-н Мессершмит говорит по поводу этого договора, что первое вторжение представителей германской национальной партии в австрийское правительство было достигнуто путем назначения доктора Гвидо Шмидта на пост стато-секретаря в министерство иностранных дел. Это совершенно неправильно.

13666

H1207-0080

H1207-0081

Доктор Шмидт был австрийцем и он проводил австрийскую политику. Он представлял интересы Австрии и это было вполне естественно. И никогда со стороны Германии ни в какой степени не было оказано влияния в этом направлении, чтобы сделать доктора Шмидта министром иностранных дел.

В целом тогда общественное мнение во всем мире рассматривало этот договор как инструмент мира и как большой шаг на пути к прогрессу. Обвинение, однако, назвало его обманным маневром.

КУБУШОК. Я указываю на аффидевит Фрица Эрбаха. Это - документ № 96 в английской книге документов на страницах 233-234, вопросы с 4-го по 7-й и вопросы 12-й и 13-й, разбирают упомянутое.Повторяю: вопросы с 4-го по 7-й и 12-й - 13-й.

После заключения июльского договора Вы считали Вашу миссию в Австрии оконченной?

ПАПЕН. Да, я считал ее законченной. Об этом свидетельствует мое прошение об отставке, которое я подал Гитлеру 16 июля 1936 г.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ № 71 на странице 165-й и цитирую: документ 71, стр.165 во второй книге документов, я цитирую начало:

"26 июля 1934 г. Вы предложили покойному фельдмаршалу послать меня с ограниченной сроком миссией в Вену для установления нормальных и дружеских отношений. Подписанием соглашения от 11 июля был сделан решающий шаг в этом направлении".

Далее он просит о своей отставке. Я цитирую также предпоследний абзац:

"Хотя "немецкий вопрос" и в будущем и как раз после предшествующих необычайных трудностей, нуждается в заботливом и осторожном отношении, - мне все же хотелось бы сейчас, по окончании срока, назначенного мне для выполнения задач, передать свой пост в Ваши руки".

Обвинение представило Ваш доклад Гитлеру от 1 сентября 1936 г. (это - документ № ПС-2246) и обвиняет Вас в том, что Вы поддерживали контакт с нелегальными руководителями австрийской национал-социалистской партии и пытались включить эту оппозицию в отечественный фронт, а также в том, что Вы хотели изменить режим Шушнига?

ПАПЕН. В упомянутом докладе я пишу: "Прогресс по пути к нормализации отношений с Германией наталкивается в настоящее время на настойчивые действия министерства безопасности, в котором сидят чиновники, настроенные против национал-социализма. Поэтому необходимы изменения в личном составе".

Таким образом, если я в этом докладе употребил выражение "изменение режима", то это означало, что я имел в виду "изменения в личном составе", причем я в следующем предложении указывал на экономические переговоры, которые вскоре должны были начаться. Из этого совершенно ясно вытекает, что под этими словами не подразумевается устранение самого господина Шушнига. В остальном, / в этом докладе говорится о серьезности положения в дунайских областях, и здесь делается предложение относительно мирного решения этого вопроса. Если обвинение инкриминирует мне то, что я поддерживал связь с нацистской оппозицией, хотя июльский договор запрещал вмешательство во внутренние дела Австрии, то я должен сказать, что я был вполне прав, установив этот контакт, так как для

13668

H1207 – 0082

H1207 – 0083

для меня было важно установить, выполнял ли и в какой степени господин фон Шушниг ~~выполнил~~ свое обещание относительно привлечения к сотрудничеству лиц из нацистской оппозиции, которые пользовались его доверием. В какой степени нацистская оппозиция подчинялась договору от 11 июля – это доказывает заявление Леопольда, относящееся к январю 1937 года, о котором говорит г-н Кессерсмит в своем аффидевите.

КУБУШОК. Я указываю на документ № 75, страница 171. В этом документе помещена запись Леопольда. Этот документ идентичен приложению, документу США-57. В английском тексте имеется ошибка в переводе, в пятой строчке снизу, на первой странице термин "аншлюсс" переведен словом "аннексия".

Что Вы можете сказать, господин свидетель, относительно предложений Леопольда?

ПАПЕН. Из предложений Леопольда вытекает следующее. Руководство австрийской национал-социалистской партии полностью согласно с политикой, установленной в июльском договоре. Оно признает, что в будущем вопрос об аншлюссе будет рассматриваться как внутреннее дело Австрии, которое должно разрешить австрийское правительство. Оно предлагает, чтобы это решение происходило эволюционным путем, чтобы к нему стремилось австрийское правительство и партия. В пользу этого решения говорит то, что в результате заявления о суверенитете Австрии, этот конфликт в будущем не должен больше представлять внешне-политической опасности для Австрии. Таким образом, это означает, что июльский договор признается и одобрен австрийскими национал-социалистами и что они готовы стать на легальный путь, действуя вместе с австрийским правительством.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы об"являем перерыв.

(Об"является перерыв до 10.00 часов 18 июня)

13670

H1207 – 0084

H1207 – 0085

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 18 июня 1946 года

/Утреннее заседание/

КУБУШОК. Свидетель Гвидо Шмидт рассказывал об инциденте в Пинкафельде в мае 1937 г. Расскажите, пожалуйста, о Вашей деятельности по урегулированию этого конфликта.

ПАПЕН Инцидент в Пинкафельде был упомянут мною и моим защитником вследствие того, что он является типичным примером попытки Гитлера в период, предшествовавший 1938 году, вести агрессивную политику в Австрии. 1 мая 1937 года в небольшом местечке Пинкафельд был вывешен государственный имперский флаг, который был сорван одним австрийским чиновником. Это вызвало большое волнение в прессе. Я пытался дружески урегулировать этот инцидент с австрийским министром иностранных дел. В ответ на это я получил телеграмму, которая требовала моего немедленного прибытия в Берлин. Я прибыл в Берлин и явился к Гитлеру, однако, он меня не принял. Я ждал 3 дня. Через 3 дня я написал ему письмо, в котором указывал, что,по моему мнению, они хотят использовать инцидент в Пинкафельде для того,чтобы вести агрессивную политику по отношению к Австрии; в таком случае мне больше нечего делать, и я прошу отставки. Через четверть часа я был вызван Гитлером в имперскую канцелярию. Он произнес передо мной получасовую речь, взбешенный и вне себя от унижения, с которым германская империя не может дольше мириться. После того, как он высказал все, что хотел, я ему сказал, что наше соглашение от 26 июня предусматривает такую политику по отношению к Австрии, которая может вестись только эволюционным путем. Договор от 11 июня подчеркнул этот момент:

"Если Вы хотите вести другую политику, тогда увольте меня в отставку". Вслед за этим, весьма резким разговором, он сказал мне: "Нет, нет, поезжайте обратно, урегулируйте все. Мы не будем изменять нашу мирную политику". Я возвратился в Вену и инцидент был улажен с австрийским министром иностранных дел в течение 24 часов.

КУБУШОК. Вы беседовали с представителями других держав относительно политики, которую Вы вели в Австрии?

ПАПЕН. Да, я неоднократно беседовал об этой политике с представителями других держав. Например, летом 1937 года я беседовал с британским послом сэром Невилем Гендерсоном.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Ь. Было ли то письмо, о котором говорит сейчас подсудимый, или копия его представлена в качестве доказательства? Он говорил о письме к Гитлеру: - "Я написал письмо".

КУБУШОК. Нет, этого письма у нас нет. У нас нет и копии. Документы свидетеля были уничтожены в Берлине в результате воздушного налета.

ПАПЕН. Однако, я хочу добавить, милорд, что австрийский министр иностранных дел описал этот инцидент и его развитие. Господин фон Нейрат достаточно подробно знает об этом инциденте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что это был за министр иностранных дел, который подтвердил это?

ПАПЕН. Австрийский министр иностранных дел, ~~свидетель~~ Гвидо Шмидт, который выступал здесь в качестве свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте.

ПАПЕН. В связи с этим вопросом я хочу заметить, что я, естественно, часто беседовал с представителями других держав относительно нашей австрийской политики, например, в июле 1937 года с сэром Невилем Гендерсоном, британским послом в Берлине.

13672

H1207 - 0086

H1207 – 0087

В октябре 1937 года я инкогнито посетил Париж и там говорил с французским президентом Лападье и господином Леоном Блюмом и многими руководящими политическими деятелями относительно этой проблемы. Я заверил их в том, что мы стремимся к решению австрийской проблемы только на эволюционной основе и что об"единение обоих государств, на которое мы надеемся, никогда не будет означать угрозы для французских интересов, что мы, наоборот, стремимся решить эту проблему только в пределах европейского континента, т.е. с согласия Франции. У меня тогда сложилось впечатление, что как в Англии, так и во Франции растет верное представление относительно необходимости урегулирования данного вопроса.

КУБУШОК. В доказательство того, что подсудимый мог придерживаться убеждения, согласно которому другие государства на основании эволюционного развития в Австрии могли согласиться на заключение соответствующих договоров, я пред'являю документ № 74 на странице 169. Это доклад Папена Гитлеру относительно той беседы, о которой только что упоминал свидетель, — беседы с сэром Невилем Гендерсоном 1-го июня 1937 года. Я ссылаюсь на этот документ и указываю на то, что Гендерсон заявил, что он относится весьма дружественно к решению австрийской проблемы и надеется использовать свое влияние в Париже в этом направлении.

Далее, я ссылаюсь на документ № 80 , страница 177. Это заявление бельгийского министра иностранных дел Спаака после аншлюсса. Я сошлюсь на последнее предложение: "Я давно думаю уже, что аншлюсс соответствует логике фактического развития и если бы это произошло нормальным путем, я бы этому не удивился".

Мистер Мессершмит утверждает, что австрийская нацистская

пропаганда была финансирована Германией. Вы когда-либо выдавали деньги для поддержки этой пропаганды или являлись посредником этого?

ПАПЕН. Я ни лично, ни через германское посольство никогда не передавал ни одного пфеннига нацистской партии. Вполне возможно и очевидно даже, что средства немецкой нацистской партии были направлены в Австрию, однако, так как я, как известно, не пользовался доверием партии в обеих странах, то меня никогда не информировали об этом. Я хочу сказать особо об одном исключении,—это перевод денег в упомянутый уже здесь фонд поддержки "Лангот".

КУБУШОК. Обвинение говорит, что Вы занимали антисемитскую позицию в Вашем докладе Гитлеру от 12 мая 1936 года, в котором Вы предлагали финансировать "Свободный союз" в его борьбе против еврейства. Что представлял собой этот "Свободный союз"?

ПАПЕН. "Свободный союз" был об'единением бывших христианских профсоюзов и христианских рабочих союзов под руководством председателя ~~союза~~ об'единения профессиональных союзов. В 1934 году Дольфус взял на себя руководство этим союзом. Было бы смешно приписывать свободному союзу, который состоял главным образом из рабочих католиков, антисемитскую позицию в духе национал-социализма. За что боролся "Свободный союз"? Это была очистка администрации Вены от неподходящих для этой работы еврейских элементов. Вопрос об этом наводнении чуждыми элементами был аналогичен существовавшим в то время условиям в Германии, о которых я вчера очень подробно говорил. В остальном об этом свидетельствует доклад, пред'явленный обвинением. Я узнал тогда о том, что чехи пожелали установить тесную связь со "Свободным союзом" и что они хотят поддержать "Свободный союз" крупными суммами. В ответ на это я предложил Гитлеру устранить это возможное

H1207 – 0088

H1207 – 0089

влияние чешской политики путем оказания этому союзу помощи с нашей стороны.

Однако, естественно, мы не могли сказать "Свободному союзу": "Мы Вам сейчас дадим деньги с тем, чтобы вы не перешли к чехам". Поэтому я предложил Гитлеру, чтобы он дал эти деньги, ссылаясь на необходимость продолжения борьбы "Свободного союза" против еврейства. Таким образом, это была маскировка. Если бы я пожелал дать деньги для борьбы с еврейством, я бы тогда не написал ему "сошлитесь на", а указал бы непосредственно "на продолжение этой борьбы".

КУБУШОК. Я ссылаюсь в этой связи на документ № 32, на стр. 112 книги документов. Это - выдержка из австрийского ежегодника за 1933-1934 г.г., официального издания. Я ссылаюсь на начало второго абзаца, в котором сказано, что "Свободный союз" был создан из христианских профсоюзов и христианских рабочих союзов.

Далее, я указываю на 5-ю строчку с конца, цитирую: "В начале 1934 года покойный австрийский канцлер доктор Дольфус взял на себя руководство свободным союзом".

Далее, я указываю на документ 72 на стр. 166. Это - доклад Папена Гитлеру, в котором он цитирует директиву Пражской секретной службы. Здесь интересно указание на то, что "Свободный союз" работает в направлении достижения соглашения с социал-демократической партией.

Следующий документ № 70 был уже пред'явлен в качестве документа ВВ-243. Я указываю на первый абзац, который свидетельствует о деятельности чешской дипломатии. Это документ № 70 на стр. 164. Это документ, который был упомянут Обвинением под № ВВ-243 и был в свое время частично пред'явлен. Важен первый абзац, который описывает деятельность чешской дипломатии в том духе, о котором только что говорил подсудимый.

Далее, в связи с вопросом о "Свободном союзе" необходимо упомянуть доклад Папена, помещенный в документе 73, на стр.176. Я ссылаюсь на этот документ.

Далее, представляет интерес также доклад Папена в документе № 69, на странице 163. Он свидетельствует об усилиях "Свободного союза", направленных на то, чтобы его деятельность соответствовала ситуации, которая существовала в то время.

Господин свидетель, летом 1937 года Шушниг старался привлечь национальную оппозицию к сотрудничеству. Что Вам известно об этом? Каково было дальнейшее развитие?

ПАПЕН. Летом 1937 года Шушниг делал усилия для того, чтобы выполнить обещание относительно привлечения национальной оппозиции к сотрудничеству. Визит министра Глейз-Хорстенау, нанесенный им Гитлеру в июне 1937 года, последовал с согласия Шушнига. Позже он основал, так называемый "Комитет семи" во главе с докторами Юри и Тавсом. Выбор этих лиц был произведен без всякого моего содействия. Однако в отношении этого "Комитета семи", я хотел бы здесь установить следующее:

Очевидно, эти мероприятия канцлера австрийского правительства по умиротворению проводились весьма медленно или в недостаточном масштабе. Австрийская полиция обнаружила в ноябре 1937 года в бюро этого "Комитета семи" документы, которые известны под названием "документы Тавса", которые свидетельствовали о новых радикальных и нелегальных планах. Австрийское правительство не поручило мне, правда, заниматься этими документами и не было предпринято никакого официального демарша. Однако, мне стало известно, что среди этих документов имелся план покушения на мою жизнь. Было сделано предложение организовать мое убийство и на основании этого начать вступление немецких войск в Австрию.

13676

H1207 – 0090

H1207 – 0091

Австрийский министр иностранных дел Шмидт позавчера подтвердил этот факт, и мне кажется, что это предложение, этот план, направленный против меня, лучше всего доказывает, насколько моя политика, о которой говорило Обвинение, "гармонировала" с той политикой, которую вели германские или австрийские национал-социалисты. Я затем радовался тому, что австрийский канцлер включил в работу по умиротворению известного мне доктора Зейсс-Инкварта. Я считаю вполне возможным сделать здесь небольшую поправку. Австрийский министр иностранных дел говорил здесь о беседе со мной в октябре 1943 года в Анкаре. Я тогда сказал ему, и заявил также здесь во время предварительного следствия, что доктор Зейсс-Инкварт был самым большим разочарованием в моей жизни. Я предполагал, что он как раз являлся тем человеком, который желал вступления германских войск 11 марта и который ответственен за нацификацию Австрии после аншлюса. Я должен исправить эту мою оценку после того, что нам стало сегодня известно из документов.

КУБУШОК. В конце 1936 года Ваш первый сотрудник принц Эрбах, посол в Вене, был отозван. Его преемником был посол фон Штейн. Так как этот посол после Вашего отзыва в феврале 1938 г. взял на себя выполнение ваших функций, то мне интересно знать, каково было его отношение к Вам и к партии?

ПАПЕН. Я позже узнал, что советник посольства барон фон Штейн по специальному желанию партии был назначен советником при моем посольстве, так как он должен был установить контроль над моей политикой в духе партии. Господин фон Штейн был убежденным национал-социалистом. Его отношение ко мне было совершенно иным, чем отношение ко мне его предшественника Эрбаха. Однако я хочу установить, что я и в этот период продолжал свою политическую линию, и господин фон Штейн руководил лишь техни-

ческими вопросами посольства.

КУБУШОК. Документ Госсбаха от 5 ноября 1937 г. был здесь неоднократно упомянут. Знали ли Вы о том...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кубушок, в переводе, который ко мне поступил, был назван 1934 год. Видимо, следовало сказать 1937 г., не так ли?

КУБУШОК. Это документ 1937 г., 5 ноября 1937 года. Вы знали об этой беседе в Берхтесгадене, которая является основой этого документа?

ПАПЕН. Относительно этой беседы, которая произвела большое впечатление, этого весьма важного документа Обвинения, я, естественно, никогда ничего не слышал, мне не было сделано никакого намека. Я впервые познакомился с этим документом здесь, в этом зале. Однако, если мне будет разрешено высказаться относительно этого документа, то я могу указать на то, что связь между событиями от 11 марта и этим документом кажется мне весьма непрочной, так как из этого документа вытекает, что Гитлер хотел провести этот насильственный аншлюсс лишь в том случае, если это позволит обстановка в Европе. Подобную ситуацию он ожидал, примерно, с 1943 по 1945 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок, это спорный вопрос, не так ли? Он говорит, что он ничего не знал об этом документе до тех пор, пока он не увидел его в Трибунале. Сейчас он дискутирует с нами по вопросу о его связи с событиями, имевшими место в марте 1938 года. Такой вопрос можете разбирать Вы, но не подсудимый.

КУБУШОК. Хорошо. Тогда я позже остановлюсь на этом моменте. Господин свидетель, 4 февраля 1938 года Вы были внезапно уволены в отставку со своего поста в Вене. Пожалуйста, расскажите об этом Суду.

13678

H1207 – 0092

H1207 – 0093

ПАПЕН. В конце января 1938 г. я был в Берлине у Гитлера, говорил с ним относительно тех бесед, которые я вел в Гармише с доктором Зейсс-Инквартом, и я тогда не мог уловить никаких намеков на то, что он хочет уволить меня с моей должности. Об этом мне сообщили 4 февраля по телефону д-р Ламмерс. Эта внезапная и совершенно необоснованная для меня отставка, а также отставка Фриче и Бломберга и других руководящих дипломатических деятелей, естественно, заставила меня притти к заключению, что она означает изменение курса, во всяком случае, такое изменение было весьма возможным. Я на следующий день беседовал об этом с австрийским министром иностранных дел и изложил ему свои опасения. После этого я в ноте австрийскому правительству сообщил о том, что ухожу в отставку. Затем на следующий день я поехал к Гитлеру. Простите, я должен еще остановиться на одном моменте.

Ситуация, вызванная моей отставкой, казалась мне настолько серьезной, что я, четвертого вечером, принял решение собрать все документы, относящиеся к моим политическим отчетам за четыре года, и отправить их в Швейцарию. Я хотел быть в состоянии доказать миру, что я за эти четыре года вел мирную и эволюционную политику в Австрии. Я хотел доказать это миру, если бы случилось, что Гитлер перешел бы к агрессии.

Прийти к такому решению столь высокопоставленному чиновнику, как я, было нелегко, потому что я должен был отвечать за все последствия, которые были связаны с этим, запрещенным по существу, актом.

На следующий день я поехал к Гитлеру. Я чувствовал, что мне необходимо сказать ему, что, если он не хочет больше иметь меня в качестве своего представителя, то пусть он хотя бы

12679

пошлет в Австрию разумного и умеренного человека. В беседе, которую я имел с ним, он не раз'яснил мне, по каким причинам он принял решение о моей отставке. Я предполагал, что это было, очевидно, желанием господина фон Риббентропа, который как раз 4-го февраля этого года стал министром иностранных дел. Однако, Гитлер сказал мне, что это не так. В беседе относительно положения в Австрии я сказал Гитлеру, между прочим, что я весьма сожалею, что он уволил меня в отставку, так как, как раз в последние недели австрийский канцлер Шушниг заявил, что он готов путем личной беседы с Гитлером устранить по возможности все разногласия, которые существовали между обоими государствами.

Когда Гитлер услышал это, он сказал мне: "Если это так, то я очень прошу Вас вернуться и добиться такой беседы с господином фон Шушнигом". Я сказал ему: "Это весьма странное поручение. Вы вчера уволили меня в отставку, а сегодня говорите, чтобы я вернулся. Однако, если я смогу сделать что-либо в интересах Австрии, и смогу добиться этой беседы, то я охотно это сделаю".

КУБУШОК. Как Вы подготавливали эту беседу?

ПАПЕН. По возвращении я отправился к господину фон Шушнигу и с ним также беседовал об изменившейся обстановке, которая создалась в результате моей отставки и смены министра иностранных дел в Германии. И я сказал господину фон Шушнигу: "Мне кажется, что при создавшемся положении беседа глав обоих государств относительно разногласий, которые возникли вследствие различного истолкования июльского договора, может быть весьма полезной".

Австрийский министр иностранных дел здесь ведь подтвердил, что относительно этой личной беседы мы говорили, начиная с

13680

H1207 – 0094

H1207 – 0095

ноября 1937 года. Предложения заключались в том, что в Берхтесгадене должны были быть обсуждены все разногласия. Определенной программы выработано не было, было решено, что эта беседа будет происходить исключительно на основании июльского договора, т.е. при условии сохранения суверенитета Австрии. Что касается деловых вопросов, то был обсужден только один вопрос, это - вопрос о включении в австрийский кабинет министра, который был бы доверенным лицом обоих государств, и который ставил бы своей целью содействовать умиротворению и урегулированию всех спорных вопросов между австрийской и немецкой национал-социалистской партией, т.е. в будущем сделать невозможным вмешательство немецкой партии в австрийские дела. Позже, во время переговоров в Берхтесгадене, было выдвинуто требование о том, чтобы доктору Зейсс-Инкварту было передано министерство безопасности. Это требование было мне абсолютно неизвестно. и я не говорил об этом с Шушнигом. Говорилось только о том, что необходимо было подобрать подходящего человека, возможно, и Зейсс-Инкварта, для того, чтобы передать ему пост министра вну тренних дел.

Сегодня мы знаем на основании показаний свидетелей, что наряду с этими официальными переговорами, которые я вел, происходили переговоры по партийной линии с австрийской национал-социалистской партией, которая делала свои предложения Гитлеру,— предложения, которые были мне неизвестны.

КУБУШОК. Опишите, пожалуйста, ход переговоров в Берхтесгадене.

ПАПЕН. Эти переговоры здесь неоднократно описывались свидетелями. Я лично сопровождал туда господина Шушнига и господина Шмидта и вполне возможно, что, когда я встретил их на австрийской или германской границе, я сказал им, что они кроме Гитлера встретятся, возможно, там с одним или несколькими генералами, так как я утром того же дня телефонировал в Берхтесга-

ден и узнал, что эти генералы находятся там.

Ход переговоров, естественно, очень сильно отличался от тех переговоров, с которыми мы обычно сталкиваемся в дипломатической жизни. Однако, все же он не был таким драматическим, как это здесь изображалось различными лицами. Насколько я знаю, эти генералы, которые были вызваны Гитлером без моего ведома накануне переговоров, лишь своим присутствием должны были оказывать воздействие на эти переговоры. К политическим разговорам, насколько я знаю и насколько я участвовал в них, они не привлекались.

Тон, в котором Гитлер вел переговоры, и упреки, которые он делал господину фон Шушнигу, были для меня весьма неприятными. Поэтому я часто вмешивался в ход переговоров, пытаясь быть умиротворителем. Я хорошо помню один случай, когда Гитлер и Шушниг вели переговоры лично и беседа приняла весьма резкий характер; я направился в комнату, где велись переговоры, и обнаружил, что Гитлеру упрекал господина фон Шушнига в том, что он не немец, что он лишен всяких национальных чувств. Я счел необходимым вмешаться и сказал господину Гитлеру: "Вы совершенно неправильно оцениваете господина фон Шушнига. Господин фон Шушниг мыслит так же по-немецки, как и Вы, и я. Только он не желает, чтобы оба наши государства об'единились под государственной доктриной, которую Вы в настоящий момент представляете в Германии".

Во время этих переговоров господину фон Шушнигу и господину Шмидту была предложена программа, которая, как я уже говорил, была мне совершенно неизвестна. Эта программа рассматривала различные разделы, как, например, вопрос о том, что командующим австрийской армией должен был стать генерал фон Глейзе. Далее рассматривался целый ряд экономических требований. И

13682

H1207 – 0096

H1207-0097

поэтому я, когда к вечеру переговоры приближались к концу, сказал господину фон Шушнигу, чтобы он согласился с последним требованием для того, чтобы наше дальнейшее мирное развитие не имело препятствий. Впрочем, господин фон Шушниг только утвердил эту программу или подтвердил это предложение с категорической оговоркой о том, что эти соглашения должны быть подтверждены австрийским правительством и австрийским канцлером. Таким образом, было вполне возможно позднее внести целый ряд поправок с австрийской стороны.

КУБУШОК. То, что Вы рассказываете, не совсем ясно в отношении одного момента. Вы одновременно с Шушнигом и доктором Шмидтом прибыли в Берхтесгаден? Были ли Вы уже до этого в Берхтесгадене или Вы провели ночь где-то в другом месте?

ПАПЕН. Нет, я поехал с господином фон Шушнигом из Вены в Зальцбург, там мы переночевали и на следующее утро направились вместе с ним в Берхтесгаден. Таким образом, ранее я не был в Берхтесгадене. Однако, господин фон Шушниг утверждал, что я ему утром перед переговорами сказал, что наверху находятся генералы. Я сейчас не могу об этом вспомнить, так как вполне возможно, что утром я позвонил из Зальцбурга в Берхтесгаден и узнал об этом.

КУБУШОК. Здесь необходимо дополнить еще один момент. Шушниг показывает, что Вы его встретили на границе. Может быть Вы раз'ясните и этот момент?

ПАПЕН. Да, господин фон Шушниг и я, как я уже говорил, вместе переночевали в Зальцбурге. На следующее утро я поехал вперед на границу и ожидал его у немецкой границы.

КУБУШОК. Скажите, соглашение, которое было заключено в Берхтесгадене, означало полный отход от договора, который был заключен 11-го июля 1936 года?

13683

ПАПЕН. Результаты, которые были достигнуты соглашением в Берхтесгадене, явились до некоторой степени расширением июльского соглашения. Однако основная линия июльского договора, т.е. сохранение суверенитета Австрии, была оставлена. Это подтверждено в коммюнике обоих правительств, которые были опубликованы по поводу заключения соглашения.

КУБУШОК. В этой связи я ссылаюсь на официальное коммюнике, документ № 78, на стр. 174. Далее я ссылаюсь на документ № 79, на странице 175, это - речь Гитлера в рейхстаге от 20 февраля в связи с этим вопросом. 26 февраля Вы нанесли официальный прощальный визит Шушнигу. Обвинение в этой связи пред'явило одну запись. Пожалуйста, выскажитесь относительно этого прощального визита.

ПАПЕН. Эта заметка содержит, очевидно, то, что я сказал по телефону относительно моего прощального визита г-ну фон Риббентропу. В этих заметках я обращал внимание министерства иностранных дел на тот факт, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Каким числом датированы эти заметки?

КУБУШОК. Это заметки, которые были пред'явлены Обвинением от 26 февраля.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. В книге документов № 11-А, страница 1-я, милорд.

ПАПЕН. В этой заметке я говорю о давлении, которое было оказано на Шушнига и под которым он был вынужден действовать. И тот факт, что я об этом сообщил министерству иностранных дел, должен был, собственно говоря, показать, что я сам не одобрял этого давления, иначе я об этом не сообщил бы. 26 февраля моя деятельность в Австрии была окончена.

КУБУШОК. 9 марта 1938 года Шушниг об'явил плебисцит. Пожалуйста, выскажитесь по этому поводу.

ПАПЕН. Плебисцит, который об'явил г-н фон Шушниг, был,

13684

H1207 - 0098

H1207 – 0099

конечно, полной неожиданностью. По моему мнению, он находился в противоречии с духом переговоров, которые велись в Берхтесгадене, и с тенденцией мирного разрешения напряженных отношений. Плебисцит также являлся нарушением австрийской конституции. Он ведь не был решением австрийского правительства, а стихийным мероприятием австрийского канцлера. И по моему мнению, было совершенно ясно, что те элементы, которые в Австрии стояли за об'единение государств, были весьма недовольны этим плебисцитом.

КУБУШОК. Свидетель Райнер во время дачи им показаний и в речи, которая здесь цитировалась, упомянул, что вечером 9 марта он был в Вашей квартире. Идет ли здесь речь об условленной конференции, вообще о конференции или о совещании?

ПАПЕН. Ни в коем случае. Я не был в Вене с вечера 26-го числа, и, насколько я вспоминаю, примерно, до 9 марта. В тот день я возвратился в Вену, и вполне возможно, что эти господа пришли в мое посольство и говорили там со мной. О чем-либо заранее условленном мною, не может быть и речи.

КУБУШОК. Вы были 11 марта в Берлине.

ПАПЕН. 10 марта, вечером, в посольство мне позвонили из имперской канцелярии и передали приказ Гитлера немедленно ночью направиться в Берлин. На следующее утро я вылетел в Берлин и, примерно, между 9 и 10 часами утра прибыл в имперскую канцелярию. Почему Гитлер вызвал меня - я не знаю. Я предполагал, что при развертывании этих критических событий он, возможно, хотел посоветоваться со мной; может быть он также считал, что мое присутствие в Вене мешало осуществлению его планов. Во всяком случае, в этот решающий день, 11 марта, я был в Берлине, в имперской канцелярии. Я встретил там Гитлера в окружении большого числа министров - Геринга, Геббельса, Нейрата,

статс-секретарей, а также военных деятелей.

Он приветствовал меня словами: "Положение в Австрии стало невыносимым. Господин фон Шушниг предает германские идеи. Мы не можем согласиться на этот принудительный плебисцит". И когда я увидел, в каком возбужденном состоянии он находился, я напомнил ему еще раз о том обещании, которое он мне дал в Байройте, и настоятельно предупреждал его о том, что не стоит принимать чрезвычайно поспешных решений. Однако в то утро он сказал мне: "Либо плебисцит будет отменен, либо правительство должно уйти в отставку". Сегодня мы знаем из письма, которое он послал со специальный курьером доктору Зейсс-Инкварту, об этих ультимативных требованиях, направленных австрийскому правительству. Он тогда не информировал меня об этом активном вмешательстве со своей стороны.

Затем события в тот день стали развиваться таким образом, что мне пришлось быть в большом обществе в зале, в то время как Гитлер в своем личном бюро говорил с господином Герингом по телефону. Мы, которые ожидали в этом большом зале, услышали лишь отдельные отрывки из этого разговора по телефону, однако, теперь мы знаем об этом достаточно подробно из имеющихся документов.

Я хочу остановиться лишь на одном случае. Примерно в 5 часов вечера из Вены пришло сообщение о том, что правительство Шушнига готово уйти в отставку. В ответ на это я настойчиво потребовал от Гитлера, чтобы он отменил свои военные мероприятия. Господин Гитлер сделал это. Между 5 и 6 часами вечера приказ, направленный стоявшим на границе войскам, был отменен. Я тогда приветствовал в связи с этим присутствовавших на совещании генералов Кейтеля и Браухича и сказал, что это является большим достижением. Однако через час ситуация снова совершенно

13686

H1207 – 0100

H1207 – 0101

изменилась. Когда из Вены поступила телефонограмма о том, что президент Австрии отказывается признать правительство Зейсс-Инкварта, Гитлер снова дал приказ войскам. Поздно вечером было сообщено, что австрийское правительство просило, чтобы немецкие войска вступили в Австрию, так как оно само не может справиться с создавшимся положением. Я посмотрел на господина Нейрата, который стоял рядом со мной. Он сказал мне: "Это такое важное сообщение, то, которое получено только что из Вены, что нам необходимо иметь его письменное подтверждение".

Таким образом мы находились под впечатлением, что этот призыв о помощи был направлен к нам из Вены. Как в дальнейшем развивались события этим вечером - хорошо известно. Я могу лишь сказать, что я лично был до глубины души потрясен таким решением вопроса, так как было совершенно ясно, что если армия вступила в страну, то могут иметь место инциденты и кровопролитие, а новое кровопролитие между нашими обоими народами означало бы не только компрометирование германо-австрийской проблемы, но оно создало бы очень плохое мнение о политике, которую вела Германия.

КУБУШОК. Я ссылаюсь в этой связи на документ № 97, на стр. 241-й, 3-й книги документов. Простите, этот документ еще не включен в книгу, я его сейчас передаю суду. Документ № 97, страница 241, представляет собой аффидевит Тасса, друга свидетеля Папена, который вечером 11 марта говорил с ним. Я цитирую, примерно, начиная с середины страницы:

"В тот день, 11 марта 1938 года, в день вступления германских войск в Австрию, г-н фон Папен поздно вечером появился в клубе "Унион", где он в весьма возбужденном состоянии заявил: "Я только что из имперской канцелярии. Я попытался отговорить Гитлера от вторжения в Австрию и настойчиво советовал ему не

придерживаться этого плана. Однако, он совершает сумасшедший поступок и только что дал приказ о вторжении войск".

Вы знали, господин свидетель, что-либо относительно военного плана "Варианта Отто".

ПАПЕН. Я об этом "варианте Отто" узнал впервые здесь, во время данного процесса. Как известно, "вариант Отто" представляет собой теоретическую подготовку к вступлению германских войск на тот случай, если, вследствие реставрации Габсбургской монархии, чехи и венгры вторгнутся в Австрию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это как раз именно то, что делал подсудимый, когда я Вас прервал. Он сказал, что он ничего не знал об этом документе, а сейчас он пытается дать об'яснения. Это - аргументация, а не показания.

КУБУШОК. Да, Вы совершенно правы, господин председатель. Мы переходим к другому вопросу. Вы только что говорили о том, что Вы приняли решение направить в Швейцарию все те документы, которые являлись документальным доказательством Вашей деятельности в Вене. Это было потом осуществлено?

ПАПЕН. Да. Это было осуществлено. Мой секретарь, господин фон Кетелер, переправил эти документы в начале марта 1938 года в Швейцарию.

КУБУШОК. Опишите кратко обстоятельства убийства Вашего сотрудника барона фон Кетелера, совершенного после вступления немецких войск в Австрию. Что вы, в частности, сделали для расследования этого убийства?

ПАПЕН. Во время вступления германских войск в Вену мой секретарь и друг господин фон Кетелер внезапно исчез. Я немедленно по тревоге поднял на ноги венскую полицию. Господин Гиммлер, Гейдрих и доктор Кальтенбруннер также были извещены об этом. Мне обещали провести расследование. Расследование

13188

H1207 – 0102

H1207 – 0103

долгое время было безуспешным. Вначале я предполагал, что господин фон Кетелер бежал, так как его отношения с австрийской партией были весьма плохими. Однако затем через несколько недель выяснилось, что труп господина фон Кетелера был обнаружен в Дунае, недалеко от Вены. Я тогда возбудил дело перед прокурором об убийстве господина Кетелера неизвестным лицом. Я требовал вскрытия трупа. Было сделано вскрытие и результаты его показали, что не было никаких признаков насильственной смерти. Несмотря на это, для меня было совершенно ясно, что этот новый акт являлся актом мести со стороны Гестапо, направленным против меня и против моей политики, а также против моих друзей. Я обратился к Герингу, которому подчинялось гестапо, и попросил его о помощи. Господин Геринг просмотрел документы гестапо и сказал мне: "Имеются доказательства относительно того, что господин фон Кетелер готовил покушение на Гитлера". Я заявил, что это совершенно исключено. Но потом господин Геринг установил через Гестапо, что я переслал свои документы в Швейцарию и что при этом господин фон Кетелер помогал мне. Господин Геринг обещал мне переговорить с Гитлером и добиться наказания гестаповцев, которые участвовали в этом инциденте. Я полагаю, что он это делал, однако, эти мои попытки все-же оказались безуспешными.

КУБУШОК. После Вашего от'езда из Вены Вы отошли от общественной жизни? Скажите, Вам после этого предлагали какие-либо новые посты заграницей?

ПАПЕН. Я отошел от общественной жизни, так как тот опыт, который я получил 30 июня и затем в Австрии, показал, что я не должен дальше стремиться к тому, чтобы занять какой-либо официальный пост. Я могу лишь установить, что господин фон Риббентроп дважды в последующий период просил меня поехать в

качестве посла в Анкару и что я дважды отказался от этого.

КУБУШОК. В связи с проблемой Австрии, я задаю Вам следующий последний вопрос. После вступления германских войск в Вену, Гитлер наградил Вас золотым значком партии? Пожалуйста, выскажитесь по этому вопросу.

ПАПЕН. Это правильно. Гитлер имел привычку, как известно, неожиданно увольнять в отставку, и он незадолго до этого дня 4-го февраля уволил меня в отставку и решил австрийский вопрос без меня. Но эти действия он пытался в глазах других замаскировать дружественными письмами или чем-либо другим. Может быть я тогда должен был отказаться от этого золотого значка, так как я не находился более на каком-либо официальном посту и не было никакой причины награждать меня им. Но положение, в котором я очутился в те дни, стало настолько тяжелым, что я не хотел его еще ухудшать. Мой сотрудник Кетелер исчез и я должен был считаться с возможностью того, что против меня будет возбужден государственный процесс, так как я направил свои документы в Швейцарию. Таким образом, я все же принял это награждение. Однако, я оспариваю то, что тем самым доказывается моя принадлежность к партии. Я считаю, что никто из тех, кто меня знает, а также из тех, которые сидят вместе со мной сейчас на одной скамье, не будут утверждать, что я когда-либо в жизни был национал-социалистом.

КУБУШОК. Я хочу остановиться теперь на непродолжительном периоде деятельности моего подзащитного в Турции. Разрешите начать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему необходимо рассматривать события, имевшие место после аншлюсса в марте 1938 года, принимая во внимание то, что заявило Обвинение? Я хочу спросить, разве это каким-либо образом проливает свет на прошлое? Насколько я понимаю...

13620

H1207 - 0104

H1207 – 0105

КУБУШОК. Господин председатель, я закончил весь комплекс вопросов, которые относятся к Австрии. Я сейчас хочу остановиться на небольшом периоде времени, который связан с деятельностью подсудимого в связи с назначением его послом в Анкару. Я задаю вопрос: является ли настоящий момент удобным для того, чтобы начать этот комплекс вопросов или, может быть, господин председатель пожелает об'явить сейчас перерыв? Через час я надеюсь закончить допрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я сделаю это через минуту, но то, о чем я Вас спрашивал, заключается в следующем: почему необходимо касаться деятельности подсудимого в Анкаре, принимая во внимание то, что заявило Обвинение в связи с пунктами обвинения, выдвинутыми против этого подсудимого? Насколько я понимаю, Обвинение заявило, что оно не выдвигает никаких обвинений против подсудимого в связи с его деятельностью в Анкаре. Если история этого периода не проливает света на прошлые годы вплоть до марта 1938 года, то она не имеет отношения к данному делу.

КУБУШОК. При рассмотрении деятельности подсудимого в Турции я остановлюсь лишь на нескольких пунктах, а именно - на тех, которые осветят предшествующую деятельность подсудимого фон Папена. Я ограничусь пред'явлением доказательств в той связи, что подсудимый во время этой деятельности ясно показал, что он являлся ярым противником войны во всех ее фазах и что он в течение всего периода данной войны предпринимал усилия для того, чтобы достичь мира. Таким образом, те доказательства, которые относятся к турецкому периоду деятельности, должны опровергнуть то мнение, что подсудимый ранее когда-либо принимал активное участие в проведении военной политики. Мы ведь должны получить полное представление относительно человека, которого обвиняют в заговоре. Мы должны, если он занимал офи-

циальный пост непосредственно перед началом войны и во время войны, безусловно проверить, не послужат ли его действия в тот период, может быть, как раз контрдоказательством к утверждению обвинения о том, что он был согласен с планами, которые были осуществлены как раз в период его деятельности в Турции. Эти вопросы не займут много времени.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал сейчас сделает перерыв.

/Об"является перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

КУБУШОК. При каких обстоятельствах Вы в 1939 году были назначены на пост посла в Анкару? Почему Вы приняли эту должность?

ПАПЕН. Я принял эту должность после того, как я отклонил ее дважды, причем я принял ее при очень, так сказать, необычных обстоятельствах. В день занятия Албании Италией господин фон Риббентроп позвонил мне и настоятельно попросил меня приехать в Берлин. Там он мне раз'яснил, что на пост в Анкаре, который в течение шести месяцев не был никем занят, необходимо тотчас же назначить соответствующего человека ввиду тех осложнений, которые могли возникнуть на Юго-Востоке, благодаря занятию Албании. Прежде чем согласиться принять эту должность, я хорошо обдумал, могу ли я снова что-либо сделать для гитлеровского правительства и должен ли я это делать.

С 15 марта, т.е. со дня вступления в Прагу, мы знали, что мы сидим, если можно так выразиться, на пороховой бочке. В этом европейском вопросе были возможны два конфликта. Первый - это польский вопрос. Здесь я ничего не мог сделать. Второй - юго-восточный вопрос, который стал животрепещущим вслед-

13192

H1207 - 0106

H1207 – 0107

ствие занятия Албании. Я чувствовал, что я могу кое-что сделать в этой области - внести свой вклад в дело сохранения мира в Европе. Поэтому я решился именно в этот момент поехать в Анкару.

КУБУШОК. Вы сначала поехали в Анкару, чтобы уяснить себе положение, и затем устно и письменно сообщили о своем мнении. Я прошу Вас высказаться по этому поводу.

ПАПЕН. Я получил в Анкаре точную картину создавшегося положения, так как я знал там всех руководящих деятелей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок, Вы не намереваетесь сейчас допрашивать подсудимого по всем сложнейшим вопросам запутанной политики Турции?

КУБУШОК. Нет. Я не намереваюсь этого делать. Этот вопрос вытекает из того доклада, который был сделан подсудимым не только Гитлеру, но также и некоторым другим. В том, что подсудимый сделал этот доклад, и в содержании этого доклада заключается доказательство положительной деятельности подсудимого, направленной на сохранение ~~мира~~ мира. Поэтому я остановился на нем. Господин свидетель, я прошу Вас...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У вас имеется этот доклад?

КУБУШОК. Нет, этот письменный доклад был в документах министерства иностранных дел, и я не мог достать этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, тогда будет лучше, если Вы остановитесь на этом вопросе, но очень коротко.

КУБУШОК. Господин свидетель, продолжайте, пожалуйста.

ПАПЕН. Я буду очень краток, милорд. Итак, я возвратился из Турции и указал Гитлеру в своем докладе, что надо сделать для того, чтобы сохранить мир в Европе. Я послал этот меморандум также Кейтелю и Браухичу.

13693

В этом меморандуме я заявлял, что это необходимо для того, чтобы сохранить мир на Юго-Востоке, чтобы Италия дала действительные обещания, т.е. действительно бы вывела свои войска из Албании и упорядочила бы свои отношения с Турцией, чтобы у Турции были устранены всякие сомнения относительно искренности итальянской политики. По этому поводу произошел очень серьезный разговор между мной и графом Чиано. Граф Чиано находился в этот день в Берлине, он должен был подписать соглашение о германо-итальянском союзе. Когда я выдвинул перед ним свои предложения, он был в высшей степени возмущен и пожаловался на меня г-ну фон Риббентропу. После этого у нас произошел крупный спор с г-ном фон Риббентропом, который мне сказал, что он руководит германской политикой, а не я, и что предлагать в области умиротворения что-либо не входит в мою компетенцию. Затем я подал г-ну фон Риббентропу мое ходатайство об отставке и сказал ему, что ехать при таких обстоятельствах в Анкару совершенно бесполезно. Но г-н фон Риббентроп все это уладил, и я опять поехал в Турцию.

КУБУШОК. Скажите, в этом докладе Вы вообще предупреждали против военных авантюр; но какие причины Вы приводили?

ПАПЕН. Меморандум, который я послал также генералу Кейтелю и генералу Браухичу, содержал и военное истолкование положения. Я говорил там, что начало войны за Польский коридор обязательно приведет к мировой войне, а если разразится такая мировая война, то положение Германии будет безнадежным, так как не подлежит никакому сомнению, что Англия сдержит свои обещания, данные ею Польше, и что Англия и Франция выступят на стороне Польши.

КУБУШОК. Как Вы реагировали на сообщение о начале войны 1 сентября 1939 года?

13694

H1207 – 0108

H1207 – 0109

ПАПЕН. Когда я получил в Анкаре сообщение о начале войны с Польшей, я был возмущен. Я, конечно, надеялся, что Гитлер воздержится от этого шага, который должен был ввергнуть нас в пучину несчастий.

КУБУШОК. Я ссылаюсь здесь на документ № 14, страница 62. Это аффидевит личной секретарши фон Папена, которая служила у него очень продолжительное время. Я цитирую короткую выдержку со страницы 64, абзац второй снизу.

"Об'явление войны по радио застало меня вместе с послом и всеми сотрудниками в посольстве в Анкаре. Сейчас же после этого об'явления я гуляла с послом по парку посольства. Посол был чрезвычайно возбужден и потрясен. Я его никогда не видела таким, даже после самых тяжелых дней 30 июня 1934 г. и после убийства его друга Кетелера. Поэтому я хорошо помню каждое слово из того, что говорил мне тогда посол. "Помните мои слова, - провокация этой войны есть величайшее преступление и величайшее безумие, которое могли совершить Гитлер и его люди. Германия не может выиграть эту войну, все останется под развалинами".

~~КУБУШОК~~ .Скажите, какие же Вы приняли решения на будущее, господин свидетель?

ПАПЕН. Что я мог сделать? Я мог это опротестовать. В таком случае для того, чтобы не быть расстрелянным, как изменник, я должен был бы остаться за границей, то-есть эмигрировать. Этого я никогда бы не сделал, так как я всегда считал, что в своей стране можно работать лучше, чем в эмиграции. Я мог бы уйти в отставку. В таком случае я должен был бы возвратиться в Германию и стать солдатом. Самым лучшим решением мне казалось остаться на своем посту, на посту, где я мог бы лучше всего помочь своей родине.

13695

КУБУШОК. Теперь я перехожу к Вашим различным стремлениям сохранить мир. Я просил бы Вас коснуться Ваших переговоров с голландским послом доктором Виссером.

ПАПЕН. Непосредственно после похода на Польшу я начал переговоры с бывшим голландским послом в Анкаре доктором Виссером, который выразил свою готовность быть посредником в Лондоне между мной и министром иностранных дел Голландии. Конечно, предпосылкой для поддержания мира была бы реставрация Польши и урегулирование вопроса о Польском коридоре. Я раз'яснил господину фон Риббентропу эти возможности укрепления мира, но мне показалось, что эти предложения не были рассмотрены в Берлине. Поэтому в ноябре 1939 года я лично поехал в Берлин. Господин фон Риббентроп сказал мне: "Фюрер ничего не хочет знать о мирных переговорах. Я прошу Вас поэтому не предпринимать никаких шагов".

Несмотря на это, я все же поехал к Гитлеру и рассказал ему о предложении голландцев и о желании самого голландского посла в Анкаре д-ра Виссера лично приехать в Берлин. К сожалению, Гитлер отклонил все мои аргументы.

КУБУШОК. Я указываю на то, что с разрешения Трибунала я послал послу Виссеру опросный лист, но ответа еще не получил.

В 1939 году Вы делали какие-либо предложения относительно прекращения войны? Я думаю при этом о докладе относительно восстановления правовой жизни в Германии.

ПАПЕН. Да, в декабре 1939 года я направил господину фон Риббентропу подробный доклад, который он должен был передать Гитлеру. В этом докладе я говорил, что первым условием для заключения мира и готовности заграницы к миру является отход от старых методов германского правления, то-есть, возвращение к конституционному правлению в Германии. Затем я сказал Гит-

13196

H1207-0110

H1207 – 0111

леру: "Если Вы это сделаете, то Вам будут больше доверять заграницей и таким образом возможно будет установить мир".

КУБУШОК. А каковы были инструкции и директивы, которые Вы получили в Берлине относительно усилий добиться мира, и что Вы делали, несмотря на это?

ПАПЕН. Руководящий состав миссии неоднократно получал от имперского министра иностранных дел категорический приказ ни при каких условиях не вести переговоров о мире. Такие попытки, по мнению министерства иностранных дел, являлись признаком слабости. Но я придерживался этих директив, так как я был полон решимости со своей стороны сделать все возможное для того, чтобы сократить войну. Поэтому весной 1941 года, перед балканским кризисом, я обратился к его Величеству королю Швеции с просьбой быть посредником при мирных переговорах. Кроме того, я попросил президента Турции Исмета Иненю обдумать возможность посредничества. Президент Иненю согласился на это, а его Величество король Швеции отклонил такое предложение и сказал, что ему кажется, что положение не позволяет делать этого. Турецкий премьер-министр потребовал, чтобы ему было прислано официальное предложение такого посредничества. Но такого официального предложения, конечно, не последовало.

КУБУШОК. Скажите, как Вы расценивали события 10 мая 1940 года, когда немецкие войска вступили в Голландию и Бельгию? Что Вы заявили в связи с этим?

ПАПЕН. 10 мая 1940 г. у меня создалось впечатление, которое я вынес из первой мировой войны, а именно - передо мной встал вопрос, почему бельгийский нейтралитет был нарушен Германией. Мне было совершенно непонятно, почему снова была повторена эта психологическая ошибка. Я выразил это свое мнение в письме, которое я послал 10 мая голландскому посту док-

13697

тору Виссеру.

КУБУШОК. Что Вы сделали для того, чтобы воспрепятствовать распространению войны на Балканах?

ПАПЕН. Когда развился югославский кризис и наши войска проходили через Болгарию, я попросил Гитлера написать письмо турецкому премьер-министру. В этом письме Гитлер уверял турецкого премьер-министра, что он ни при каких условиях не намеревается направить свои действия против Турции и что он поэтому дал приказ немецким войскам держаться на расстоянии 40 километров от турецкой границы.

КУБУШОК. В июне 1941 года Вы заключили с Турцией пакт о дружбе. Расскажите коротко о причинах подписания этого пакта.

ПАПЕН. Причины были очень просты: ограничение войны. Турция должна была знать, что, несмотря на наш союз с Италией, на войну на Балканах, на войну в Греции, мы не угрожаем Турции. Турция должна была также знать, что мы не попытаемся пройти через Турцию к Суэцкому каналу. Переговоры были очень длительными и тяжелыми, так как господин фон Риббентроп желал, чтобы в этом договоре не было ничего упомянуто о тех договорах, которые имела Турция с союзниками. Я указал господину фон Риббентропу на то, что господа турки придерживаются своих договоров.

КУБУШОК. Знали ли вы о намерениях Гитлера относительно России? Что вы думали об этой войне?

ПАПЕН. Начало войны с Россией было для нас, само собой разумеется, полнейшей неожиданностью. Мы слышали о концентрации войск с обеих сторон, но я, конечно, предполагал и надеялся, что Гитлер будет придерживаться своего пакта с Россией и что он не начнет этой войны. Начало войны с Россией я рассматривал как преступление, как с точки зрения интересов Германии,

13698

H1207 – 0112

H1207-0113

так и с точки зрения интересов всей Европы.

КУБУШОК. После того, как Вы вернулись из Германии осенью 1943 года обратно в Турцию, Вы продолжали предпринимать попытки, направленные к сохранению мира?

ПАПЕН. Осенью 1943 года, после Сталинграда, стало совершенно ясно, что нельзя установить мира с гитлеровским правительством. Об этом я говорил, и очень много говорил, с моими друзьями - военными лицами. Осенью 1943 года меня посвятили в план Бека, о котором здесь говорил свидетель Гизевиус. Этот план не предусматривал устранения Гитлера путем организации покушения, а просто имелось намерение окружить его ставку войсками и затем разделаться с Гитлером. Причины для этого были налицо, так как, если многие генералы и считали, что надо покончить с этой войной, то все-же они боялись каких-либо действий против Гитлера, так как они придерживались мнения, что Гитлер до сих пор пользовался еще очень большим авторитетом. Кроме того, была еще другая трудность: если бы устранили Гитлера, то не знали, что сделают с нами союзники.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что этот вопрос должен рассматриваться более кратко, доктор Кубушок!

КУБУШОК. Да.

ПАПЕН. Я буду очень краток, милорд. Итак, взвесив все эти причины, я попытался узнать, что сделают в таком случае союзники с Германией, и поэтому я обратился к тогдашнему американскому послу Ирлю, который об этом сообщил в то время в прессе.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ № 93 на странице 214-й. Это - опросный лист барона Лерснера, которого я хотел пригласить сюда в качестве свидетеля, но который не мог сюда приехать ввиду затруднительного положения с транспортом. На стра-

нице 214-й Вы найдете ответ на седьмой вопрос:

"Все мои действия, направленные на проведение мирных переговоров, основываются на моей собственной инициативе. Они являлись попыткой оказать содействие для установления мира во всем мире, то есть между всеми ведущими войну государствами. Прежде чем предпринять какие-либо шаги для достижения мира, я устанавливал связь с послом фон Папеном, и он всегда оказывал мне широкую поддержку, несмотря на то, что ему было запрещено предпринимать какие-либо шаги, направленные для достижения мира, и это было так же опасно для его жизни, как и для моей. Он познакомил меня с целым рядом иностранцев и прежде всего с апостолическим делегатом в Истамбуле - архиепископом Ронкалли.

Когда в 1942 году я принял решение поехать в Ватикан, посол фон Папен не только настоятельно советовал мне совершить это путешествие, но и лично добыл для меня все документы и паспорта, необходимые для поездки в Рим, где я, несмотря на специальное категорическое запрещение имперского правительства, говорил со статс-секретарем кардиналом Маглионе и с дипломатическим директором курии епископом Монтини и предложил им посредничество папы Пия XII в деле установления мира между всеми воюющими державами. Когда мне в апреле 1944 года представилась возможность вступить в связь с другом президента Рузвельта, с которым я с давних пор был лично знаком, - бывшим послом в Вене и Софии Джорджем Ирлом, - господин фон Папен опять-таки всячески помогал мне в этом, он даже взял на себя...".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прерывая/. Это уже детали. Не будет ли достаточно сказать, что в соответствии с заявлением подсудимого он пытался любым путем достичь мира? Затем Вы можете сослаться, если пожелаете, на любой из опросных листов или письмен-

13700

H1207 – 0114

H1207 - 0115

ных показаний под присягой, которые подтверждают то, что сказал подсудимый.

КУБУШОК. Хорошо, я не буду далее оглашать этот ответ на вопрос № 7 и ссылаюсь далее на документ № 94, на странице 217. Это письмо барона Курта фон Лерснера, направленное господину Патрику. В этом письме он ссылается на то, что уже в 1939 году Папен намеревался послать Лерснера в Турцию для того, чтобы он, опираясь на свои международные связи, мог бы действовать в направлении установления мира. Он описывает здесь трудности, возникшие в связи с этим планом, который все же был осуществлен Папеном. Кроме того, здесь упоминается о всевозможных попытках установить мир, которые предпринимались у короля Болгарии Бориса и у адмирала Хорти.

Итак, я хочу коснуться еще одного комплекса вопросов, который затронул свидетель Гизевиус. Я хочу подтвердить это документально. Я хочу доказать, что к Папену хорошо относились в кругах участников заговора 20 июля и он даже намечался на пост министра иностранных дел.

Я ссылаюсь на показание, данное под присягой графом Бисмарком, документ № 90, на странице 201. /Граф Бисмарк, в ходе событий 20 июля, был заключен в концлагерь. Это я сказал для характеристики свидетеля/. И вот в документе № 90 Бисмарк указывает на то, что Папен в случае смены правительства согласен был принять в нем участие. С господином фон Тротт, работавшим в министерстве иностранных дел, велись переговоры об организации информационной службы. Тротт был приговорен к смертной казни в связи с событиями 20 июля. И, наконец, я ссылаюсь на документ № 89, стр. 199. Это - письмо Гайля сыну Папена, где Гайль указывает, что 20-го июля участник заговора полковник граф фон Штауфенберг считал, что подсу-

H1207 - 0116

димый Папен должен быть позднее назначен на пост министра иностранных дел в новом правительстве.

Трибунал уже разрешил зачитать это письмо.

Господин свидетель, скажите, как Вы относились к партии во время вашего пребывания в Турции?

ПАПЕН. Мое отношение к партии было чрезвычайно плохим. Я целые годы вел борьбу с ландесгруппенлейтером партии, который находился в Турции. Этот человек сказал следующее чиновникам моего посольства: "Папена следует заключить в концлагерь или расстрелять". Я должен был очень долго бороться за устранение этого человека.

КУБУШОК. Скажите, что Вы сделали в это время в области церкви?

ПАПЕН. Во время войны я сделал все возможное для того, чтобы противодействовать борьбе против церкви, т.е. я взял под личную охрану все эти учреждения в Турции.

КУБУШОК. Я ссылаюсь в этой связи на документ № 53, стр. 141, и на документ № 51, страница 138 книги документов. Скажите, что вы сделали в области еврейского вопроса во время своего пребывания в Турции?

ПАПЕН. Я всегда противился проведению всех мероприятий германского имперского правительства, направленных против немецких евреев. Имел место длительный партийный процесс, вызванный тем, что немецкие сотрудники моего посольства лечились у врача-еврея. Я защищал моих сотрудников, и я также отказался забрать у немецких евреев, проживавших в Турции, все паспорта и лишить их права гражданства.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ № 95, на странице 227. Это - ответы на опросный лист профессора Мартионини:. В вопросах 5, 6 и 7 освещаются эти проблемы. В ответе на вопрос № 6, последний абзац, очень важен, и, с другой стороны,-о нем еще

H1207 – 0116

H1207 – 0117

не упоминал свидетель Папен, так что я хочу процитировать его: "Особенно хорошо помню я один случай, произошедший весной 1944 года, когда я по просьбе господина Барласа, комиссара по делам беженцев при еврейском агентстве, посетил фон Папена, чтобы просить о его содействии в спасении 10 тысяч евреев во Франции от высылки в Польшу с целью уничтожения. Эти евреи были ранее турецкими подданными, но позднее отказались от этого подданства. Господин фон Папен выполнил мою просьбу, и, вследствие его вмешательства, жизнь этих евреев была спасена, о чем я позже узнал от самого господина Барласа".

Я далее продолжаю цитату: "О подробностях этих действий, о которых я информировал также господина Штейнгарта, бывшего посла Соединенных Штатов в Анкаре, и Нуман Менеменджиоглу бывшего министра иностранных дел в Турции, можно спросить у господина Барласа." Это на 22-й странице.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок, я хочу вновь указать Вам на то, что вы уже потратили гораздо больше времени на этот допрос, чем, как Вы сказали, Вы предполагали потратить.

КУБУШОК. Я очень скоро закончу, через несколько минут.

Итак, я ставлю последний вопрос свидетелю. Когда 2 августа 1944 года Турция порвала дипломатические отношения с Германией, Вы возвратились в Германию. Почему Вы не остались в Турции и не прекратили всякую связь с Германией?

ПАПЕН. Я должен сказать, что в день разрыва дипломатических отношений между Германией и Турцией английский премьер-министр господин Черчилль заявил в палате общин следующее: "Разрыв дипломатических отношений Турции с Германией будет иметь большие последствия также и для господина фон Папена. 30 июня он ускользнул от кровавой расправы, на этот раз ему не удастся этого сделать".

13703

Итак, со стороны союзников мне было сделано предложение остаться в Турции. Я отклонил это предложение союзников. Я сказал: "Я возвращаюсь в Германию,—там мое место. Я не буду в эмиграции, так как я думаю, что еще можно кое-что сделать для моей родины". Так я возвратился в Германию. Когда я приехал туда, я увидел, что в результате применявшегося террора, который начался 20 июля, не было никакой возможности что-либо сделать. Перед моей дверью поставили патруль гестапо. Это, так сказать, было завершением моей деятельности.

КУБУШОК. Я ссылаюсь на документ № 95 на странице 226. Это—уже упомянутые мною ответы профессора Мартионини на опросный лист. Я ссылаюсь на ответ к 3-му вопросу, и я хочу лишь очень кратко процитировать последнюю часть этого ответа, которая разбирает проблему, только что затронутую свидетелем. "Последняя подобная беседа состоялась 2 августа 1944 года, за день до его окончательного от"езда из Анкары, после разрыва дипломатических отношений между Германией и Турцией. На мой совет - не уезжать, а оставаться в Турции и отсюда направить немецкому народу и немецкой армии воззвание с призывом свергнуть Гитлера и немедленно прекратить бессмысленную войну,—фон Папен ответил, примерно, следующее:

"Из истории я знаю, что нельзя устранить диктатуру, находясь в эмиграции, надо самому поехать в страну и там активно бороться против этого режима. Поэтому я решил возвратиться в Германию с тем, чтобы вести там борьбу против гитлеровского режима и тем самым ускорить окончание войны".

Итак, я заканчиваю мой допрос свидетеля фон Папена.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желают ли другие защитники задать вопросы подсудимому?

ЛЮДИНГХАУЗЕН/защитник подсудимого Нейрата/. Господин фон

13704

H1207 – 0118

H1207 – 0119

Папен, с разрешения Трибунала я хотел бы задать Вам несколько вопросов. С какого времени Вы знакомы с господином фон Нейратом?

ПАПЕН. С 1932 года.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Правильно ли, что имперский президент очень хотел, чтобы господин фон Нейрат был бы министром иностранных дел в Вашем правительстве, которое было образовано Вами в 1932 году?

ПАПЕН. Да, это совершенно правильно.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Было ли Вам известно или знали ли Вы на основании прошлой деятельности господина фон Нейрата в качестве посла, в частности, посла в Лондоне, что господин фон Нейрат был последовательным приверженцем течения, которое хотело добиться мирной политики?

ПАПЕН. Это было известно мне и каждому немцу.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. И Вы сами одобряли это?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что Вы слишком быстро говорите. Продолжайте.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, и Вы сами также одобряли эту мирную политику?

ПАПЕН. Конечно, я одобрял эту политику, иначе мы бы не сотрудничали вместе в моем кабинете.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, участвовал ли господин фон Нейрат несколькими месяцами позднее в переговорах, которые привели к предоставлению Гитлеру поста рейхсканцлера?

ПАПЕН. Нет, никоим образом.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Известно ли Вам, что рейхспрезидент фон Гинденбург поставил условием, чтобы господин фон Нейрат стал министром иностранных дел в новом правительстве Гитлера?

ПАПЕН. Я уже здесь говорил, что это было открыто высказанное пожелание Гинденбурга.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, а как отнесся к этому Гитлер? Он принял это с тем, чтобы вообще иметь возможность сформировать это правительство, или он одобрял выбор Гинденбурга?

ПАПЕН. Я думаю, что Гитлер был согласен с назначением фон Нейрата на пост министра иностранных дел.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, Вы сами говорили об этом с Гитлером?

ПАПЕН. Да, очень часто. И я даже узнал от Гитлера, что он верит в опыт господина фон Нейрата и надеется на него.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, а Вы когда-либо говорили об этом с самим господином фон Нейратом?

ПАПЕН. Так точно.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Он быстро принял подобное решение сформировать кабинет?

ПАПЕН. Я думаю, что у господина фон Нейрата были те же самые сомнения, что и у меня.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, насколько Вам было известно и судя по высказываниям Гитлера, каковы же были его внешнеполитические цели и стремления?

ПАПЕН. Внешнеполитические цели Гитлера были в то время очень ограничены: Устранение всевозможной дискриминации мирным путем и укрепление позиций Германии во всем мире.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. До конца 1937 года Вы вообще слышали от Гитлера что-либо такое, что заставляло бы Вас предполагать, что он решится применить и силу оружия в случае, если его мирные переговоры не увенчаются успехом?

ПАПЕН. Я никогда ничего не слыхал о подобных намерениях Гитлера.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Но здесь все время утверждают, что он высказывал подобные кровавые намерения в руководящих партийных кругах.

13701

H1207 – 0120

H1207 – 0121

ПАПЕН. Мне никогда не было известно, чтобы в партии даже самые радикальные национал-социалисты когда-либо говорили об идее войны.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Итак, мы можем резюмировать, что Вы были вполне согласны с теми целями мирной политики, которые ставились господином фон Нейратом?

ПАПЕН. Абсолютно согласен.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Но господина фон Нейрата упрекают в том, что он содействовал осуществлению вооружения Германии? Скажите, каковы были мотивы и причины Гитлера для проведения вооружения, которое началось уже, собственно говоря, с момента, когда Гитлер стал командовать вооруженными силами?

ПАПЕН. Я уже вчера говорил, что вооружение началось только после того, как я ушел из кабинета, но, насколько я знаю, все мои коллеги считали, что вооружение должно проводиться с той целью, чтобы Германия имела возможность обеспечить защиту своих границ от нападения извне.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Итак, я перехожу к проблеме относительно Австрии. Знаете ли Вы, как относился господин фон Нейрат к этой проблеме?

ПАПЕН. Отношение г-на фон Нейрата к австрийской проблеме было таким же, как и мое отношение к этой проблеме. Он, как и я, все время протестовал в кабинете против всех террористических мероприятий, которые инсценировала партия в 1933-34 г.г.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, когда Вы были посланы Гитлером с чрезвычайной миссией в Вену, Вы подчинялись г-ну фон Нейрату и получали от него указания или Вы их получали только от Гитлера?

ПАПЕН. Я не был подчинен господину фон Нейрату. Я попросил разрешения подчиняться непосредственно Гитлеру. Но, конечно, я все время информировал г-на фон Нейрата и министерство

иностранных дел о тех мероприятиях, которые я проводил. Это вытекает из имеющихся здесь документов.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Как относился г-н фон Нейрат к переговорам летом 1936 г., которые привели к соглашению от 11 июля между Германией и Австрией?

ПАПЕН. Я должен сказать, что г-н фон Нейрат так же, как и я, считал, что этот договор должен привести к дружественным отношениям между этими братскими народами.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, что же он оказывал влияние на Гитлера именно в этом направлении?

ПАПЕН. Мне это неизвестно, но я предполагаю, что это было так.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. И что же, он совершенно искренне относился к этому договору? Как вы полагаете?

Я хотел бы заметить, что Обвинение утверждает и вменяет господину фон Нейрату в вину то, что этот договор имел целью обмануть Австрию.

ПАПЕН. Я вчера уже очень подробно останавливался на этом вопросе и протестовал против утверждения Обвинения о том, что якобы имелись намерения ввести в заблуждение Австрию. Господин фон Нейрат так же не желал этого, как и я.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Теперь еще два небольших вопроса. Известно ли вам, какую позицию занимал господин фон Нейрат по вопросу о выходе Германии из Лиги наций и ухода с конференции по разоружению в 1933 году?

ПАПЕН. Да, мне это очень хорошо известно. Господин фон Нейрат считал, что необходимо уйти с этой конференции по разоружению. Он так же, как и я, считал, что не следует уходить из Лиги наций. Как я вчера заявил Трибуналу, с его согласия я поехал за Гитлером в Мюнхен для того, чтобы уговорить Гитлера не выходить из Лиги Наций.

13708

H1207 – 0122

H1207 - 0123

ЛЮДИНГХАУЗЕН. У меня больше нет вопросов, господин председатель.

/К микрофону подходит д-р Зайдль/.

ЗАЙДЛЬ. Я прошу разрешения Трибунала вместо отсутствующего защитника д-ра Штамера задать один вопрос за подсудимого Геринга.

Господин свидетель, Вы сегодня утром заявили, что Вы, в связи с убийством Вашего друга Кетелера, обратились в 1938 г. к Герингу, потому что ему подчинялась тайная государственная полиция. Скажите, не является ли фактом и не знаете ли Вы факта об этом, что, начиная с 1936 года, тайная государственная полиция подчинялась только лишь Гиммлеру и что она лишь формально была подчинена министру внутренних дел?

ПАПЕН. Возможно, что, вследствие моего 4-х летнего отсутствия в Германии, т.е. 4-х летнего пребывания в Австрии, я не знал этого. Здесь же было это все установлено. Во всяком случае, обращаясь к Герингу, я почему-то чувствовал, что он был в состоянии защитить меня от нападок гестапо, и после того, как Гитлер отклонил мою просьбу поговорить с ним по этому вопросу, было вполне естественным, что я обратился именно к Герингу, как второму человеку в империи.

ЗАЙДЛЬ. У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли Обвинение подвергнуть подсудимого перекрестному допросу?

/К микрофону подходит сэр Дэвид Максуэлл Файф/.

СЭР ДЭВИД, ~~МАКСУЭЛЛ ФАЙФ~~. Не предпочли бы Вы начать допрос после перерыва.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, я думаю, что в таком случае мои документы будут приведены в порядок и это будет более удобным для Трибунала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы начнем заседание в 1.55.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я вам очень признателен, милорд.

/Об'является перерыв до 13 ч. 55 м/.

НН

13710

H1207 - 0124

H1207 – 0125

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 18 июня 1946 года.

/Вечернее заседание/.

Встать! Суд идет!

/К микрофону подходит сэр Дэвид Максуэлл Файф/.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, помните ли вы о том, что в своих показаниях от 19 сентября прошлого года, вы высказали точку зрения, что Гитлер был самым большим мерзавцем, которого вы когда-либо видели в своей жизни?

ПАПЕН: Это вполне верно. Это мое мнение, которое у меня сложилось после того, как я узнал о всех этих преступлениях.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Это было 19 сентября 1945 г. Но меня больше интересует ваш следующий ответ. Не это ли вы ответили на вопрос о том, когда вы пришли к выводу, что Гитлер был самым большим мерзавцем, которого вы когда-либо видели в своей жизни: "Только после того, как я узнал, какие факты послужили для него поводом начать войну", - вы помните, что вы так сказали.

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Не потребовалось ли вам слишком много времени для того, чтобы разгадать эту довольно очевидную истину после вашего близкого сотрудничества с Гитлером?

ПАПЕН: Мое мнение о Гитлере, о его внутриполитическом значении создалось у меня после 30 июня 1934 года. Однако, я мог полагать, как и все другие, что в области внешней политики он будет разумнее, и этого мнения я придерживался до Мюнхенского соглашения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Давайте посмотрим, не было ли у вас возможности притти к этой точке зрения значитель-

но раньше. Когда вы в 1932 году были рейхсканцлером,вы должны были ознакомиться с людьми, целями и методами нацистской партии? Не так ли?

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И вы это сделали - не так ли?

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И вы помните - я не хочу терять времени и ссылаться на соответствующий документ,но вы можете считать точной цитатой то,что 16 ноября 1932 г. в письме к вам Гитлер сказал: "Вы должны знать, каково мировоззрение мое и моей партии".

ПАПЕН: Да,конечно, я знал, какие цели преследовала его партия. Однако,разрешите мне добавить,что, если какая-либо партия вступает в коалицию с другой партией, то она должна многое вычеркнуть из своей программы и принять коалиционную программу. Это и сделал 30 января Гитлер.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да,но прежде, чем мы перейдем к 30 января, я хочу спросить вас, каково было ваше мнение в 1932 году? В 1932 году, когда вы занимали пост канцлера, вы очень мало сомневались в том,что если бы Гитлер пришел к власти, Германии угрожала бы опасность подпасть под управление насильственными, неконституционными методами, не так ли, если бы Гитлер пришел к власти?

ПАПЕН: Без сомнения, программа национал-социалистов в этом отношении была революционной. Однако,я подробно изложил суду, что все эти вынужденные меры, к которым прибегли 30 января, явились результатом необходимости принятия общих мер безопасности. Была создана совместная коалиционная программа, которая,по нашему мнению,исключала некоторые упомянутые вами опасные пункты его программы.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: В середине 1932 года прези-

H1207 – 0126

H1207-0127

дент фон Гинденбург решительно придерживался того мнения, что было бы весьма опасно передать власть в руки Гитлера, не так ли?

ПАПЕН: Да, он действительно придерживался мнения, что Гитлера следовало контролировать путем ограничения его полномочий.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу только привести вам одну фразу из письменных показаний под присягой господина Майсснера, которые Трибунал найдет в книге документов II "А",на странице 43-й. Это документ ВВ-495, № 3309-ПС.

Это уже было позднее, в августе 1932 года. В заявлении Майсснера говорится:

"Гинденбург заявил, что в связи с напряженной обстановкой он не может с чистой совестью рисковать передачей государственной власти новой партии, каковой является национал-социалистская партия, которая не представляет собой большинства, и которая нетерпима, шумлива и недисциплинирована".

Это довольно умеренное высказывание со стороны президента империи, принимая во внимание то время, когда это говорилось, не правда ли?

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Видите ли, подумайте... Я сейчас не говорю о коалиции. Я говорю сейчас о том,что случилось бы,если национал-социалисты сами взяли бы власть в свои руки... - Вам было совершенно ясно,что в этом случае, они,будучи не особенно щепетильными людьми,быстро бы разделались со своими политическими противниками,не правда ли?

ПАПЕН: Этого нельзя сказать. В политической жизни всегда положение таково, что радикальной партии, и вообще лю-

бой партии,но в особенности радикальной партии, если она приходит к власти и становится ответственной партией,приходится очень много вычеркнуть из своей программы. Это мы, скажем, можем наблюдать на примере социалистических партий всех стран.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФОЙФ: Правда ли, что, как заявил под присягой подсудимый Геринг, в 1932 году он говорил вам, что независимо от того, как будут действовать нацисты, Гитлер не будет, во всяком случае, занимать второго места, не будет одним из "вице". По словам Геринга, он сокрушил бы всякое политическое устройство,которое не обеспечивало бы ему первенства.

ПАПЕН: Да, об этом Гитлер мне сам неоднократно заявлял.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И поэтому вы поняли,что Гитлер и его сообщники хотели,чтобы им была предоставлена полная возможность претворять в жизнь свои цели и свою программу,не так ли?

ПАПЕН: Нет, об этом я не знал. Это - вывод, который сделали вы ~~сами~~ здесь и который вовсе не соответствовал тогдашним условиям. Вам нужно лишь прочесть правительственную программу нашей коалиции от I февраля.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Не беспокойтесь,подсудимый, я в свое время обращусь к периоду вашей коалиции 30 января. Но в настоящее время я хочу задать вам один - два вопроса о вашем мнении о Гитлере и о мнении Гинденбурга о Гитлере в 1932 году, так как я хочу очень кратко суммировать события этого периода и разбить их на несколько резко очерченных стадий.

Я все еще спрашиваю вас о 1932 годе. Мой вопрос к вам был таков: осознавали ли вы, что в том случае, если,Гитлер и его соратники придут к власти, захватить которую они хо-

13714

H1207 – 0128

H1207 – 0129

тели, они удовлетворятся лишь в том случае, если им предоставится полная возможность претворить в жизнь свои намерения и свою программу?

ПАПЕН: Нет, об этом я не знал, так как иначе я не сделал бы попытки в 1933 году привлечь их к составлению общей коалиционной программы.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мне кажется, что вы уже сказали нам об этом. Но я хочу еще раз точно сформулировать, что по вашему мнению было прежде всего необходимо для Германии во второй половине 1932 года: ликвидация политических разногласий и внутренней борьбы и укрепление отношений с западными державами в целях ослабления Версальских требований. Я пытаюсь в наиболее краткой форме изложить то, что я понял из ваших показаний. Вы действительно говорили об этом?

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом, вашим первым шагом в осуществлении этих целей было обращение к Гитлеру в августе 1932 года, с предложением стать вице-канцлером в вашем правительстве, не так ли?

ПАПЕН: Совершенно верно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Гитлер отказался от этого предложения и отказался от него вторично, когда вы возобновили его в ноябре 1932 года, это так?

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Для того, чтобы не тратить слишком много времени, я хочу лишь выяснить, правильно ли говорится об этом в пятом и шестом параграфах аффидевита господина Мейснера. Я кратко изложу вам содержание этого аффидевита и с удовольствием оглашу из него любой отрывок, который вызовет у вас сомнения. В аффидевите говорится, что в ноябре 1932 года вы думали, что общая ситуация и нацист-

ская партия, в частности, могли бы находиться под контролем, если бы президент дал вам полномочия издавать декреты по 48-й статье и обеспечил бы вам поддержку имперских вооруженных сил и полиции. Но в то время генерал фон Шлейхер возражал против этого,так как он считал, что имперские вооруженные силы были не в состоянии поддерживать порядок в Германии. Это правильно?

ПАПЕН: Это неверно в том отношении, что это событие не может быть согласовано с какой-либо статьей конституции, а просто являлось нарушением конституции. В остальном это верно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Может быть,ему пришлось бы использовать внеконституционные методы для поддержания контроля, вы это имеете в виду?

ПАПЕН: Да. Как я уже здесь сказал, это поручение он дал мне I декабря.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но ведь фактически Мейсснер прав, говоря,что после неудачной попытки ввести Гитлера в свое правительство, вы хотели продолжать управление страной, пользуясь правом издавать декреты и путем осуществления контроля над имперскими вооруженными силами; правильно и что генерал фон Шлейхер заявил, что это неосуществимо?

ПАПЕН: Нет, это неверно. После того,как господин президент Гинденбург решил, что он не будет нарушать конституцию, он, как известно, назначил генерала Шлейхера рейхсканцлером. Господин фон Шлейхер хотел тогда,путем раскола партии, создать большинство и я,конечно, поддерживал эту попытку господина фон Шлейхера.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: На тот случай,если я совершил какую-нибудь ошибку, я хочу привести вам собственные слова Мейсснера. Это параграф пятый показаний свидетеля,

13716

H1207 – 0130

H1207-0131

помещенных в книге II "А",страница 44.

Я думаю,подсудимый, что если вы не возражаете, будет удобнее, если вы будете следить по документу за оглашением цитаты; таким образом мы исключим возможность ошибок.

ПАПЕН: Хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это параграф 5 показаний господина Мейсснера. Вторичное назначение президентом Гинденбургом Папена на пост канцлера, очевидно, было бы возможно, если бы он был готов начать открытую борьбу против национал-социалистов, что означало бы угрозу применения насилия или даже фактическое его применение. Почти до самого ухода со своего поста Папен и некоторые другие министры соглашались с необходимостью вести усиленную борьбу против нацистов путем использования всех имеющихся у государства средств, основываясь на параграфе 48 конституции, даже в том случае, если это могло привести к вооруженному конфликту. Однако другие министры придерживались того мнения, что этот путь приведет к гражданской войне.

Это решение было выдвинуто Шлейхером,который в первое время прилагал весьма энергичные меры против национал-социалистов, даже в том случае, если это повлекло бы за собой использование полиции и армии. Затем,на решающем заседании кабинета министров, он отказался от этой мысли и об'явил, что готов согласиться с Гитлером. Это правильно?

ПАПЕН: Отчасти правильно, отчасти нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Скажите нам,как можно короче, какую часть аффидевита вы считаете неправильной?

ПАПЕН: Мое повторное назначение на пост канцлера Гинденбургом было бы по мнению г-на Мейсснера,возможно, если бы я из'явил готовность вести открытую борьбу против нацистов. Это исторически неверно,ибо я I-го декабря предложил

Гинденбургу совершить нарушение конституции и тем самым начать открытую борьбу против нацистов. Господин фон Шлейхер не был согласен с этим. Это - историческая истина.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: В интересах последовательности я прошу вас обратиться к параграфу 6 этого же документа, это примерно второе предложение. Читаю выдержку,которая начинается словами:

"Когда стало ясно,что Гитлер не хочет войти в кабинет Шлейхера и что Шлейхер со своей стороны не может произвести раскол национал-социалистской партии - что он надеялся сделать при помощи Грегор-Штрассера, - политика,благодаря которой Шлейхер был назначен канцлером, потерпела крах. Шлейхер понимал,что Гитлер не может простить ему его попытку произвести раскол партии и поэтому никогда не согласится сотрудничать с ним. Поэтому он переменил свое решение и пришел к выводу, что нужно бороться с нацистами; это означало,что он хочет следовать политике, против которой он резко возражал за несколько недель до этого,когда ее предложил фон Папен". Это правильно?

ПАПЕН: Это совершенно верно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Теперь мне хотелось бы внести во все это окончательную ясность. Вы сказали нам, что вы впервые обратились к Гитлеру лишь в августе, но до этого времени вам уже удалось узаконить положение СА и СС - организаций, которые канцлер Брюнинг об'явил нелегальными. Вы сделали это 14 июня, не так ли?

ПАПЕН: Да, я отменил запрет, однако, лишь на четыре недели.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы считали, что правильно было отменить запрет в отношении СА, которая наводила ужас на улицы?

ПАПЕН: Я раз'яснял суду,каким образом дело дошло до от-

H1207-0132

H1207 – 0133

мены этого запрета. Целью отмены этого запрета было побудить Гитлера и его партию согласиться с существованием моего кабинета. Вторая причина заключалась в том,что роспуск этих боевых организаций являлся односторонним актом, т.к. одновременно не были распущены социал[illegible] и коммунистические организации.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: 20 июля вы силой избавились от правительства Браун-Зеверинга и взяли в свои руки управление Пруссией и прусской полицией?

ПАПЕН: Это нельзя формулировать в таких выражениях.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но фактически вы ведь избавились от правительства Браун-Зеверинга и взяли в свои руки управление Пруссией и прусской полицией, не так ли?

ПАПЕН: Я не имел в своих руках прусской полиции.Прусская полиция находилась под руководством комиссара Пруссии, которого я назначил. Это был очень умеренных взглядов человек.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Согласно Веймарской конституции, вы, как канцлер, имели право диктовать линию общей политики, в то время,как комиссар Пруссии и все остальные министры должны были следовать указанной вами общей политике,не так ли?

ПАПЕН: После того,как я назначил комиссара,я имел право определять основную линию в политике Пруссии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Сейчас я хотел бы,чтобы вы взглянули на речь, произнесенную вами в Эссене в ноябре 1933 года,где вы упоминаете о том периоде, о котором сейчас идет речь. Это книга документов № II, стр. 54 /47 стр. немецкой книги документов/. Вы видите первые слова:

"С тех пор, как провидение призвало меня стать пионером воскресения нации и возрождения нашего отечества, я

всеми силами пытался поддержать деятельность национал-социалистского движения и его руководителей".

Это правильно?

ПАПЕН: Абсолютно да, это относится...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я лишь спросил вас, правильно ли это. Я, возможно, опять вернусь к этой цитате. "Подобно тому, как в то время, когда я принял канцлерство", /Речь идет о вас, о том, что вы приняли канцлерство/ "я выступал за то, чтобы открыть путь к власти молодому борющемуся освободительному движению".

Таким образом, ваша поддержка молодого, борющегося освободительного движения в его стремлении к власти заключалась в том, что вы узаконили существование СА, выгнали из Пруссии умеренное правительство и централизовали контроль полиции?

ПАПЕН: Нет. Это очень плохая параллель.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Остановитесь на этом и скажите мне, действительно ли вы ничего этого не делали. Расскажите, пожалуйста, Трибуналу, как именно вы прокладывали путь к власти для молодого борющегося освободительного движения, если вы делали это не так, как я вам только что указывал?

ПАПЕН: Да, об этом я скажу очень точно. Программа национал-социалистской партии предусматривала освобождение Германии от дискриминации, причиной которой был Версальский договор. Я об этом говорил здесь очень подробно. Я показал, какие усилия я сам предпринимал для того, чтобы в этом отношении добиться соглашения с великими державами. Мы хотели из второразрядной нации снова стать великой державой. Таков был смысл этих мероприятий.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, я не хочу вас

13720

H1207 – 0134

H1207 – 0135

останавливать, и Трибунал даст вам возможность повторить все, что вы говорили по этому поводу,но я хочу,чтобы вы ответили на мой вопрос. Если я сделал неправильное заключение, заявив, что 2 приведенных мною ранее примера вашей деятельности представляют собой иллюстрацию той поддержки, которую вы оказывали этому движению,я попрошу вас очень коротко рассказать здесь, что же еще вы делали для того, чтобы подготовить почву этому борющемуся освободительному движению? Вот в чем заключается мой вопрос. Что же вы делали?

ПАПЕН: Два раза я предлагал Гитлеру вступить в мое собственное правительство и, когда в конце января 1933 г. из создавшегося положения не было больше никакого иного выхода, я по просьбе Гинденбурга пошел на коалицию с национал-социалистской партией.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Скажите,вы в то время верили,что Гитлер был совершенно необходим для Германии?

ПАПЕН: Я считал, что человек, который в марте 1932 г. то-есть прежде,чем я пришел в правительство, получил на президентских выборах 36,8% всех голосов, что этот человек и его партия должны быть включены в ответственную правительственную деятельность.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но,помимо его успеха на выборах, считали ли вы, что Гитлер,принимая во внимание его личные качества, его цели и его программу, был в то время необходим для Германии?

ПАПЕН: Я не знал, каким образом можно справиться полицейским путем с партией, которая получила 36,8 процента всех голосов.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Посмотрите на ваши собственные слова в следующем параграфе этого письма. Здесь вы,

очевидно, имеете в виду не только его успех на выборах.

"Милосердный господь благословил Германию, дав ей в очень тяжелые времена руководителя, который, уверенно полагаясь на свой инстинкт государственного деятеля, проведет ее через трудности и опасности к светлому и счастливому будущему".

Это было, скажем, не будем называть это экстравагантным, но во всяком случае весьма сильным выражением со стороны бывшего прежде кавалерийского офицера для характеристики политического деятеля, если он действительно не думал, или если он не хотел заставить других людей думать, что он твердо верил в него. Вы действительно имели в виду то, что вы там говорите?

ПАПЕН: Об этом я могу сказать следующее. После того, как я вступил в коалицию с Гитлером, я был убежден, что он будет выполнять этот коалиционный пакт и я часто неоднократно и не только в этой речи тогда говорил о своем доверии к Гитлеру и общей программе, и почему я именно в этой речи выступил за него, - это я уже сказал Суду. Здесь речь шла о том, чтобы констатировать, и притом перед всем миром, что торжественное заявление Гитлера о том, что он будет поддерживать мир, было серьезным заявлением.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не хочу отнимать слишком много времени у Трибунала. Вы должны понять, подсудимый, что я вас спрашиваю следующее: в течение первых месяцев вашего пребывания на посту канцлера, вы предприняли шаги к тому, и пытались, чтобы Гитлер пошел вместе с вами. Когда он во второй раз отказался от этого, вы, судя по показаниям Майсснера, готовы были применить силу против него. Когда из-за Шлейхера это оказалось для вас невозможным, вы ушли в отставку. Когда Шлейхер занял ваше место и стол-

13722

H1207 – 0136

кнулся с трудностями, вы снова обратились к Гитлеру. Вот о чем я вам говорю; и именно по вашей просьбе,не правда ли, вы и Гитлер собрались для совещания в доме Курта фон Шредера 4 января 1933 г.?

ПАПЕН: Нет, это совершенно неверное понимание. К сожалению, суд не разрешил, чтобы я рассказал об этой встрече, 4-гоя января.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Значит,вы не соглашаетесь с фон Шредером в том,что это совещание было созвано по вашему предложению?

ПАПЕН: Нет, я совершенно другого мнения. Эта встреча произошла по желанию Гитлера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, вы попросите подсудимого рассказать Трибуналу об этом совещании 4 января?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, конечно, милорд, я как раз хочу заняться этим вопросом.

/Обращается к Папену/.

Вы хотите сказать,что это совещание было созвано по предложению Гитлера? Я подчеркиваю, что фон Шредер, который был посредником между вами, заявил о том,что это совещание хотели созвать вы. Вы возражаете против этого?

ПАПЕН: Да, я придерживаюсь совершенно другого мнения, потому что то,что здесь утверждает господин Шредер не соответствует фактам.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Скажите Трибуналу,кто созвал это совещание.

/К микрофону подходит защитник Кубушок/.

КУБУШОК: Я возражаю против использования аффидевита Шредера. Этот документ должен был быть представлен среди доказательств Обвинения, но я потребовал допроса самого

свидетеля, который находится поблизости. Суд дал указание Обвинению представить этого свидетеля, однако, Обвинение отказалось представить этого свидетеля. И теперь я протестую против того, чтобы этот аффидевит использовался в перекрестном допросе. Я думаю, этого не следует делать, так как фактически отменяется решение суда. Суд приказал использовать этот аффидевит в присутствии свидетеля, а теперь этот аффидевит используется в его отсутствие.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд,это совершенно верно. Мне следовало использовать иные методы для представления этого письменного показания, которое я использую в своем перекрестном допросе. Доктор Кубушок среди своих документальных доказательств предоставил также "Календарь европейской истории" Шультеса. Этот документ имеет прямое отношение к упоминавшемуся мной совещанию. Его можно найти в томе I, стр. 27 книги документов защиты. Если в книгу документов защиты были включены показания подобного рода, то я, безусловно, имею право в качестве опровергающего доказательства использовать при ведении перекрестного допроса аффидевит Шредера. Простите,милорд,мне следовало бы сделать еще одно замечание. Мой друг представил в качестве доказательства заявление самого барона фон Шредера,оно имеется на 26 странице. Там сказано,что в то же время барон фон Шредер обратился к областному управлению с заявлением об исправлении ошибочных сведений,помещенных в прессе.

"Инициатива создания совещания между бывшим имперским канцлером, фон Папеном, представителем наиболее широких консервативных кругов нации, и господином Гитлером,единственным руководителем национал-социалистского движения, исходила исключительно лично от меня".

13724

H1207 – 0138

H1207 - 0139

Я думал,что поскольку одно заявление фон Шредера уже было представлено в качестве доказательства, я имею полное право опровергнуть это заявление другим заявлением того же фон Шредера.

КУБУШОК: Разрешите сделать замечание по этому поводу, г-н председатель? Это две совершенно различные вещи. Сэр Дэвид ссылается на документ,который я взял из исторического календаря Шультгейссена. Это совместное коммюнике фон Папена и Шредера, которое тогда было опубликовано в газетах. Я, однако, протестую против аффидевита свидетеля Шредера и говорил об этом в свое время. Обвинение тогда согласилось со мной, что Шредер может подлежать ответственности в соответствии с данным обвинительным заключением и что он сам в такой мере замешан во всем этом, что представление его аффидевита будет возможно лишь в том случае, если мы будем иметь возможность поставить фон Шредеру соответствующие вопросы. Во всяком случае то, что предоставлено сейчас,является ни чем иным, как перепечаткой текста из исторического календаря Шультгейсса. Эти документы были приняты Судом с согласия Обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид,не могли бы вы изложить факты, не ссылаясь на этот документ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да,конечно,милорд. Это нетрудно и я с удовольствием это сделаю.

Во время этого совещания, подсудимый,вы предложили... простите,сначала мне следовало бы выяснить, в какой обстановке происходило это совещание. Прежде всего мы установим, где происходило это совещание и кто на нем присутствовал. Оно,кажется, происходило в доме барона фон Шредера в Кельне или в его квартире в этом городе,не так ли?

ПАПЕН: Да, но он не был моим другом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Теперь перейдем к лицам,которые присутствовали на этом совещании. Там был Гитлер, подсудимый Гесс, Гиммлер и Кеппler, не так ли?

ПАПЕН: Да, это возможно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Кеппler - это то самое лицо, которое,как известно Трибуналу, в марте 1938 года находилось в Вене? Да?

ПАПЕН: Это был человек, который всегда находился в ближайшем окружении Гитлера.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом, фактически это было совещание между вами и Гитлером в присутствии Шредера,не так ли?

ПАПЕН: Нет,разрешите мне коротко описать суду ход этого совещания, как этого желал суд?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я думаю,будет легче,если я стану излагать вам факты. Я буду очень краток и всецело нахожусь в распоряжении Трибунала.

Вы говорите,что Шредер не присутствовал на этом совещании?

ПАПЕН: Шредер,возможно,присутствовал во время части беседы. Но я помню,что,главным образом, я лично один говорил с Гитлером.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Совещание началось примерно в 11.30 утра - не так ли? Я имею в виду переговоры между вами и Гитлером?

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И первый вопрос, который был поднят вами, заключался в следующем: вы хотели об'яснить Гитлеру, что хотя вам не удалось освободить двух нацистов, обвинявшихся в убийстве коммуниста, вы пытались уговорить президента фон Гинденбурга помиловать их. Это так?

13726

H1207 - 0140

H1207 - 0141

ПАПЕН: Да. Я помню,что Гитлер резко упрекал меня по поводу этого смертного приговора, вынесенного этим национал-социалистам.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: И во втором,поднятом вами вопросе, вы об'яснили Гитлеру,что президент фон Гинденбург отказался обсуждать с Гитлером вопрос о назначении его на пост канцлера,совсем не вследствие каких-либо интриг или уловок с вашей стороны. Разве это не был второй вопрос, вопрос о том,что не вы были виной отказа фон Гинденбурга от участия в совещании?

ПАПЕН: Да, я заявил ему, что мое предложение ему от 13 августа 1932 года было чистосердечным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, что это не ответ на ваш вопрос.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Об'яснили ли вы Гитлеру,что не по вашей вине Гинденбург отказался от обсуждения вопроса о назначении Гитлера на пост канцлера в августе 1932 года?..

ПАПЕН: Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: ... когда Гитлер встретился с Гинденбургом?

ПАПЕН: Нет, это и не может быть правильным,так как из исторических документов явствует, что Гитлер 13 августа имел совещание с Гинденбургом, и Гинденбург изложил ему причины, в силу которых он отказывается дать ему пост канцлера.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу выяснить, действительно ли 4 января вы заявили Гитлеру по поводу вашего разговора с фон Гинденбургом следующее: "Я хочу,чтобы вы поняли, что Гинденбург совсем не по моей вине отказался от обсуждения вопроса о вашем канцлерстве". Разве вы не уверяли Гитлера в том, что это не ваша вина, что вы были уверены в

его согласии заняться обсуждением этого вопроса?

ПАПЕН: Нет,господин обвинитель, так утверждает г-н фон Шредер, но это неверно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Ваши последние слова относятся к тому, что вы говорили о фон Гинденбурге и Гитлере? Если вы не согласны с тем, что я вам заявил, может быть вы сообщите, что вы имеете сказать по этому поводу?

ПАПЕН: Что именно сказал Гинденбург Гитлеру, написано во всех книгах, это - исторический ~~факт~~...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Нет, нет, мы хотим знать - я беру на себя смелость так выразиться при моем глубоком уважении к Трибуналу - что вы сказали Гитлеру 4 января. Что вы сказали ему, если вы вообще что-либо говорили по этому поводу, относительно взаимоотношений между ним и президентом фон Гинденбургом?

ПАПЕН: Да, если бы вы мне дали возможность в ходе процесса дать об'яснение по этому поводу, я бы уже сказал это; в ходе всей этой беседы я лишь указывал г-ну Гитлеру на то, как нужно убедить г-на фон Шлейхера в необходимости вступления национал-социалистской партии в его правительство. Другими словами,я продолжал делать то,что начал в 1932 году,а именно - привлечь национал-социалистскую партию к сотрудничеству.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом,вы серьезно утверждаете перед Трибуналом,что вы говорили Гитлеру о том, что он должен стать членом кабинета Шлейхера?

ПАПЕН: Наоборот, я ему сказал, что он должен войти в кабинет Шлейхера.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Об этом и идет речь. Я утверждаю, что это совершенно неверно. Вы сказали Гитлеру,что наиболее благоразумным выходом для консерваторов и националистов, политические взгляды которых соответствовали ва-

H1207 - 0142

H1207 - 0143

шим взглядам, является образовать новое правительство вместе с Гитлером. Вы говорили Гитлеру о том, что фактически произошло потом 30 января. Вы предложили ему это на совещании, которое тогда имело место. Вы хотите сказать, что все это не соответствует действительности?

ПАПЕН: Ни одним словом! Это - абсолютная фальшивка. В доказательство этого я привожу следующее.

Непосредственно после беседы я 4 января вечером написал Шлейхеру письмо. Это письмо он получил, вероятно, 5-го утром. Но прежде чем господин фон Шлейхер получил это мое письмо, излагавшее ~~правильное~~ действительное содержание этой беседы, утренние газеты 5 января открыли против меня травлю, утверждая, что в этом разговоре со Шредером я вел себя нелойяльно по отношению к Шлейхеру.

Вернувшись в Берлин, я тотчас же отправился к г-ну фон Шлейхеру. Я ему рассказал, каково в действительности было содержание нашей беседы. Господин фон Шлейхер опубликовал относительно этого коммюнике, и это коммюнике...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, но он ведь был не единственным человеком, опубликовавшим коммюнике. Вы и Гитлер опубликовали коммюнике. Я хочу напомнить вам, подсудимый, что ваше предложение заключалось в следующем: вы и Гитлер должны были образовать коалицию, причем Вы должны были опираться на консерваторов, а за спиной Гитлера стояли силы национал-социализма. А теперь, взгляните на коммюнике, которое вы опубликовали вместе с Гитлером.

Господин председатель, я передаю подсудимому документ № 637. Это новый документ, милорд, я представляю его под № ВБ-496. Взгляните на конец этого документа, подсудимый. Читаю в самом конце:

"Адольф Гитлер и господин фон Папен опубликовывают сле-

дующую совместную декларацию. В ответ на неправильные выводы, которые неоднократно делались прессой относительно совещания Адольфа Гитлера с бывшим имперским канцлером фон Папеном, нижеподписавшиеся заявляют, что это совещание касалось исключительно возможности создания великого национального политического единого фронта и что в рамках этого совещания общего характера совершенно не затрагивалась позиция этих двух партий по отношению к рейхскабинету."

Теперь, подсудимый, после того, как я напомнил вам о заявлении, опубликованном вами лично, Вы согласитесь с достоверностью того, что я здесь говорил, т.е. с тем, что вы предлагали Гитлеру создать коалицию, состоящую из подчиняющихся вашему влиянию националистских и консервативных элементов и руководимой Гитлером нацистской партии?

ПАПЕН: Нет, господин обвинитель. В этом коммюнике констатируются две вещи. Во-первых, я констатирую, что о кабинете Шлейхера /как это повсюду предполагалось в прессе/, о его свержении или о его замене другим правительством вообще не шло речи. Затем я констатирую, что необходимо создать великий национальный единый политический фронт. Господин фон Шлейхер руководил тем же самым кабинетом, которым руководил я, с теми же самыми политическими силами. Следовательно, если я предлагал Гитлеру вступить в этот кабинет, то это была та же самая комбинация, как если бы я ему предложил вступить в мой кабинет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, я не собираюсь спорить с вами. Если вы утверждаете, что этим коммюнике вы ~~правильно~~ хотели показать, что обратились к Гитлеру с предложением ввести нацистов в правительство Шлейхера, ~~если вы утверждаете~~ и что Вы не обсуждали с ним вопрос об образовании коалиции, если вы продолжаете утверждать, что все это действительно

13730

H1207 – 0144

H1207 – 0145

отражено в коммюнике, я не буду больше вам задавать вопросов по этому поводу. Я перейду к следующей теме. Я уже изложил свою точку зрения и, мне кажется, это коммюнике всецело ее подтверждает.

Перейдем теперь к вашей последующей деятельности. Вы отрицаете, что в январе вы активно поддерживали связь с Гитлером, и от имени Гитлера - с президентом фон Гинденбургом с целью введения Гитлера в правительство? Вы согласны с этим?

ПАПЕН: Это верно. И я скажу, почему это так. У меня было две официальных беседы с Гинденбургом. 9 января, когда я вернулся в Берлин, я от рейхсканцлера Шлейхера направился к рейхспрезиденту фон Гинденбургу. Рейхсканцлер Шлейхер, полагая, что я в беседе со Шредером действовал нелойяльно по отношению к нему, просил Гинденбурга больше не принимать меня. Я рассказал господину фон Гинденбургу о действительном содержании беседы со Шредером, и после того, как я договорился со Шлейхером, ~~я~~ господин Гинденбург был убежден что все это в целом было большим недоразумением. В следующий раз, насколько я помню, с господином Гинденбургом я имел официальную беседу только 22 января, когда я говорил с ним вторично об этих правительственных делах.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Давайте только посмотрим, что говорит по этому поводу начальник канцелярии президента. Может быть, ему удастся освежить вашу память. Обратитесь, пожалуйста, к афидевиту господина Майснера во второй части 6-го параграфа. /Подсудимому передают документ/. Это, примерно, 7-я строчка снизу. Милорд, - это книга документов II-A, страница 45; примерно семь строчек снизу. Подсудимый, вы найдете это место во второй части 6-го параграфа. Там сказано: "Шлейхер впервые обратился с

этим предложением к Гинденбургу в середине января"... Далее в следующем предложении сказано: "Тем временем Папен вернулся в Берлин и благодаря договоренности с сыном Гинденбурга, имел несколько бесед с президентом. Когда Шлейхер возобновил свое требование о получении чрезвычайных полномочий, Гинденбург заявил, что он не может дать ему такие полномочия и должен оставить за собой право принимать решения в каждом отдельном случае. Шлейхер со своей стороны заявил, что при подобных обстоятельствах он не может оставаться в правительстве, и 28 января 1933 года подал в отставку."

Далее идет параграф 7. "В середине января, когда Шлейхер впервые просил о предоставлении ему чрезвычайных полномочий, Гинденбург не знал еще о связи, существующей между Папеном и Гитлером, особенно о совещании, которое имело место в доме одного из банкиров Кельна, Курта фон Шредера. Со второй половины января, Папен стал играть все большую роль в доме имперского президента, но, несмотря на уговоры Папена, Гинденбург до самого конца января сомневался, следует ли назначить Гитлера канцлером. Он хотел, чтобы Папен еще раз занял пост канцлера. В конце концов Папену удалось привлечь Гинденбурга на сторону Гитлера аргументом о том, что представители других партий правого крыла, которые будут принадлежать к правительству, будут ограничивать свободу действий Гитлера. В дополнение к этому Папен высказал свои опасения в том смысле, что в случае, если снова будет пропущена данная возможность, может возникнуть угроза восстания национал-социалистов и гражданской войны". Это правильно?

ПАПЕН: Нет.

/К микрофону подходит защитник подсудимого Папена

13732

H1207 – 0146

H1207 - 0147

доктор Кубушок/.

КУБУШОК: Разрешите мне сделать замечание относительно использования аффидевита Мейсснера. Положение с аффидевитом Мейсснера похоже на положение с аффидевитом Шредера, но не совсем. Аффидевит Мейсснера не был пред'явлен Суду в ходе допроса. Однако во время представления доказательств, я узнал, что будет использован аффидевит Мейсснера. После этого я беседовал по этому поводу и обвинением и указал на то, что я ни в коем случае не соглашусь с представлением аффидевита Мейсснера, а потребую вызова Мейсснера в суд в качестве свидетеля. Причина - та же самая. К показаниям свидетеля Мейсснера, который принимал активное участие в этих событиях, следует подходить весьма осторожно. Обвинение сказало мне, что оно не будет использовать этот аффидевит и в заключение заявило, что оно не будет вызывать Шредера в Суд в качестве свидетеля. У меня, собственно, не было никакого повода вызывать этого Мейсснера в качестве свидетеля. Однако, я вижу, что во время перекрестного допроса используют аффидевит без того, чтобы я мог свидетеля Мейсснера подвергнуть допросу в зале суда.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, в отношении этого аффидевита я хочу сообщить следующее: майор Барринтон сказал мне, что он не располагал этим аффидевитом, когда представлял доказательства по делу обвинения фон Папена. Я использую сейчас этот аффидевит. Если Трибунал считает, что между заявлением свидетеля по этому поводу и раз'яснением этого вопроса в аффидевите имеется существенная разница, я не имею никаких возражений против того, чтобы доктор Кубушок ходатайствовал о вызове Мейсснера для перекрестного допроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы сказали по поводу утверждения

доктора Кубушок о том,будто бы Обвинение заявило,что этот аффидевит им использован не будет?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд,я этого не говорил. Майор Барринтон, который тогда находился рядом со мной, также не помнит,чтобы я утверждал что-либо подобное. Майор Барринтон,конечно, никогда этого не говорил. Мы никогда не предполагали отказываться от использования этого документа, т.к. это, безусловно, один из наиболее важных для нас документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какова дата этого документа?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: 28 ноября мы дали копию этого документа доктору Кубушок.

КУБУШОК: Да.

Господин председатель! Разрешите сделать пояснение. Это обязательство английского обвинения не предоставлять документ и не вызывать свидетеля,не было отменено. Я всегда указывал на то,что если аффидевит будет использован,то я потребую вызова в суд свидетеля. Я неоднократно спрашивал обвинителя "будет ли вызван этот свидетель или нет?" Мне был дан на это отрицательный ответ, после чего я сказал,что я в таком случае тоже не заинтересован в этом; тогда мы выпустим весь этот комплекс вопросов и я не буду вызывать свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очевидно, этот аффидевит был дан очень давно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Фактически это было почти в самом начале процесса. Я думаю,что, может быть,вы должны были бы использовать факты, содержащиеся в аффидевите,а не сам аффидевит.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я готов следовать

H1207 – 0148

H1207 – 0149

любым указаниям Трибунала. Если возникают какие-либо вопросы и доктор Кубушок хочет вызвать Мейсснера для перекрестного допроса, я,лично,совершенно не возражаю. В отношении фон Шредера я придерживаюсь несколько иного мнения. В интересах справедливости мне хотелось бы,чтобы господа судьи представляли себе действительное положение вещей. Никто из работников моего штата не думал, что защита считает, будто бы мы не собираемся использовать этот документ. Мы все время намеревались его использовать. Мы передали копию этого аффидевита защите для сведения.

КУБУШОК: Да, так оно и было, я это с готовностью признаю./Пауза/.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, мне очень не хотелось бы отнимать у Трибунала слишком много времени. Я лучше изложу факты и,таким образом,отпадет необходимость в какой-либо дискуссии по этому поводу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, пожалуйста.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, вы сообщили нам, что у вас было два совещания с президентом фон Гинденбургом и затем,кажется, после 18 января у вас состоялось несколько совещаний с Гитлером, и после 22 января у вас были совещания с подсудимым Герингом, как он заявил об этом в своих показаниях,не так ли?

ПАПЕН: Нет,с Гитлером я не встречался с 4-го января до 22-го января.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Допустим,что это заняло 4 дня. Я не буду спорить с вами по поводу одного или двух дней, но по датам нацистской партии можно заключить,что вы начали переговоры 18-го числа. Таким образом,самым важным совещанием было совещание,которое Оскар фон Гинденбург созвал в доме подсудимого фон Риббентропа - не так ли?

ПАПЕН: Это была предварительная беседа.Во всяком случае, это был первый момент установления связи с национал-социалистами, с Гитлером и Герингом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И Оскар фон Гинденбург во время этого совещания в доме фон Риббентропа имел личную беседу с Гитлером, которая продолжалась,примерно,около часа?

ПАПЕН: Это,возможно, я не помню уже этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И после этого было принято решение о том, что Гитлер станет канцлером в новом правительстве,и что он введет в правительство подсудимого Фрика, в качестве министра внутренних дел, и подсудимого Геринга, в качестве министра без портфеля,причем сам Гитлер возглавит государство в роли канцлера?

ПАПЕН: Нет, 22-го числа мы вовсе не договаривались об этом, мы ограничились лишь тем...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я имел в виду, что это соглашение было достигнуто в течение тех нескольких дней, о которых вы заранее договорились.

ПАПЕН: Да, но очень важно констатировать это. Простите меня,что я добавляю это. Мы начали эти переговоры лишь после того, как стало ясно, что г-н фон Шлейхер не может сформировать правительства; после того, как попытка раскола с национал-социалистской партией не удалась. Это очень важно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы говорите сейчас Трибуналу, что в то время, как вы это уже подтвердили, вы действительно принимали меры к тому,чтобы привести Гитлера к власти просто из-за того,что он стал во главе самой большой партии в рейхстаге, или потому,что вы считали его наиболее подходящим человеком для поста канцлера в Германии в то время? Каковы были ваши мотивы?

H1207-0150

H1207 – 0151

ПАПЕН: Мои мотивы, господин обвинитель, были очень просты. При том положении, которое создалось после 23 января, имелось лишь две возможности: или нарушение конституции и начало гражданской войны, или - правительство во главе с Гитлером. Я думаю, что я очень подробно говорил об этом Суду.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу лишь установить, подсудимый, что в то время вы поддерживали эту связь с Гитлером. Вы ведь сами тогда были канцлером Германии. Думали ли вы, что Гитлер, как человек, что его цели и намерения и его индивидуальные качества соответствовали тем требованиям, которые предъявляются канцлеру Германии? Это очень простой вопрос. Я хочу, чтобы вы прямо ответили на него: считали ли вы, что Гитлер, поскольку вы его тогда знали, был подходящим человеком для занятия поста канцлера Германии?

ПАПЕН: На это я могу лишь сказать, что коалиция, которую я сформировал по поручению имперского президента, была неизбежной необходимостью. Тогда не возникало вопроса: было ли это хуже или лучше. Мы должны были принять его.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, давайте сейчас рассмотрим это. Мне кажется, вы сказали, что вы не были уверены в том, что Гитлер расправится с оппозицией до того, как он пришел к власти. Сколько времени вам потребовалось после того, как Гитлер стал канцлером, для того, чтобы убедиться в том, что его желанием было уничтожение всякой оппозиции?

ПАПЕН: Окончательно я это понял тогда, когда я сделал последнюю попытку в своей речи в Марбурге разработать совместную программу, и когда эта попытка не удалась.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом, это было через полтора года - 17 июня 1934 года? Вы хотите сказать Трибуналу, что вам понадобилось полтора года для того, чтобы по-

нять, что Гитлер хотел сломить всю оппозицию?

ПАПЕН: Нет, я ведь сказал суду...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Разрешите мне напомнить вам один - два случая. Вы помните вождя социал-демократов в Прусском сейме - господина Эрнста Хейлемана?

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мне кажется, он в течение 10 лет был вместе с вами членом прусского сейма. Но после этого его немедленно отправили в концлагерь,где с ним исключительно жестоко обращались, это верно?

ПАПЕН: Об этом я узнал только здесь. Тогда я этого не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы хотите сказать Трибуналу, что в 1933 году вы не знали о том,что Эрнст Хейлеман был брошен в концентрационный лагерь?

ПАПЕН: Я лишь знал, что ряд политических деятелей из коммунистической и социалистической партий были заключены гестапо в концентрационные лагери. Это я знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Ответьте прежде на мой вопрос. Это был вождь социал-демократии в Прусском сейме, человек,который в течение 10 лет сидел рядом с вами в парламенте. Вы хотите сказать,что он был отправлен в концентрационный лагерь,а вы ничего не знали об этом?

ПАПЕН: Я не помню,нет. Мне кажется, что об этом я узнал только здесь.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Теперь я хочу назвать вам одно широко известное имя; я говорю о Карле фон Осецком, лауреате Нобелевской премии мира, писателе и журналисте. Вы не знали о том,что он был заключен в концентрационный лагерь?

ПАПЕН: Господина Осецкого я помню только как издателя

13738

H1207 – 0152

H1207 – 0153

периодического журнала. Больше о нем я ничего не знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы не знали о том, что в 1936 году он получил Нобелевскую премию мира? Нет?

ПАПЕН: Я никак не мог знать об этом в 1933 году.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Нет. Но вы знали, что он впоследствии получил эту премию? Вы знали,что он был заключен в тюрьму?

ПАПЕН: Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я думал,что могу связать это имя с вами. Давайте возьмем кого-нибудь другого. Возьмем доктора Эрнста Экштейна. Он был депутатом рейхстага и известным адвокатом в Бреслау. Вы не знали о том,что он также был отправлен в концентрационный лагерь?

ПАПЕН: Нет, я, к сожалению, не знал доктора Экштейна.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Может быть,вы припомните доктора Иоахима, представителя берлинской социал-демократической партии? Вы не знали о том,что он также был заключен в концлагерь?

ПАПЕН: Нет, я его не знал и не знаю,что с ним случилось.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо,оставим в покое отдельных лиц. Разве вы не знали о том,что в течение нескольких месяцев после того, как Гитлер стал канцлером, сотни,если не тысячи социал-демократов и коммунистов были отправлены в концлагери?

ПАПЕН: Тысячи?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо,я буду говорить сотни, если хотите. Это та цифра, с которой согласился подсудимый Геринг, поэтому возьмем за основу эту цифру – сотни социал-демократов и коммунистов. Министр Зеверинг заявил

что в концлагери было заключено I.500 социал-демократов и столько же коммунистов. Вы об этом не знали?

ПАПЕН: Я очень точно помню о том,как подсудимый Геринг однажды явился в кабинет после того,как он приказал полиции занять главный штаб коммунистической партии в доме Либкнехта и заявил правительству, что он нашел большое количество документов,из которых следует,в какой мере коммунисты и другие элементы пытались нарушить общественный порядок и свергнуть новое правительство.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Ответьте,пожалуйста,на мой вопрос. Вы не знали о том,что сотни социал-демократов и коммунистов были заключены в концлагери?

ПАПЕН: Нет, о сотнях я не знал. Я знал,что отдельные руководители были брошены в концлагери.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Давая свои показания на суде, вы упомянули о том,что декрет об амнистии от 2I марта представлял собой повторение того, что неоднократно имело место и ранее. Это ведь была амнистия совершенно одностороннего характера,не так ли? Это была амнистия для тех, которые принимали участие в национальной революции, в нацистской революции, т.е. короче говоря, амнистия для нацистов. Это не была амнистия для коммунистов,социал-демократов или кого-нибудь из тех людей, которые боролись на противоположной стороне,не правда ли?

ПАПЕН: Да,совершенно верно. Была об'явлена амнистия в отношении тех людей,которые работали против ~~приказа к~~ сражения ~~власти~~ этого правительства.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом,вы знали об этих вещах. Давайте еще раз обратимся к вашей речи,произнесенной в Эссене, т.е. к вашему собственному отчету о том, что было вами сделано. Это страница 54 ~~моей~~ книги

13740

H1207 – 0154

H1207 – 0155

документов № II./Подсудимому передают документ/.

Вы только что сказали мне, что все сказанное вами в этой речи - а это было в ноябре - соответствует действительности. Вы говорите о том,что вы всеми силами пытались поддерживать национал-социалистское движение и его руководителя. И далее - как вы видите - вы говорите,что вы "милостивой судьбой были избраны для того,чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельдмаршала". К ноябрю 1933 года вы должны были уже прекрасно знать о том, каким образом Гитлер, ваш фюрер и канцлер, расправлялся с теми людьми, которые были его политическими противниками. Почему вы говорили - вы ведь уже высказали нам свою точку зрения, - что вы очень гордились тем, что всеми имеющимися у вас средствами оказывали поддержку национал-социалистской партии, если вы не соглашались с ее идеями?

ПАПЕН: Мы всеми силами боролись в кабинете против нарушений Гитлером и партией политики коалиции.Конечно, эти нарушения нам были известны. Я лично во многих речах,которые не преставлены суду, указывал также на эти нарушения. Однако пока существовал этот пакт о коалиции, я должен был надеяться,что мы сумеем добиться своего,и поэтому,только по этой причине, я заверил Гитлера в своей лойяльности, для того,чтобы он со своей стороны относился лойяльно к нам.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу привести вам последние слова вашей речи. Здесь вы обращаетесь с весьма осторожным и продуманным призывом к своим согражданам-католикам. Вы говорите: "Давайте в этот час заверим фюрера и новую Германию в том, что мы верим в него и в его деятельность". Почему вы говорили в подобных выражениях?

Ведь в ноябре 1933 г. вы должны были знать о том,что политика Гитлера заключалась в уничтожении оппозиции, в уничтожении его политических противников, в уничтожении профсоюзов,в приобретении полного контроля над Германией. Почему вы произносили подобные речи, если вы не верили в планы Гитлера и не соглашались со всем тем,что Гитлер хотел сделать?

ПАПЕН: Я скажу вам это совершенно точно. Вы знаете, что я в июле этого года заключил конкордат, и что я получил от Гитлера заверение о том, что он сделает мир в религии основой своей политики. Чем больше удавалось привлечь на сторону правительства консервативные элементы, тем больше это способствовало выполнению моей программы.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Если это все, что вы можете ответить, я хочу перейти к следующему вопросу. Вы уже заявили сегодня, всего несколько минут тому назад о том,что ко времени произнесения своей речи в Марбурге 17 июня вы уже начали понимать, с какого рода компанией вам приходится иметь дело. Не думайте,пожалуйста, что я собираюсь оскорблять...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Русский перевод поступает по одному проводу с французским, мы сейчас сделаем перерыв.

/ П е р е р ы в /.

ДОКТОР ЛЮДИНГХАУЗЕН, защитник подсудимого Нейрата: Высокий Суд, я хотел бы к вам обратиться с просьбой - освободить моего клиента от присутствия на завтрашнем и послезавтрашнем заседаниях для того,чтобы мы смогли подготовиться к его защите.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Конечно,пожалуйста.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, вы сказали Три-

H1207 – 0156

H1207 – 0157

буналу очень много относительно вашей марбургской речи. Был ли некий господин Юнг одним из тех,кто помогал вам?

ПАПЕН: Да,совершенно верно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И, поверьте мне, я совершенно не хочу вас обидеть, - господин Юнг значительно помог вам в составлении этой марбургской речи,не правда ли?

ПАПЕН: Г-н Юнг очень часто делал наброски для моих речей, в частности, это относится и к моей марбургской речи.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: После 30 июня он был расстрелян,не так ли?

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это был человек,который не только очень нравился вам, но чьи политические взгляды /я полагаю, что вы назвали бы его прогрессивным консерватором/ вы разделяли и весьма уважали? Так это?

ПАПЕН: Да, это так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы сказали нам относительно господина фон Бозе. Он был расстрелян, фон Чирский был арестован двумя группами людей, не так ли, после этого случая?

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Фон Савини был также арестован?

ПАПЕН: Я точно не могу вспомнить,но мне кажется, что нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это неважно,имена здесь не играют роли. Но двое из вашего штата были расстреляны, а двое были арестованы. Разве не так?

ПАПЕН: Один из сотрудников моего штата был расстрелян, а двое арестованы. Г-н Юнг не принадлежал к моему штату.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Г-н Юнг не входил в ваш штат,

но он был вашим ближайшим помощником. Затем...

ПАПЕН: Он был сотрудником, который, как я уже сказал, очень часто помогал мне, если я был очень занят, делать отдельные наброски к моим речам, в которых я излагал свои консервативные идеи.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Конечно, широко известно, что генерал фон Шлейхер и его жена также были расстреляны и, если мне не изменяет память, генерал фон Гренау был также расстрелян, да?

ПАПЕН: Да, правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы были арестованы, как вы нам сказали, в течение трех дней и, я полагаю, что ваши досье с делами были отобраны у вас, да?

ПАПЕН: Да, правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Скажите, пожалуйста, эти события потрясли вашу веру в режим?

ПАПЕН: Мою веру во что? Я прошу извинения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Эти события потрясли вашу веру в режим и в Гитлера?

ПАПЕН: Во всяком случае, я уже вчера показал суду, что этим актом пакт от 30 января был нарушен.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И вы подали заявление об отставке 2 июля, не так ли?

ПАПЕН: Нет, я подал в отставку еще раньше.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы уже подали заявление об отставке 18 или 19 июня и подтвердили его снова 2 июля?

ПАПЕН: Совершенно правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Простите, я ошибся. Вы заявляете сейчас Трибуналу, что снова подали заявление об отставке потому, что вы потеряли веру в режим или потому, что ваша гордость была уязвлена тем, что вы были арестованы, ваш

13744

H1207 – 0158

H1207 – 0159

секретарь расстрелян,а ваши документы захвачены?

ПАПЕН: Я просил отставку один раз из-за невозможного отношения ко мне лично и к моим сотрудникам,во-вторых,потому что этим актом Гитлер нарушил пакт от 30 января и всякое внутриполитическое сотрудничество мое с ним стало невозможным.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Попрошу вас сейчас посмотреть на документ 714. Милорд,это документ Великобритания 497.

Это ваше письмо Гитлеру, написанное 4 июля. Тут сказано:

"Вчера,в 10 часов утра, я имел честь информировать вас устно относительно моего отношения к событиям последних дней, после того,как меня освободили из-под ареста в 9 ч. вечера 2-го июля. Я тогда заявил вам, что не могу более занимать своего поста в кабинете до тех пор, пока не будет реабилитирована моя честь и честь моих сотрудников.

30 июня пять моих сотрудников были арестованы и один из них был расстрелян. Мои досье были конфискованы,моя канцелярия опечатана, а мой личный секретарь также арестован. Это положение продолжается и по сегодня.

Такого рода поведение в отношении второго в стране государственного чиновника может быть оправдано только в том случае, если он и его сотрудники виновны в соучастии в заговоре против фюрера и государства. В интересах защиты не только моей личной чести, но в еще большей степени ради сохранения авторитета и доброго имени государства,нужно или немедленно доказать мою виновность в этом деле или же реабилитировать меня". И затем вы пишете: "Эти события стали известны заграницей частично в извращенном виде..." Поэтому нельзя терять ни часу времени". Вы обращаетесь к

его солдатскому чувству чести и вы просите,чтобы это дело было передано генеральному прокурору, или чтобы было опубликовано коммюнике ,в котором бы говорилось..."что проведенное расследование показало,что нет никаких доказательств какой-либо причастности к заговору,и тем самым была бы полностью восстановлена моя честь и честь моих сотрудников. Если вы не пожелаете принять этих мер, мое дальнейшее пребывание в кабинете станет невозможным". Теперь посмотрите,что далее говорится в письме. "Уже I8 и I9 июня я предоставил свою канцелярию в ваше распоряжение,канцлер. Теперь я с еще более легким сердцем могу просить вас об отставке, потому что работа,начатая нами вместе 30 января I933 года, уже,повидимому,~~относится~~ находится вне опасности от дальнейших покушений. Одновременно я прошу освободить меня от исполнения обязанностей уполномоченного по Саарской области. Я надеюсь,что вы осуществите свое решение о реабилитации моей чести, что я вас прошу сделать в течение нескольких ближайших часов. Я остаюсь верным вам и вашей деятельности на благо нашей Германии".

Правильно ли,что вы почувствовали облегчение от того, что деятельность Гитлера была вне опасности,что ей не угрожали дальнейшие покушения?

ПАПЕН: Я не понял вашего вопроса.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Правильно ли то,что вы говорите в этом письме, будто у вас стало легче на сердце в связи с тем, что деятельность Гитлера была, повидимому, вне опасности и ей не грозили какие-либо дальнейшие покушения.

ПАПЕН: Да, у меня сложилось впечатление,что это была революция,которую он подавил. Это письмо было написано

13746

H1207 – 0160

H1207 – 0161

мною через день после моего освобождения из-под ареста. У меня было такое ощущение, что это была революция и, наконец, с нею было покончено.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Знали ли вы, что генерал фон Шлейхер и его супруга были расстреляны?

ПАПЕН: Я не думаю, что я знал это в тот момент.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы только знали о том, что генерал фон Бозе был расстрелян?

ПАПЕН: Да, об этом не сказано в письме.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И вы знали, что не было ни малейших оснований для расстрела фон Шлейхера, Юнга и Бозе, не правда ли?

ПАПЕН: Нет, причин расстрела я не знал. Насколько я помню...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: /прерывая/: Нет, вы знали, что не существует никакого основания для расстрела, да?

ПАПЕН: Нет. Гитлер на мой вопрос о причине ответил, что господин фон Бозе замешан в деле, связанном с передачей информации иностранной прессе.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Так, следовательно, мы можем считать, что вы совершенно чистосердечно, в здравом уме, с полной верой в то, что вы говорите, с полной искренностью заявили 4 июня 1934 года: "Я остаюсь всецело преданным вам и вашей деятельности на благо нашей Германии". Это верно?

ПАПЕН: Да, поскольку я должен был надеяться, что моя дальнейшая работа для Германии не окажется вредной, даже если он отойдет от меня в своем внутриполитическом сотрудничестве.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вам не следует сейчас просматривать все эти письма. Можете быть уверены, что я в свое вре-

мя вернусь к ним. Так что,не забегайте вперед. В результате этого вы встретились с Гитлером в тот же день,не так ли? Не откажите в любезности,просто отвечать на мои вопросы. Уверяю вас, что мы разберем с вами эти письма: вы встретились с Гитлером в этот день?

ПАПЕН: Я видел его раньше. В письме стоит...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, но вы также виделись с ним после этого письма.

ПАПЕН: Я видел его за день до этого. В письме...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но вы виделись с ним после того, как было написано это письмо, и разве вы не приняли предложение Гитлера остаться вице-канцлером до сентября с тем,чтобы после этого перейти на работу в министерство иностранных дел? Не так?

ПАПЕН: Нет, мне кажется,не так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Если вы не считаете это достоверным,посмотрите на следующее письмо, это документ Д-745 Великобритании 498. Оно датировано IO июля и начинается следующими словами:

"Наше соглашение от 4 июля" - именно этим днем датировано письмо, - "о том,что я останусь на своем посту вице-канцлера до сентября, а затем перейду на работу в министерство иностранных дел, основывалось на следующих условиях: немедленное и полное восстановление моего авторитета и чести таким образом, чтобы я мог остаться на службе в империи,на любой должности,на любом посту".

Заявляете ли вы сейчас Трибуналу,что IO июля вы не знали,что генерал фон Шлейхер и его жена были убиты, что генерал фон Гренау был убит, и что Бнг, так же как и Бозе, были уничтожены? Вы говорите, что вы не знали всего этого IO июля?

13748

H1207 – 0162

H1207 – 0163

ПАПЕН: Я вовсе не оспариваю того, что я знал это, но я ведь требовал, как я уже сказал суду, чтобы немедленно было начато расследование для того, чтобы точно узнать причины этого. Общественное мнение утверждало, что Шлейхер был расстрелян в тот момент, когда он отстреливался. Все эти вещи для меня были тогда совершенно неясны.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но ведь, конечно, правильно то, как вы тут написали, - что вы дали согласие Гитлеру остаться на посту вице-канцлера до сентября, а затем перейти на работу в министерство иностранных дел на тех условиях, которые здесь приведены? Не так ли?

ПАПЕН: Нет, это неправильно, так как я уже показал...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: (Но значит ли,) ведь это ваше собственное письмо?

ПАПЕН: Да. Это письмо было написано в силу того, что Гитлер обещал мне начать расследование и то выяснение фактов, которое после восстановления моей чести и после выяснения всех преступлений обеспечило бы мне возможность оставаться на службе в империи. Но этого никогда не произошло.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Фон Бозе и Юнг работали с вами в самом тесном сотрудничестве и вы лучше всех других знали, были ли они невиновны. Почему же вы, зная об этом, дали согласие Гитлеру оставаться на посту вице-канцлера, а затем перейти на работу в министерство иностранных дел?

ПАПЕН: Я уже констатировал, что я ушел в отставку, а то предложение, где говорится о том, что я, может быть, останусь на посту, - это просто предположение. В действительности я же ушел с поста и с июня я фактически не исполнял никакой правительственной должности.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Посмотрите на следующую строч-

ку в этом письме: "С этой целью 5 июля я передал вам мои предложения относительно официального заявления, в котором должно быть сказано, почему произошли аресты некоторых чиновников из моего штата и каким образом фон Бозе лишился жизни. Кроме того, там должно было говориться о полной непричастности всех моих сотрудников к восстанию СА. Моя просьба сделать такого рода заявление была выполнена только частично, - было об'явлено лишь об освобождении и невиновности господина фон Чирского, господина фон Савиньи и моего личного секретаря - Штетзинген.

Вы передали Гитлеру свой проект и просили Гитлера издать официальное заявление, но он этого не сделал. Он не восстановил честь людей, с которыми вы бок о бок работали, но тем не менее вы остались на своем посту, вы дали согласие Гитлеру принять его предложение остаться на посту вице-канцлера и затем перейти на работу в министерство иностранных дел.

Понимаете, что я хочу сказать? Я говорю совершенно ясно, что единственно о чем вы заботились - было ваше личное положение, восстановление вашей личной чести. Вы готовы были служить этим убийцам, лишь бы была восстановлена ваша собственная честь.

ПАПЕН: Господин обвинитель, лучшим доказательством моих намерений - моих намерений отойти от режима, является тот факт, что я действительно ушел в отставку. Если бы было выяснено все, если бы была установлена невиновность моих чиновников и служащих, которые были арестованы и убиты, тогда для меня была бы возможность остаться на государственной службе, но не вице-канцлером, я ведь отказался от этого поста. Из этого письма вы видите, что Гитлер ничего не предпринял для того, чтобы выяснить причины этих арестов.

13750

H1207-0164

H1207 – 0165

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И так как Гитлер не сделал подобной попытки, вы написали еще более отвратительное письмо,в котором восхищались его действиями. Посмотрите на № 716, документ Великобритании 499.

"Глубоко почитаемый имперский канцлер!

Я долго размышлял о нашем вчерашнем разговоре и о заявлении,которое вы сделали, и в частности о том, что вы сказали в связи с вашими намерениями, касающимися вашего выступления в рейхстаге. Я не перестаю думать об огромной важности этой речи и о ее особом влиянии на положение Германии также и в сфере внешней политики. И поэтому чувствую необходимость, фактически я считаю своим долгом сообщить вам мое мнение, как я часто делал это прежде в связи с другими случаями.

Вы об'яснили мне вчера, что вы собираетесь публично признать ответственность за все, что случилось в связи с подавлением бунта СА. Разрешите мне сказать, что я считаю это намерение проявлением мужества и гуманности. Подавление бунта и ваше смелое и твердое вмешательство, конечно, будут встречены полным признанием всего мира. Однако в настоящее время бременем для Германии являются события,которые произошли помимо вашей собственной инициативы и без всякой непосредственной связи с этим бунтом. Вы сами приводили примеры этого. Об этом писали в частности в британской и американской прессе".

Затем, я выпускаю три абзаца. Вы говорите далее: "Разрешите мне уверить вас снова, что я лично и мое положение, за исключением восстановления моей личной чести,не играют более никакой роли, и имеют значение лишь постольку,поскольку события в вице-канцлерстве от 30 июня рассматриваются общественностью как следствие разрыва между вами и

мной". Затем больше дальнейших высказываний в том же роде, вы заканчиваете письмо словами: "с неизменным восхищением и преданностью..."

Разве дело не сводилось к тому, подсудимый, что вам было безразлично, были ли расстреляны ваши сотрудники или нет, и приняло ли правительство, членом которого вы являлись, убийство, как орудие политики, лишь бы только была восстановлена ваша личная честь? Все это не имело для вас никакого значения, лишь бы только была восстановлена ваша честь и была бы вам обещана возможность дальнейшей работы в министерстве иностранных дел.

ПАПЕН: Нет, это не так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Почему же вы писали такие вещи главарю банды убийц, умертвившей ваших сотрудников? Почему вы писали этому человеку: "Подавление бунта и ваше смелое и твердое вмешательство будут встречены полным признанием всего мира"? Почему вы это писали?

ПАПЕН: Потому, что я тогда придерживался того мнения, что в действительности имела место революция и что Гитлер подавил ее. С другой стороны, было уничтожено много людей, в том числе и сотрудники моего бюро. По этому вопросу я желал получить от Гитлера раз'яснения, когда он мне сказал, что он согласен взять на себя ответственность за это, то я считал это очень хорошим поступком, но я понял его не так, как он фактически поступил впоследствии, заявив в рейхстаге, что эти события вполне оправданы. Я понял его заявление о том, что он хочет взять ответственность за все эти события в том смысле, что он раз'яснит всему миру эти события, а не об'явит их правильными с точки зрения закона и не нуждающимися в расследовании.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Заявляете ли вы Трибуналу,

H1207 – 0166

H1207 – 0167

что I2 июля вы думали будто могут существовать какие-либо сомнения в том - виновен ли ваш друг Бнг, или возможность того, что он был виновен в измене родине и в заговоре против Гитлера? Вы что, верили в это хотя бы одну минуту?

ПАПЕН: Г-н Гитлер заявил мне тогда, что расстрел Бозе, во-первых:::

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Нет, я спрашиваю вас,прежде всего,относительно вас самих. Я спросил вас,верили ли вы, хотя бы минуту в то, что Бнг виновен в измене родине или в заговоре против Гитлера?

ПАПЕН: Нет,конечно, нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Так, вы очень хорошо знали, что Гитлер был обеспокоен общественным мнением за границей, поскольку он боялся, что там распространятся сведения - относительно разрыва между вами и им,не правда ли? Вы знали,что после кровавой чистки была необходима поддержка бывшего канцлера Германской империи,как вы нам сказали - католика из старинной семьи, пользовавшегося большим авторитетом среди католического населения, что поддержка человека подобного круга была бы очень ценной для него после этой кровавой чистки, которая вызвала беспокойство общественного мнения за рубежом. Вы ведь знали,что такая поддержка ему нужна,не так ли?

ПАПЕН: Нет, из этого письма следует,что я долгое время просил Гитлера установить,почему,по каким причинам,отнеслись таким образом к моим сотрудникам и ко мне лично. Он должен был сказать это миру.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Господин фон Папен, если бы вы, как бывший канцлер империи и,как вы сами говорили, один из руководящих католических деятелей в Германии,бывший офицер имперской армии, заявили бы в то время: "Я не

хочу быть сообщником в убийстве, в хладнокровном убийстве, являющемся орудием политики" - вы могли бы,конечно,рискуя в известной степени собственной жизнью,свергнуть этот гнилой режим.Не так ли?

ПАПЕН: Это возможно, но если бы я сказал это публично, вероятно, исчез бы куда-нибудь так же,как и мои сотрудники. Мне кажется,что мир мог бы понять из самого факта моей отставки,что я не иду в ногу с этим режимом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Тогда взгляните на то,что вы сами писали. Посмотрите на документ № 717, Великобритания - 500. Здесь вы подчеркивали то обстоятельство,что Гитлер придавал очень большое значение вашему сотрудничеству.Посмотрите на 2-й абзац. Я зачитаю его,он очень короток; вы говорите там: " Я надеюсь,что вы получили мое вчерашнее письмо и поняли его в правильном смысле. Сегодня я прошу вас,по личным причинам, разрешить мне отсутствовать на заседании рейхстага. Вчера вы придерживались того мнения, что мое отсутствие может создать впечатление, что между нами существуют разногласия. Но подобное впечатление не создастся,если вы в своей речи сошлетесь на случай в вице-канцлерстве в той форме,в какой вы это мне обещали. Я вел себя в течение всех этих дней по отношению к внешнему миру весьма замкнуто и старался показываться как можно реже. И вы,конечно, поймете,что я не хочу появляться в общественных местах до тех пор, пока с меня не будет снята даже тень подозрения. Я просил также председателя партийной фракции в рейхстаге - извинить меня за мое отсутствие".

Кто был в это время председателем партийной фракции? Вы имеете в виду председателя нацистской фракции партии?

ПАПЕН: Нет,мне кажется, что председателем фракции был доктор Фрик.

13754

H1207 – 0168

H1207 - 0169

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это была правящая партия,не так ли?

ПАПЕН: Да. Из этого письма ясно вытекает,что я просил Гитлера отчитаться перед рейхстагом за предпринятые против меня и моих сотрудников меры.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы хотели, чтобы он сделал заявление о том, что вы всегда были абсолютно лояльны по отношению к нему. Этого вы хотели? Да?

ПАПЕН: Нет. Я хотел...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо,если вы не согласны с этим, посмотрите на документ 718 - Великобритания - 501. Это ваши слова, сказанные на следующий день: "Глубокоуважаемый канцлер! После того,как вы вчера сделали перед нацией и всем миром ваш великий отчет о внутреннем положении и о событиях, которые привели к 30 июня, я чувствую что мне хочется пожать вам руку, как я это сделал 30 января 1933 года, и поблагодарить вас за все то,что вы дали германскому народу, подавив в зародыше вторую революцию, провозгласив непреложные принципы государственного мужа. Трагические и печальные обстоятельства помешали мне впервые, начиная с 30 января, быть рядом с вами. Вы сами разрешили мне отсутствовать и проявили понимание того,что вице-канцлер не может занять свое место на министерской скамье,если он подвергается особому обращению /досье,конфискованные у меня, все еще не возвращены мне,несмотря на указания Геринга и ваши собственные/. Ваши заявления ясно показали истории, что какое-либо подозрение в связях между мной и этим предательским заговором являлись преднамеренной клеветой и злословием. Я благодарю вас за это заявление". Затем,после того,как вы пишете, что люди все еще верят этому, в предпоследнем абзаце вы заявляете: "Поэтому я был бы вам особенно признателен, если бы вы с опре-

деленностью заявили при удобном случае, что до сегодняшнего дня, т.е. до I4 июля, - "я преданно стоял рядом с вами и сражался за вас, за ваше руководство, за вашу деятельность на благо Германии".

Что же, подсудимый, вы отрицаете то, что я пред'явил вам несколько минут тому назад? Вы отрицаете, что все, чего вы хотели, это - чтобы всему миру было заявлено о вашей лойяльности по отношению к режиму? Вас совершенно не беспокоило то, что фон Шлейхер и его супруга, фон Бозе и Кнг, и многие другие были убиты правительством империи. Если это не так, то почему вы написали такое письмо?

ПАПЕН: Я написал это письмо, и это из самого письма ясно, потому, что меня в последующее время обвиняли в причастности к попыткам убийства Геринга, Геббельса и к другим заговорам. Поэтому для меня было очень важно констатировать, или для меня было важным, чтобы рейхсканцлер констатировал, что я не принимал участия ни в каком заговоре против него в течение всего этого восстания. Само собой разумеется, что в этом письме я сначала говорю о своем и о положении, в которое попали мои сотрудники. В мою задачу не входило заботиться о восстановлении чести господина фон Шлейхера, это должна была сделать армия.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, я остановлюсь на этом, когда мы перейдем к армии. Но сейчас я хочу сказать вам следующее: даже после того, как вы узнали, что ваши друзья были убиты, не говоря уже о ваших старых коллегах, ваши собственные друзья были убиты, вы снова и снова заявляете о вашей лойяльности и о том, что вы всегда работали и сотрудничали с Гитлером во всем, что он делал. Вы честно заявляли об этом? Содержание этих писем является честным изложением ваших убеждений или вы утверждаете, что это -ложь

13756

H1207 - 0170

H1207 – 0171

которую вы писали для того,чтобы защитить себя?

ПАПЕН: Нет,я писал это потому,что в действительности все эти действия,направленные против меня,попытка Гиммлера убить меня и тот факт,что я был арестован,основывались только на том предположении,что я участвовал в каком-то заговоре против правительства Гитлера. Поэтому в самом начале я должен был ясно показать, что я, пока я являлся членом этого правительства,во всей своей деятельности был всегда в высшей степени лояльным. Вот причина,в силу которой я просил констатировать эти факты.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы помните,что ваш ученый защитник по вашим инструкциям послал опросный лист барону фон Лерснеру? Это вопрос № 2-а,на странице 212 3-й книги документов защиты. Вопрос 2-а: "Правильно ли,что подсудимый фон Папен, исповедуя консервативные идеи,надеялся изменить политику Гитлера и склонить его к своим собственным взглядам,но что после того,как 30 июня произошли убийства и Гитлер оправдал их, подсудимый убедился в том,что все его надежды и стремления были напрасны".

И барон Лерснер весьма естественно отвечает на этот вопрос "да".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой это вопрос?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это вопрос 2-а, на странице 212.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В нашем экземпляре нет этого вопроса.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Простите,сэр.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: 2-й X ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Простите,сэр, я ошибся. Тут довольно неразборчиво,и мне казалось, что это буква "а". Я весьма обязан. Я прочитал вопрос совершенно правильно, назвав его "вопрос 2-а";/К подсудимому/: Скажите,это правильно выражает ту точку зрения, которой вы придержи-

вались до того времени,"до тех пор, пока 30 июня 1934 г. произошло убийство, и одобрение этого убийства Гитлером убедило его", т.е. вас, - в том,что ваши надежды и стремления были напрасны? Вы согласны с этим? Это опросный лист, пред'явленный вам вашим собственным ученым защитником?

ПАПЕН: Да,да, я согласен с этим.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Если таковы были ваши взгляды,почему вы писали такие письма, высказывая такое верноподданническое восхищение Гитлером?

ПАПЕН: То,что я хотел сказать этим опросным листом, или,вернее, то, что я хотел спросить у Лернера,заключается в следующем: правильно ли...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Ответы, которых ожидает свидетель,содержатся в его вопросе. Это один из наиболее ярких образцов наводящего вопроса, который я когда-либо видел. Вы заявляете, что ваш опросный лист является выражением вашей точки зрения,не так ли?

ПАПЕН: Это можно было бы,пожалуй,сказать, если принять во внимание, что я был того мнения, что после 30 июня стала очевидна невозможность дальнейшего сотрудничества с Гитлером и вследствие этого стало ясно, что программа коалиции,на которой мы согласились,потерпела крах...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы снова говорите о своей неизменной верности Гитлеру и восхищении им, и повторяете о том, что вы всегда сотрудничали с ним."Я остаюсь всецело преданным вам в вашей деятельности ради Германии". Если ваша точка зрения изложена в этом опросном листе и заключается в том,что основы вашей веры были поколеблены,почему вы пишете, что вы остаетесь всецело преданным деятель-

H1207 – 0172

H1207 – 0173

ности Гитлера ради Германии?

ПАПЕН: Я и вам и Суду уже заявлял,что я надеялся,что несмотря на этот крах в области внутриполитической Гитлера, в области внешне-политического курса он будет вести благоразумную политику. Он был уже у власти, мы ведь не могли теперь отстранить его от власти, мы должны были считаться и с Гитлером и с его правительством.

Как известно,все остальные министры остались на своих постах. Я был единственным человеком, который ушел с поста. Все эти письма,с помощью которых вы хотите доказать,что я нечестен или не говорил правду, или как вы это называете, что я лжец или обманщик,не могут скрыть от мира тот факт, что я тогда ушел с поста.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И через II дней вы приняли новый пост. Через II дней после последнего письма вы взяли на себя представительство интересов - я не скажу банды убийц - вы представляли это правительство,сделавшее убийство орудием своей политики, на посту через II дней после вашего последнего письма полномочного министра в Австрии. Давайте посмотрим,играл ли здесь роль мотив убийства.Думали ли вы,что Гитлер фактически стоял за путчем в Австрии, который привел к убийству канцлера Дольфуса?

ПАПЕН: Я знал,что назначенным им руководителем австрийской партии г-н Габихт был во всяком случае связан с этим делом, но что сам господин Гитлер дал свое согласие на этот акт, это мне не было известно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: А вы думали о том, что министерство иностранных дел Германии фактически стояло за этим путчем?

ПАПЕН: Министерство иностранных дел?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да.

ПАПЕН: По моему мнению,оно не имело ничего общего с этим.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы думали тогда, что доктор Рит, если я правильно называю его имя, да, Рит, посол Германии в Вене, фактически направлял этот путч?

ПАПЕН: Нет,мне только известно, что доктор Рит вел переговоры с австрийским правительством.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И вы не знали о том,что Гитлер стоял за этим? Вы отрицаете,что министерство иностранных дел имело отношение к этому путчу. Вы не знали,что доктор Рит был с этим связан? Посмотрите на страницу 98 книги документов II-а. Это страницы 79 - 80 немецкой книги. Это - ваш отчет, отчет,сделанный год спустя. Я рассматриваю его не в хронологическом порядке из-за фразы,в которой вы перечисляете факты. Это,по-моему, последний параграф 79-й страницы немецкого текста, это страница 96-я английского текста книги документов II-а, последний абзац.

"Надежда на то,что личные переговоры между фюрером и рейхсканцлером, а также главою итальянского государства в Штрезе, приведут к урегулированию германо-итальянских разногласий, перешла в свою противоположность, поскольку Муссолини после убийства его друга Дольфуса занял угрожающую позицию и поскольку была проведена частичная мобилизация итальянских войск на Бреннере. Стало совершенно ясно,что попытки восстановить с Германией дружественные и нормальные отношения путем посылки меня в Вену, были тогда невозможны после событий недавнего времени. Недоверие к насильственным методам австрийской национал-социалистской партии", - обратите внимание на следующие слова, - "поскольку становилось все более и более ясным из прошедших судов, что она находится под влиянием руководящих герман-

13760

H1207 – 0174

H1207 – 0175

ских деятелей, было слишком сильным. Впечатление, произведенное террористическими методами,а также смерть федерального канцлера все еще живы в памяти у широких слоев".

Теперь, подсудимый, скажите Трибуналу,каких руководящих германских деятелей вы имели в виду, утверждая,что они стояли за путчем II июля? Кто были эти люди,которые, как вы заявляете, стояли за убийством Дольфуса? Кто они?

ПАПЕН: Ни в коем случае этим лицом не был бывший германский посол в Вене господин фон Рит, а только г-н Габихт и подчиненные ему лица, которые тогда по поручению Гитлера руководили политикой австрийских национал-социалистов.

Но я хотел бы обратить внимание на то, что в этом предложении сказано, что о недоверии к насильственным методам национал-социалистов, существование которого становилось все более явным в ходе проводившихся процессов,нам стало известно не тогда, когда мне была поручена моя миссия,а годом позже.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу знать другое. Я спросил вас, кто были руководящие представители германского государства? Вы не собираетесь заявлять здесь Трибуналу, что Габихт - связной при национал-социалистской партии Австрии - был германским руководящим деятелем. Кто были эти люди? /Пауза/. Кто были эти люди? Вы ведь не собираетесь утверждать, что австрийские нацисты были руководящими германскими деятелями? Кто были люди, о которых вы говорите,как о высокопоставленных представителях германской империи?

ПАПЕН: Руководящей личностью был,несомненно, господин Габихт. Это письмо написано еще и для того, чтобы сказать Гитлеру: "Посмотри,что ты наделал!"

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы хотите, чтобы Трибунал

принял всерьез, как основание для вынесения суждения о вашей правдивости, ваше заявление о том,что под руководящими германскими деятелями вы подразумеваете Габихта,и никого иного, хотя вы употребляете множественное число? Разве вы не помните,подсудимый, - подумайте прежде чем ответить, что генерал Глейзе-Хорстенау не мог даже вспомнить имени Габихта, когда давал свои показания? Вы не можете серьезно здесь заявлять, что вы имели в виду под этими высокопоставленными представителями связного австрийской НСДАП? Он вас можно ожидать большего. Подумайте еще раз и скажите, кого вы на самом деле имели в виду?

ПАПЕН: Господин обвинитель, господин Габихт не был агентом, он был назначен Гитлером в качестве руководителя национал-социалистской партией Австрии,так что я с полным правом могу назвать его руководящей личностью.Поскольку Гитлер знал уже тогда о всех происходивших событиях,то при чтении моего письма, ему должно было быть понятно, что я имею в виду.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но даже если я приму ваше заявление о Габихте,чего я,конечно,никогда не сделаю,то это ведь только один человек. Кто были остальные? Вы здесь говорите о высокопоставленных руководителях германской империи? Кто были эти люди, руководившие этим путчем и убийством?

ПАПЕН: Я должен сказать вам откровенно, что с тех пор прошло уже 12 - 15 лет,и я не могу уже вспомнить,кого именно я имел в виду,когда писал эти строки. Во всяком случае, целью этого письма /и я думаю,что вы поймете это/ было показать г-ну Гитлеру, что те методы,которыми там действовали, были много вреднее, много ненадежнее, чем мы тогда думали.

13762

H1207 – 0176

H1207 – 0177

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо,я удовлетворюсь этим. Мы будем исходить из того, что вы считали, что за убийством Дольфуса стояли какие-то неопределенные высокопоставленные лица из Германской империи. Теперь,оставляя это, давайте рассмотрим,что вы говорите в отношении показаний Мессершмита. Насколько я понимаю,вы отрицаете - если мне будет позволено так сказать, - с некоторым жаром, - показания Мессершмита в тех местах, которые касаются вас. Давайте посмотрим на его показания и увидим, в какой мере вы сможете серьезно доказать,что показания его неверны. Мне кажется,милорд, что вчера я указывал на номер этого документа. Это аффидевит № I760-ПС, в II-й книге документов. Стр. 22 - содержит соответствующий отрывок. И другие письменные показания, данные под присягой, - документ № 2385-ПС находится в книге II-а на стр. 24. Он несколько короче. Я хотел,чтобы вы посмотрели,подсудимый,на документ I760-ПС./Обращаясь к секретарю/. -Покажите ему,пожалуйста, 3-ю страницу. /К подсудимому/: - Я хочу,чтобы вы посмотрели на этот отрывок из письменных показаний. Я боюсь,что не сумею указать вам точно по немецкой книге документов, где он говорит о вас, на стр. 22. Абзац начинается со слов: "Что политика аншлюсса осталась совершенно неизменной-подтвердил мне франц фон Папен, когда он прибыл в Вену в качестве посла Германии". Вы нашли этот абзац,подсудимый?

ПАПЕН: Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это - I2-Я страница немецкого перевода.

ПАПЕН: I2?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Стр. I2, как раз в середине страницы.

ПАПЕН: Да, стр. I2. Я нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Посмотрите,можете ли вы найти абзац, который начинается со слов: "То,что политика аншлюсса останется совершенно неизменной было подтверждено мне Францем фон Папеном? Вы нашли это? Это,примерно,в середине страницы.

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Посмотрите на несколько строк ниже. Дальше господин Мессершмит заявлят: "Когда я посетил фон Папена в Германской миссии он встретил меня словами: "Теперь вы у меня в миссии и я могу направлять наш разговор." В самой наглой и циничной форме он затем заявил мне, что вся юго-западная Европа до границ Турции естественно предстэвляет собой тыл Германии,и что он облечен полномочиями облегчить экономический и политический контроль Германии над всей этой территорией. Он совершенно прямо и откровенно сказал мне, что контроль над Австрией будет первым шагом. Он определенно заявил,что он находится в Австрии для того,чтобы ослабить и подорвать австрийское правительство и действовать из Вены таким образом, чтобы ослабить другие государства на юге и на юго-западе. Он сказал,что, так как он пользуется репутацией хорошего католика,то он намеревается использовать ее для того,чтобы приобрести влияние на некоторых австрийцев, таких,как кардинал Инницер и другие. Он сказал,что он говорит мне это потому,что германское правительство с целью приобретения контроля над Западной Европой,хочет итти на все,и что нет ничего,что могло бы остановить его на этом пути, а также,что наша политика и политика Франции и Англии не строится на учете реального положения вещей." Затем господин Мессершмит говорит, что сказал вам,

H1207 – 0178

H1207 – 0179

как он был поражен,а что вы только улыбнулись и ответили, что разговор этот,конечно, останется между вами и что ни вы, ни господин Мессершмит не будете говорить так откровенно с другими. Затем он заявляет:"Я вхожу в эти детали потому,что очень характерно, как откровенно и прямо высокопоставленные нацистские чиновники говорили о своих целях". И теперь вы заявляете Трибуналу,что вы не говорили ничего подобного господину Мессершмиту. Независимо от того,говорили ли вы это Мессершмиту или нет, скажите, отрицаете ли вы,что это были ваши намерения и цели?

ПАПЕН: Да, я полностью отрицаю,что мои цели и намерения были такими, какими излагает их здесь господин Мессершмит в своем аффидевите. Вчера я заявил суду...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу быстро рассмотреть еще один вопрос. Я попрошу вас на одну минуту обратиться к документу,на который вы смотрели некоторое время назад. Это документ 2248-ПС. Это страница 96. Милорд,книга документов II-а. Текст начинается на 96 и переходит на 97 стр. Подсудимый, это 8I страница немецкого текста. Это - обзор,который вы сделали в 1935 году. Посмотрите на страницу 8I-ю немецкого текста. Это - первый абзац 97-й страницы английского текста, милорд.

"Великая историческая речь фюрера 2I мая этого года, а затем морское соглашение значительно ослабили напряжение во внешней политике в отношении Англии. Но ясное и окончательно определившееся отношение национал-социализма к советской доктрине государства,естественно, удвоили франко-русские попытки помешать нашему проникновению на восток и юго-восток,в то же время не приведя к ослаблению напряжения и в других направлениях,путем явного отказа от включения или аннексии Австрии. Все попытки вновь образованной

Третьей империи вести экономическое,в особенности,политическое наступление на юго-восточную Европу немедленно столкнулись с фронтом,образованным всей Европой".

Кто внушил вам идею экономического или политического наступления на юго-восток Европы? Вы говорили об этом с подсудимым Нейратом?

ПАПЕН: Нет,это совершенно не так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы сами пришли к этому выводу?

ПАПЕН: Само собой разумеется,но я делаю здесь лишь негативное утверждение. Я констатирую, сэр Дэвид,что наступление в направлении юго-восточной Европы должно столкнуться с фронтом, образованным всей остальной Европой. Итак, я предостерегаю от этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы понимаете,господин фон Папен,что я не могу делать сейчас никаких комментариев.Я могу только обращать ваше внимание на отдельные моменты. Я спрашиваю вас лишь, внушил ли вам эту идею, скажем, министр иностранных дел, или это были ваши собственные идеи? Вы говорите,что это ваши собственные идеи.

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Посмотрите на страницу 82. Это абзац,- милорд, это на той же 97-й странице английской книги документов,-где вы говорите: "Этот реалистический обзор европейского положения непосредственно показывает, что германо-австрийская проблема не может быть,по крайней мере в ближайшем будущем, успешно разрешена с точки зрения внешней политики. Мы должны в настоящее время удовольствоваться тем, чтоб международное положение Австрии не ухудшилось, имея в виду разрешение проблемы в будущем. В этой связи опасность пакта о невмешательстве и двухсторон-

H1207 – 0180

H1207 – 0181

него пакта может быть успешно предотвращена.

Окончательное оформление этого решения зависело и зависит лишь от формы германо-австрийских отношений и ни от чего более".

Почему вы так боялись пактов о невмешательстве, если вы считали, что возможно только эволюционное решение австрийского вопроса, опирающееся на волю самой Австрии? Почему вы так боялись пакта о невмешательстве, который обязал бы Германию не вмешиваться во внутренние дела Австрии?

ПАПЕН: По очень простой причине. Все политические комбинации, которые в то время проводились противной стороной, имели лишь одну цель: а именно запутать Австрию в такую комбинацию, независимо от того, подразумевать ли под этим Дунайский пакт или пакт с Италией или Францией, создать для нее такую ситуацию, которая бы сделала невозможным развитие идеи аншлюса. Само собой разумеется, что вследствие этого целью нашей политики должно было быть и остаться не допустить ухудшение международного положения Австрии, как я и показал здесь.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, я отмечал, что вы именно так ответите. Взгляните сейчас на страницу 83. Это следующий же абзац: "Немецкий народ в течение веков шел по пути страданий для того, чтобы добиться единства. На заре национал-социализма и при создании Третьей империи путем окончательного уничтожения всякого государственного партикуляризма появилась единственная неповторимая возможность закончить работу Бисмарка и приблизить разрешение проблемы отношений между Германией и Австрией, и сделать это в результате динамического развития событий внутри Германии". Разрешите мне кратко сформулировать то, что вы, по-моему, понимаете под завершением задачи этого человека, по-

тому что я надеюсь, у нас не будет разногласий в вопросах истории, каковы бы они ни были в другом. Насколько я понимаю, что Бисмарк в 1881 году, создав Германскую империю, сделал лишь попытку разрешить эту проблему, так как империя Габсбургов осталась отделенной от Германии, а завершением этой задачи было бы, по вашему мнению, включение старых владений Габсбургов в Германию вместе с другими государствами, бывшими в священной Римской империи германской нации. В общих чертах это то, что вы хотели сказать?

ПАПЕН: Совершенно верно. Не все габсбургские государства, а только Австрию - часть германской империи.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы имели в виду первоначальную империю Габсбургов?

ПАПЕН: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Верно. Я надеюсь, я достаточно об'ективен?

ПАПЕН: Безусловно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Что вы хотели сказать, заявив, что разрешение вопроса об отношениях между Германией и Австрией должно было быть достигнуто в результате "динамического развития событий внутри Германии". Что вы имели в виду, говоря эту фразу?

ПАПЕН: Под этим я имел в виду следующее. Еще никогда в истории Германии не случалось, чтобы какая-нибудь большая партия, которая написала на своем знамени единство Германии, существовала в обоих государствах. Это было бы неповторимым историческим явлением, и этим я хотел сказать, что динамика этого движения в обеих странах, которая требует единства, обеспечивает перспективу разрешения этого вопроса.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый я хочу об'яснить

H1207 – 0182

H1207 – 0183

вам,в чем именно состоит трудность,с которой я сталкиваюсь. Как вы могли совместить существование централизованной Германии во главе с национал-социалистским правительством, чьи неразборчивые методы вы тогда уже знали после событий 30 июня 1934 года, как вы могли совмещать существование централизованной Германии, достигнутое весьма неразборчивыми методами,с эволюционным разрешением австрийской проблемы?

Видите ли, именно это говорится в данном абзаце.Мне кажется, что все это проще, чем вы говорите.Мне кажется, что вы стремились к аннексии Австрии при первой возможности национал-социалистской империей.

ПАПЕН: Само собой разумеется,что я должен был считаться с существовавшими тогда положением и я считался с ним, как каждый политик с реальным мышлением. Итак,я пытался с помощью имеющихся факторов национал-социалистской партии в обеих странах притти к разрешению этого вопроса. Но я не вижу никаких противоречий в этом,сэр Дэвид. Вы спросили,как я мог достичь своей цели с помощью централизма. Если вы соизволите посмотреть на последнюю часть моего отчета, то вы увидите,что я предлагаю Гитлеру децентрализацию.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Видите ли,в настоящий момент я прошу вас об'яснить, что вы имели в виду под выражением "динамическое развитие внутренних событий в Германии".Короче говоря, подсудимый, я хочу,чтобы вы ясно поняли, - я не собираюсь спорить с вами потому, что я не должен этого делать, - что господин Мессершмит говорил,прежде всего, о ваших действиях в юго-западной Европе; во-вторых, он говорил о том,что Австрия была первым шагом,первым об'ектом.

Теперь я прошу вас обратиться к странице 102 того же

документа. Это ваш собственный отчет от I8 октября I935 года. Я хочу,чтобы вы рассмотрели третье утверждение господина Мессершмита относительно вас, которое вы отрицаете, утверждение о том, что вы собирались работать в Австрии путем ослабления его государственного строя. Я прочитаю первую фразу, чтобы вы поняли, о чем идет речь. Этот отчет датирован I8 октября I935 года. Вы рассматриваете вопрос о перетасовке австрийского правительства, я цитирую: /Простите,милорд, это новый документ - Великобритания 502. Это все та же книга документов II-а, страница I06. Простите,я дал указание в немецкой книге документов, а в английской книге документов не указал страниц/.

Документ начинается словами:

"Вчерашняя перетасовка кабинета напоминает бескровный бунт принца Штаренберга и Хеймвера /австрийской организации внутренней безопасности/. Становится совершенно ясно, что министр Фей уже слышал ранее о своей предполагавшейся отставке, и что уже вчера днем,по его указанию,общественные здания в Вене были заняты преданными ему воинскими частями Хеймвера. Правительство немедленно,в виде контрмеры, усилило охрану,приданием ей полицейских частей". Далее вы рассматриваете создавшееся положение вещей. Это начало отчета. Затем,если вы посмотрите на следующую страницу, ~~I03~~, примерно на средине страницы вы говорите,что:

"Несмотря на явную победу вице-канцлера и упорные попытки австрийской прессы доказать, что перемещения в кабинете были проведены для консолидации внутренних сил страны, австрийское общественное мнение, в том числе круги Хеймвера, чувствуют, что страна вступает на очень шаткую почву. С нашей точки врения изменение положения вещей весьма желательно. Всякое новое ослабление системы являет-

13770

H1207-0184

H1207-0185

ся для нас преимуществом,даже в том случае, если сначала фактически положение кажется направленным против нас.Фронты начинают двигаться и наша задача будет состоять в том, чтобы поддерживать их в этом состоянии движения".

Итак,подсудимый,из этого с определенностью вытекает, не правда ли, что вы полагали,что если только в австрийском государстве создается положение политической неустойчивости или беспорядка, то неважно, будет ли данный демарш антигерманским, лишь бы только росло недоверие и возрастало напряжение. Это было преимуществом для Германии, и именно этого вы желали.

Ведь именно таков смысл этих строк,не правда ли?

ПАПЕН: Нет,не совсем.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Не совсем?

ПАПЕН: Сэр Дэвид, разрешите мне сказать по поводу вашего заявления следующее: в этом отчете речь идет об изменениях в составе правительства, со включением в него состава принца Штаремберга и Хеймвера. Вам известно,что Штаремберг и Хеймвер состояли в союзе с Муссолини против Германской империи. Разрешение этих внутриполитических вопросов, которое было направлено в интересах об'единения в духе моей политики, могло привести нам с собою только преимущества.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но тогда есть вещи,которых я не понимаю. Видите ли,вы сказали "несмотря на явную победу вице-канцлера и упорные попытки австрийской прессы..." Далее:..."Всякое новое ослабление системы является для нас преимуществом". С вашей точки зрения Штаремберг и итальянская партия одержали верх, потому что вы говорите "несмотря на эту... явную победу..."

Затем вы говорите: "Всякое новое ослабление системы..."

Это не может касаться союза Штаремберга,потому что это действие было успешным. Под "системой" вы подразумевали правительство Австрии, не правда ли? Вы не могли иметь в виду ничего иного.

Милорд, быть может мне не следует продолжать этого спора, но это - довольно сложный вопрос.

ПАПЕН: Да, это очень сложный вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, что быть может вам следует обратить внимание на несколько оставшихся предложений.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд, конечно, я продолжу чтение.

"Продолжение переговоров по поводу компенсации,которые были прекращены со времени Женевской декларации,кажется совершенно излишним в настоящее время. Было бы хорошо,возбудить еще более уже взбудораженное общественное мнение против итальянской политики,путем умной и тактичной обработки через прессу, однако,без того,чтобы дать правительству веский повод обратиться к новым отчаянным мерам и начать новую пропагандистскую кампанию против нас. Я был бы очень благодарен, если бы имперский министр пропаганды выделил на эту работу несколько опытных журналистов. В остальном мы можем дать событиям развиваться самостоятельно в ближайшем будущем. Я уверен, что перемещение сил на европейской шахматной доске даст нам возможность в недалеком будущем активно перейти к вопросу об организации влияния на юго-западных территориях".

Необычайно, - да позволено мне будет так сказать, - необычайно, как господин Мессершмит сумел изложить ваши мысли и идеи, если между вами никогда не было такого разговора, не правда ли?

Я думаю,что сейчас удобно об'явить перерыв,милорд.

13772

H1207 – 0186

H1207 – 0187

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы об'явим перерыв.

ПАПЕН: Разрешите мне завтра еще раз вернуться к этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

/Об'является перерыв до I0 ч. утра I9 июня I946 г./.

13773

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 19 июня 1946 г.

(УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать ! Суд идет !

КОМЕНДАНТ СУДА. Господа судьи, получено сообщение, что подсудимый фон Нейрат отсутствует на сегодняшнем заседании.

Перекрестный допрос подсудимого Франца фон Папен (Продолжение).

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Прежде чем закончить вопросы, связанные с показаниями г-на Мессершмидта, подсудимый, я хочу задать Вам три вопроса относительно других стран юго-восточной Европы, о которых упоминал г-н Мессершмидт. Было ли Вам известно, что министерство иностранных дел Германии руководило движением Генлейна среди судетских немцев и финансировало его?

ПАПЕН. Мне кажется, что я только теперь узнал об этом, так как в 1935 году, когда был составлен этот отчет, вопрос о судетских немцах вовсе не был актуальным.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Когда Вы узнали об этом ?

ПАПЕН. В основном я узнал здесь, в зале суда.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо было ли Вам известно, что империя поддерживала г-на Кодриану и "железную гвардию" в Румынии?

ПАПЕН. Мне кажется, что это было в более поздний период.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы узнали об этом несколько позже 1935 года, не так ли ? Когда Вы узнали об этом ?

H1207 – 0188

H1207 – 0189

ПАПЕН.Я не могу точно этого сказать,но мне кажется, что эти события с "железной гвардией в Румынии"относятся приблизительно к 1937 году.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Сэр Дэвид,мне кажется,что Вы держите микрофон слишком близко.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Благодарю Вас,милорд.Прошу прощения.(Обращается к подсудимому).Было ли Вам известно, что в 1944 году в имперской государственной газете которую издавал подсудимый Кальтенбруннер, обсуждался вопрос о том,что Вы являетесь подходящим кандидатом для того,чтобы сделать то же самое в Венгрии и обеспечить приобретение империей Венгрии,т.е. предполагалось,что Вы можете быть использованы для проведения работы внутри Венгрии для того,чтобы включить ее в империю.Было ли известно Вам об этом ?

ПАПЕН.Нет.Во-первых,я этого не знал,а,во-вторых,я позволю себе сказать,что сама эта мысль невероятна,так как я был очень дружен с регентом Венгрии адмиралом Хорти и в своем опросном листе адмиралу Хорти я поставил ему вопрос, на который он,к сожалению,не ответил,так как он уже не помнит этого.Там констатируется,что осенью 1943 года венгерский министр внутренних дел Керестсе-Фишер передал мне документ, из которого ясно вытекало,что германские или германо-венгерские силы хотели добиться аншлюсса Венгрии с Германией. Этот документ по желанию регента Хорти я тотчас передал г-ну фон Риббентропу и попросил его принять необходимые меры для предотвращения этого.Это подтверждается документами и венгерский министр внутренних дел может подтвердить это.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Видите ли,подсудимый,я хочу сказать о другом.Мне безразлично,примите ли Вы мою точку

зрения или нет.Я хочу сказать,что выбор пал на Вас.Разве Вы этого не знаете ? Вы ведь знаете,на какой документ я ссылаюсь сейчас.Это - Д-679,на котором имеется множество пометок Кальтенбруннера.В этом документе пишется о Вас,как о лице,которое могло бы провести внутреннюю работу в Венгрии. Это - стр. 78 книги документов № 11-А, ВБ,46-я страница в немецкой книги документов 11-А.

ПАПЕН.Да,сэр Дэвид,с этими записями я познакомился позавчера,после того как Вы пред'явили их здесь.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если Вы узнали об этом только здесь,то я не хочу беспокоить Вас.Единственно,что я хочу знать,это - было ли Вам известно в 1944 году о том, что в правительственном документе,изданном в Германии,о Вас говорилось,как о подходящей кандидатуре для внутренней работы в Венгрии с целью присоединения ее к Германии?Если Вы скажете,что Вы об этом не знали,то мне нет необходимости больше беспокоить Вас по этому поводу.Вы говорите,что узнали об этом лишь позавчера ?

ПАПЕН.Во-первых,это так и было, во-вторых,известным из истории фактом является то,что я неоднократно возражал против этих стремлений,имевших место в Венгрии,поскольку они имели своей целью каким-либо путем,а позднее путем оккупации,сделать Венгрию составной частью германской империи.Я считал это самой неправильной и самой невозможной политикой,которую можно было бы проводить.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Я не хочу больше беспокоить Вас по поводу этого документа,поскольку Вы не знали об этом,а сейчас мы перейдем к другому вопросу.Помните ли Вы,подсудимый, гаулейтера Райнера,господина, с которым у Вас был случайный и,я уверен,очень интересный разговор накануне аншлюсса.Вы помните свидетеля д-ра Рейнара.Я хочу,чтобы Вы рассмотрели точку зрения,которую высказал Райнер о положении вещей,когда

13776

H1207 - 0190

H1207 - 0191

Вы начали работать и чтобы Вы сказали Трибуналу,согласны ли Вы с ней ?Милорд,это страница 6-я,книги документов 11,документ 812-ПС.Этот документ начинается на стр. 6,а выдержка,на которую я хочу сослаться,находится на странице 8.Вы нашли абзац,который начинается словами:

"Таким образом,началась первая стадия борьбы,которая окончилась восстанием в июле 1934 года.Решение провести это июльское восстание было правильным,но было допущено много ошибок при его проведении.В результате была полностью разгромлена организация ,потеряны целые группы бойцов из-за их тюремного заключения или бегства в "старую империю"; а что касается политических взаимоотношений между Германией и Австрией,то это восстание привело к формальному признанию австрийского государства германским правительством.

Телеграммой Папену,в которой давались инструкции - восстановить нормальные отношения между двумя государствами - фюрер закончил первую стадию борьбы и должен был начаться "новый метод политического проникновения в Австрию".Согласны ли Вы с тем,что это является правильной характеристикой Вашей работы - "новый метод политического проникновения" ?

ПАПЕН.Нет,сэр Дэвид,это совершенно неправильное описание моей деятельности.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Таким образом, если Вы не согласны с доктором Рейнером,то скажите это мне - Вы ведь хорошо знаете свидетеля; Вы должны очень хорошо знать свидетеля доктора Пауля Шмидта ?Вы знаете его ?

ПАПЕН.Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Очень хорошо.Я думаю,что Вы согласитесь со мной,что это одно из тех лиц,против которых никто не сказал ни одного слова в течение суда.Вы согласны?Я не

слышал ни одного слова критики по адресу Пауля Шмидта. Разве Вы не согласны со мной ?

ПАПЕН. Вы говорите о свидетеле переводчике Шмидте или о министре иностранных дел Шмидте ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я говорю о переводчике Пауле Шмидте.

ПАПЕН. О переводчике Пауле Шмидте. Я сейчас скажу Вам свое мнение о нем.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Согласны ли Вы с тем, что этому человеку можно доверять, или Вы заявляете, что он не является человеком, заслуживающим доверия ?

ПАПЕН. Я ничего не имею возразить в отношении личных качеств этого человека, но я очень резко возражаю против того, что г-н Шмидт разрешает себе давать оценку моей политической деятельности в Австрии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Перед тем, как Вы будете давать об'яснения относительно этого, посмотрите на этот документ. Это письменные показания Пауля Шмидта, которые помещены на странице 41 книги 11-а; стр. 37 немецкой книги документов. Это документ 3308-ПС. Я прошу Вас заслушать, что говорил доктор Пауль Шмидт . Параграф 8:

"Планы аннексии Австрии являлись частью нацистской программы с самого начала. Оппозиция Италии после убийства Дольфуса временно вынуждала подходить к этой проблеме более осторожно, но применение санкций против Италии Лиги Наций, вместе с быстрым увеличением военной мощи Германии обеспечило завершение австрийской программы. Когда Геринг посетил Рим в начале 1937 года, он об'явил, что союз Австрии и Германии является неизбежным и что его нужно ожидать рано или поздно. Муссолини, услышав эти слова по-немецки, промолчал и выразил

H1207 – 0192

H1207 – 0193

лишь очень слабый протест,когда я перевел эти слова на французский язык.Проведение аншлюсса являлось преимущественно делом партии,в котором роль Папена заключалась в том,чтобы внешне сохранить нормальные дипломатические отношения,в то время как партия использовала гораздо более изощренные способы для подготовки условий для предполагавшегося шага".

Затем подсудимый, - я скажу об этом,чтобы все было ясно,- он делает ошибку,он говорит о речи Гитлера от 18 февраля,под которой,к сожалению, переводчик поставил Ваше имя.Но я не основываюсь на этом.Я хочу лишь знать,согласны ли Вы с тем, что Ваша задача "заключалась в том,чтобы дипломатические отношения внешне остались нормальными,в то время как партия использовала более изощренные методы".Согласны ли Вы с тем, что это описание Вашей программы и Вашей миссии в Австрии является правильным ?

ПАПЕН.Совсем напротив,сэр Дэвид.Она абсолютно иная. Мою задачу,которую я должен был разрешить в Австрии,я весьма подробно и ясно изложил высокому Суду.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Так.

ПАПЕН.Эта задача состояла в умиротворении и нормализации положения и в дальнейшем проведении политики врастания друг в друга обоих государств.

Разрешите мне сказать еще несколько слов относительно этих письменных показаний г-на Шмидта.Мы уже тогда,когда свидетель сидел за свидетельским пультом,констатировали,что эти письменные показания были ему пред'явлены,когда он лежал в больнице после очень тяжелой болезни.Ему пред'явили этот документ для подписания....

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Что касается этого,то Трибунал рассмотрит этот вопрос.Мы уже все слышали об этом,кроме того, доктор Шмидт был подвергнут перекрестному допросу и я полагаю,

что Вы можете положиться на то,что Трибуналу известно все об условиях,при которых были даны эти письменные показания. Если Вы хотите сделать какие-либо замечания относительно содержания этих письменных показаний,то я уверен,что Трибунал охотно позволит Вам это сделать,но Вам нет необходимости делать какие-либо замечания об условиях,при которых были даны показания.Все это известно Трибуналу.

ПАПЕН.Тогда я сделаю некоторые замечания в отношении содержания этих письменных показаний.В частности,я должен сказать,что посол Шмидт,который впоследствии пользовался при министре иностранных дел фон Риббентропе очень большим авторитетом в те годы,которые обсуждаются здесь,занимал совершенно подчиненное положение в министерстве иностранных дел,которое ему не позволяло точно и хорошо следить за развитием событий в Австрии,связанных с моей политикой и моими отчетами.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Хорошо,если это так...

ПАПЕН.Сэр Дэвид.Завтра или послезавтра господин фон Нейрат сможет подтвердить эти мои показания.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Мы не будем более спорить об этом.Трибунал располагает стенограммой показаний д-ра Шмидта и его письменными показаниями,данными под присягой. Сейчас сказали,что Вы уже сообщили Трибуналу относительно Вашей точки зрения на вашу миссию в Австрии.Если такова была Ваша точка зрения относительно Вашей миссии в Австрии,то почему для Вас было необходимо получить сведения о местоположении камер со взрывчатыми веществами на австрийских стратегических дорогах ?Это,пожалуй, возвращение назад к развитию той идеи,против которой Вы так решительно возражали. Не так ли ? Что же,если Вы не помните,разрешите Вам напомнить. Документ № Д-689, стр. 101.Трибунал найдет это на странице

H1207 - 0194

H1207 - 0195

102, страницы 90 и 91 немецкой книги документов 11-а.Документ представляется под номером ВБ-504.

Речь идет об открытии дороги Гроссглокнер.Это,как Вам известно,дорога из Зальцбурга в Каринтию,которая имеет некоторое стратегическое значение.Помните ли Вы,что после Вашего описания событий в Зальцбурге,где толпа пела все песни,кроме "Хорст Вессель" и немецкие шоферы устроили состязание,в третьем и следующем параграфе Вы говорите: "Строительство этой дороги несомненно является первоклассным достижением культуры,в котором германские строительные фирмы приняли основное участие, имевшее решающее значение.Главный инженер имперской фирмы, которая строила туннель на самом высоком участке дороги,предложил информировать меня о местонахождении камер со взрывчатыми веществами в этом туннеле.Я направил его к военному атташе".

Вот как Вы сочетали культуры и демонстрацию превосходства германского дорожного строительства с получением информации о местонахождении камер со взрывчатыми веществами в туннеле,который является одной из стратегически важных участков дороги.Почему Вы считали это столь важным,что послали донесение об этом самому Гитлеру и три копии направили в министерство иностранных дел?

ПАПЕН.Сэр Дэвид,я представлю совершенно точный отчет о событиях,связанных с открытием этой автострады.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я Вас спрашиваю...

ПАПЕН.Да разрешите же мне сказать...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Меня это не интересует.Трибунал уже знает об этом.Я Вас спрашиваю,почему Вы направили Гитлеру сообщение о том,что Вам доложил германский инженер,а именно, что камеры со взрывчатыми веществами находятся на важном участке дороги,где она могла бы быть преграждена ?Почему Вы считали нужным сообщить об этом Гитлеру? Я хочу,чтобы Вы ответили Трибуналу именно на этот вопрос.

ПАПЕН.Потому что мне казалось интересным,что этот человек без всякого вопроса с моей стороны подошел ко мне и сказал мне приблизительно следующее: "Там-то и там-то можно взорвать этот туннель"...Вы знаете,что в то время между Германией и Италией отношения были очень напряженными и что Италия на границе у Бреннер сконцентрировала войска и поэтому мне казалось интересным,что этот новый путь,связывающий Германию с Италией,в подходящий момент может быть снова прерван.Впрочем,я передал это дело своему военному атташе,поскольку оно меня лично не интересовало.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Нет, Вы тогда уже занимали такое положение,что сами лично не могли заниматься такими вещами.Вы возглавляли миссию,а это было делом военного атташе. Подсудимый,намеревались ли Вы,вводя германскую культуру, как,например, строя дороги,в то же время получать стратегическую информацию,которую Вы могли передавать Вашему правительству,подрывая тем самым стратегические планы австрийского правительства по использованию этой дороги ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый сказал,что это была дорога, соединявшая Германию с Италией,не так ли ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Да,милорд, фактически эта дорога шла через Зальцбург,который находится почти на германской границе,в Каринтию,в Южной Австрии.Таким образом,это была новая дорога для транспортировок в южном и северном направлении внутри Австрии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Она соединяла Германию с Италией или Австрию с Италией ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Она соединяла Австрию с Италией.

Перейдем сейчас к рассмотрению других вопросов,которые Вас также интересовали.Вы также сообщили,где будут находиться австрийские склады снаряжения и заводы боеприпасов,-не так ли?

13782

H1207-0196

H1207 – 0197

ПАПЕН. Я не помню.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Очень хорошо.Если Вы не помните, то посмотрите сами на документ.Вы найдете его через несколько страниц.Это документ Д-694.Милорд,это - страница 110-я английской книги документов и 108-я страница немецкой книги документов.Он представляется в качестве доказательства под номером ВБ-505.Он датирован 26 ноября 1935 года.Это - 110-я страница,но абзац,который я зачитаю,находится на 111-й странице. Подсудимый,Вы должны найти это на самом верху 112 страницы в немецкой книге документов.После того как Вы говорите о влиянии Манделя,на чье еврейское происхождение Вы ссылаетесь, Вы затем переходите к принцу Штарембергу и говорите: "После того,как производство боеприпасов для Италии должно было быть приостановлено в Хиртенберге,в связи с протестами Италии,он, Мандель,погрузил весь завод на железнодорожные платформы для того,чтобы продолжать работу в Италии."Обратите внимание на слова в скобках: "Между прочим,это очень интересное положение для австрийской промышленности боеприпасов".

Считали ли Вы,согласно одному из положений Вашей теории восстановления нормальных отношений,что Вам следовало доносить об изменениях в промышленности боеприпасов в Австрии ?

ПАПЕН.Нет,это не входило в мои задачи,но из этого отчета ясно вытекает,сэр Дэвид,что я в этом отчете передаю мою беседу с польским послом Гавронским,который рассказывал мне,что этот единственный завод боеприпасов,который имелся в Австрии, перебазируется в Италию.И я писал по этому поводу,что мне в то время показалось очень странным ,что одна страна должна получать военное снаряжение заграницей,в другой стране. Вы должны согласиться со мной,что это очень странное явление, о котором стоило написать в своем отчете.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Вы так об'ясняете это.Ну,что-же,

тогда не будем тратить времени на этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Вы назвали нам дату этого документа,но не указали,откуда он исходит.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Милорд, это выдержка из документа Д-694.Это - отчет подсудимого Гитлеру от 26/X1-1935 года.Это - страница 110-я в книге документов № 11а.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Да,это у нас есть,но на нем нет даты.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Нет,милорд,именно поэтому я и назвал ее Вам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Откуда Вы взяли эту дату ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Милорд,я нашел эту дату в подлиннике,т.е. это сделал майор Баррингтон.Вы увидите,милорд,что дата была выпущена.Этот документ находится между документом от 11 ноября и документом от января месяца.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Эта ошибка была сделана при снятии копии ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да,теперь я хочу перейти к другому вопросу - и опять хочу лишь коротко остановиться на нем, - а именно,к Вашей личной деятельности в Австрии.Помните ли Вы, когда Вы поехали на зальцбургский фестиваль в 1935 году,когда Вы уже находились в Австрии около года.Вы помните об этом ? Я не знаю,помните ли Вы,что Вы были там в этот год, - ведь Вы ездили туда ежегодно ?Я хочу напомнить Вам о следующем.Помните ли Вы,что в то время 500 национал-социалистов приветствовали Вас музыкой и устроили такую демонстрацию,что некоторые другие гости в отеле хотели телефонировать или телеграфировать федеральному канцлерству о том,что приезд германского посла вызвал большую нацистскую демонстрацию? Вы помните этот факт ?

ПАПЕН. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, ссылка на это имеется

H1207 - 0198

H1207-0199

на странице 102-й,документа Б-689,на который я уже ссылался, страница 102 книги документов 11-А.

Хорошо.Возьмем другой пример.Помните ли Вы,подсудимый, митинг ветеранов первой мировой войны в Вельце ?

ПАПЕН. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Если я не ошибаюсь,это было в 1937 году, - не так ли ?

ПАПЕН. Совершенно правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И вся подготовительная работа была проделана для того,чтобы устроить встречу не политического характера и воссоединить австрийские полки с ветеранами из германских полков.После этого митинга должен был состояться какой-то обед или завтрак и эта встреча должна была закончиться пением и весельем.Такова была программа ? Не правда ли ?

ПАПЕН. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. На этом митинге выступали генерал Глейзе-Хорстенау и Вы ?

ПАПЕН.Да,правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Я полагаю,Вы согласитесь с тем, что генерал Глейзе-Хорстенау, - я не хочу высказать какого-либо неуважения к нему, - произнес не очень блестящую речь. Это была не очень блестящая речь,таково было Ваше впечатление, не так ли ?Она была интересна,но не динамична.Поверьте мне, я не хочу обидеть генерала,я просто хочу выяснить факт.

ПАПЕН.Это так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Затем Вы произнесли речь,которая была очень короткой,не так ли ? Вы помните об этом ?

ПАПЕН.Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.После Вашей речи на улицах Вельца начались драки и стрельба.Там имели место беспорядки,не правда ли ?

ПАПЕН. Разрешите, я опишу подробнее, как это было ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, пожалуйста, если Вы можете это сделать. Я хотел установить факты. А сейчас Вы имеете полное право дать Ваши об'яснения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Имеется ли какой-нибудь документ по этому поводу ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Нет, по этому поводу нет никакого документа.

ПАПЕН. В Вельсе была назначена встреча организаций старой немецкой армии первой мировой войны, так называемого военного союза и союза ветеранов войны Австрии. Все это было вполне законно и в духе нашей совместной политики, - наши совместные переживания во время первой войны должны были быть обновлены этими союзами. Когда состоялась эта встреча, которая по моему желанию и по желанию австрийского правительства должна была носить совершенно аполитичный характер, выяснилось следующее: Место, где происходило собрание союзов ветеранов, когда я туда прибыл, было окружено пятью или десятью тысячами людей. Австрийское правительство для приема германских гостей выстроило почетный караул, численностью в одну роту, и когда при моем прибытии оркестр начал играть австрийский национальный гимн, эти десять тысяч человек, окружавшие площадь, стали одновременно петь немецкий национальный гимн, так как известно, что мелодия этих гимнов одна и та же. Когда я затем, в ходе этого торжества, произнес свою короткую речь, выяснилось, что меня неоднократно демонстративно прерывали эти тысячи людей. Конечно, я сразу же понял, что здесь со стороны австрийских национал-социалистов планировалась большая политическая демонстрация, поэтому я прервал свою речь, и вскоре после этого я покинул площадь и вообще оставил Вельс. Совершенно правильно, как это здесь обрисовал сэр Дэвид, что когда началось торжество и когда австрий-

13786

H1207 - 0200

H1207 – 0201

ская полиция хотела выступить против австрийских демонстрантов,то дело дошло до очень неприятных инцидентов.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Вы так об'ясняете эти события? Я изложил факты.Я хочу теперь перейти к другому вопросу,потому что я могу только приводить пример вашей деятельности в Австрии.

Помните ли Вы,что до того,как Вы слышали показания Зейсс-Инкварта,термин "тактика троянского коня"употреблялся в применении к Австрии ?

ПАПЕН.Да.Зейсс-Инкварт сам не хотел вести такого"троянского коня".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но ведь до этого Вы сами говорили о тактике"троянского коня".

Милорд,это страница 133 книги документов 11-А.Выдержка, на которую я ссылаюсь,находится на 134-й странице.Это - документ Д-706,который представляется в качестве доказательства под № ББ-506.Это - 163-я страница в немецкой книге документов, старший сержант.Это Ваш отчет Гитлеру от 21 августа 1936г., где Вы цитируете инструкцию секретной службы в Праге ее отделению в Вене,которая гласит: "К сожалению,следует отметить, что дикие эксцессы национал-социалистов,имевшие место 29 июля этого года,не привели к тем результатам,которых мы ожидали. Приближение Австрии к третьей империи в области внешней политики продолжает прогрессировать так же,как и процесс"культурного"сотрудничества двух братских наций.Можно также сделать вывод из наших последних отчетов,что"троянский конь"национал-социализма вносит все большее и большее смущение в ряды отечественного фронта и в особенности в ряды Хайматшутце – ("внутренней гвардии").

Оппозиция против нормализации германо-австрийских отноше-

ний,которая очень опасна для австрийской независимости,тем не менее является очень сильной.Дело,видимо, лишь в том,что нехватает хорошей организации".

Скажите,пожалуйста, правильно ли этот чешский отчет излагает события ?Поверхностная нормализация отношений, а по существу - применение методов "троянского коня"внутри страны?

ПАПЕН.Сэр Дэвид,эта точка зрения чешской секретной службы и,возможно, чешского правительства.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Разрешите Вам напомнить,подсудимый,что эту точку зрения Вы сами цитируете в своем отчете фюреру и не возражаете против нее.В вашем отчете нет ни единого слова о том,что эта точка зрения является неправильной. Вы говорите,что приводите ее для того,чтобы"пролить свет на современное положение вещей в Австрии".Вы приводите эту цитату,как правильную информацию для фюрера.Таким образом, я полагаю,что Вы не можете скинуть ее со счета простой ссылкой на то,что это только чешский отчет.

ПАПЕН.Все же я обращаю Ваше внимание на тот факт,что этот отчет написан 26 августа 1936 года,т.е. месяц спустя после заключения нашего июльского соглашения,относительно которого Вы утверждали,что это было фальшивым маневром и в отношении которого мы вместе с австрийским министром иностранных дел констатировали,что это было очень серьезное соглашение. Таким образом в Австрии наступило совершенно иное положение и,в силу этого, я привожу здесь этот очень странный чешский отчет в качестве интересного документа,с помощью которого можно выяснить,как,несмотря на наши старания добиться нормализации отношений с Венгрией,относилась к этому Чехословакия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ(сэру Дэвиду Максуэлл Файфу).Вы переходите к другому документу?

13788

H1207 – 0202

H1207 – 0203

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Да,милорд, я собираюсь перейти к другому документу .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что Вы скажите относительно последнего абзаца ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Если милорд считает это нужным, я,конечно, остановлюсь на этом абзаце.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Страница 134.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Благодарю Вас,милорд,Далее говорится:

"Кроме того,кажется безнадежным и практически невозможным для нас стремиться оказать влияние на австрийский легитимизм и движение Хеймвера.С одной стороны,среди австрийских католиков имеются сравнительно влиятельные элементы,которые могли бы с известными ограничениями быть названы демократическими.Эти элементы,которые постепенно группируются вокруг"Союза свободы" ("Фрейхентсбунда")и которые склонны в основном работать для достижения соглашения с социал-демократами,представляют,по нашему мнению,ту группу,которая при известных обстоятельствах могла бы склониться к тому,чтобы вызвать революцию во внутренней политике Австрии".

Скажите,приводили ли Вы эту точку зрения,как отражающую Ваше мнение по данному вопросу ?

ПАПЕН.Сэр Дэвид,я вчера весьма подробно и точно изложил Суду цели и характер данного"Союза свободы".Суд знает из отчетов,что чешское правительство старалось оказать известное влияние на этот "Союз свободы".Это совершенно ясно вытекает отсюда.Ведь этот отчет составлен чешским правительством.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Но Вы ведь приводили его,как Вашу точку зрения в Вашем отчете Гитлеру.Грубо говоря,Вы хотели этим сказать,что католическая левая могла быть использована,как средство для сближения.Фактически,Вы говорите

именно об этом.

ПАПЕН.Но,сэр Дэвид,Вы же не можете требовать от меня признания того,что я пред'явил Гитлеру чешский отчет для того, чтобы сказать,что мои взгляды тождественны тем,которые изложены в этом отчете ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Именно в этом я Вас обвиняю. Если Вы пишите главе государства ,что "для того,чтобы пролить свет на современное положение вещей в Австрии,я прилагаю выдержку из этого отчета",значит,как я предполагаю,этот отчет правильно излагает с Вашей точки зрения положение вещей,- не так ли ?Именно это я и говорю Вам.

ПАПЕН.Нет.Я придерживаюсь совершенно другого мнения,ибо из другого отчета,который Вы тоже пред'явили Суду,вытекает, что я прошу Гитлера оказать противодействие стремлениям чешского правительства повлиять на "Союз свободы",усилив наше собственное влияние на него.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Подсудимый, Вы просили у Гитлера 100.000 рейхсмарок для поддержки "Фрейхенсбунда ".Вы в точности следовали тому,что Вы здесь высказали,а именно Вашему утверждению,что католики могут быть той партией,которая может быть использована,как точка опоры,для того,чтобы приобрести влияние еще на одну группу общественного мнения Австрии. Я утверждаю,что обе эти вещи как раз совпадают.С одной стороны, Вы говорите Гитлеру,что они полезны.

ПАПЕН.Да,это так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И,с другой стороны, Вы хотите поддержать их сотней тысяч имперских марок.Именно это я и говорю Вам.

ПАПЕН. Я согласен с этим.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Что Вы все время стремились к

H1207 – 0204

H1207 - 0205

приобретению влияния на общественное мнение Австрии,выигрывая одну его группу за другой для работы в целях подавления свободы в Австрии.Именно это я хочу сказать,об этом я Вас спрашиваю.Не думаю,что по этому поводу могут существовать какие-либо сомнения.

ПАПЕН.Сэр Дэвид,если что вытекает достаточно ясно из этого отчета,то это именно тот факт,что,помимо национал-социалистов в Австрии существовали и другие группы,в частности,- это были христианские профсоюзы и"Союз свободы",которые тоже стояли за политику об'единения обоих государств.И Вы,пожалуй, не можете упрекать меня в том, что я, будучи дипломатом,который хотел добиться этой цели эволюционным путем,присоединяюсь к политическим интересам этих групп.

СЭР ДЭВИД МАКСЙЭЛЛ ФАЙФ. В политике Троянского коня не содержится никаких элементов эволюции.Ну,что-ж,однако,об этом можно говорить.Перейдем к другому вопросу.Скажите,пожалуйста,Вы знали барона Гуденус ?

ПАПЕН.Нет,я его не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Знали ли Вы,что он был самым близким доверенным лицом эрцгерцога Отто ?Вы это помните ?

ПАПЕН.Да,это следует из мого отчета.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Давайте посмотрим,что говорил барон Гуденус.Милорд,это Вы найдете на странице 93 английского текста и стран.72-75 немецкой книги документов.Это - документ 687,который представляется в качестве доказательства ВБ-507. Это параграф 2(в).Вы его найдете на странице 74,подсудимый.

"Барон Гуденус, ...самое близкое доверенное лицо эрцгерцога Отто,пишет мне..." - Тут ошибка,милорд,нужно не"мне",а "одному моему знакомому 30 марта: - "Я увез из Австрии самые приятные впечатления относительно прогресса нашего движения; но я не могу отрицать,что в некотором отношении политика нашего

правительства меня очень беспокоит.

Какая польза в том,что зачинщики тех событий,которые имели место в феврале и июле 1934 года,или те из них,которые были пойманы,осуждаются судом,если правительство слишком слабо, слишком небрежно или намеренно слишком терпимо для того,чтобы препятствовать проведению "коричневой" и"красной"пропаганды в кино,через прессу,по радио и,главным образом,государственными чиновниками или органами отечественного фронта,которые поддерживаются и оплачиваются как деньгами,так и другими способами из Германии за счет тех средств,которые в большом количестве поступают. оттуда.

Что в действительности делает этот ученый, идеалист Шушниг? Разве он не замечает,что Папен и другие "коричневые" агенты в его собственной стране все время плюют в руку,которую он так часто сердечно предлагает им ? Он не должен воображать, что он таким образом может поддержать порядок в Австрии и спасти ее в то время,как Гитлер правит Германией,которая окрашена в коричневый цвет изнутри и снаружи.Методы,которыми пользуется Германия - об этом нельзя спорить,становятся все более умными и осторожными,но это делает их еще более опасными ". - Это было,примерно,через семь месяцев после Вашего приезда.Довольно серьезными также были постоянные разногласия между Шушнигом и Штернбергом"... и так далее.

Разве неправильно,подсудимый, что все,даже приезжавшие в качестве гостей монархические агенты,знали о том ,что проводилась такая политика,причем,что Вы стояли во главе этой проводившейся политики и использовали для нее австрийских национал-социалистов,работавших исподволь? До того,как Вы мне ответите,подсудимый,посмотрите на Ваши собственные комментарии по этому поводу.

"Трудности внутреннего положения в Австрии вряд ли можно

13792

H1207 - 0206

H1207 – 0207

описать лучше,чем это сделано в данном письме."

Почему Вы не сказали Гитлеру,если налицо имелись факты: "Барон Гуденус пишет чепуху.Я честно и добросовестно выполняю задание,ставящее своей целью нормализацию германо-австрийских отношений ? "Почему Вы этого не отрицали,если это было неправильно ?

ПАПЕН Мне кажется,что из этого отчета прежде всего видно, что я с полной откровенностью предлагал Гитлеру те отчеты, которые я получал,в том числе и отчет приверженца реставрации Габсбургской монархии.Само собой разумеется...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.А я думаю,подсудимый,что Вы передали эти отчеты потому, что Вы думали,что они соответствовали действительности. Вы приняли их и переслали Гитлеру потому, что считали,что они правильны и что изображенная в них картина совершенно правильно отражает положение вещей.Вот,что я утверждаю.Скажите Трибуналу,правильны эти отчеты или нет ? Если они не правильны,то почему Вы их передали Гитлеру без комментариев о том,что они неправильны ?

Вот о чем я Вас спрашиваю.

ПАПЕН.Если Вы прочтете отчет барона Гуденуса,то Вы установите,что он описывает внутреннее положение Австрии и заявляет,что имеющиеся разногласия между Шушнигом и Штернбергом, конкуренция их гвардий и продолжающий существовать нелегально республиканизм....

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Ведь Вы указываете только на три строчки из 20. Там написано еще очень много до этого. Я спрашиваю Вас относительно других 17 строчек этого отчета.

ПАПЕН. Сэр Дэвид,упомянутые мною пункты показывают внутреннюю слабость австрийского правительства,относительно которой я сообщаю в этом отчете.Если Вы хотите сказать,что я

должен был об'яснить Гитлеру,что я не был коричневым агентом, то,несомненно, 26-го июля мы точно ~~полностью~~ договорились,на каких условиях я должен проводить свою деятельность в Австрии. Мне не следовало писать об этом Гитлеру в своем отчете,я послал ему этот отчет только для принятия его к сведению.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если Вы даете такое об'яснение, то посмотрите на следующий абзац Вашего письма.Оно иначе показывает,как Вы работали.Параграф 3 : "Фильм " Старый и молодой король". Трибунал может не помнит,но Вы мне напомните,если я опущу что-либо.Если я не ошибаюсь,это фильм о взаимоотношениях Фридриха Вильгельма и Фридриха Великого.Это правильно ?

ПАПЕН. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. "Фильм "Старый и молодой король" был впервые продемонстрирован здесь несколько дней назад в присутствии г-на Яннингса.Имеется в виду актер Эмиль Яннингс. Он вызвал прилив энтузиазма.Сцена,где король подчеркивает тот факт, что "французский хлам и римские книги ничего не означают для Пруссии" была встречена особенно бурными аплодисментами. Полиция хотела снять с экрана этот фильм.Вместе с Яннингсом мы об'яснили,что если этот фильм будет запрещен,то мы вынуждены будем прибегнуть к запрещению демонстрации всех австрийских фильмов в Германии.Это оказало свое действие.Фильм,за исключением вышеупомянутой сцены,которая была вырезана,демонстрируется и будет демонстрироваться на экранах в Клагенфурте и в Граце в течение последующих нескольких дней.

Вчера я принял Яннингса вместе с группой актеров из городского театра в качестве моих гостей.Он сказал,что он очень доволен своим успехом и мы обсуждали в подробностях план фильма о Бисмарке,для производства которого я рекомендовал ему использовать в качестве автора сценария Бомельбурга".

13794

H1207 – 0208

H1207 – 0209

Другими словами,Вы ~~дипломатично~~ насильственно внедряли фильмы,содержавшие прусскую пропаганду,для того, чтобы показать их Австрии,при этом угрожая,что в противном случае Вы снимите с экранов Германии "Фрейлейн Вессли", "Маскарад" и все другие австрийские фильмы того времени.Вы внедряли свою пропаганду под угрозой снятия с экранов австрийских фильмов.Разве не так?

ПАПЕН.Так,и я скажу,почему это так было.Я должен несколько расширить Ваше знание этих исторических событий,сэр Дэвид. Как Вы знаете,Фридрих Великий сыграл очень большую роль в отношениях между Австрией и Германией,и мы тогда старались в отношениях между этими двумя государствами устранить те исторические неправильности,которые относились еще ко времени Фридриха Великого.С этой целью знаменитый австрийский историк профессор Шубек написал большой труд.Целью этого фильма, ~~была~~: о котором здесь говорится, было: показать,что история великой Германии охватывает одинаково оба народа.Поэтому,другими словами, для культурного сближения обоих государств я настоял на том,чтобы этот фильм оставался на экранах Австрии.Это и было сделано.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я нисколько не сомневаюсь в том,каковы были Ваши мотивы,по которым Вы настаивали на демонстрации этого фильма,подсудимый, я спрашиваю Вас о том,почему Вы действовали против воли австрийских властей,угрожая им тем, что Вы снимите все австрийские фильмы с германского рынка ? Почему Вы именно этим угрожали австрийским властям?

ПАПЕН.Очень часто случалось,что австрийская полиция боялась,что некоторые фильмы могут стать поводом для демонстраций. Но после того,как мы обсудили с полицией этот фильм,многие кадры из него должны были быть удалены,после чего полиция сразу согласилась допустить демонстрацию этого фильма.Само собой разумеется,что я сказал полиции,что если мы не договоримся,то следствием этого будет то,что Германия вообще не

будет больше возможность посылать фильмы в Австрию.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я снова повторяю.Помните ли Вы, что Вы заявили Трибуналу,что Вы не поддерживали контакта с национал-социалистской партией Австрии ? Это правильно ?

ПАПЕН.Нет,это неправильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. То-есть,Вы хотите сказать,что Вы поддерживали такой контакт ?

ПАПЕН.Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Тесный контакт ?

ПАПЕН.Я не понял,простите.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Я говорю: тесны контак ? Был ли Ваш контакт с ней тесным ?

ПАПЕН. Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Если нет,тогда,пожалуйста,возвратитесь к предыдущей странице,это,вероятно, - стр. 72 Вашего отчета.

Это тот же самый отчет,Милорд,это - страница 93-я Вашей книги документов.Вы начинаете этот отчет следующим образом :

"Я должен прежде всего сообщить о действиях местной национал-социалистской партии.23 марта было достигнуто полное соглашение в Кремце между отставным капитаном Леопольдом и генерал-директором Нейбахером.В результате этого генерал Нейбахер признал себя подчиненным Леопольда во всех вопросах и признал его фюрером Австрии.Как только Шаттенфрех будет освобожден из концентрационного лагеря,он станет заместителем фюрера в Австрии,а Нейбахер,как ближайший доверенный Леопольда, будет использоваться для консультации по всем важным вопросам.

Далее,Леопольд наметил кого-то еще в качестве своего заместителя,а генерал-лейтенант Клупп,находящийся в отставке, будет привлекаться под строгим секретом также для консультации"; я хочу зачитать последние строчки: " Леопольд выразил желание о том,чтобы постоянные интриги против него со стороны

H1207 - 0210

H1207 - 0211

эмигрантов,живущих в империи - Фрауенфельда и других - были, наконец,приостановлены."

Это очень полная картина положения национал-социалистской партии в Австрии,не правда ли ?

ПАПЕН.Я хотел бы,сэр Дэвид, обратить Ваше внимание на то, что этот отчет датирован 5 апреля 1935 года,то-есть он был составлен в то время,которое предшествовало польскому договору, т.е. тогда,когда мой интерес ко всем этим политическим вопросам был еще легко об'яснимым.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Если Вы придаете значение дате,- посмотрите на Ваш отчет от 1 сентября 1936 года.Он находится на 33-й странице 11-й книги документов и 26-й странице немецкого текста.Как Вы помните это,отчет,о котором Вы упоминали, и Вы сказали о нем,что "в качестве руководящего принципа с точки зрения тактической я рекомендую постоянное и терпеливое психологическое воздействие с медленным увеличением давления, направленным к изменению режима ."

Вы заявили Трибуналу,что Вы хотели этим сказать,что необходимо изменение состава министерства внутренних дел.Я не хочу беспокоить Вас по поводу такого заявления,но давайте просто продолжим чтение :

"Конференция по вопросу об экономических отношениях ,намеченная на конец октября, будет очень полезна для реализации некоторых наших проектов.В беседах как с правительственными чиновниками,так и с руководителями нелегальной партии(Леопольдом и Шатенфрехом),которые действуют полностью в духе нашего соглашения от 11 июля, - я пытаюсь направлять следующие шаги таким образом, чтобы добиться корпоративного представительства движения в отечественном фронте".

Совершенно ясно,что 1 сентября 1936 г.,после соглашения, Вы имели беседы с руководителями нелегальной партии - Леополь-

дом и Шатенфрохом.Таким образом,мы можем считать признанным,-и я не хочу более тратить времени на это, что в течение всего времени Вашего пребывания в Австрии,Вы находились в постоянном и тесном контакте с руководителями национал-социалистской партии в Австрии ?

ПАПЕН.Нет,сэр Дэвид.Упомянутая Вами беседа относится к июльскому соглашению и вполне оправдывается. Я достаточно подробно изложил вчера это обстоятельство Суду.В июльском соглашении канцлер Шушниг обещал привлечь к сотрудничеству членов национальной оппозиции.Вследствие этого моим естественным долгом было интересоваться тем,в какой степени Шушниг действительно стремился к сотрудничеству с этими силами.Это и было содержанием моей беседы с фюрером.

Я позволю себе совершенно четко констатировать,что мой контакт с австрийской партией после июльского соглашения осуществлялся только в этом направлении.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Так. Я не собираюсь углубляться в дальнейшие подробности.Я просто обратил внимание Трибунала на эти два документа.Имеются еще ссылки,но на них я не буду останавливаться.

Я прошу Вас перейти теперь к ноябрю 1937 года.Не можете ли Вы как можно более точно назвать дату Вашей встречи с подсудимым Зейсс-Инквартом в Гармише ?

ПАПЕН.Да,подсудимого Зейсс-Инкварта я случайно,то-есть без всякой договоренности,встретил в Гармиш-Партенкирхене во время олимпийских зимних игр в январе 1938 года.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.В январе 1938 года?

ПАПЕН.Совершенно верно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Я хочу проверить эти даты и уточнить их.Вы стали близкими друзьями с министром иностранных дел Гвидо Шмидтом,который здесь давал показания,не так ли ?

13798

H1207 – 0212

H1207 – 0213

ПАПЕН.Да,с министром иностранных дел я был в очень дружественных отношениях.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу сказать,что вы говорили ему "ты",будучи на 20 лет старше его.Вы называли его в течение некоторого времени на "ты" ? Вы были в очень близких отношениях с ним,не правда ли ?

ПАПЕН.Я считаю,что наша разница в возрасте на 20 лет не может быть мерилом дружбы.Я ценил господина Шмидта,как я уже говорил, как искреннего человека.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Я надеюсь,что вы согласитесь со мной,что необычно и странно для посла находиться в таких отношениях с министром иностранных дел другого государства, в особенности, если тот на 20 лет моложе его,а не его сверстник, - находиться в таких отношениях,чтобы фамильярно называть его на "ты".Разве Вы не согласны со мной,что это совершенно необычная форма отношений между министром иностранных дел и послом ?

ПАПЕН.Сэр Дэвид ,если бы Вы в своей жизни побывали бы в Австрии,Вы бы знали,что в Австрии почти все обращаются друг к другу на "ты",а для об'яснения этого инцидента я позволю себе сказать следующее.Министру иностранных дел Шмидту,которого я очень ценил,за день до нашего прощания я сказал: "Дорогой друг,мы так много вместе работали,теперь мы можем говорить друг другу на ты ."

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я интересуюсь вот каким вопросом - в ноябре 1937 года Вы с доктором Гвидо Шмидтом впервые обсуждали вопрос о встрече г-на фон Шушнига с Гитлером,не так ли ?

ПАПЕН. Мне кажется,что я обсуждал этот вопрос в то время не только с министром иностранных дел Шмидтом,но и лично с г-ном Шушнигом.После беседы,происходившей между.....

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Одну минутку,пока ответьте

на мой вопрос.Как Вы слышали,доктор Шмидт в своих показаниях заявил,что подсудимый Геринг сказал ему весьма откровенно,как подсудимый Геринг,по его словам, говорил всем и как он заявил здесь Трибуналу,что он добивается союза Германии и Австрии любыми средствами и любой ценой.Как Вы слышали,доктор Шмидт сказал здесь,что Геринг сказал ему,что такова была точка зрения его,Геринга,и я должен со всей справедливостью заявить, что это полностью соответствует действительности.Эту точку зрения он высказывал здесь и,очевидно, высказывал ее также многим другим лицам.Вы помните,что доктор Шмидт говорил это? Поверьте мне,что это так.

ПАПЕН. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Мы слышали,что Геринг сказал это не только Шмидту,но и Муссолини,и Высокому Трибуналу и, как я полагаю, нескольким другим лицам.Разве он никогда не говорил Вам об этом ?

ПАПЕН.Нет,сэр Дэвид,я не интересовался австрийскими...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Знали ли Вы,что такова была его точка зрения ?

ПАПЕН. Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы не знали,что это была точка зрения Геринга ?

ПАПЕН.Позвольте мне высказаться.Само собой разумеется,что я знал,что желанием Геринга было: об'единить оба эти государства.Я присутствовал на беседе с Муссолини.Но Вы,пожалуйста учтите тот момент,что г-н Геринг не был тогда ответственным за внешнюю политику.Вопрос о том,какая политика должна проводиться в Австрии обсуждался исключительно мной и Гитлером и я не помню,чтобы в эти годы,а именно в 1936-1938 г.г.,я говорил по этому поводу с маршалом Герингом.

13800

H1207 – 0214

H1207 – 0215

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Мы сейчас рассматриваем вопрос о событиях,имевших место в ноябре 1937 года.Через три месяца после этого подсудимый Геринг стал весьма компетентен в вопросах внешней политики,касающихся Австрии и Вы,поскольку Вы поддерживали с ним по этому поводу телефонную связь,должны знать об этом.Я хочу только привести Вам даты,как они у на-с установлены.Геринг сказал Шмидту о своих взглядах;Вы и Шмидт обсуждали вопрос о встрече между Шушнигом и Гитлером. В январе Вы беседовали на политические темы в Гармише с Зейсс-Инквартом.Теперь я привожу одну дату вне хронологического порядка.11 ноября,как заявил г-н Додд Зейсс-Инкварту, Зейсс-Инкварт написал письмо доктору Юри,в котором он заявил: "Я не думаю,что что-либо произойдет в этом году,но, очевидно, события произойдут весной." Затем после этого письма он встретился с Вами в Гармише в январе месяце,а в феврале Вам удалось,наконец, организовать эту встречу между Шушнигом и Гитлером.

ПАПЕН. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разве Вы не знали ,что цель встречи Шушнига с Гитлером заключалась в том,чтобы заставить Шушнига согласиться с желаниями империи,а именно с назначением Зейсс-Инкварта,с проведением общей политической амнистии,согласно которой все члены нацистской партии Австрии должны были быть освобождены и предоставлены в распоряжение их руководителей,а также с требованием равных прав для национал-социалистской партии в Австрии ?

Разве Вы не знали,что целью совещания было заставить Шушнига согласиться на все эти требования с тем,чтобы национал-социалистская партия Австрии могла свободно и беспрепятственно работать в интересах Германии в Австрии ?

ПАПЕН. В моей беседе с д-ром Зейсс-Инквартом в Гармише

Патенкирхене говорилось о необходимости сделать австрийскую национал-социалистскую партию самостоятельной,это значит во что бы то ни стало избавить ее от влияния империи,так как это было условлено в июльском соглашении,преследуя при этом цель,чтобы об'единение наших двух государств произошло во внешне-политическом отношении по инициативе Австрии,а не империи.

Когда я встретил Зейсс-Инкварта в Гармише,между нами не было и речи об этой встрече Гитлера с Шушнигом,так как мы не могли,а я лично вообще не мог знать в тот момент, состоится ли вообще когда-либо такая беседа.Это было решено ведь уже 5-го февраля,как Вы,очевидно,помните.Следовательно,нами обсуждался лишь один вопрос принципиального значения,а именно: "Как нам следует поступать в будущем ".

Далее,я прошу разрешения напомнить Вам,что доктор Зейсс-Инкварт имел официальное поручение канцлера исследовать все возможные пути для того,чтобы включить национальную оппозицию,т.е. национал-социалистскую партию Австрии ,в политическую деятельность Шушнига. В этом состояла его официальная миссия. Таким образом я был вправе говорить с ним об этих вещах.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Разве неправильно,что доктор Рейнер,-свидетель,который выступал перед Трибуналом,также присутствовал на совещании в Гармише ?

ПАПЕН. Простите,я не понял кто.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Д-р Рейнер.

ПАПЕН.Кажется,сэр Дэвид доктор Рейнер,это было так.Я уже не помню точно.Зейсс-Инкварт сказал мне,что возможно доктор Рейнер присоединится к нам во время прогулки; я лично не помню этого.Я не вел никакой беседы на политические темы с Рейнером.

13802

H1207 – 0216

H1207 - 0217

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Так,теперь Вы дали свои об'яснения событиям этого года.Я хочу Вам напомнить еще одну вещь.Вы очень хорошо знали о кризисе фон Бломберга и фон Фрича в армии, - не так ли ?Я не хочу снова входить в неприятные подробности,потому что в настоящее время Трибунал не рассматривает этого вопроса,но я хочу лишь спросить,знали ли Вы о том,что этот кризис возник ?

ПАПЕН. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я уверен,что Вы понимаете, насколько это важно.Генерал фон Фрич был с Вами в одной военной академии,не правда ли ?

ПАПЕН. Совершенно правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Он был Вашим старым другом и Вы знали,как,я думаю,знал каждый,кто упоминал его имя здесь в Суде,что генерал фон Фрич был человек очень сильного характера и что обвинение,выдвинутое против него,рассматривалось бы всеми теми,кто его знал,как смешное и нелепое,если бы оно не было таким трагичным и что все бы отнеслись к нему с презрением.Вы также так думали ?

ПАПЕН. Абсолютно верно...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы хорошо знали,оставив в стороне отношение к фельдмаршалу фон Бломбергу,что фон Фрич был жертвой подстроенного обвинения,имевшего целью не дать ему стать во главе вооруженных сил Германии.Вы знали это, не правда ли ?

ПАПЕН.Во всяком случае позже,когда я узнал обстоятельства дела,мне это тоже стало ясно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Нет,нет.Не это важно,подсудимый. Речь идет не о Ваших взглядах 5 февраля 1938 года.Вы знали к этому времени,что нацистская клика в правительстве выдвинула

подстроенное обвинение против человека,которого Вы считали олицетворением честности,не правда ли ?

ПАПЕН. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь,зная это,5 февраля,после того,как Вы увиделись с Гитлером,Вы сказали ему о том, что фон Шушниг может прибыть.Гитлер ухватился за это предложение. Он сказал: "Отправляйтесь и приведите Шушнига".Не так ли ? Его лишь утомляли,если я могу так сказать,все Ваши остальные сообщения.Но как только Вы сказали о возможности встречи с Шушнигом,то Гитлер сразу набросился на эту идею,как форель на майского жука или,скорее,как лев на жертву.Ведь это правильно,не так ли ?

ПАПЕН. Да,сэр Дэвид,я уже показал Суду,какое впечатление произвели на меня события в Берлине и мое отстранение от должности 4 января.Не находите ли Вы... Ничего удивительного нет в том,что я попытался-именно потому, что я боялся,что будет взят другой курс - что я попытался устроить эту давно желанную беседу между главами обоих государств,поскольку я надеялся таким путем устранить разногласия и избежать радикального курса.Это я сказал министру иностранных дел Шмидту и канцлеру Шушнигу,когда я обоих их просил принять участие в этих переговорах с тем,чтобы по мере их возможности внести ясность в этот вопрос.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Подсудимый,я не собираюсь рассматривать обстоятельства встречи 12 февраля,потому что я уже обсуждал их при допросе подсудимого Риббентропа и Суду уже совершенно ясны эти обстоятельства.Я хочу задать Вам один единственный вопрос,и я прошу рассмотреть его внимательно,потому что вопрос о Вашей собственной виновности может зависеть от него .Утверждаете ли Вы сейчас,что на г-на Шушнига не оказывалось никакого давления во время этой встречи?

H1207 – 0218

H1207 – 0219

ПАПЕН. Сэр Дэвид,я этого никогда не утверждал.Вы сами это знаете,это сказано и в моих отчетах.Я сам констатировал,что давление было оказано...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу,чтобы Вы поняли абсолютно ясно,о чем я Вас спрашиваю,потому что Суд заслушал уже показания Вашего друга доктора Шмидта и целый ряд других показаний. Я хочу Вам задать один единственный вопрос и прошу Вас точно его понять. Утверждаете ли Вы сегодня,что на канцлера фон Шушнига не было оказано давления для того,чтобы заставить его согласиться на условия,выдвинутые 12 февраля ? Это - единственный вопрос,который я хочу Вам задать,и я даю Вам возможность ответить на него.Что Вы скажете на этот вопрос сегодня? Было или не было оказано давление на г-на фон Шушнига ?

ПАПЕН.Да, я никогда не отрицал этого.Я не понимаю,почему Вы меня об этом спрашиваете.Я никогда не отрицал этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Подсудимый Риббентроп очень активно отрицал это,но мы не будем вдаваться в эти детали.

Еще один вопрос и на нем я окончу рассмотрение вопроса об Австрии.Организовали ли Вы встречу между Гитлером и кардиналом Иннитцером ?

ПАПЕН. Да, я это сделал,и это было...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Организовали ли Вы дело таким образом,чтобы отцы церкви и руководители дипломатического корпуса,за исключением французских и английских представителей, присутствовали при в'езде Гитлера в Вену ?

ПАПЕН. Что касается высших церковных сановников,то не принято,чтобы они присутствовали на парадах и я не требовал этого.Что касается дипломатов...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Устроили ли Вы таким образом, чтобы дипломатический корпус присутствовал при в'езде ?

ПАПЕН.Были случаи,когда некоторые дипломаты спрашивали

меня,могут ли они присутствовать на этом торжестве и я ответил им,что,конечно,они могут присутствовать на этой церемонии. Почему им бы и не присутствовать там ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не собираюсь спорить о том, как именно Вы это сказали. Милорд,я закончил рассмотрение вопроса об Австрии.У меня осталось три небольших вопроса,которые, я надеюсь, займут очень немного времени.Но быть может сейчас удобное время для перерыва ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

(Об'является перерыв на 10 минут).

Встать ! Суд идет !

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Подсудимый,должен ли Трибунал считать,что в основном Вы были против антисемитского движения и пропаганды ?

ПАПЕН. Я не совсем понял Ваш вопрос.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Должен ли Трибунал считать,что в основном Вы были против антисемитских действий и против антисемитской пропаганды ?

ПАПЕН.Наоборот,моя цель ~~цель~~ и мое желание и вся программа моей работы сводились к тому,чтобы способствовать в как можно большей степени об'единению обоих государств,так как это было большим желанием всей германской нации.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я думаю,что Вы не поняли моего вопроса.Разрешите мне повторить его.Я теперь перехожу к вопросу о евреях.

ПАПЕН. Ах,к вопросу о евреях ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разрешите мне снова повторить вопрос.Должен ли считать Трибунал,что в основном Вы были против антиеврейских действий и против антиеврейской пропаганды

H1207 - 0220

H1207 - 0221

ПАПЕН.Да,я уже излагал Суду мою принципиальную точку зрения по расовому вопросу и по вопросу об устранении чуждых влияний из некоторых областей культурной и общественной жизни. Но это два совершенно различных вопроса.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Да,я это принимаю во внимание. Будьте любезны,посмотрите на документ 3319-ПС,который представлен в качестве доказательства за № Великобритания-287. Милорд,этот документ начинается на странице 48 книги документов 11-А. Это - 44-45 страницы немецкой книги документов.Та выдержка,на которую я обращаю Ваше внимание,находится на страницах 58 и 59... Подсудимый, это - выдержка из секретного отчета о работе совещания консультантов по еврейскому вопросу при германских посольствах в Европе,состоявшегося 3 и 4 апреля 1944 года.Я хочу,чтобы Вы посмотрели на страницу 44 немецкой книги документов. Это будет 58 страница английской книги документов,где записано выступление на этом совещании некоего господина Поземанн из Турции.Он у Вас работал ? Будьте любезны,отвечайте да или нет.Это записывается в стенограмму.

ПАПЕН. Разрешите мне спросить,кто это был господин Поземан ? Г-н Поземан...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я спросил Вас,был ли он в составе посольского штата,а если не был,то кто он был ? Это все,что я хочу знать.

ПАПЕН.Нет,ни в коем случае.Господин Поземан был германским книготорговцем,который обосновался в Анкаре.Он вовсе не был членом моего посольства.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Так,во всяком случае,на этом совещании он был в качестве консультанта министерства иностранных дел Германии по еврейскому вопросу.Послушайте,что он говорит: "В начале прошлого года турецкое правительство нанесло удар

евреям в связи с попыткой разрешить проблему меньшинств. Были применены очень резкие меры при проведении этой "акции". Подозрения союзных округов по поводу того, что речь шла только об антиеврейских мерах, были рассеяны турецким правительством ссылкой на те меры, которые одновременно проводились против других меньшинств. Во всяком случае, Турция прекратила проведение дальнейших мер по разрешению проблемы меньшинств и, тем самым, еврейской проблемы. По этой причине антиеврейская пропаганда не могла проводиться под нашим руководством в настоящее время, поскольку ее не желает Турция и она явилась бы бременем для внешней политики Турции. В Турции нет никаких антиеврейских изданий, за исключением карикатур и юмористических книжек о евреях. Первые намеки на реализацию программы действий против международного еврейского господства имеются в переводе "Протокола старшин Сиона" и книги Форда "Международное еврейство". Продажа этих брошюр и их распространение поощрялись посольством. В настоящее время работа возможна только в узком масштабе, поскольку, как я уже подчеркивал, антиеврейская пропаганда, которая совершенно очевидно инспирировалась немцами, могла вызвать нежелательные политические осложнения для нас самих ".

Скажите, верите ли Вы в "Протокол старшин Сиона? "

Считаете ли Вы, что "Протокол старшин Сиона" является достоверным и правильным документом ?

ПАПЕН. Ни в коем случае.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Тогда почему же продажа этих брошюр поощрялась немецким посольством ?

ПАПЕН. Может быть, мне здесь следует сделать Суду небольшое раз'яснение относительно всего этого заседания ? Это заседание было созвано министерством иностранных дел и, в частности, в нем должны были принять участие референты посланников и послов, которые должны были заниматься еврейской

13808

H1207 – 0222

H1207 – 0223

проблемой.При моем посольстве такого эксперта по еврейским вопросам не было,так как я всегда отрицательно относился к этому.Вследствие этого,партия по собственной инициативе привлекла книготорговца Поземанна для выполнения этой задачи и послала его на это совещание.Если господин Поземан здесь констатирует,что посольство распространяло упомянутые им пропагандистские брошюры,то он,очевидно, сильно заблуждается. Во-первых, турецкое правительство никогда не допустило бы распространения таких брошюр и, во-вторых, Вы и сегодня можете убедиться,сэр Дэвид, что все эти брошюры еще находятся в подвалах моего посольства в Анкаре.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Таким образом это заявление, сделанное на совещании в министерстве иностранных дел,является неправильным ?

ПАПЕН. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы говорите,что Вас это не касается - таков Ваш ответ ? Я хочу задать Вам пару вопросов относительно католической церкви.Помните ли Вы Фульденскую декларацию епископов ?

ПАПЕН. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Эта декларация основывалась на гарантиях и заверениях в добрых намерениях,которые сделал Гитлер церкви 23 марта 1933 года,не правда ли ? Вы помните, что Гитлер сделал тогда такое заявление ?

ПАПЕН. Не только 23-го,но и в заявлении правительства Гитлер неоднократно категорически защищал ту точку зрения, что оба вероисповедания должны быть основой всякой политики.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Так.Это,в свою очередь,было по крайней мере частично результатом заявления,сделанного Вами на заседании кабинета 15 марта 1933 года,когда Вы подчеркнули большое значение включения политического католицизма в дея-

тельность нового государства; это правильное и основанное на фактах утверждение, не так ли ? Таким образом обстояло дело ?

ПАПЕН. Именно так, сэр Дэвид.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо.

ПАПЕН. Я прилагал все усилия для того, чтобы побудить Гитлера в торжественных заявлениях подтвердить, что он в своей политике основывается на христианстве и мне кажется, что я уже давал Суду показания относительно того, что я действительно прилагал все усилия для того, чтобы выполнить эту программу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разрешите попросить Вас вновь обратиться к книге документов //-А, стр. 96, 78-я страница немецкой книги документов. Это - документ 2248-ПС, представляющий собой Ваш отчет Гитлеру от 20 июля 1935 года. В этом отчете Вы употребляете следующее выражение : "Умная политика, которая устраняет политический католицизм, не затрагивая основ христианства в Германии".

Милорд, это - 99 страница английского текста и 86-я страница немецкого текста. Милорд, это - первый абзац стр. 99.

"Проблемы культуры приобретают особое значение. Способ разрешения политических и религиозных затруднений в Германии, - умная политика, устраняющая политический католицизм, не затрагивая христианских основ Германии - будут не только иметь решающее воздействие на Англию или католическую Польшу. Мы даже можем сказать, что успех или провал в разрешении германо-австрийского вопроса зависит от нее". Я прошу Вас иметь в виду, что этот Ваш отчет Гитлеру был сделан в июле 1935 года, т.е. через два года после конкордата. - "Умная политика, которая устранит политический католицизм, не затрагивая христианских основ Германии... " Ваш защитник цитировал одну выдержку из обращения Его Святейшества, папы.

13810

H1207 - 0224

H1207-0225

Я хочу,чтобы Вы посмотрели и сказали Трибуналу,согласны ли Вы со следующим абзацем.Этот абзац следует за тем,который цитировал здесь доктор Кубушок.Милорд, это новый документ. Нет,простите... он уже представлялся в качестве доказательства. Это документ 3268-ПС, США-356.

Милорд,Вы помните,что доктор Кубушок цитировал часть этого обращения папы в своей книге документов.Милорд, у меня есть несколько лишних экземпляров.После той части,которую цитировал доктор Кубушок относительно того, что конкордат предотвратил худшие бедствия.Его святейшество говорит далее следующее: "Борьба против церкви фактически стала еще более жестокой: распустили католические организации;постепенно подавили деятельность процветавших католических школ как частных,так и общественных;насильственно оторгали молодежь от семей и церквей;оказывали давление на религиозные убеждения граждан и,в особенности, гражданских служащих;проводили систематическое опорачивание церкви,в особенности путем очень умной и хорошо организованной пропаганды , пороча священнослужителей,верующих и все церковные институты,учения и историю церкви; закрывали и распускали религиозные организации и церковные учреждения,при этом конфискуя их собственность; полностью была запрещена церковная печать и закрыты церковные издательства."

Вы согласны с тем,что его святейшество дает правильное описание действий немецкого государства против католической церкви?

ПАПЕН. Это вполне правильно.

13811

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу также, чтобы вы посмотрели документ 3280-ПС, озаглавленный " С настоятельной заботой".

Милорд, вы найдете его на странице 40 одиннадцатой книги документов. Простите милорд, я ошибся, это 47-я страница книги документов, 40-я страница немецкого текста. Как вы заметите, это было давно, 14 марта 1937 года, через четыре года после конкордата. Во второй фразе он говорит ... это начало фразы:

" Это раскрывает наличие интриг, которые с самого начала не имели иной цели, кроме опустошительной войны. В те борозды, которые мы вспахали, чтобы сеять семена мира, другие - подобно врагу в священном писании - бросали плевелы сомнений, раздоров, ненависти и клеветы, открытой и скрытой враждебности к Христу и его церкви, питаясь из тысяч самых различных источников и пользуясь всевозможными средствами. Они, и только они с их тайными и явными защитниками, отвечают за то, что теперь на горизонте Германии не сияет радуга мира, а собираются грозовые тучи разрушительных религиозных войн".

Подсудимый, я хочу, чтобы вы сказали Трибуналу, согласны вы с этим или нет ?

ПАПЕН: Согласен.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Если вы согласны с этим заявлением главы церкви, как могли вы писать Гитлеру через два года после конкордата, в июле 1935 года, что он "устранил политический католицизм, не затронув христианских основ Германии ? Это совершенно неправильно, что Гитлер и нацисты не затронули христианских основ Германии. Не так ли ? Они

H1207 – 0226

H1207 – 0227

подорвали эти основы и находились в процессе их уничтожения.

ПАПЕН: Вы путаете, сэр Давид, это - два совершенно различных момента. Политический католицизм ...

Сэр ДАВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, я не хочу прерывать вас, но ведь я же сказал совершенно ясно. Я говорю не об устранении политического католицизма. В настоящий момент я не разбираю вопроса об отношениях между вами и монсиньором Касс. Я сейчас рассматриваю другое ваше заявление о том, что христианские основы Германии не были затронуты при уничтожении католицизма. Я говорю вам о том, что его святейшество писал, что христианские основы в Германии уничтожались. Я не хочу сейчас вдаваться в вопрос о точке зрения монсиньора Касс относительно вас или о вашем мнении о нем. Мне это известно.

ПАПЕН: Разрешите мне об"яснить вам некоторые вещи. Борьба против церкви и ее институтов, против которой его святейшество папа римский неоднократно выступал в 1937 и в 1945 г.г. в своих энцикликах, в которых он признавал обострение положения в течение войны, все принимавшиеся меры безусловно означали попытки поколебать христианскую основу Германии и я их очень резко осуждал. Однако, это не имеет ничего общего с устранением так называемого политического католицизма, чего я требовал и на что я надеялся. Это два совершенно различных момента. Возможно, вам это трудно понять, потому что вы, очевидно, не совсем хорошо знакомы с условиями, имевшими место в Германии.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, поверьте мне, что я потратил очень много времени, чтобы расследовать вопрос о разногласиях между вами и епископом Каас. Я не собираюсь рассматривать этот вопрос перед Трибуналом, потому что он не

представляет собой вопроса большой важности. Я достаточно разбираюсь в этом вопросе, - правда, не так хорошо, как вы, - но я разбираюсь в вопросе о положении политического католицизма и я вас не спрашиваю об этом. Я спрашиваю вас относительно вашего заявления. Почему вы сказали Гитлеру, что он не затронул христианских основ Германии. Вот, что я хочу знать. Вы должны были знать в 1935 году, что это было не так ?

ПАПЕН: Однако, сэр Давид, вы совершенно извращаете то, что написано в этом отчете. Я сказал Гитлеру, что христианский фундамент Германии не должен быть поколеблен. В отчете и по сегодня записано: "Следует уничтожить политический католицизм, не поколебав христианской основы Германии".

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы видите, как оно начинается: Вы говорите, что " умная политика, которая устранит политический католицизм, не затронув основ". Разрешите вам напомнить. Разве вы не сказали при допросе, что часть затруднений, которые вы испытывали летом 1934 года до того, как вы произнесли речь в Марбурге, об"яснялась невыполнением конкордата, ибо после того, как он был подписан с согласия Гитлера, "он обращался с этим конкордатом, как с пустой бумажкой и я ничего не мог с этим поделать". Затем были затруднения в связи с преследованием церкви и евреев. Это было в конце 1933-1934 г.г. Действительно ли, что вы в 1934 году считали, "что не только с конкордатом обращаются как с пустой бумажкой, но, кроме того, проводится преследование церкви и евреев?".

ПАПЕН: Я не знаю, какой вы документ сейчас цитировали, сэр Давид.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я цитировал протокол вашего допроса, который был произведен утром 19 сентября 1945 года.

ПАПЕН: Да, конечно, когда я произносил свою речь в Мар-

H1207 – 0228

H1207 – 0229

дебурге, то я был того мнения, что государство виновно во всем этом. Иначе я бы не держал этой речи. Но в этой речи, сэр Давид, я еще раз категорически подчеркнул, что ни одно западно-европейское государство не может существовать без христианских основ и что мы сами исключим себя из числа христианских народов и не выполним нашей миссии в Европе, если мы откажемся от наших христианских основ. Яснее я этого не могу сказать. И, может быть, я должен вам еще кое-что сказать относительно политического католицизма. Вы при ...

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Поступайте, как хотите. Я специально хотел избежать того, чтобы затруднять Трибунал вашей перепиской с епископом Каас, потому что вы оба употребляли весьма грубые выражения и они прозвучали бы не очень хорошо, если бы я стал их повторять здесь.

Если хотите, расскажите об этом, но не углубляйтесь в этот вопрос более, чем это необходимо.

ПАПЕН: Сэр Давид, я считаю, что этот упрек, который вы мне делаете, является самым большим, так как он противоречит всему мировоззрению в целом.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, как вы помните, до перерыва вы заявили Трибуналу о том, что вы, уезжая в Австрию, представили кардинала Инницера Гитлеру. Вы помните заявление, на которое ссылался защитник Кубушек о том, что кардинал Инницер в своей речи по радио из Рима совершенно ясно заявил, что он принимает нацистское правление в Австрии только на определенных условиях. Вы вспоминаете об этом ?

ПАПЕН: Да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу сейчас рассмотреть вопрос о том, что случилось с кардиналом Инницером.

Милорд, это - новый документ Д-903, который я представлю

в качестве доказательства за № ВБ-508. Это заявление в форме письменного показания, данного под присягой доктором Вайнбахером, священником; я получил из Вены 7-го июня. Как вы увидите, этот священник является секретарем архиепископа в кафедральном соборе. Давайте посмотрим на эти показания.

" 8 октября 1938 года," - т.е. немного более, чем через шесть месяцев после встречи кардинала Инницера с Гитлером, которую вы организовали,- "молодые демонстранты напали на дворец архиепископа в Вене. Я присутствовал при этом и поэтому могу описать это, как очевидец".

Затем он описывает, как демонстранты разбивали окна, ломали ворота. Священники увели архиепископа во внутренние комнаты и спрятали его там. Они увели кардинала в безопасное место в комнату, где хранились личные архивы, и заперли за ним стальную дверь.

" Затем мы, двое священников, очутились лицом к лицу с толпой насильников. Мы встали в дверях домашней часовни кардинала, чтобы предотвратить разрушение хотя бы там".

Милорд, это примерно десятая строка от конца страницы.

"Вскоре после того, как мы добрались до часовни, первые из демонстрантов ворвались в комнаты кардинала, к которым примыкала часовня. Мы их задержали у дверей. В часовню полетели поленья. Меня толкнули и я упал, но нам все же удалось не пропустить их в часовню. Это были юноши от 14 до 25 лет. Их было около 100 человек. После того, как мы отбили первую атаку, мы открыли дарохранительницу и с"ели освященные просфоры для того, чтобы спасти самое святое от осквернения. Новые банды уже опять ломились в двери, но мы остановили и их. В это время в остальных комнатах происходила оргия разрушения, которую невозможно описать. Латунными прутами, кото-

H1207 – 0230

H1207 – 0231

рыми был укреплен на лестнице ковер, они ломали столы и стулья, канделябры и ценные картины и, в особенности, все распятия."

Затем описывается, как они разбивали сплошные стеклянные двери и рассказывается о том, что когда был обнаружен кардинал, поднялась тревога. Сам этот священник был вытащен из часовни примерно 6 демонстрантами, которые протащили его через прохожую к окну с криками: "Мы выбросим этого пса из окна".

Затем внезапно явилась полиция и вы сейчас увидите, каково было представление полицейских о восстановлении справедливости.

" Затем пришел подполковник полиции и извинился. Вслед за ним пришел представитель гестапо и выразил свое сожаление по поводу того, что полиция не проявила достаточной активности и особого желания вмешаться в это дело". Тем временем другие демонстранты атаковали дом ректора кафедрального собора на Стефанплац 3".

Здесь они выбросили куратора собора Краварика из окна во двор. Этот священник пролежал в больнице до февраля с переломом обоих ног в бедрах".

Сейчас я попрошу вас посмотреть на предпоследний абзац:

" То, что эта демонстрация не была результатом бесшабашности или выражением возмущения этих юношей, а была заранее хорошо спланирована с ведома официальных кругов, было ясно из речи гаулейтера Бюркеля, произнесенной им 13 октября в Хальденплаце, в которой он представил кардинала виновным во всем том, что произошло".

Г-н фон Папен, вы несете большую ответственность в связи с кардиналом Инницером, не так ли ? Вы представили его Гит-

леру. Вы должны были знать из обращений и сообщений католической церкви об этом нападении на дом кардинала, которое произошло через шесть месяцев после аншлюсса. Ведь вы должны были знать об этом, не правда ли ?

ПАПЕН: Да, я услышал об этом позже.

Сэр Д.ВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Каким образом вы заявили протест после того, как вы услышали об этом позорном нападении на главу церкви и узнали о том, что куратор собора был выброшен из окна во двор и получил перелом бедер, узнали об осквернении часовни и разрушении святых распятий ? Как вы протестовали против этого ?

ПАПЕН: Разрешите мне напомнить, сэр Давид, что я более, чем за полгода до этого вышел в отставку и вообще не имел более никакого отношения к этим событиям. Само собой разумеется, что о деталях этого события приходится весьма сожалеть. Это были преступные нападения. Однако, эти детали не были помещены в германской прессе, так что я впервые ознакомился с ними на процессе в том виде, как они были изложены здесь. Разрешите мне сказать еще следующее ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый, вы еще не ответили на вопрос. Вопрос был следующий: какой протест вы заявляли против этого ?

ПАПЕН: Я не заявлял никакого протеста, так как я больше не представлял собой официальное лицо, а был частным лицом. Я узнал об этом событии только то, что было помещено в германских газетах.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Подсудимый, вы ведь сказали нам, что вы были одним из руководителей светского католического движения в Германии. Вы ведь не собираетесь уверять здесь Трибунал в том, что каждому священнику католической церкви

H1207 – 0232

H1207 – 0233

Германии и, может быть, каждому приходскому - не было известно об отвратительном и кощунственном нападении на отца церкви в его собственном доме в Вене. Несомненно, что через несколько дней об этом узнали все церковные круги.

ПАПЕН: Это вполне возможно, сэр Давид. Но неужели вы требуете, чтобы я, будучи частным лицом, предпринимал активные действия ? Что я мог тогда сделать ?

Суд, может быть, не знал о беседе, которая состоялась по моей инициативе между Гитлером и кардиналом Инницером. Вы впервые упомянули о ней сегодня.

Сэр Давид МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Именно поэтому я и говорю с вами об этом инциденте: вы ответственны за то, что вы организовали встречу Гитлера с кардиналом Инницером в марте 1938 года. Я полагаю, хотя и не мне следует заниматься этим, что когда в октябре произошло нападение на его преосвященство, вы могли бы взять на себя труд выразить протест Гитлеру. А вы через шесть месяцев, в апреле 1939 г. снова приняли другую работу от Гитлера.

Я вас спрашиваю здесь, почему вы не заявили никакого протеста. Вы вполне могли бы написать об этом Гитлеру. Подсудимый Геринг говорил здесь о своих глубоких религиозных чувствах и об интересе к религии. Ряд других подсудимых заявляли здесь о своей привязанности к религии. Почему вы не могли войти в контакт с ними ?

ПАПЕН: Потому что я осенью 1938 года удалился от всех политических дел, жил в деревне и вообще не интересовался более политическими вопросами. Однако, может быть, мне следует сказать, почему я организовал встречу кардинала Иннициера с Гитлером ?

Сэр Давид МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Нет, меня сейчас не интересует

эта встреча, состоявшаяся 15 марта. Меня интересует лишь сам факт, что это имело место. Вы знали об этом и не выразили никакого протеста. Сейчас я перехожу к другому вопросу. Доктор Кубушек может поднять этот вопрос вновь, если он пожелает, несколько позже.

Подсудимый, вы слышали показания многих других подсудимых, которые заявляли, что они не знали об ужасных репрессиях, которые имели место в Германии. Вы очень хорошо знали об этих репрессиях, не так ли ? Вы знали о действиях гестапо, о концентрационных лагерях, а позднее вы также знали об уничтожении евреев, не правда ли ?

ПАПЕН: Об этом я знал лишь только то, что в этих концентрационных лагерях в 1933 и 1934 г.г. содержались политические противники. Я весьма часто выступал против методов, которые применялись в концентрационных лагерях. В целом ряде случаев я освобождал людей из этих лагерей. Однако в то время мне не было известно, что в этих лагерях имели место также и убийства.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Разрешите мне разобраться в этом. Полезно обратиться к конкретному примеру. Помните ли вы, что в начале 1935 г. ваш секретарь г-н фон Чирский получил указание вернуться из Вены в Берлин для допроса в гестапо? Вы помните об этом ?

ПАПЕН: Да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Помните ли вы также, что он отказался поехать и послал вам очень подробный отчет о том, почему он не хочет ехать ? Вы помните это ?

ПАПЕН: Да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Давайте вместе бегло просмотрим

H1207 – 0234

H1207 – 0235

этот отчет. Милорд, это - документ Д-635, который представляется в качестве доказательства за № "ББ-509". Милорд, вы найдете это в книге документов 11-А, на странице 87. Это - 60-я страница немецкого текста. На стр.67 имеется письмо г-на фон Чирского, адресованное вам, в котором он говорит в конце второго абзаца следующее: "Я не собираюсь выполнять указание гестапо о выезде в Берлин для допроса".

Затем он говорит, - я цитирую его собственные слова, - что это об"ясняется лишь "вполне понятным и человеческим желанием жить". Он далее прилагает к этому письму отчет, для вас о том, что с ним случилось 30 июня, в результате чего он был внесен в черный список гестапо. Вы помните об этом ?

ПАПЕН: Конечно.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Далее, я суммирую начало этого отчета , который был бы комичным, если бы в нем не описывалось такое ужасное положение вещей ;- ваш секретарь г-н фон Чирский был арестован одновременно двумя конкурировавшими группами полицейских, кажется, представителями гестапо и уголовной полиции, и была серьезная опасность, что фон Чирский и кое-кто из представителей полиции будут расстреляны до того, как они решат, кто же, собственно, должен его арестовать. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что произошло после того, как он был арестован.Милорд, это - страница 89, и конец 65-й страницы немецкого текста. Мне кажется, что это произошло после того, как гестапо вышло победителем в этой междусобной борьбе и захватило фон Чирского. Он далее говорит, почти уже в самом конце -

Милорд, это середина 89 страницы. Ему сказали, что полиция следует за гестапо и далее он говорит: "Мы подошли к

зданию гестапо на Принц Альбрехтштрассе, а затем через двор пришли к черному ходу. Затем между двумя группами представителей уголовной полиции произошел новый обмен мнениями. Я снова вмешался в этот разговор и предложил для выяснения недоразумения послать представителя каждой группы внутрь здания с тем, чтобы вышестоящие чиновники решили, как следовало поступить. Оставалось еще три офицера уголовной полиции и четыре члена СС, которые должны были охранять меня и двух других господ. Мое предложение было принято. Вскоре они вернулись обратно и сказали, что теперь недоразумение выяснилось и что нас можно увести, после чего мы были уведены тремя представителями СС без сопровождения представителей уголовной полиции. Мы совершили длинное путешествие через здание в подвал. Там мы были переданы без всяких комментариев членам СС, которые там находились на посту, и получили от них распоряжение пройти вперед и сесть на скамейку, которая стояла у стены в проходе. Нам затем запретили разговаривать между собой. Так я провел несколько часов, сидя на этой скамейке. Было бы излишним приводить дальнейшие подробности событий, которые произошли в течение этого времени.

Поэтому я ограничусь тем, что расскажу о расстреле хорошо известного лица, о котором официально заявили, что он покончил самоубийством. Этого человека вели под эскортом трех эсэсовцев и провели мимо нас в камеру, параллельную нашему коридору. Командовал хауптштурмфюрер СС, человек небольшого роста, темноволосый, с пистолетом в руках. Я услышал команду: "Стража, к дверям!". Дверь в наш коридор закрылась. Мы услышали пять выстрелов и сразу же после этих

H1207 – 0236

H1207 – 0237

выстрелов хауптштурмфюрер вышел из двери со все еще дымящимся от только-что произведенных выстрелов пистолетом в руке. Он сказал, задыхаясь: " С этой свиньей покончено".

Кругом царило лихорадочное возбуждение, крики испуга и вопли слышались из всех камер. Один из стоявших на посту эсэсовцев, довольно молодой парень, был так возбужден, что, очевидно, потеряв сознание и забыв, каково было положение вещей, сообщил мне, жестикулируя при этом пальцами, что человек, о котором шла речь был убит тремя выстрелами в висок и двумя - в затылок".

Вы получили весьма ясное представление о методах СС и гестапо после того, как фон Чирский прислал вам это описание, не правда ли ?

ПАПЕН: Да. И вместе с тем вы видите, что этот отчет я ...

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Скажите нам, прежде чем мы кончим рассмотрение этой выдержки, которую я только что зачитал, кто был этот хорошо известный человек, о котором сказали, что он совершил самоубийство и который был застрелен тремя выстрелами в висок и двумя - в затылок. Кто он был ?

ПАПЕН: Я этого не могу сказать, я не знаю этого.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы хотите сказать, что г-н фон Чирский никогда не говорил вам, кто был этот человек, проработав с вами после этого несколько месяцев ?

ПАПЕН: Я не могу вспомнить, сэр Дэвид, чтобы он говорил со мной об этом. Может быть, я забыл. Это был, очевидно, один из тех людей, которые были убиты 30 июля.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Одну минуту. Вы говорите, что

может случиться, что вы забыли. Хотите ли вы сказать, что такие ужасные факты были столь обычны для вас, что вы не можете помнить о фактическом убийстве такого видного человека, которое выдавалось за самоубийство. Подумайте еще. Не можете ли вы сказать Трибуналу точно, кто был этот несчастный человек?

ПАПЕН: Если бы я это вспомнил, я бы охотно сказал. У меня нет оснований скрывать это.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, Трибунал сейчас рассмотрит вопрос о том, в какой форме вы сообщили об этом Гитлеру. Вы считали, что г-н фон Чирский говорил вам правду, не так ли? Вы это сами сказали. Вы верили в то, что он говорит правду, не так ли?

ПАПЕН: Да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, обратитесь к стр. ... Милорд, я прошу вас обратиться к странице 86 английской книги документов; это страница 58 немецкой книги документов, подсудимый - стр.58.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, собираетесь ли вы выяснить вопрос о том, что случилось с человеком, который написал этот отчет?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд. Я сейчас выясню это. Простите.

Подсудимый, до того, как мы перейдем к тому, что случилось, когда он послал этот отчет, сам г-н фон Чирский ... Мне кажется, его послали в концлагерь, где ему обрили голову, но через некоторое время он был освобожден и снова вернулся к вам на службу и работал у вас до февраля 1935 года? Это правильно, подсудимый?

ПАПЕН: Да, это совершенно верно.

H1207 - 0238

H1207 – 0239

Сэр Дэвид МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Милорд, это все, что известно о событиях, имевших место до февраля 1935 года. Затем его попросили явиться в гестапо и представить отчет. После этого имела место эта переписка. /Обращается к подсудимому/:

Как вы видите, в вашем письме Гитлеру от 5 февраля - документ Д-684, Великобритания-510, вы говорите: "Как я уже вчера сообщил по телеграфу, я передал г-ну фон Чирскому указание от 2-го числа этого месяца, в котором повторялось требование о том, чтобы он явился в указанный гестапо день, а именно 5 февраля. Затем он заявил мне официально, что он не может выполнить этого указания, поскольку он убежден, что он будет убит тем или иным путем, если он это сделает. Он сказал, что он изложит причины, по которым он не хочет ехать в отчете, который я перешлю, как только получу его. Я вчера, наконец, освободил г-на фон Чирского, которого я уже отстранил от занимаемого им поста на время судебного разбирательства. Само собой разумеется, что я порву с ним все связи официального характера сразу же после того, как завтра будут сданы все дела."

Затем вы говорите, что вы телеграфировали подсудимому фон Нейрату и г-ну фон Чирскому дали отпуск по болезни.

Посмотрите на последний абзац:

" После того, как я несколько раз просил, чтобы фон Чирский получил возможность оправдаться перед обычным судом в обвинениях, которые выдвинуты против него, то естественно, я искренне сожалею, что дело кончается таким образом. Я сделал все, что было возможно, чтобы убедить фон Чирского действовать, как ему было указано, а именно, дать возмож-

ность гестапо допросить его".

Правильно ли, подсудимый, что вы сделали все, что было в ваших силах для того, чтобы ваш работник был отправлен на смерть в гестапо и убит там ?

ПАПЕН: Я считаю, что будет правильным, сэр Давид, указать Высокому Суду на другие письма, из которых вытекает, что я не только однажды, но неоднократно просил Гитлера рассмотреть дело фон Чирского в суде, согласно существовавшим законам.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Совершенно правильно. В этом письме об этом говорится.

ПАПЕН: Конечно, но дайте мне возможность высказаться до конца.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Совершенно верно.

ПАПЕН: После того, как мне в этом было отказано и фюрер не согласился с тем, чтобы возбудить процесс, согласно существовавшим законам, он, Гитлер известил меня, что он лично вмешается в это дело и берет на себя личную ответственность за то, что с г-ном фон Чирским ничего не случится, если он будет допрошен гестапо. Что вы найдете в этих письмах. Фюрер обещал ему полную безопасность, если он явится для допроса в гестапо. Вследствие этого, после того, как было отказано в рассмотрении его дела в суде, и Гитлер обещал, что с Чирским ничего не произойдет, я попросил Чирского, чтобы он согласился подвергнуть себя допросу, так как обвинение, которое было выдвинуто против него, должно было быть как-то выяснено. Однако, мне кажется ...

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Обратитесь снова к вашему письму от 31 января, которое находится ...

13826

H1207 – 0240

H1207 – 0241

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Давид, я думаю, что вам следует зачитать все это письмо целиком - письмо от 5 февраля, часть которого вы уже прочитали.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Милорд, я это сейчас сделаю, простите, я не хотел ничего выпускать. Но я стараюсь, конечно, сокращать. Я оглашу все, что вы, милорд, считаете нужным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал должен располагать всем письмом. Вы остановились на слове "курьер", где-то в середине. Речь шла о сообщении.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд, относительно сообщения об его отставке австрийскому правительству: "Что касается сообщения об его отставке австрийскому правительству, то я боюсь, что если я сообщу об этом внезапно завтра, то мое сообщение будет обсуждаться общественностью. Я полагаю, что следует избежать этого скандала и поэтому я дал Чирскому отпуск по болезни, чтобы отвлечь внимание общественности. Я сообщу об его отставке позже.

Я возвращусь к делу Чирского и связанным с ним вопросам, касающимся гестапо в Вене позже, в подробном отчете".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы остановились на слове "гестапо" в следующем абзаце.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Благодарю вас, милорд. Да, я снова зачитаю все целиком:

"После того, как я несколько раз просил фон Чирского..."

H1207 – 0242

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Нет,Вы уже дочитали это до слова "гестапо" и остановились на этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. "Но,поскольку он твердо решил избежать этого допроса,хотя даже он и знал,что он тем самым может разрушить материальное и социальное благосостояние своей семьи,и поскольку он заявил мне,что, будучи в эмиграции,он ничем не будет вреден стране и фюреру,то мне ничего не оставалось,кроме как пожелать избежать всего,что могло бы превратить это дело в открытый скандал".

Благодарю Вас,милорд.

Подсудимый, Вы уже говорили Гитлеру 31 января,т.е. за пять дней до этого.

Это,Милорд,находится на 84-й странице,конец 55 и начало 56 страницы немецкого текста:

"Г-н фон Чирский,которого я,между прочим,сейчас отстранил от его обязанностей,узнал из некоторых источников,которые как он,так и я,к сожалению, рассматриваем как достоверные,что некоторые лица,принадлежащие к гестапо, уже в течение долгого времени собираются уничтожить его."

Милорд, это - документ Д-683, ВБ-511.

Вы уже 31 января считали,что слухи о том,что гестапо хочет нейтрализовать Чирского,являются достоверными .5-го февраля в отрывке,который Трибунал только что просил меня зачитать,Вы заявляете,что это означало бы гибель и разорение для него самого и для его семьи.Но Вашим единственным желанием было сделать все,чтобы избежать скандала.

ПАПЕН.Мое желание вначале состояло в том,чтобы были предприняты все усилия для того,чтобы рассмотреть это дело в суда на основе существовавших законов.

H1207-0242

H1207 – 0243

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Таково было Ваше желание сначала,но скоро Вы оставили его?

ПАПЕН. Одну минуту.После того,как Гитлер не согласился с этим желанием и после того,как я установил,что господин фон Чирский во время допроса со стороны гестапо будет пользоваться личной защитой со стороны Гитлера,т.е. если глава государства говорит мне, что "я ручаюсь за то,что с господином фон Чирским ничего не произойдет",то Вы должны со мной согласиться,что я не мог поступить иначе,как сказать господину фон Чирскому: " Пойди по пути допроса,так как ты должен опровергнуть те подозрения,которые имеются в отношении тебя".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Подсудимый,разрешите мне напомнить Вам,что в Вашем письме от 5 февраля нет ни одного слова об обещании Гитлера оправдать г-на фон Чирского.Единственно,о чем Вы здесь говорите,это относительно того,что он исчезнет и будет скомпрометирован. В Ваших других письмах также ничего не говорится об этом.

ПАПЕН.Однако, об этом факте имеется указание в одном из отчетов Чирского.Я сейчас не могу его найти.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Возможно,Вы найдете что-нибудь относительно предполагавшегося оправдания,а что касается меня,то я не мог найти ни слова об этом ни в одном из Ваших писем.

ПАПЕН.Но об этом говорится в них.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может быть,подсудимый поищет этот документ во время перерыва,в час дня ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Очень хорошо,милорд.Если такой документ имеется, то мне очень жаль,что я не знал об этом.Милорд,простите,кажется я нашел это место на странице 91-й.Это - не в письме подсудимого,но на это имеется

ссылка в отчете Чирского.Страница 91-я,милорд, 69 страница немецкого текста.Там говорится:

"В заключение,в об'яснение того,почему я чувствую, что я не должен являться в гестапо или вообще возвращаться в империю, несмотря на то,что фюрер и канцлер обещал мне свою всемерную поддержку,я должен сделать следующее заявление: " Уже во время моей деятельности в Берлине я часто получал сведения о том,что в империи существует террористическая организация,которая поклялась в верности друг другу до смерти.Специально указывается,что люди, которые приняты или могут быть приняты в это братство, берут на себя обязательство принадлежать к тайному обществу и считать,что они обязаны,проводя в жизнь его задачи, чувствовать,что они в гораздо большей степени принадлежат этому братству,чем Адольфу Гитлеру.Я не мог бы поверить этой чудовищной вещи,если бы эти сведения не были мне переданы за шесть месяцев до этого человеком,который - я особенно хочу это подчеркнуть - не только не был противником третьей империи,а,наоборот, человек, который глубоко верит в миссию Адольфа Гитлера и является членом национал-социалистской партии Германии в течение многих лет и которого лично просили вступить в это братство,но он сумел умело избежать этого.Этот человек уверил меня в своем желании назвать открыто имена членов братства, которые он назвал мне,или дать письменное показание под присягой относительно этого в том случае,если этих людей уже нет в живых.Он только хочет быть уверен в том, что это террористическое братство более не продолжает свою.деятельность ,в особенности потому,что в числе людей,принадлежащих к этому братству,имеются такие,которые

13830

H1207 – 0244

H1207 – 0245

считаются доверенными и приближенными фюрера и рейхсканцлера!

Простите, я был уверен,что этого ничего нет в письмах подсудимого,но я забыл,что в отчете имеется этот абзац. Это сообщил фон Чирский.Вы заявили нам,что барон фон Кеттлер был убит в конце Вашего пребывания в Вене.Если я не ошибаюсь,отец барона фон Кеттлера также был убит и это вызвало выступление немцев против боксерского движения в Китае. Барон принадлежал к этому же семейству,не так ли?

ПАПЕН. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.После того, что случилось с фон Чирским,это убийство фон Кеттлера подействовало на Вас таким образом, что Вы были готовы поступить на новую службу к национал-социалистскому правительству в Турции. Есть еще один вопрос,который я хотел бы Вам задать.

ПАПЕН. Разрешите мне все-таки высказаться по поводу этого.Я подчиняюсь Суду...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Господин фон Папен,разрешите мне сначала закончить обсуждение этого вопроса,потому что, насколько я помню,имеется еще одна ссылка на письменное показание под присягой Марчионини,а затем уже Вы сможете сделать все замечания,которые пожелаете.

Почему Вы после этой серии убийств,которые происходили одно за другим в течение четырех лет,не порвали с этими людьми и не встали,подобно генералу Йорку или другим деятелям,имена которых Вы можете припомнить из истории, на защиту своих собственных взглядов и не противодействовали этим убийствам ? Почему Вы не сделали этого ?

ПАПЕН.Да.Но Вы видите,что этот отчет господина фон Чирского об убийствах я передал г-ну Гитлеру со всеми деталями,указанными в нем,и Вы не знаете,что я часто говорил лично Гитлеру,что такой режим не может существовать

в течение длительного периода;если Вы спрашиваете меня, сэр Дэвид,почему я,вопреки всему этому,остался на службе у империи,то я на это могу лишь ответить,что 30 июня я лично порвал с Гитлером,а вместе с тем и с соглашением, которое мы заключили 30 января.С этого времени я выполнял лишь свой долг на благо Германии,если Вы хотите знать, я очень хорошо понимаю,сэр Дэвид, что Вы после всего этого, что мы теперь знаем,после миллионов убийств,которые имели место,рассматриваете немецкий народ,как народ,состоящий из преступников и что Вы не понимаете,что в этом народе имелись также и патриоты.Я делал это для того,чтобы услужить моей родине,и разрешите мне также добавить,сэр Дэвид, что до Мюнхенского соглашения и до польской войны великие державы также пытались,несмотря на то,что им было известно все,что происходило в Германии,сотрудничать с этой Германией Почему Вы хотите поставить в упрек германскому патриоту то,что он делал то же самое и надеялся на то же самое,на что надеялись и великие державы ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Великие державы не находились в таком положении,как Вы: их сотрудников не убивали одного за другим,они не были так близки к Гитлеру,как Вы.Я заявляю Вам,что единственная причина,по которой Вы продолжали оставаться на службе у нацистского правительства в то время,когда Вы знали обо всех этих преступлениях,заключалась в том,что Вы сочувствовали нацистам и хотели продолжать работать вместе с ними. Я заявляю Вам, что Вы прекрасно об этом знали,Вы видели,что Ваши друзья и сотрудники падают жертвами убийц,Вы хорошо знали об этом,и единственной причиной,которая могла заставить Вас продолжать работать и брать от нацистов одно поручение за другим,заключалась

13832

H1207 – 0246

H1207 – 0247

в том,что Вы сочувствовали деятельности нацистов.Вот,в чем я обвиняю Вас,господин фон Папен !

ПАПЕН. Это,может быть, Ваше мнение,сэр Дэвид.Мое же мнение состоит в том,что за свое решение работать для своего отечества я несу ответственность только перед своей совестью и перед моим немецким народом,и я приму его оценку моей деятельности.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я закончил,милорд.

(Об'является перерыв до 14.00).

13833

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 19 июня 1946 г.

/ Вечернее заседание /

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, вы закончили ваш допрос?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, уже закончил, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотят ли другие обвинители подвергнуть свидетеля перекрестному допросу? /Молчание/. Прошу вас, доктор Кубушок.

КУБУШОК: Во время вчерашнего перекрестного допроса вами было заявлено о том, что в отчете на имя Гитлера от 27 июля 1935 года / это британский документ № 11-А, стр. 79 / говорилось, что, согласно результатам судебного расследования, в актах насилия, совершенных в Австрии в июле 1934 г., принимали участие руководящие лица германской империи. Вы упомянули в этой связи фамилию Хабихта. Я хотел бы иметь некоторые сведения об этом Хабихте. Хабихт был имперским немцем?

ПАПЕН: Хабихт был имперским немцем и жил в Мюнхене. Он был инспектором всей национал-социалистской партии в Австрии. Это следует понимать следующим образом: австрийская партия имела в самой Австрии гауляйтера, но из Мюнхена от лица имперского руководства партии, австрийской партией руководило специально назначенное на должность руководителя партии страны / ландесляйтера / и инспектора по стране / ландесинспектор/ лицо. Этим лицом был Хабихт. Так как в подчинении у этого человека находилась вся австрийская партия, то само собой разумеется, что его положение в партии было руководящим. Таким образом, его нельзя назвать офицером связи. Это было руководящее лицо, жившее в пределах германской империи.

H1207 – 0248

H1207 – 0249

КУБУШОК: Во время перекрестного допроса вам вчера представлялись письма, которые были написаны вами Гитлеру за период с 4-го по 17-е июля 1934 г. Необходимо осветить эти письма более подробно. С какой целью были написаны эти письма ?

ПАПЕН: Я очень благодарен за то, что мне предоставляется еще раз возможность коснуться этой корреспонденции. Нужно рассмотреть всю ситуацию, существовавшую в то время. Бозе был расстрелян, три сотрудника были арестованы, все были очень взволнованы и напряжены. Каждый, кто был в какой-то степени причастен к оппозиции, подозревался в том, что он замешан в этом путче СА. Такое же настроение царило в Германии после 20 июля 1944 года. Поэтому в первую очередь я стремился с помощью судебного разбирательства дела Бозе и дел других лиц уяснить истинное положение вещей. Этого я требовал в моем первом письме от 4-го июля. Той же самой реабилитации я требовал и в последующих письмах. Но предпосылка к этому заключалась в том, что сначала было необходимо установить, что мы никоим образом не были причастны к делу заговорщиков из СА.

КУБУШОК: В своих письмах вы уверяете Гитлера в том, что вы вполне лойяльны и что вы верны ему. Разве такая форма письма не должна вызывать удивления, если учесть события 30 июня ?

ПАПЕН: Может быть, посторонним наблюдателям это и кажется удивительным, но не тому, кто знает, каково было настроение в те исторические дни. В те дни каждый, кто находился вообще в оппозиции к партии или критиковал существовавшую систему, был заклеймен именем заговорщика. Поэтому я посчитал уместным констатировать в письме такой формы, что ни я, ни моя канцелярия не имели никакого отношения к этому заговору.

КУБУШОК: Господин обвинитель заключает из этих писем, что вы посредством их хотели лишь реабилитировать самого себя. Что вы можете сказать по этому поводу ?

ПАПЕН: Я прошу Высокий Суд рассмотреть эти письма. На основании их можно установить, что я все время указывал на необходимость реабилитации моих сотрудников. В письме от 12-го июля, на странице третьей, я заявляю, что честь моих сотрудников - это моя честь. Я все время требую в этом письме рассмотрения дела Бозе.

КУБУШОК: Чего вы думали достигнуть с помощью судебного разбирательства, которое вы предлагали провести ?

ПАПЕН: Такой судебный процесс имел бы двоякое действие. Во-первых, было бы доказано, что о каком-нибудь участии не может быть и речи. Непроизвольным выводом из этого обстоятельства был бы тот факт, что арест моих сотрудников и убийство Бозе было актом произвола, т.е. таким действием, за которое виновные лица должны быть наказаны.

КУБУШОК: В письме от 14 июля вы приветствуете речь Гитлера перед рейхстагом 13 июля, произнесенную в целях справдания. Что вы можете сказать по этому поводу ?

ПАПЕН: Я прошу разрешения просмотреть текст этого письма. В этом письме я приветствую подавление предстоявшей второй революции, но в этом нельзя никоим образом усматривать признания актов насилия, которые были совершены по отношению к лицам, непричастным к этой революции. Далее следует учесть следующее. События 30 июня распадаются на две части. Во-первых, Гитлер сам выступил против революционизирующего влияния СА. То, что такое выступление СА было действительно запла-

13836

H1207 – 0250

H1207 – 0251

нировано, казалось нам вполне правдоподобным, так как слухи о второй революции уже в течение недель разносились по стране. В Марбурге я уже указывал на это. Путч руководителей СА, которые фактически располагали большой властью, можно было рассматривать как угрозу для государства. Репрессии были применены по отношению к тем руководителям СА, которые пользовались особой известностью и были замешаны в эксцессах 1933 г.

Вторая часть мероприятий была направлена против лиц, находившихся вне круга замешаных в этом путче людей. Сведения об отдельных людях медленно просачивались. В оправдание репрессий, которые были применены по отношению к этим лицам, приводилось то обстоятельство, что между ними и руководителями СА существовала какая-то связь и что они оказывали сопротивление властям. Это обстоятельство необходимо было выяснить. Ведь здесь можно было сослаться на чрезвычайные полномочия государства. Но в данном случае нельзя было уклониться от обычного судебного процесса. Поэтому я в своем письме к Гитлеру от 12 июля пытаюсь убедить его в том, что не следует уклоняться от обычного судебного разбирательства. Я предостерегаю его быть в стороне от этих событий и, ссылаясь на дело Бове, я требую от Гитлера реабилитации этого сотрудника и начала судебного следствия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У нас имеются эти письма, доктор Кубушок ?

КУБУШОК: Да, целью моего теперешнего допроса является раз"яснение тогдашнего положения вещей, а также того обстоятельства, почему эти письма были написаны в такой форме. Мне кажется, что подсудимый уже достаточно осветил этот вопрос, и мы можем перейти теперь к другому вопросу.

Еще письмо от 17 июля подписано без добавления обще -

принятой формы вежливости. Оно по своей форме отличается вообще от других писем. Как это следует об"яснить ?

ПАЙПЕР: 17 июля я должен был сказать себе, что мои попытки добиться судебного разбирательства не увенчались успехом. Даже мои документы не были мне возвращены. Поэтому я решил отказаться от дальнейших переговоров и у меня больше не было причин сообщать ~~кому~~ кому-либо о моей отставке.

КУБУШОК: Я хотел бы еще раз возвратиться к документу, на который ссылался сегодня здесь представитель английского обвинения. Это документ № 2248-ПС, он находится в английской книге документов 11-А, страница 99. Английский обвинитель старался получить от подсудимого соответствующее раз"яснение. Мне кажется, что затруднения в переводе и затруднения, связанные с общим подбором выражений, послужили препятствием для полного взаимопонимания. Это сомнительное предложение, которое здесь упоминалось, я еще раз оглашу и попрошу подсудимого дать соответствующие об"яснения. Итак, я цитирую с 99-й страницы английского текста, второй абзац вверху:

" То, как Германия ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Кубушок, мы заслушали уже весьма продолжительное об"яснение по этому поводу.

КУБУШОК: Г-н председатель, об"яснение по этому поводу пострадало оттого, что подсудимый неправильно понял перевод и обвинитель неправильно понял подсудимого. Форма, в которой выражен немецкий текст, очень затруднительна. Подсудимый сможет все это быстро раз"яснить. Раз"яснение заключается ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, продолжайте в таком случае. Продолжайте.

КУБУШОК: "То, как Германия разрешает трудности политико-

H1207 – 0252

H1207 – 0253

религиозного характера, то, что она, умелой рукой, исключает влияние политического католицизма и не затрагивает христианского фундамента Германии, окажет не только решающее влияние на Англию..." Прошу вас разъяснить смысл этой только-что оглашенной фразы.

ПАПЕН: Я хотел сказать Гитлеру этой фразой следующее: "Ты должен исключить умелой рукой влияние политического католицизма, но религиозный фундамент не должен быть затронут ни при каких обстоятельствах". От умелого решения этого вопроса...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В данном случае не возникает никакого вопроса в связи с переводом. Этот абзац находится перед нами и он в такой именно редакции был прочитан сэром Давидом Максуэлл-Файфом, когда он пред"являл его подсудимому. Подсудимый ответил на вопрос сэра Давида и неоднократно давал один и тот же ответ.

КУБУШОК: Г-н председатель, я позволю себе указать на следующее: все предложение стоит в будущем времени, все предложение ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот абзац был только что зачитан нам переводчиком именно в той редакции, в какой он изложен перед нами в книге документов и в какой сэр Давид цитировал его подсудимому. Здесь нет никаких различий в употреблении времени.

КУБУШОК: Г-н председатель, здесь мы имеем дело с трудностями языка. Два слова, а именно "разрешает" и "исключает", в немецком тексте стоят в настоящем времени. Но так как вторая часть фразы идет в будущем времени, то и первую часть фразы, согласно правилам немецкого языка, следует воспринимать в будущем времени. По мнению г-на английского обвинителя, эти два слова следует воспринимать, как прошедшее время. Но это далеко не одно и то же.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Собственно, это вопрос аргументации, касающийся исключительно слов, а не содержания этого отрывка.

КУБУШОК: У меня последний вопрос к свидетелю. Здесь говорилось о переговорах кардинала Иницера с Гитлером в Вене. Что побудило вас устроить эту встречу с кардиналом Иницером ?

ПАПЕН: Когда мы вступили в Австрию и провели аншлюсс Австрии к империи, - к Германии присоединилось католическое государство. Проблема, которую следовало разрешить, - в будущем, + - это + привлечь внутренне ~~другую~~ данную страну на свою сторону, а это было возможно только в том случае, если бы Гитлер признал на религиозной основе права католицизма в этой стране. Поэтому я выступил инициатором этой встречи кардинала Иницера с Гитлером. И сделал это И для того, чтобы совершенно точно установить, что Гитлер будет вести в Австрии политику на христианской основе. Я считал, что, устроив эту встречу, я сказал последнюю возможную с моей стороны услугу Австрии. В этом состояла, таким образом, причина.

КУБУШОК: Я закончил перекрестный допрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я хотел бы задать вам всего два-три вопроса. Когда вы впервые услышали об убийстве евреев ?

ПАПЕН: Мне кажется, милорд, что это было во время войны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, но война длилась в течение 6 лет. Когда именно это имело место во время войны ?

ПАПЕН: Я не могу точно сказать, милорд. Я не могу здесь под присягой точно сказать, когда это было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не можете сказать точнее, чем ~~что~~ вы сейчас сказали ?

ПАПЕН: Нет. Мы вообще знали, что евреи отправляются в лагери, в Польшу, но мы ничего не узнали о преднамеренном уничтожении евреев, о котором мы слышали здесь.

13840

H1207 – 0254

H1207 – 0255

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы можете сказать по поводу свидетеля Марчионини, письменные показания которого, данные под присягой, ваш защитник представил в качестве доказательства ?

ПАПЕН: Марчионини, милорд, это очень известный профессор, который работал в образцовой больнице в Анкаре и был врачем в моей семье.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете перед собой тома ваших документальных доказательств ?

ПАПЕН: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ / обращаясь к защитнику/: Может подсудимый сейчас получить третий том своей книги документов ? Я ссылаюсь на том третий, письменное показание Марчионини, данное под присягой, последний абзац ответа на 6-й вопрос.

/ Папену пред"являют документ /.

ПАПЕН: Одну минуту, милорд, я еще не нашел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Можете не торопиться.

ПАПЕН: Да, теперь я нашел эти показания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы нашли вопрос 6 или, скорее, ответ на шестой вопрос ?

ПАПЕН: Вопросы здесь не пронумерованы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это предпоследний вопрос.

ПАПЕН: Последний вопрос ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Предпоследний вопрос.

ПАПЕН: Да, нашел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В ответ на этот вопрос свидетель отвечает: "Я прекрасно помню один случай, который имел место весной 1944 года, когда я посетил фон Папена по просьбе г-на Варласа, комиссара по делам беженцев при еврейском агентстве, чтобы просить его содействия в спасении 10 тыс.евреев, которых

должны были вывезти из Франции в Польшу и уничтожить там. Эти евреи были ранее турецкими подданными, но впоследствии отказались от подданства".

Далее говорится, что благодаря вашему вмешательству "жизнь этих евреев была спасена". Это заявление отвечает действительности ?

ПАПЕН: Да, конечно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит, во всяком случае, весной 1944 года вы знали о том, что 10 тысяч евреев, находившихся во Франции, должны были быть депортированы и уничтожены ?

ПАПЕН: Я думал, что они должны были быть вывезены в Польшу. Но мы в 1944 г. не знали, что они должны быть уничтожены. Мы хотели их уберечь от депортации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Насколько я вас понял, вы сказали, что эти показания достоверны.

ПАПЕН: Там сказано " с целью уничтожения", но мне кажется, что нам тогда об этом не говорили. Весь вопрос заключался в следующем: готов ли я помочь защитить 10.000 евреев от вывоза их в Польшу из Франции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У меня больше нет вопросов. Вы можете вернуться на свое место, на скамью подсудимых.

/ Подсудимый возвращается на свое место/.

КУБУШОК: Трибунал разрешил мне вызвать трех свидетелей. Свидетель барон Пернзер в данное время не может приехать сюда ввиду затруднений с транспортом. Он может приехать сюда только в конце июля; после допроса самого подсудимого и после получения ответов на опросный лист барона фон Пернзера, я полагаю, что я могу отказаться от этого свидетеля. Правда, я очень сожалею об этом, так как этот человек сопровождал подсудимого

13842

H1207 – 0256

H1207 – 0257

в течение всей его политической деятельности. Показания его особенно были бы ценны в силу их об"ективности. Он был главой германской делегации на мирной конференции в Версале.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если у вас имеется письменное показание, данное под присягой, или ответы на опросный лист,—вы это можете представить в качестве доказательства. Дальнейшие раз"яснения по этому поводу нас не интересуют.

КУБУШОК: Хорошо. В качестве свидетеля, вызов которого был разрешен Трибуналом, у меня идет проф.Каганек. Во время допроса самого подсудимого все вопросы были достаточно хорошо освещены. Во время же перекрестного допроса эти вопросы не поднимались больше. Поэтому я могу обойтись и без этого свидетеля. Я отказываюсь от него. Таким образом остается всего один свидетель-д-р Кроль, которого я сейчас вызываю к свидетельскому пульту.

/ Вводят свидетеля /

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите, пожалуйста, ваше имя полностью.

СВИДЕТЕЛЬ: Ганс Кроль.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/ Свидетель повторил слова присяги /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

КУБУШОК: Г-н свидетель, какой пост вы занимали в Анкаре ?

КРОЛЬ: Я был первым советником посольства, а с осени 1936 г.до апреля 1943 г. - посланником в Анкаре. С осени 1936 года по апрель 1943 г. я все время работал в Анкаре .С апреля 1939 г. по апрель 1943 г. я работал вместе с послом фон Папеном, будучи его первым сотрудником.Мы ежедневно беседовали с ним в те-

чение нескольких часов. Я думаю, что я хорошо ориентирован относительно отдельных фаз в деятельности фон Папена в Турции, т.е. относительно его деятельности во время войны.

КУБУШОК: В целях раз"яснения я хотел бы сказать следующее. Мои вопросы будут касаться главным образом политики подсудимого фон Папена в мирное время. Вы знали ранее г-на фон Папена, т.е. до того времени, как он стал послом в Анкаре ?

КРОЛЬ: Нет, я познакомился с ним в Анкаре.

КУБУШОК: Вы были членом НСДАП ?

КРОЛЬ: Нет.

КУБУШОК: После назначения фон Папена послом, он прибыл в Анкару на непродолжительное время. Ради какой цели он это сделал ?

КРОЛЬ: Г-н фон Папен хотел представиться турецкому правительству и осведомиться о положении в стране.

КУБУШОК: Каков был г-н фон Папен в своем поведении и в своих высказываниях ? Чувствовалось ли во всем этом согласие с внешней политикой Германии и, в особенности, с политикой Германии в отношении Польши, или он пытался действовать против этой политики в рамках своих возможностей ?

КРОЛЬ: После прибытия г-на фон Папена мне очень хотелось узнать от него, как он себе представляет дальнейшее развитие общей ситуации и, в особенности, польского вопроса. Я считал, что ему известны планы Гитлера, так как он только что приехал из Германии. Но я должен был с разочарованием констатировать, что фон Папен знал столько же, сколько и я, т.е. ничего не знал. В последующее время мы во всех подробностях разбирали сложившееся положение. Насколько я мог констатировать,

13844

H1207 – 0258

H1207 – 0259

т-н фон Папен, который со мной говорил очень откровенно, с недоверием относился к внешней политике Гитлера. Он был противником войны, он был решительным противником войны и, конечно, противником войны с Польшей. Он, конечно, был убежден в том, что по польскому вопросу можно добиться взаимопонимания, если раз"яснить Гитлеру, что конфликт с Польшей при всех условиях приведет к мировой войне. Я должен сказать, что во всех своих отчетах он в очень откровенной и ясной форме пытался указывать на этот пункт. В своих беседах с турецкими правительственными деятелями и аккредитованными при турецком правительстве дипломатами он пытался доказать, что конфликт с Польшей неизбежно приведет к конфликту с Францией и Англией.

Позднее я говорил сам себе, что он убежден в том, что, если бы каждый человек - и иностранец и немец - говорил ~~с~~ с Гитлером именно в такой ясной форме, - войны можно было бы избежать.

КУБИШОК: Как фон Папен относился после начала войны с Польшей к вопросу распространения войны на северные государства, как-то Голландию, Бельгию и, наконец, Россию ?

КТОЛЬ: Г-н фон Папен надеялся, конечно, что во время наступившей зимней передышки начнутся переговоры. Он знал, что, если военные действия переместятся на Запад, ~~тогда~~ начнется всеобщая война и что тогда будет слишком поздно вести переговоры. Он искал, по мере возможности, посредничества в Турции. Поэтому г-н фон Папен с радостью и большой охотой хватался за каждую возможность, которая представлялась ему в разговорах с голландским посланником в Анкаре ван Виссером, бывшим с ним в дружественных отношениях. Мотивом к предложениям со стороны Голландии послужило желание Голландии закончить войну

до начала весны и вместе с ней борьбу на Западе. Целью этих бесед было добиться переговоров между Англией и Германией.

КУБИШ: Я хотел бы знать, каково было отношение господина фон Папена к такому миру ? Он считал, что аннексий можно добиться и мирным путем ? Каковы были цели, которые он связывал с заключением мира ?

КРОЛЬ: Мне кажется, что из прошлой деятельности г-на фон Папена известно, что он являлся другом и сторонником мира в Европе. Он знал также, что эта война началась не из-за территориальной проблемы, а из-за принципа, смысл которого состоит в том, чтобы воспрепятствовать в будущем односторонним агрессивным актам, т.е. началу агрессивных войн. Поэтому предпосылкой для ведения будущих переговоров являлось восстановление правового положения, существовавшего до начала войны, т.е. восстановление статус-кво ante на основании границ 1938 г., а это в свою очередь означает восстановление Польши и Чехословакии. Второй предпосылкой для успешного ведения этих перетоворов для него являлось восстановление доверия к подписи Германии, которое было разрушено из-за внешней политики, проводимой Гитлером. Таким образом, очень важным вопросом был вопрос о том, как восстановить доверие. Фон Папен совершенно отчетливо представлял себе, что этого можно будет достигнуть только с помощью значительного преобразования режима. Цель этого преобразования состоит в том, чтобы сделать Германию вновь правовым государством.

Господин фон Папен, принимая свой пост в Турции, считал, что он может помочь закончить войну, так как никакое другое государство, кроме Турции, не имело всех нужных предпосылок

13846

H1207 – 0260

H1207 – 0261

для того, чтобы стать идеальным посредником. Обе воевавшие стороны доверяли Турции, а это обстоятельство имеет самое существенное значение для начала таких переговоров. Во время бесед с турецкими государственными деятелями фон Папен стремился добиться того, чтобы Турция согласилась взять на себя роль посредницы. Лейтмотивом всей его деятельности в Турции было стремление закончить войну как можно скорее. Он действительно добился большого успеха в этом отношении. Президент Турции в 1942 году в своей большой речи, произнесенной в меджлисе, отметил большие заслуги Турции в деле посредничества между воевавшими сторонами.

КУБУШОК: Вы знаете что-нибудь о стараниях господина фон Папена воспрепятствовать втягиванию в войну Турции, к чему стремились страны оси ?

КРОЛЬ: Я хочу прежде всего сказать, что деятельность г-на фон Папена в Турции может быть охарактеризована очень кратко. Господин фон Папен считал своей миссией защищать интересы своей родины и одновременно интересы мира. На практике это означало, что он все время старался воспрепятствовать втягиванию Турции в войну, а также распространению войны на Ближний Восток. Тем самым он хотел создать предпосылку для выступления Турции в роли посредницы.

Теперь я хочу коснуться кризисов. Я ограничусь теми случаями, при которых у г-на фон Папена складывалось впечатление, будто нейтралитет Турции подвергается опасности из-за тех целей, которые имелись у государств оси.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кубушок, мне кажется, как я ранее уже обращал ваше внимание на то, что против фон Папена не было

выдвинуто никаких обвинений в связи с его деятельностью в Анкаре. Мне кажется, что на этот вопрос можно было дать ответ в нескольких словах.

КУБУШОК: Милорд, это всего несколько примеров, я попрошу осветить их очень коротко, но это необходимо для того, чтобы получить полную картину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Единственный довод, который может подтвердить, что эти показания действительно относятся к делу, заключается в том, что они могут пролить свет на деятельность фон Папена до его поездки в Анкару. Это как раз то, на что я вам уже указывал.

КУБУШОК: Милорд, я уже говорил недавно, что вырывать один какой-то период из всей деятельности человека, которого обвиняют в военном заговоре, это значит, быть несправедливым к этому человеку. Он занимал должность, на которой можно было сделать только плохое или хорошее. Ведь нельзя же считать, что этот момент не относится к делу, тем более, если о нем говорят мирные.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кубушок, этот свидетель уже в течение продолжительного времени говорил нам о своей деятельности и о том, что деятельность господина фон Папена носила исключительно мирный характер, что он пытался сделать Турцию посредницей; сейчас же он опять входит в дальнейшие детали по этой же самой теме, касаясь того периода, в отношении которого, как я уже указывал, против фон Папена не было выдвинуто никаких обвинений.

КУБУШОК: Если Трибунал считает, что подсудимый фон Папен воспринимал свою миссию в Анкаре, как миссию, направленную на достижение мира, то я не буду больше задавать вопросов такого характера свидетелю. Я перехожу к последним вопросам.

13848

H1207 – 0262

H1207 – 0263

/Обращается к свидетелю/: Как относился господин фон Папен к партии и, в частности, к партийному руководству в Анкаре ?

КРОЛЬ: Когда господин фон Папен прибыл в Анкару, его встретили с нескрываемым недоверием. В этом не было ничего удивительного, так как все знали, что он не национал-социалист. За четыре года в Турции я не знал ни одного человека, который бы считал господина фон Папена национал-социалистом. Отношения с партией у г-на фон Папена все время ухудшались, и в 1942 году дело дошло до публичного конфликта, когда ландесгруппенлейтер партии заявил своим друзьям, что если бы это зависело от него, то он бы расстрелял г-на фон Папена. После этого от него потребовали ответа и он заявил, что он не говорил этого, что он сказал лишь: "Я посадил бы его в концентрационный лагерь".

КУБУШОК: Как относился г-н фон Папен к еврейскому вопросу?

КРОЛЬ: В своих публичных речах, а также в своих действиях г-н фон Папен недвусмысленно давал знать, что он не согласен с антисемитской политикой партии. Он вращался в еврейских и полуеврейских эмигрантских кругах, лечился у еврейских врачей, покупал в еврейских магазинах. Короче говоря, мне кажется, что это-то и привело г-на фон Папена в первую очередь к осложнениям в отношениях с партией.

КУБУШОК: Ведь у фон Папена в посольстве работала женщина-еврейка, не так ли ?

КРОЛЬ: Насколько мне известно, да. Мне кажется, что это была жена его слуги, его швейцара.

КУБУШОК: Она работала там телефонисткой, эта госпожа Б., не так ли ?

КРОЛЬ: Правильно.

КУБУШОК: Вы не знакомы с г-ном Поземаном ? Он имел какое-нибудь отношение к германскому посольству ?

КРОЛЬ: В то время, когда я там служил, г-на Поземанна не было в германском посольстве. Я припоминаю, что у него в Анкаре была книжная лавка. К посольству он не имел никакого отношения.

КУБУШОК: Каких принципов придерживался г-н фон Папен по вопросу кадров. Что, он назначал на должности в посольстве только национал-социалистов ? Каковы были его критерии в этом отношении ?

КРОЛЬ: Общеизвестно, что партия никогда не была согласна с тем выбором сотрудников, который делал г-н фон Папен. Это обстоятельство дало себя почувствовать после событий 30-го июня и после "аншлюсса". Быть его первым сотрудником считалось опасным. Им были недовольны за то, что он не превратил посольства в Анкаре в национал-социалистский штаб, как это было с другими германскими представительствами на Балканах. Им также были недовольны и за то, что своих сотрудников он выбирал из числа тех людей, о которых он знал, что они не являются национал-социалистами. Мне кажется, что я могу ограничиться двумя фамилиями, например, г-н фон Хафтен и советник посольства Троцезольц.

Мне кажется, что они оба были казнены после событий 20-го июля. Г-ну фон Папену особенно ставили в вину, конечно, то, что он противился всем попыткам устранить меня с моей должности; я не знаю, следует ли мне освещать этот вопрос ?

КУБУШОК: Пожалуйста, но вкратце.

КРОЛЬ: Неоднократно пытались / я должен сказать, что почти

13850

H1207 – 0264

H1207 – 0265

каждый месяц повторялись эти попытки устранить меня с должности заместителя г-на фон Папена. В конце концов, когда все эти попытки не помогли / т-н фон Папен оказывал сопротивление этим попыткам/, весной 1942 года к г-ну фон Папену прибыл ландесгруппенлейтер вместе с ортсгруппенлейтерами из Анкары и Стамбула. Ландесгруппенлейтер потребовал официально от имени партии, чтобы меня освободили от должности. Г-н фон Папен вновь отказался сделать это. Но в 1943 году давление партийных инстанций стало уже слишком значительным, другие инстанции также начали вести против меня интриги, так что меня пришлось устранить.

КУБУШОК: И, наконец, следующее. Сотрудничая с г-ном фон Папеном в течение нескольких лет, вы познакомились с деятельностью подсудимого фон Папена и с ним самим очень хорошо. Я попросил бы вас обрисовать вкратце личность подсудимого.

КРОЛЬ: Я уже говорил ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель уже достаточно полно освещал этот вопрос, и сейчас мы не хотим опять вкратце возвращаться к нему.

КУБУШОК: Тогда я отказываюсь от этого вопроса. Перекрестный допрос свидетеля я закончил.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: У меня нет вопросов, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотят ли другие защитники задать вопросы свидетелю? (Молчание). В таком случае свидетель может удалиться.

КУБУШОК: Мне нужно еще вкратце указать на несколько ~~других~~ документов. Книга документов № 1. Я представляю из этой книги документ № 24. Это – на странице 86 первой книги документов. Я указываю на следующее замечание: "С Обвинением ~~приняли к~~ досрочную соглашение о том, что следует считать неоспоримым

фактом то, что закон о чрезвычайных полномочиях правительства от 24 марта 1933 года имел своим предшественником два закона о чрезвычайных полномочиях, изданных в 1923 г."

Затем я перехожу ко второй книге документов и ссылаюсь на документ № 63,—это статья из газеты "Звезды и полосы" от 27.Ш.1946 года. В этой статье говорится о стараниях к сохранению мира, которые осуществлялись через Эрле. Эта статья дополняет опросный лист барона фон Лерснера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали № 36 ?

КУБУШОК: Нет, 63 на странице 153. Далее я ссылаюсь на ~~третью~~ вторую книгу документов ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Тот документ, который вы только что нам представили,—это документ от 27 марта 1946 г. Что мы должны с ним делать ? Это, ведь, газетная статья.

КУБУШОК: Это ведь статья из газеты относительно интервью Эрле. Участником этих бесед был Лерснер. В дополнение к показаниям Лерснера, которых у нас здесь нет, я хотел бы использовать эту статью. Она, так сказать, пополняет письменные ответы барона Лерснера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но у вас была возможность получить от Лерснера письменные показания, данные под присягой, или же послать ему те вопросы, которые вы хотели ему задать; сейчас вы хотите представить статью из газеты, которая датирована 1946 годом, т.е. тем временем, когда процесс уже происходил.

КУБУШОК: Г-н председатель, так как я не могу заслушать самого Лерснера здесь / я ведь хотел допросить его в качестве свидетеля /, ~~но~~ я считаю, что ответы в опросном листе относительно кратки. Для дополнения ...

13852

H1207 – 0266

H1207 – 0267

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите дату, когда вы послали этот опросный лист.

КУБУШОК: Одну минуту. Опросный лист датирован 15 апреля 1946 года. Это-документ № 93, дата 15 апреля 1946 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не думает, что подобный документ может быть принят. Статья из газеты, написанная в то время, когда происходил уже процесс, не представляет собой такого доказательства, которое Трибунал считает допустимым.

КУБУШОК: Из третьей книги документов я пред"являю документ № 99. Это письменные показания Шафготча, страница 245. Г-н председатель, этот документ только сейчас пред"является вам. Это-краткие письменные показания, которые освещают безуспешные попытки Папена весной 1934 года попасть на прием к Гинденбургу. Документ № 100 пред"явлю позднее. Этот документ содержит в себе упомянутое вчера воззвание имперского правительства от 1 февраля 1939 года и выдержку из речи Гитлера от 23 марта, в которой освещаются вопросы внешней политики. Вчера на заседании мы уже рассматривали это. Что касается всех остальных, содержащихся в трех томах документов, то я ссылаюсь на них и прошу Суд принять их к сведению официальным порядком. Теперь у меня последняя просьба. На вчерашнем заседании при рассмотрении письменных показаний Шредера и Мейсснера, часть показаний была оглашена из стенограммы. Я думаю, что Обвинение согласится с тем, чтобы теперь эти показания, которыми оно больше не будет пользоваться, были вычеркнуты из стенограммы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это было письменное показание Мейсснера, данное под присягой, которое было использовано в значительной степени, не так ли ?

(К микрофону подходит представитель британского обвинения сэр Дэвид Максуэлл Файф).

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд, это так. Милорд, я думаю, что наиболее удобным будет, если Трибунал сочтет, что я лишь изложил факты, взятые из этого письменного показания, данного под присягой и не будет принимать во внимание само письменное показание под присягой, имеющееся в распоряжении Трибунала. В противном случае, мне кажется, будет очень трудно внести поправки в протокол, однако, я, конечно, согласен с любым решением, которое будет угодно принять Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, Трибунал тоже считает, что это будет наиболее удобно, мы будем рассматривать это как ряд фактов, которые Вы, в своих вопросах, пред"явили свидетелю, а свидетель дал соответствующие ответы, но не как показания, данные под присягой.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Совершенно верно, милорд, это должно рассматриваться лишь, как мои вопросы.

КУБУШОК. На этом я заканчиваю представление доказательств по делу подсудимого фон Папена.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю Вас. Трибунал об"являет перерыв

(Об"является перерыв на 10 минут).

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В субботу будет открытое заседание Трибунала с 10 часов утра до 1 часа дня.

Сейчас я вызываю к пульту защитника подсудимого Шпеера.

(К микрофону подходит защитник подсудимого Шпеера адвокат Флекснер).

ФЛЕКСНЕР. Г-н председатель, господа судьи! Может быть,

H1207 – 0268

H1207 – 0269

Суд помнит о том, что при обсуждении вопроса о средствах доказательства, которые я должен представить по данному делу, я отказался от свидетелей и заявил о своем согласии ограничиться опросными листами и допросом свидетелей вне зала суда. Я надеялся, что для меня окажется возможным представить суду таким образом все нужные доказательства. Но, к сожалению, я располагаю не всеми опросными листами, о высылке которых я ходатайствовал, а лишь частью. Та часть, которая находится в моем распоряжении, будет использована мною по мере возможности при допросе подсудимого Шпеера, так что мне не нужно будет особо останавливаться на опросных листах и протоколах. Несмотря на все, я надеюсь так уплотнить допрос подсудимого Шпеера, что он займет не больше одного дня и 6 часов по моим подсчетам.

Теперь, с разрешения Суда, я вызываю подсудимого Шпеера к свидетельскому пульту.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, пожалуйста.

Назовите ваше полное имя, пожалуйста.

ШПЕЕР: Альберт Шпеер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Я клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/ Шпеер повторяет слова присяги /.

Вы можете сесть.

ШПЕЕР: Да.

ФЛЕКСНЕР: Г-н Шпеер, опишите коротко суду вашу жизнь до назначения вас министром.

ШПЕЕР: Я родился в 1905 г. 19 марта. Мой дед и мой отец были архитекторами. Я сперва хотел изучать математику и

физику, но стал архитектором больше по традиции, чем по склонности. Я посещал высшую школу в Мюнхене и Берлине и 24 лет, в 1929 году, я стал первым ассистентом высшей технической школы в Берлине. 27 лет, в 1932 г., я стал работать самостоятельно и оставался в таком положении до 1942 года.

В 1934 г. Гитлер впервые обратил на меня внимание, я познакомился с ним и, начиная с того времени, я начал вдохновенно работать на поприще архитектора. Гитлер был фанатическим строителем и я получал от него большие задания по строительству. Наряду со строительством новой имперской канцелярии в Берлине и различных зданий здесь, в Нюрнберге, на том месте, где проходили партийные с"езды, мне было поручено руководство реконструкцией Берлина и Нюрнберга. Я составлял проекты зданий, которые могли бы принадлежать к крупнейшим зданиям мира. Строительство этих зданий стоило бы для Германии не больше, чем два месяца ведения войны. Так как Гитлер испытывал страсть к строительству зданий по его поручению, у меня установились с ним тесные личные отношения. Я принадлежал к кругу людей, который состоял из других художников и его личного штаба. Если Гитлер вообще имел друзей, то я без сомнения был одним из его близких друзей.

Несмотря на то, что шла война, мирное строительство производилось до декабря 1943 года, и только после зимней катастрофы в России, это мирное строительство прекратилось. Рабочих, если они были немцами, я отдал для работы по восстановлению разрушенных железнодорожных сооружений в России.

ФЛЕКСНЕР: Обвинение в документе 1435-ПС /США-216/ представило одно заявление из вашей первой речи, произнесенной

H1207 – 0270

H1207 – 0271

после того, как вы стали министром. В этой речи вы говорите о том, что вы предоставили в распоряжение промышленности вооружения 10 тыс. военнопленных.

Г-н председатель, это заявление находится в моей книге документов, стр.4 английского текста и первая страница французского текста.

Г-н Шпеер, что вы можете сказать относительно этого документа ?

ШПЕЕР: В то время я, как архитектор, не мог оказывать влияния на то, чтобы эта рабочая сила была использована в промышленности вооружения. Эти рабочие были предоставлены мной в распоряжение управления военнопленных ОКВ. Я считал само собой разумеющейся вещью, что они должны быть использованы в промышленности вооружения в широком смысле слова.

ФЛЕКСНЕР: Г-н Шпеер, вы когда-либо участвовали в планировании или подготовке агрессивной войны ?

ШПЕЕР: Нет. Об этом не может быть и речи, так как до 1942 года я работал архитектором, и мои об"екты строительства имели мирный характер. Это были представительские здания или учреждения и я, как архитектор, расходовал значительные суммы денег, строительный материал и рабочую силу. Этот материал, в конце концов, был потерян для вооружения. Осуществление этих крупных планов строительства Гитлера было с фактической и, главным образом, с психологической стороны помехой для вооружения.

ФЛЕКСНЕР: Обвинение утверждает, что вы были рейхслейтером.

ШПЕЕР: Нет, Обвинение ошибается в этом вопросе.

ФЛЕКСНЕР: Вы были награждены золотым партийным значком.

Когда и за что вы получили этот значек ?

ШПЕЕР: В 1938 году я от Гитлера получил золотой партийный значек. Это произошло по случаю окончания работ над моими планами по реконструкции Берлина. Кроме меня, в то же самое время золотой партийный значек получили 5 других работников искусства.

ФЛЕКСНЕР: Были ли вы членом рейхстага ?

ШПЕЕР: Я в 1941 году был назначен Гитлером в рейхстаг. Таким образом, я стал членом рейхстага не в период выборов. Я заменил лишь выбывшего члена рейхстага. Гитлер заявил мне тогда, что он хотел бы иметь в моем лице представителя искусства в рейхстаге.

ФЛЕКСНЕР: Получали ли вы когда-нибудь какие-либо дотации ?

ШПЕЕР: Нет.

ФЛЕКСНЕР: Как началась ваша деятельность на посту министра?

ШПЕЕР: 8 февраля 1942 года мой предшественник, доктор Тодт, разбился на самолете. Через несколько дней я был назначен Гитлером преемником всех его многочисленных постов. Мне было тогда 36 лет. Гитлер считал до того времени, что деятельность доктора Тодта заключалась в основном в строительстве и поэтому назначил меня преемником Тодта. Мне кажется, что назначение меня на пост министра явилось большой неожиданностью для всех. Но с самого начала моей деятельности выяснилось, что важнейшей частью моей работы является не строительство, а увеличение вооружения армии, так как в зимних боях в России в 1941 и 1942 г.г. мы понесли крупные потери в технике и материалах. Гитлер потребовал значительного увеличения промышленности вооружения.

13858

H1207 – 0272

H1207 – 0273

ФЛЕКСНЕР: Когда вы вступили в свою должность, вы нашли министерство вооружения и боеприпасов уже вполне сформировавшимся учреждением ?

ШПЕЕР: Нет, доктор Тодт относился халатно к выполнению этой задачи. К этому присовокуплялось то обстоятельство, что осенью 1941 года Гитлер издал приказ, согласно которому вооружение армии должно производиться в меньших масштабах, чем вооружение авиации. Тогда он считал, что успешное окончание похода на Россию имеется почти-что налицо. Он приказал подготовить всю промышленность по вооружению для будущей борьбы с Англией. Благодаря его неисправимому оптимизму, произошла задержка с отменой этого приказа. Так продолжалось до 1942 года, и лишь с этого момента д-р Тодт начал в последний месяц своей жизни строительство своей организации. Таким образом, на мою долю выпала тяжелая задача: во-первых, войти в курс совершенно нового для меня дела; во-вторых, создать одновременно организационные предпосылки для выполнения этой задачи и, в третьих, немедленно прекратить снижение продукции вооружения для сухопутных сил и увеличить ее в течение нескольких месяцев. Это, как всем сегодня известно, мне удалось.

ФЛЕКСНЕР: Что говорил вам Гитлер в отношении срока, в течение которого вы должны выполнить свои задачи, и в отношении круга ваших сотрудников ?

ШПЕЕР: Гитлер сказал мне, что эта задача поручается мне лишь на время войны и что после окончания войны я смогу вновь работать архитектором.

ФЛЕКСНЕР: В этой связи я хотел бы пред"явить отрывок из речи Шпеера от 24 февраля 1942 года, произнесенной через 10 дней после вступления его на свой пост. Эта речь содержится

в документе 1435. Из этого отрывка следует, что Шпеер очень неохотно переменил свою профессию архитектора на пост министра. Я цитирую:

" В конце концов, я могу о самом себе сказать, что я лично сделал большой вклад в общее дело. До недавнего времени я пребывал в идеальном мире".

Документ № 1520-ПС, ВБ-156 находится на странице второй моей книги документов. Это страница пятая английского и страница вторая французского и русского текстов. Гитлер 8.У.1942 года сказал. Я цитирую:

" фюрер неоднократно заявлял, что в день заключения мира министерство Шпеера будет распущено".

Затем я представляю документ "Шпеер № 43". Это меморандум Шпеера Гитлеру от 20 сентября 1944 года. Г-н председатель, это страница шестая английского текста, страница третья французского и русского текстов. Из этого документа следует, что Шпеера руководящие лица партии, как-то Борман и Геббельс, за подбор сотрудников называли "чуждым партии лицом" и "враждебным партии человеком". В ответ на это Шпеер пишет в своем меморандуме / я цитирую /: "Задача, которая стоит передо мной, не является политической задачей. Я чувствовал себя до тех пор хорошо на работе, пока моя личность и моя работа оценивались с точки зрения профессиональных успехов. Я не чувствую себя достаточно сильным для того, чтобы беспрепятственно и успешно проводить свою и моих сотрудников работу, если она будет измеряться партийно-политическими масштабами".

Г-н Шпеер, можете ли вы коснуться тех принципов, на основании которых вы создали ваше министерство ?

13860

H1207 – 0274

H1207 – 0275

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Под каким номером вы представляете этот документ в качестве доказательства ?

ФЛЕКСНЕР: Этот документ - доказательство № 1, г-н председатель. Г-н Шпеер, можете ли вы мне указать принципы, которые вы учитывали при построении своего министерства ?

ШПЕЕР: Я сам не был специалистом и не хотел действовать как специалист. Поэтому я выбрал лучших специалистов и привлек их к сотрудничеству. Я полагал также, что их можно будет найти на самих промышленных предприятиях. Поэтому я создал в своем министерстве ряд почетных должностей, которые занимались представителями из промышленных предприятий. Создание министерства промышленного производства в США происходило почти таким же образом. В моем министерстве не было профессиональных чиновников. Когда говорят о моем министерстве, то нельзя утверждать, что мое министерство было обычным министерством. О принципах построения министерства и его работе я говорил в своей речи, произнесенной в июне 1944 г. в Ессене. Я произнес эту речь для того, чтобы защититься от многочисленных нападок из партийных кругов из-за такой организации моего министерства.

ФЛЕКСНЕР: Г-н председатель, я сожалею, что в распоряжении суда еще нет того тома документов, где находятся опросные листы. Я охотно бы указал на то, что в этом ответе подсудимого сконцентрировано самое главное. Свидетели Заур и Шиебер говорят в своих показаниях, то же самое по этому пункту, только в более пространной форме. Сейчас я позволю себе ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сослаться на эти опросные листы... Сообщите, нам, пожалуйста, имена свидетелей, которым были направлены эти опросные листы. Мы примем их к сведению позднее.

Назовите имена этих свидетелей.

ФЛЕКСНЕР: Это свидетель Зауэр. Я имею в виду его ответы на вопросы 4, 5, 8 опросного листа. Свидетель Шиебер в ответе № 12 также высказывается на эту тему. Я хотел бы сейчас представить речь Шпеера от 9 июня 1944 года. Это будет документальное доказательство № 2. Содержание этого документа подтверждает заявления подсудимого относительно организации его министерства и введения должностей почетных сотрудников министерства. Этой речи, к сожалению, также нет в дополнительном томе, который имеется у господина председателя. Я очень сожалею об этом, но я должен огласить ее. Я цитирую:

" Эти почетные сотрудники, пришедшие из промышленных предприятий ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Флекснер, не совсем удобно, что у Трибунала нет этих документов. Может быть вы могли бы отложить представление тех документов, которыми мы сейчас не располагаем, до завтрашнего утра. Завтра утром у нас будет дополнительный том документов ?

ФЛЕКСНЕР: Мне обещали, что ко второй половине дня он должен быть закончен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае, может быть, будет более удобно пока отложить те документы, которые содержатся в дополнительном томе ваших документов, и представить их завтра ?

ФЛЕКСНЕР: В дополнительном томе № 5, наряду с другими, находится один очень небольшой документ. Это как раз та речь, о которой я сейчас говорю. Но я не буду сегодня касаться этой речи еще раз.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

H1207 – 0276

H1207 – 0277

ФЛЕКСНЕР: Я цитирую из тома первого: "Эти почетные сотрудники, пришедшие из промышленных предприятий, несут полную ответственность за то, что производится на отдельных заводах и как это производится".

Затем, через несколько строк сказано следующее: "Наряду с распределением поставок по заводам, в их главные задачи также входит установление типов, специализация предприятий и тем самым прекращение производства отдельных видов вооружения в случае необходимости, а также рационализация в деле использования сырья, рационализация конструктивных методов, рационализация технологических процессов, а также обмен опытом, который должен производиться без всякого учета патентов."

Из многих мест этого документа ясно следует, что Шпеер рассматривал свое учреждение, как импровизированный аппарат, который использовал для выполнения своих задач существовавшие в империи инстанции, не утруждая самого себя выполнением этих задач. Упомянутый в речи Шпеера указ от 12 августа доказывает, что он категорически запретил своему аппарату итти по пути превращения в административное ведомство. Подсудимый не хотел бюрократической работы в своем министерстве:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На какую речь Шпеера вы ссылаетесь ? Вы говорили о декрете от 10 августа.

ФЛЕКСНЕР: Это все та же речь, о которой я сейчас говорю, г-н председатель. В ней упоминается этот указ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не слышал, какой год вы назвали, когда начинали цитату. Какой это год ?

ФЛЕКСНЕР: Указ от 10 августа 1940 года, а речь была произнесена в 1944 году. Таким образом, в своей речи он ссылается на старый указ.

О том, как подсудимый был заинтересован в воспитании, в ~~духе~~ свободном от всякой рутины бюрократизма в своем министерстве, свидетельствует следующий отрывок из его речи, который я хотел бы процитировать.

"Во всяком учреждении, которое существует значительное время и достигло известных масштабов, появляется склонность работать несколько бюрократически. Если нам повезло в том отношении, что во время одного из первых, очень сильных налетов на Берлин большая часть текущих документов министерства была сожжена и, таким образом, мы были освобождены на некоторое время от этого балласта, то мы не можем надеяться, что подобные события будут постоянно вносить необходимую свежесть в нашу работу."

Г-н Шпеер, если Суду будут угодно, то сделайте, пожалуйста, нужные добавления относительно технических задач вашего министерства.

ШПЕЕР: Я сделаю это очень кратко.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Флекснер, вы уже цитировали нам эту речь.

ФЛЕКСНЕР: Эту речь ? Да, правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне представляется, что она весьма мало относится к делу, и я не совсем понимаю, какие дополнительные об"яснения вы хотите приводить по этому поводу.

ФЛЕКСНЕР: Я думал, что Суду будет интересно знать тот круг задач, который имелся у подсудимого на посту министра. Эта речь была обращена к специалистам. Таким образом, в ней содержится только то, что может интересовать специалиста. Я полагал, что суд желает знать все, что делалось в министерстве Шпеера, а также и отдельные частные подробности.

13864

H1207 – 0278

H1207 – 0279

Мне кажется, что Обвинение, представляя свои доказательства, обрисовало этот круг задач более широко, чем он был в действительности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Флекснер, если вы хотите знать, что подсудимый думает о деятельности своего министерства, вы можете спросить его об этом. Но вы только что цитировали его речь, и Трибунал не желает, чтобы ...

ФЛЕКСНЕР: Нет, нет, я не хочу этого. Я прошу его лишь коротко обрисовать задачи технического характера, которые имелись у его министерства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очевидно, вы не совсем хорошо меня слышите. Вам следовало бы надеть наушники.

Я вам сказал, что раз вы уже зачитали эту речь, то Трибунал больше не желает слушать пояснения подсудимого к этой речи. Если вы хотите спросить подсудимого о задачах его министерства, спросите его об этом, но вы задали ему следующий вопрос: "Вы хотите добавить что-либо по поводу той речи?".

ФЛЕКСНЕР: Г-н Шпеер, расскажите вкратце, какие задачи должно было выполнять руководимое вами министерство, и выпускайте, пожалуйста, то, что я зачитал из этой речи.

ШПЕЕР: Я думаю, что задачи министерства промышленного производства известны во всех индустриальных государствах. Я хотел лишь коротко обобщить отдельные задачи, которые имелись у моего министерства.

Во-первых, нужно было устранить недостаток в сырье, металле, стали. Мы рационализировали процесс работы, введя систему конвейера, которая является обычной вещью в США, но которая в Германии не была распространена до этого.

Тем самым мы экономили инструментальные станки, помещения, рабочих.

Далее, необходимо было расширить базу производства и, в частности, базу производства качественной стали, алюминия, подшипников, зубчатых колес. Одна из важнейших задач заключалась в развитии новых видов оружия и сдаче этих новых видов оружия в производство.

С 1943 г. встал вопрос об устранении повреждений, которые были нанесены во время исключительно частых воздушных налетов, которые принуждали нас работать импровизированными средствами.

ФЛЕКСНЕР: Какое значение имела эта деятельность в рамках задач вашего министерства ?

ШПЕЕР: Само собой разумеется, что этот круг задач на родине был вообще самым важным, причем даже тогда, когда он охватывал только вооружение сухопутных сил. Я требовал, чтобы во время войны все остальное хозяйство приспосабливалось к покрытию потребностей по вооружению. В конце концов во время войны в тылу существуют лишь две задачи: давать солдат фронту и поставлять оружие.

ФЛЕКСНЕР: Почему задача вашего министерства была чисто военной ?

ШПЕЕР: В мирное время распределение поставок регулируется само по себе, согласно существующему естественному равновесию между спросом и предложением, в то время, как во время войны этот регулярный фактор отсутствует.

ФЛЕКСНЕР: Т.е. задача вашего министерства, главным образом, состояла в государственном распределении заказов ?

ШПЕЕР: Да.

13866

H1207 – 0280

H1207 – 0281

ФЛЕКСНЕР: Вы, однако, несли вначале ответственность только за вооружение сухопутных сил, а в конце 1944 года на вас возложили ответственность за все вооружение и военную продукцию. Можете ли вы мне коротко описать, по каким этапам происходило это развитие и как увеличился со временем круг ваших задач ?

ШПЕЕР: Нагляднее всего можно представить это развитие, если проследить за количеством занятых у меня рабочих. В 1942 г. я взял на себя руководство производством вооружения сухопутных сил и общим строительством. В то время у меня было 2.600.000 рабочих. Весной 1943 г. Дениц передал мне ответственность за морское вооружение. У меня стало 3.200.000 рабочих. В сентябре 1943 г., по согласованию с министром экономики Функом, мне были переданы задачи по производству, имевшиеся у министерства экономики. После этого у меня стало 12 миллионов рабочих. И, наконец, 1 августа 1944 года производство авиационного вооружения перешло от Геринга ко мне.

Тем самым в моих руках было сконцентрировано все производство с 14 миллионами рабочих. Число занятых у меня рабочих относится к великогерманской империи без оккупированных областей.

ФЛЕКСНЕР: Каким образом было возможно выполнять такие крупные задачи с помощью аппарата, который состоял почти целиком из почетных сотрудников. Эти же сотрудники не имели никакого практического опыта в чисто-административных делах, не так ли ?

ШПЕЕР: У административных отделов различных управлений по вооружению сохранились их задачи. Так например, управление по вооружению сухопутных сил, имевшее несколько тысяч сотруд-

ников, распределяло по предприятиям, изготовлявшим вооружение для сухопутных сил, заказы, следило за выполнением заказов и гарантировало надлежащий прием продукции и оплату их поставки. Только таким образом мне удавалось осуществлять производство военной продукции, стоимость которой за месяц составляла приблизительно 3-4 миллиарда марок, имея у себя небольшой штат сотрудников.

ФЛЕКСНЕР: Вам подчинялись все предприятия, изготовлявшие вооружение для одной части вооруженных сил ?

ШПЕЕР: Нет, существовала небольшая группа предприятий, на которые та или иная часть вооруженных сил посылала собственных рабочих. Эти предприятия не находились в моем подчинении. Они представляли собой предприятия, производившие боеприпасы или что-нибудь подобное. К этой группе предприятий относились также предприятия СС.

ФЛЕКСНЕР: Обвинение возлагает на вас ответственность за условия труда, в которых находились иностранные рабочие, военнопленные и рабочие из концентрационных лагерей. Что вы можете ответить на это ?

ШПЕЕР: За это не были ответственны ни я, ни мое министерство. Министерство мое было новосозданным учреждением и выполняло чисто-технические задачи. Ни одна из уже существовавших инстанций не передала моему министерству каких-либо функций. Эти инстанции продолжали оставаться ответственными за существующие условия труда. Я имею в виду следующие инстанции: министерство питания со своими отделами продовольственного снабжения; профессионально-контрольные управления в имперском министерстве труда, которые отвечали за поддержание надежных и терпимых условий на рабочем месте, специаль-

13868

H1207 – 0282

H1207 – 0283

ные работники при генеральном уполномоченном по использованию рабочей силы были ответственны за заработную плату и производительность, органы здравоохранения при имперском министерстве внутренних дел были ответственны за медицинское обслуживание, а юстиция и полиция - за борьбу с нарушениями рабочей дисциплины, и, наконец, германский трудовой фронт, который представлял интересы рабочих перед руководителями предприятий.

Все эти инстанции об"единялись, как таковые, у гаулейтера, который являлся одновременно имперским комиссаром обороны. За то, что СС вместе со своими заключенными концлагерей не подлежали государственному контролю, ни я, ни мое министерство не отвечали.

ФЛИКСНЕР: Подсудимый Заукель высказался здесь в том духе, что его задача была выполненной после того, как предприятиям была предоставлена рабочая сила. Правильно ли это, по вашему мнению, в такой форме ?

ШПЕЕР: Да, что касается предоставления рабочих, то это так. Одним из спорных пунктов между Заукелем и мной был вопрос о том, что целесообразное использование рабочих на самих предприятиях должно быть делом руководителей предприятий и не должно подпадать под влияние управлений по вопросам труда. Но это относится лишь к предоставлению рабочих, а не к поддержанию условий труда. Что касается вопроса условий труда, то ведомство Заукеля осуществляло надзор за этими условиями.

ФЛИКСНЕР: В какой степени руководитель предприятия мог выполнять распоряжения Заукеля относительно условий труда и т.д. ?

ШПЕЕР: Указы Заукеля были безупречны. Однако руководители предприятий не всегда могли выполнять эти указы и, причем, по причинам, которые выходили за пределы их власти. Так например, в результате воздушных налетов возникали большие трудности в транспорте, уничтожались жилые помещения, где находились рабочие. Нельзя возлагать ответственность за невыполнение этих указов на руководителей предприятий, если учесть, что с лета 1944 года перечисленные мною обстоятельства принимали катастрофические формы. При подобном критическом положении сами имперские власти должны установить, какие существуют возможности для выполнения данных указов. Возлагать же ответственность на мелких руководителей предприятий - невозможно.

ФЛЕКСНЕР: В какой степени руководитель предприятия был ответственен за это перед вашим министерством ?

ШПЕЕР: В рамках уже упомянутой ответственности промышленности я облек руководителей военных предприятий полугосударственными функциями. Это относится, конечно, лишь к выполнению технических задач.

ФЛЕКСНЕР: ~~Бывали ли секретные предприятия~~ Имелись ли заводы, производившие секретную продукцию, осмотр которой был запрещен гаулейтерам ? Я напоминаю вам о тех показаниях, которые давались здесь и в которых говорилось как раз об этом.

ШПЕЕР: Да, существовало несколько предприятий, которые производили секретную продукцию, но на этом предприятии находился представитель германского трудового фронта, который мог сообщать гаулейтеру о положении на предприятии через старшего представителя германского трудового фронта в гау.

ФЛЕКСНЕР: Одобряли ли вы наказание рабочих, которые работали с неохотой ?

13870

H1207 - 0284

H1207-0285

ШПЕЕР. Да. Я считал правильным наказывать рабочих, которые нарушали трудовую дисциплину. Но я не требовал никаких дополнительных мер. Я в принципе придерживался той точки зрения, что удовлетворительной работы со стороны 14-ти миллионов рабочих можно добиться только, опираясь на добрую волю этих рабочих. Эта жизненная мудрость находит себе применение повсюду. Она то и заставляет руководителей предприятий делать все для того, чтобы их рабочие были довольны.

ФЛЕКСНЕР: Поддерживали ли вы стремления Заукеля улучшить социальные условия рабочих, и если да, то почему ?

ШПЕЕР: Само собой разумеется, что я поддерживал их, хотя это и не входило в круг моей компетенции. Я это делал по тем причинам, о которых я только что упоминал. Наш опыт показывал, что рабочие, довольные своей жизнью, производят гораздо меньше брака. Это обстоятельство было для нас очень важным, так как мы испытывали недостаток в сырье. Ясно, что рабочие, довольные своими условиями труда, выпускают продукцию лучшего качества. Это обстоятельство имеет также очень большое значение во время войны.

ФЛЕКСНЕР: В протоколе ваших совещаний с Гитлером содержатся различные решения Гитлера по поводу снабжения и обращения с иностранными рабочими. Эти решения были вынесены благодаря вашему настоянию ?

ШПЕЕР: Да.

ФЛЕКСНЕР: Я хотел бы представить по этому вопросу три документа. Вначале я представляю документ "Шпеер- № 11". Г-н председатель, он находится на стр.10 английского текста и на стр.7-й французского текста. В этом документе речь идет о тех решениях, которые принял Гитлер по требованию Шпеера

в марте 1942 года. Я цитирую: "Русские должны иметь вполне достаточное питание. Гражданские лица из числа русских не должны находиться за заграждениями из колючей проволоки, с ними не следует обращаться как с военнопленными".

В качестве следующего документа я представляю документ "Шпеер-№ 13". Этот документ идет под № 4 среди доказательств по данному делу. Согласно этому документу, в мае 1943 г. Гитлер по требованию Шпеера постановил, чтобы как немецкие, так и русские горнорабочие получали значительное дополнительное питание. В этом документе также сказано о том, что за особые успехи в работе русские военнопленные должны получать в виде вознаграждения табак или другие вещи.

Следующий документ, который идет под № 5 по данному делу, это документ "Шпеер- № 9". Он находится на странице 12-й английского текста и на странице 9-й немецкого текста книги документов. Согласно этому документу, на итальянских военных предприятиях должно быть обеспечено получение таких же пайков, какие получают немецкие рабочие. При этом важно отметить, что Шпеер одновременно настаивает на вынесении постановления о том, чтобы о членах семей рабочих заботились соответствующим образом. В моем распоряжении имеются и другие документы такого же характера, но, чтобы сократить число переводов, я не поместил их в свою книгу документов.

Г-н Шпеер, кому выдавались премии министерства вооружения и что это были за премии ?

ШПЕЕР: Мы рассылали на военные предприятия миллионы посылок. В этих посылках были с"естные припасы, шоколад, сигареты и т.д. Эти посылки в виде премий раздавались в

13872

H1207 – 0286

H1207 – 0287

дополнение к существовавшим дополнительным пайкам, установленных министерством питания для рабочих тяжелого физического труда и за работу в сверхурочные часы. На предприятиях эти премии в принципе получали все рабочие, т.е. и иностранные рабочие, и военнопленные, и рабочие из концлагерей.

ФЛЕКСНЕР: К тому факту, что эти премии получали также и рабочие из концлагерей, я возвращусь еще раз при обсуждении другого документа. В какой форме ваши органы ставили требования перед предприятиями ?

ШПЕЕР: Здесь важно установить, что требования передавались предприятиям лишь в форме программ поставок. Эти программы поставок превращались на предприятиях в требования рабочей силы, материалов, инструмента.

ФЛЕКСНЕР: Наблюдались ли на предприятиях случаи значительного увеличения количества рабочих часов? Когда бывали такие случаи ?

ШПЕЕР: При современном конвейерном производстве в течение целого месяца рабочее время должно быть одинаковым. В результате воздушных налетов иногда прекращались поставки отдельных деталей и сырья на предприятия. Вследствие этого на предприятиях количество часов колебалось от 8 до 12 часов в день. В среднем, по нашей статистике количество рабочих часов за неделю было равно приблизительно 70-74 часам.

ФЛЕКСНЕР: Каков был рабочий день тех рабочих на заводе, которые были взяты из концлагеря ?

ШПЕЕР: Рабочее время было точно такое же, как и у других рабочих на предприятиях, ибо рабочие из концлагерей составляли, как правило, лишь часть коллектива рабочих, и эта часть рабочих загружалась не больше, чем остальные ра-

бочие данного предприятия.

ФЛЕКСНЕР: Кем регулировались эти вопросы ?

ШПЕЕР: Существовало требование со стороны СС, чтобы заключенные из концлагерей работали в одном цеху на предприятии. Контроль за работой осуществляли немецкие мастера и старшие рабочие. Рабочее время в обших интересах всего предприятия должно было быть равным для всех, занятых на производстве, ибо, как известно, на предприятии можно работать только при наличии общей слаженности всего механизма.

ФЛЕКСНЕР: Из двух документов, которые я представлю в другой связи, ясно следует, что рабочие из концлагерей, занятые на работах на военных предприятиях, изготовлявших как вооружение для сухопутных и военно-морских сил, так и для военно-воздушных сил, работали в среднем в неделю 60 часов. Почему, г-н Шпеер, при заводах были созданы особые концентрационные лагери, так называемые трудовые лагери ?

ШПЕЕР: Эти трудовые лагери были созданы для того, чтобы рабочим не нужно было делать длительных переходов, чтобы они приходили на завод свежими и чтобы они с радостью принимались за труд. Далее, если бы эти рабочие приходили из крупных концлагерей, то они не получали бы дополнительного питания, которое было предоставлено для всех рабочих военных предприятий министерством питания. Тогда бы это дополнительное питание было израсходовано на них в концлагере. Таким образом, эта часть рабочих из концлагерей получала такое же дополнительное снабжение, какое предоставлялось всем промышленным рабочим; это были сигареты и т.д.

ФЛЕКСНЕР: Во время вашей деятельности вы знали, что рабочим из концентрационных лагерей предоставляли преимущест-

13874

H1207 – 0288

H1207 – 0289

ва в тех случаях, когда они работали на заводах ?

ШПЕЕР: Да. Но это обратили мое внимание мои сотрудники, я слышал об этом также во время осмотра предприятий. Во всяком случае, не следует создавать неправильное представления об удельном весе рабочих из концентрационных лагерей в германской промышленности. В действительности, рабочие из концентрационных лагерей составляли 1 проц. общего числа рабочих.

ФЛЕКСНЕР: Вы при осмотре предприятий видели заключенных концентрационных лагерей ?

ШПЕЕР: Да, конечно. При осмотре предприятий я видел заключенных концентрационных лагерей, которые имели вид людей весьма неплохо питающихся.

ФЛЕКСНЕР: Относительно информации, которую получал Шпеер о концлагерях и об обращении с заключенными из концлагерей на заводах, имеются сведения в доверительном письме начальника управления Шибера от 7 мая 1944 г. Это документ "Шпеер-44", документ в тех документах, которые я представляю Суду в качестве доказательств, он идет под номером 6. Г-н председатель, к сожалению, этот документ находится во второй книге документов, которая еще не представлена. Но было бы жаль не рассматривать этого документа сейчас, потому что он затрагивает разбираемый мной сейчас комплекс вопросов. Поэтому я хотел бы его коротко процитировать. Начальник управления Шибер пишет своему министру следующее ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Флекснер, я считаю, что было бы гораздо удобнее, если бы этот документ находился перед Трибуналом. Нам сейчас сказали, что дополнительная книга документов будет готова лишь завтра во второй половине дня, и что до этого

срока она не может быть готова.

ЭЛИКОНЕР: Г-н председатель, я думаю, что я со своей стороны сделал все, чтобы во время представить документы в отдел переводов. Трудности возникли, повидимому, из-за того, что ответы на опросные листы не пришли своевременно.

Цитата из этого документа очень небольшая, господин председатель, я думаю, что я смогу спокойно зачитать ее сейчас, или вы желаете, чтобы ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете продолжать, если это вам более удобно. Я ничего не имею против этого, вы можете продолжать.

ЭЛИКОНЕР: Благодарю.

Итак, начальник управления Шибер пишет своему министру: "~~При~~ Благодаря тому снабжению, которое, несмотря на все трудности, предоставляется нашими руководителями предприятий рабочим из трудовых лагерей, и ~~при том~~ благодаря тому порядочному и гуманному обращению с иностранными рабочими и с рабочими из концентрационных лагерей, которое имеет место, - как еврейки, так и заключенные из концентрационных лагерей работают хорошо и делают все, чтобы не попасть снова в концлагерь. Эти факты требуют того, чтобы мы предоставили в распоряжение военных предприятий еще большее число военнопленных."

Далее, через несколько строчек сказано следующее: " Я подробно обсудил весь вопрос с уполномоченным обергруппенфюрера Поля штурмбанфюрером Маурером. Я указал ему на то, что при децентрализованном распределении рабочих из концлагерей вполне возможно целесообразно использовать их, если их к тому же лучше кормить и разместить в более благоприятных условиях".

Далее сказано: "Кроме того, Маурер указал особенно на то ...

13876

H1207 – 0290

H1207 – 0291

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам незачем делать такие длинные паузы.

ФЛЕКСНЕР: Кроме того, Маурер указывает особенно на то, что обергруппенфюрер Поль систематически улучшает питание рабочих из концлагерей, работающих на предприятиях, что в результате предоставления дополнительного количества яичного белка наблюдается при постоянном врачебном наблюдении значительная прибавка в весе и повышение производительности труда рабочих". Из другого документа (NG46) видно, что использование заключенных из концлагерей на военных предприятиях рекомендуется по тем причинам, что рабочим предоставляются эти преимущества и что поэтому они охотно работают на военных предприятиях. Здесь я ссылаюсь на документ 1992-ПС, он находится на странице 11-й книги документов, странице 14-й английского текста. Из этого документа следует, что еще в 1937 г. рабочие из концлагерей использовались на работах в мастерских и что рабочие предпочитали эту работу в мастерских.

Г-н Шпеер, что вы знаете об условиях труда на подземных заводах ?

ШПЕЕР: Под землей находились заводы, которые производили самое современное вооружение, т.е. самые новые виды оружия. Так как мы, конечно, не располагали большим количеством таких подземных заводов, мы должны были, конечно, производить на этих предприятиях самое современное вооружение. Производство этих видов оружия требовало создания совершенно безупречных условий труда, хорошего, сухого воздуха, хорошего освещения, больших вентиляционных установок. Таким образом, на подземных заводах условия работы были приблизительно такими же, как условия работы на обычном предприятии

в ночную смену. Я хотел бы добавить, что, вопреки тому впечатлению, которое создалось здесь на суде, на подземных заводах работали почти одни немецкие рабочие, так как мы были особо заинтересованы в том, чтобы на предприятиях по производству новейшего вооружения работали наши лучшие силы.

ФЛЕКСНЕР: Можете ли вы приблизительно сказать, сколько было таких заводов ?

ШПЕЕР: К концу войны их число было незначительным. Эти подземные заводы занимали площадь в 300.000 квадратных метров; мы планировали занять под эти заводы 3.000.000 квадратных метров.

ФЛЕКСНЕР: Г-н Шпеер, в 1943 г. вы посетили концентрационный лагерь в Маутхаузене. Для чего вы это сделали ?

ШПЕЕР: При осмотре заводов в Линце я узнал, что на Дунае, вблизи лагеря Маутхаузен, строится большой причал и крупный железнодорожный узел для того, чтобы доставлять к Дунаю камни из каменоломни в Маутхаузене. Это была задача чисто мирного времени, выполнение которой я ни в коем случае не мог разрешить и которая нарушала все изданные мной распоряжения. Незадолго до своего посещения, я доложил о своем приезде и поехал туда, чтобы убедиться на месте в том, производится ли действительно это строительство, и потребовать его прекращения. Это единичный пример тех распоряжений, которые издавались экономическим управлением, свидетельствующим о том, какая проявлялась ~~администрацией~~ СС ~~относительно того, как следует~~ заботиться в этой области. Я напомнил во время своего посещения, что было бы правильнее использовать эту рабочую силу во время войны не для мирных строек, а на сталелитейных заводах в Линце.

13878

H1207 – 0292

H1207 – 0293

ФЛЕКСНЕР: Как проходило посещение этого лагеря ?

ШПЕЕР: Оно проходило, повидимому, в соответствии с предписанной программой, как об этом рассказал здесь свидетель Блаха. Мы посетили кухню, прачешную и жилой барак. Эти бараки были построены из массивного камня и имели все современные удобства. Так как о моем посещении было сообщено лишь незадолго до моего приезда, то, по-моему мнению, нельзя предположить, чтобы были сделаны большие приготовления до моего приезда. Но, несмотря на это, лагерь производил /по крайней мере, небольшая часть лагеря, которую я видел/ впечатление места, где царит образцовая чистота. Я, правда, не видел рабочих, т.е. заключенных там, так как они в этот момент находились на работе. Весь осмотр продолжался 3/4 часа, так как у меня было крайне мало времени для этого и мне внутренне было неприятно вступать вообще на территорию такого лагеря, в котором находились заключенные.

ФЛЕКСНЕР: Основной целью вашего посещения было, таким образом, потребовать прекращения работы, которую вы не считали важной для войны ?

ШПЕЕР: Да.

ФЛЕКСНЕР: Могли ли вы при своем посещении лагеря узнать, каковы были условия труда в лагере ?

ШПЕЕР: Нет, я не мог, так как в лагере не было в этот момент видно рабочих, портовое строительство было настолько удалено от дороги, что я не видел там рабочих.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне сейчас перевели, что посещение таких мест было против его правил в религиозном отношении. Это было правильно ? Что вы в действительности сказали ?

ФЛЕКСНЕР: Я спросил его, мог ли он во время этого посе-

шения получить сведения об условиях труда, которые существовали в этом лагере. Вот в чем заключался мой вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорили что-нибудь о его "религиозном" отношении.

ШПЕЕР: Нет.

ФЛИКСНЕР: Нет. Узнали ли вы во время вашего посещения Маутхаузена или при каком-либо другом случае что-либо о жестокостях, которые совершались в этом или же других концлагерях ?

ШПЕЕР: Нет.

ФЛИКСНЕР: Я хотел бы закончить вопрос относительно использования рабочей силы и спросить вас, были ли вы заинтересованы в том, чтобы в вашем распоряжении находились здоровые и достаточно хорошо обученные рабочие ?

ШПЕЕР: Само собой разумеется, что я в этом был крайне заинтересован, хотя я и не ведал этими вопросами. С 1942 г. у нас на военных предприятиях было введено массовое конвейерное производство. Такое же конвейерное производство занимает исключительно большое количество специалистов. Вследствие призыва в армию, эти специалисты стали особенно ценными, так что каждое заболевание и вообще отсутствие рабочей единицы означало для меня большую потерю. Так как рабочим для обучения требуется от 6 до 12 недель и так как после обучения в течение последующего полгода брак в их работе - весьма частое явление / лишь спустя полгода после окончания обучения они дают качественную продукцию/, ~~то~~ становится совершенно ясно, что забота о специалистах на предприятиях занимала у нас всегда много времени.

ФЛИКСНЕР: Обвинение говорило здесь о так называемом уничтожении посредством труда. Могло ли какое-нибудь предприятие

13880

H1207 – 0294

H1207 – 0295

выносить текучесть рабочих, что должно было вызываться их уничтожением в процессе труда ?

ШПЕЕР: Нет. Текучесть рабочих в таком духе никакому предприятию не под силу. Совершенно невероятно, чтобы на каком-либо германском предприятии имело место такое положение и чтобы я об этом не слышал. Я, однако, ничего не слышал об этом.

ФЛЕКСНЕР: Г-н Шпеер, Обвинение утверждает, что вы использовали средства террора и жестокости для того, чтобы повысить производительность труда насильственно пригнанных в Германию рабочих до максимума.

ШПЕЕР: Нет ...

ФЛЕКСНЕР: Одну минуту, я еще не кончил. Обвинение считает, что вы одобряли и рекомендовали использование СС и полиции, а также концентрационных лагерей для наказания непослушных рабочих.

ШПЕЕР: Нет, не в такой форме. Это было бы вопреки моим интересам. В Германии существовали тенденции добиваться высокой производительности посредством применения насильственных мероприятий. Я не одобрял этого. Никак нельзя заставить с помощью насилия и террора 14 миллионов давать удовлетворительную производительность, как это утверждает Обвинение.

ФЛЕКСНЕР: По этому вопросу я хотел бы процитировать отрывок из документа "Шпеер-№ 43". Он находится на 7 стр. английского текста и 4 стр. французского текста. Там сказано: " Не думаю, чтобы привела к успеху вторая система, которую можно было применить в экономике, а именно система принуждения со стороны производственных комиссаров, система многочисленных наказаний и судебных процессов за невыполнение заданий". Я как раз за-

кончил один из разделов, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"являет перерыв.

/ Перерыв до 10 часов 20 июня /.

ов

13882

H1207 – 0296

H1207 - 0297

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 20 июня 1946г.

(Утреннее заседание)

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я должен сделать об"явление.

Во-первых. Трибунал решил, что дополнительные свидетели по делу отдельных подсудимых будут заслушаны в суде после того, как закончится представление доказательств по их делу. Во-вторых, опросные листы и отдельные документы, которые поступят к этому моменту, должны быть представлены в качестве доказательства. В-третьих, опросные листы и другие документы, которые были допущены до окончания представления доказательств защитой, но поступили позднее, будут приняты и рассмотрены Трибуналом с точки зрения их допустимости до окончания процесса. На этом я заканчиваю.

Прямой допрос подсудимого Шпеера.
(продолжение)

ФЛЕКСНЕР. Мы вчера закончили рассмотрение вопроса об использовании рабочей силы на предприятиях, а теперь перейдем к вопросу о том, в каком порядке рабочая сила попадала на предприятия, т.е. к вопросу об общих и отдельных заявках на рабочую силу.

Господин Шпеер, в своих показаниях от 18 октября 1945 года Вы заявили: во-первых, что Вы настойчиво требовали от Заукеля новых поставок рабочей силы; во-вторых, что Вы знали, что среди этой рабочей силы будут находиться иностранцы и, в-третьих, что Вы знали, что часть этих рабочих работает в Германии против своей воли.

Что Вы можете сказать об этом?

ШПЕЕР. Это добровольно сделанное мною заявление - правильно. Я был благодарен Заукелю во время войны за всякую рабочую силу, которую он мне предоставлял. Я достаточно часто упрекал его в том, что вследствие недостаточного количества рабочих, промышленность вооружения не могла достигнуть максимальной производительности, но в то же время, я всегда подчеркивал заслуги, которые он своей деятельностью оказывал делу вооружения.

ФЛЕКСНЕР. Если Вы в своих показаниях от 18 октября 1945 года и теперь снова говорите о рабочей силе, - означает ли это общее понятие рабочей силы, куда входят немцы, рабочие из оккупированных областей и дружественных или присоединенных государств, а также военнопленные?

ШПЕЕР. Да. Хотя с середины 1943 года у меня с Заукелем были разногласия по поводу производственной политики и недостаточной мобилизации резервов германской рабочей силы, это не имело никакого отношения к принципиальной оценке работы Заукеля.

ФЛЕКСНЕР. Какой процент общего количества рабочей силы был предоставлен на основании Ваших требований Заукелем?

ШПЕЕР. Вы имеете в виду общее количество рабочей силы, которое было мне предоставлено, а не только иностранцев?

ФЛЕКСНЕР. Да.

ШПЕЕР. До августа 1944 года, то-есть до того момента, когда ко мне перешло вооружение военно-воздушных сил, приблизительно 30-40% всей предоставленной мне рабо-

H1207 - 0298

H1207 – 0299

чей силы. Из этих рабочих большинство составляли, конечно, рабочие - немцы.

Когда я в августе 1944 года принял руководство вооружением военно-воздушных сил, у меня не было особой потребности в рабочей силе, так как, вследствие налетов на транспортные сооружения в империи, промышленность вооружения уже стала сокращаться.

ФЛЕКСНЕР. Ваша потребность в рабочей силе была чрезвычайно высокой?

ШПЕЕР. Нет. Уровень вооружения, валовая продукция, а, следовательно, и моя потребность в рабочей силе лимитировались сырьем.

ФЛЕКСНЕР. То-есть, это значит, что потребность была ограничена сырьем, которое находилось в Вашем распоряжении?

ШПЕЕР. Да, моя потребность в рабочей силе зависела от наличия сырья.

ФЛЕКСНЕР. Вы достигли значительного увеличения выпуска промышленной продукции для вооружения сухопутных войск. Для того, чтобы добиться этого повышения, было ли увеличено в такой же степени количество использованной рабочей силы?

ШПЕЕР. Нет, выпуск продукции с 1942 по 1944 год был увеличен в отношении вооружения в 7 раз, производство танков в $5\frac{1}{2}$ раз и боеприпасов - в 6 раз.

Число рабочих, занятых в этих областях производства вооружения, увеличилось, однако, лишь на 30 процентов. Но этот успех был достигнут не путем большего использования производительной силы рабочих, а благодаря замене старых технологических процессов новыми и благодаря лучшей системы организации производства вооружения вообще.

ФЛЕКСНЕР. Что означает понятие "военная продукция"?

ШПЕЕР. Часто здесь упоминаемое понятие "военная продукция" есть ни что иное, как обычное понятие "продукция". Оно охватывает все, что производится в промышленности и в ремесленных мастерских, в том числе и для нужд гражданского потребления.

ФЛЕКСНЕР. Что в Германии охватывалось понятием "вооружение" - какие области труда и производства?

ШПЕЕР. Понятие "вооружение" ни в коем случае не ограничивалось теми видами вооружения, которые предусмотрены Женевской конвенцией о военнопленных. Современное понятие "вооружение" значительно шире, оно охватывает значительно большую область. У нас не имелось ясных указаний для определения понятия "вооружение". Отличительным признаком предприятия, производившего вооружение, являлось то, что оно находилось в ведении подчиненных мне инспекций по вооружению в качестве средней руководящей инстанции. К этому вооружению в Германии относилось, например, все производство стали, все прокатные заводы, литейное или кузнечное производства, производство или переработка алюминия, современных типов пластмасс, производство азота химическим путем или производство горючего, искусственного каучука, искусственной шерсти, производство деталей, в отношении которых нельзя заранее сказать, будут ли они использованы в целях вооружения, как, например, шарикоподшипников, зубчатых колес, клапанов, поршней моторов и т.д., или производство станков для производства инструментов, установка конвейеров, а также строительство автомобилей, паровозов или торговых судов, наконец, также текстильные предприятия и предприятия по переработке кожи

13886

H1207 – 0300

H1207 – 0301

и дерева. В опросном листе, который я разослал свидетелям, я просил указать, какой процент германских предприятий, производивших вооружение, производила вооружение в духе Женевской конвенции. Я хотел бы это здесь коротко изложить в цифрах. Все лица, работавшие в военной промышленности, пришли к выводу, что от 40% до 20% наша промышленность вооружения занималась производством ~~вооружения~~, танков, самолетов и военных судов или вообще материальной части для частей вооруженных сил. Подавляющая часть, таким образом, не являлась вооружением в духе Женевской конвенции.

Основой для расширения нашего вооружения, понятия "вооружение" в Германии являлось, наряду с соображениями относительно серийного характера производства, также привилегированное положение этих предприятий, которое привело к тому, что многочисленные предприятия стремились ~~чтобы~~ получить наименование "завод, производящий вооружения"

ФЛЕКСНЕР. Господин председатель, в опросных листах, которые еще не представлены Суду, так как книга документов еще не готова, свидетели Зауэр - в вопросах 7 и 10, свидетель Шибер - в вопросах с 6 по 9 и свидетель Керль - в вопросах с 4 по 7 высказались в пользу ограничения....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как фамилия последнего свидетеля?

ФЛЕКСНЕР. Керль.

... в вопросах с 4 по 7 высказались в пользу ограничения понятия "вооружение".

Господин Шпеер, я хочу привести пример. Вы знаете фирму Круппа в Эссене. В каком об"еме, например, эта фирма производила предметы вооружения в духе Женевской

конвенции о военнопленных, то-есть оружие, боеприпасы и материалы, которые непосредственно используются для ведения войны?

ШПЕЕР. Именно концерн Круппа является примером того, что предприятия, работающие на вооружение, лишь небольшую часть своей производственной мощности используют для производства вооружения. Во всяком случае, я должен указать на то, что именно фирма Круппа являлась одним из тех предприятий, которые в процентном отношении меньше всего производили вооружение в этой войне. У Круппа основную роль играли горно-заводские предприятия, три крупных завода, которые имели своей задачей производить в первую очередь чугун и высококачественные стали. Строительство паровозов, изготовление различного оборудования для химического производства было специальной отраслью Круппа. И, напротив, собственно военная специальность Круппа - строительство броневых башен для военных судов и крупных орудий специального назначения, - вообще не использовалась в этой войне. Лишь в 1944 году Крупп вблизи Бреслау создал первое крупное предприятие по производству орудий. (90) Этого Круппа, главным образом, занимался усовершенствованием новых видов оружия и затем передавал их производство по лицензиям другим фирмам. Обобщая, можно сказать, что у Круппа от 10 до 15% всех рабочих в этой войне производили предметы вооружения в смысле Женевской конвенции, хотя все предприятие считалось предприятием, производившим вооружение.

ФЛЕКСНЕР. Какое влияние имели Вы и Ваше министерство на то, чтобы какому-либо предприятию представлялись иностранные или немецкие рабочие.

H1207 - 0302

H1207 – 0303

ШПЕЕР. На это мое министерство не могло оказывать никакого влияния. Мое министерство устанавливало общую потребность в рабочей силе на основании заявок руководимых мною предприятий, производивших вооружение, а вовсе не раздельно: столько-то рабочих-иностранцев, военнопленных или немцев. Это общее количество передавалось в виде заявки генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы. Заукель отказывался принимать отдельные подробные заявки. Он был в этом прав, так как он не мог давать отдельных указаний подчиненным ему инстанциям, какой процент немцев или иностранных рабочих должен быть прислан на тот или иной завод. Передача рабочей силы низшими инстанциями самим предприятиям производилась через бюро труда без привлечения какого-либо из подведомственных мне учреждений. Таким образом, мы и здесь не могли оказывать влияния на то, чтобы немцы, иностранцы или военнопленные в отдельности были переданы на то или иное предприятие. Сообщение предприятий о том, какую рабочую силу они получили, передавалось в мое министерство также в общих цифрах. Таким образом, я не мог установить, находится ли и сколько находится иностранных рабочих или военнопленных в общей массе рабочих. Само собой разумеется, я знал, что иностранные рабочие производят предметы вооружения. Я был с этим согласен.

ФЛЕКСНЕР. Господин председатель, для облегчения задачи суда я замечу, что в отношении этого вопроса высказались в опросных листах в ответах № 7 и 17 свидетель Шмельте, а также в ответах № 1 и 8 того же опросного листа, в опросном листе Шибера № 10, 11, 30, 31. Далее, материалы по этому вопросу имеются в опросном листе Керля в ответах на вопросы 8 и 9.

Господин Шпеер, кто представлял генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы заявки на рабочую силу для промышленности, производившей вооружение.

ШПЕЕР. Заявки на рабочую силу были классифицированы по секторам по различным отраслям экономики. Приблизительно, было 15 таких секторов для заявок на рабочую силу. По этим секторам я подавал заявки для заводов, производивших сухопутное и морское вооружение и для строительства судов, а с сентября 1943 года, также для секторов химии, горнорудного дела и остальной промышленности. Военно-воздушное вооружение имело свой собственный отдел по использованию рабочей силы, который подавал заявки через имперское министерство авиации.

ФЛЕКСНЕР. Относительно этого высказались в опросных листах свидетель Шмельте в своем ответе на вопрос 2-й, свидетель Шибер - в ответе на вопросы 2,3 и 5 и свидетель Керль - в ответах на вопросы 2 и 3.

Требования на рабочую силу для промышленности, производившей вооружение для трех частей вооруженных сил, не обобщались в Вашем министерстве?

ШПЕЕР. Нет. Я, правда, формально с марта 1942 года принял от ОКВ руководство над отделом вооружения, который находился в ведении генерала Томаса. Этот отдел вооружения был общей служебной инстанцией для всех трех частей вооруженных сил. В этом отделе также рассматривался вопрос об использовании рабочей силы.

На основании соглашения между Герингом и мной было, однако, установлено, что промышленность, производящая военно-воздушное вооружение, будет представлять свои интересы

13890

H1207-0304

H1207 – 0305

независимо от меня. Это решение было необходимо, так как я, как министр вооружения сухопутных сил, имел одностороннюю заинтересованность и поэтому не мог вносить решения относительно потребности в рабочей силе в отношении области производства вооружения, не входившей в мое ведение.

ФЛЕКСНЕР. В какой степени Вы несете ответственность за использование военнопленных в военной промышленности, вопреки Женевским решениям? Я имею в виду военную промышленность в узком смысле.

ШПЕЕР. Я не использовал своего влияния для того, чтобы военнопленные были использованы вопреки директивам, которые были изданы ОКВ. Я знал точку зрения ОКВ, согласно которой Женевская конвенция должна была соблюдаться. Во всяком случае, мне было также известно, что эти женевские постановления не относились к русским военнопленным и итальянским интернированным военнослужащим. Я не мог оказывать влияния на распределение военнопленных между отдельными предприятиями. Это распределение производилось бюро по труду вместе с инстанцией, подчиненной начальнику управления по делам военнопленных ОКВ, носившей название "Шталаг" (стационарные лагери. Прим. переводчика).

ФЛЕКСНЕР. Разрешите в связи с этим сослаться на опросный лист свидетеля Шмельте, ответ на 14-й вопрос. Господин Шпеер, кто в средней инстанции был руководящим офицером, подчиненным ОКВ?

ШПЕЕР. Надзор за правильным использованием военнопленных производился в средней инстанции, офицерами-хозяйственниками. Они подчинялись командующему военным округом, который находился в подчинении армейского командования.

ФЛЕКСНЕР. Затем Обвинением был представлен аффидевит

мистера Дьюса, американского статистика по экономики, под № 2520-ПС. Согласно этому аффидевиту, производством предметов вооружения занималось 400 тысяч военнопленных. Эта цифра была выведена якобы на основании статистических данных Вашего министерства. Как Вы рассматриваете эти вычисления?

ШПЕЕР. Цифры эти были известны, вследствие моей деятельности в качестве министра. Они правильны. В отношении этих 400 тысяч военнопленных речь идет о военнопленных, которые были заняты во всей военной промышленности. Неправильно делать на основании этого аффидевита вывод о том, что эти военнопленные занимались производством предметов вооружения в смысле Женевской конвенции. Мы не учитывали статистически сколько военнопленных использовалось на военных предприятиях, которые производили предметы вооружения в смысле Женевской конвенции. Поэтому, на основании этого аффидевита вывод о том, что эти военнопленные занимались производством предметов вооружения в смысле Женевской конвенции. Мы не учитывали сиатистически сколько военнопленных использовалось на военных предприятиях, которые производили предметы вооружения в смысле Женевской конвенции. Поэтому на основании моих документов это вычислить нельзя. Среди этих 400 тысяч военнопленных приблизительно 200-300 тысяч были интернированными итальянскими военнослужащими, которые все тогда были переведены на производство продукции, находящейся в моем ведении. Таким образом, этот аффидевит не представляет собой доказательства того, что военнопленные занимались производством предметов вооружения как таковым.

13892

H1207 – 0306

H1207 - 0307

ФЛЕКСНЕР. Здесь также часто упоминается Центральное управление по планированию. Вы входили в состав центрального управления планирования. Можете ли Вы подробно рассказать мне историю возникновения Центрального управления по планированию и о круге его задач?

ШПЕЕР. Когда я в 1942 году вступил на свой пост, было совершенно необходимо организовать централизованное распределение различных материалов между тремя частями вооруженных сил и в широком масштабе осуществлять руководство военной промышленностью. До этого все это осуществлялось частично в министерстве экономики и частично в ОКВ. Оба учреждения были слишком слабы, чтобы настоять на своем перед тремя частями вооруженных сил.

По моему предложению в марте 1942 года уполномоченным по четырехлетнему плану было создано Центральное управление по планированию. Право решающего голоса в нем имели три члена: Мильх, Кернер и я, причем необходимо было единогласное решение, в принятии которого, однако, никаких затруднений не возникало. Понятно, что я, благодаря занимаемому мной высокому посту, имел в этом Центральном управлении по планированию основной решающий голос. Задачи Центрального Управления по планированию были ясно очерчены и установлены указом Геринга. Составление заявок на рабочую силу или на распределение рабочей силы этим указом не предусматривалось. Эта деятельность не осуществлялась систематически Центральным управлением по планированию, несмотря на представленные здесь документы. Я попытался добиться разрешения на то, чтобы составлением заявок и распределением рабочей силы ведало Центральное управление по планированию, так как это явилось бы важным фактором в общем руководстве

всей экономикой. Однако Заукель отклонил это предложение как вмешательство в его функции.

ФЛЕКСНЕР. Дополнительно к этому я представляю указ Геринга о создании Центрального управления по планированию при Управлении по четырехлетнему плану.

Он опубликован 25 апреля 1942 года, это - документ "Шпеер № 42" и доказательство № 7. Господин председатель, текст этого Указа находится на стр.17 английского текста книги документов. Круг задач Центрального управления по планированию...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту. Под каким номером Вы представляете этот документ? На документе имеется номер "Шпеер 42".

ФЛЕКСНЕР. Нет, это, повидимому, ошибка. Этот документ получает № 42, господин председатель, он находится...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Под каким номером Вы представляете этот документ в качестве доказательства?

ФЛЕКСНЕР. Шпеер, доказательство № 7.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что означает № 42? Зачем на документе поставлен № 42, если он представляется под № 7?

ФЛЕКСНЕР. Господин председатель, это порядковый номер, под которым вообще был зарегистрирован документ при составлении книги документов. Здесь важен шифр этого документа - доказательство № 7.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

ФЛЕКСНЕР. Это было сделано лишь для облегчения нахождения документа в книге документов, господин председатель. Это на странице 17 английского текста. Разрешите обратить внимание Суда на п.3-й этого Указа. На основании этого

H1207 - 0308

H1207 – 0309

Центральное управление по планированию должно было решать вопрос о необходимом новом планировании в промышленности, о расширении производства сырья, о распределении сырья, а также об общих заявках на транспорт. В Указе не предусмотрено урегулирования вопроса о рабочей силе.

Господин Шпеер, как получилось, что, несмотря на это, в Центральном управлении по планированию обсуждались заявки на рабочую силу?

ШПЕЕР. Все 60 заседаний Центрального управления по планированию, которые состоялись с 1942 по 1945 г., застенографированы. Эти 5.000 страниц на пишущей машинке дают ясное представление о задачах Центрального управления по планированию. Из этого следует для всякого специалиста, что не было предпринято никакого планирования использования рабочей силы, так как ясно, что планирование использования рабочей силы должно было производиться по меньшей мере в квартальных масштабах, так как мы это делали в отношении сырья. В действительности, в Центральном управлении по планированию имело место от 3 до 4 заседаний относительно использования рабочей силы.

Эти 3-4 совещания были созваны при следующих обстоятельствах. В 1942-1943 г.г., т.е. прежде, чем я стал руководить всей промышленностью, при призыве солдат в вооруженные силы я добился того, чтобы был установлен порядок, при котором разверстка на рабочую силу должна производиться по отдельным секторам. Это распределение производилось на заседании Центрального управления по планированию как нейтрального учреждения. На этом заседании, конечно, присутствовал также представитель генерального уполномоченного по исполь-

зованию рабочей силы, так как одновременно с этим нужно было обсудить вопрос о замене призываемых в армию рабочих.

Вопросом другого характера, который обсуждался в Центральном управлении по планированию, был вопрос о распределении угля на следующий год. Уголь также, как и в английской промышленности, определял всю нашу военную экономику. На этих совещаниях одновременно нужно было установить, в какой степени потребность угольных шахт в рабочей силе может быть удовлетворена генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, так как лишь в этой связи можно было предпринять планирование добычи угля на следующий год. В результате этого возникли переговоры об использовании русских военнопленных на угольных шахтах, о чем здесь и зачитывались документы.

Кроме этого, имело место два заседания, на которых действительно обсуждались требования всех потребителей, причем обсуждались таким образом, что на основании этого Обвинение сделало вывод об общей деятельности Центрального управления по планированию. Эти оба заседания состоялись в феврале и марте 1944 года и ни до этого, ни после этого этот вопрос не обсуждался. К тому же оба эти заседания состоялись во время моей болезни и мне было уже тогда неясно, каким образом Заукель именно во время моей болезни пошел навстречу моим желаниям: дал согласие на включение Центрального управления по планированию в решение этого вопроса, а затем вновь отказался от этого.

ФЛЕКСНЕР. Обвинением были представлены различные выдержки из заседаний Центрального управления по планированию. Являются ли эти выдержки по Вашим сведениям взятыми из

13896

H1207 – 0310

H1207 – 0311

протоколов, или из стенограмм заседаний?

ШПЕЕР. Они взяты из стенограмм. Кроме этих стенограмм, на каждом заседании велись также протоколы, в которых записывался весь ход заседания. Эти протоколы отражают действительный ход этих заседаний. По самим протоколам Обвинение не представило здесь никакого материала. То, что было представлено в стенограммах, само собой разумеется, является замечаниями, которые при решении таких важных военных вопросов бывают в военном хозяйстве любой страны даже в том случае, если соответствующие учреждения непосредственно и не ведают таким вопросом, как хотя бы использование рабочей силы.

ФЛЕКСНЕР. В отношении этих цитат, которые здесь были представлены, идет ли речь о решениях, которые принимались в Центральном управлении по планированию, или Вами?

ШПЕЕР. Я уже ответил на этот вопрос.

ФЛЕКСНЕР. Я хотел бы задать Вам еще только один вопрос. Вы ведь были генеральным уполномоченным по вооружению в системе управления по 4-х летнему плану. Какие функции предусматривал этот пост?

ШПЕЕР. Пост уполномоченного по вооружению в системе управления по 4-летнему плану был также создан по моему предложению Герингом в марте 1942 г. и я был назначен этим уполномоченным. Это было формальностью. Всем было известно, что у Геринга были споры с Тодтом, ибо до меня вопросы вооружения армии не входили в ведение управления по 4-летнему плану. Я же, находясь на посту этого уполномоченного по вооружению, официально был подчинен Герингу. В действительности, деятельность уполномоченного по вооружению не была эффективной. Я не давал никаких распоряжений как уполномочен-

ный по вооружению. Я, как министр, имел достаточный авторитет и не нуждался в том, чтобы пользоваться авторитетной поддержкой управления по четырехлетнему плану.

ФЛЕКСНЕР. Для облегчения судопроизводства, с разрешения Суда, может быть, будет разрешено при рассмотрении вопроса относительно деятельности Центрального управления по планированию указать на то, как высказались относительно данного вопроса свидетель Шибер в опросном листе № 4 и № 5 и свидетель Керль в ответе на вопрос № 2.

Теперь я перехожу к вопросу об ответственности за общее количество иностранных рабочих, работавших в Германии. Господин Шпеер, Обвинение ставит Вам в вину, что Вы несете соответственность за общее количество присланных в Германию иностранных рабочих. Подсудимый Заукель показал по этому вопросу, что он работал в первую очередь на Вас, так что его деятельность определялась, главным образом, вашими потребностями. Что Вы можете констатировать по этому поводу?

ШПЕЕР. Само собой разумеется, что я ожидал от Заукеля, что он будет полностью покрывать потребности военной промышленности. Но не может быть и речи о том, что он главным образом покрывал мои потребности, ибо с начала 1943 г. я получал лишь небольшую часть того количества рабочей силы, в которой я нуждался. Если бы в первую очередь покрывались мои потребности, то я должен был бы получать все необходимое количество рабочих. Разрешите мне привести в связи с этим пример: В тот же период было предоставлено 200.000 украинок для работы в домашнем хозяйстве. Понятно, что я тогда был того мнения, что лучше их использовать в военной промышленности. Далее ясно, что резервы германской рабочей силы не были использованы. Они в

H1207 - 0312

H1207 – 0313

январе 1943 г. имелись еще в достаточном количестве. Я был заинтересован в германской рабочей силе, также и в женской. Это неиспользование германских трудовых резервов свидетельствует о том, что на меня не может быть возложена вся ответственность в связи с тем, что я был главным потребителем рабочей силы, за составление заявок на иностранных рабочих вообще.

ФЛЕКСНЕР. Разрешите указать на то, что по этому вопросу в опросных листах дали показания: свидетель Шмельте, ответы на вопросы 12, 13, 16, свидетель Шибер - на вопрос 22, свидетель Роланд - на вопросы 1 и 4 и свидетель Керль на вопрос 9.

Господин Шпеер, если Вы или Ваше ведомство подавали заявки на рабочую силу, то Вы, однако, ведь знали, что в это общее количество рабочих будет включена иностранная рабочая сила?

Нужна ли Вам была эта иностранная рабочая сила?

ШПЕЕР. Она мне требовалась лишь частично, в зависимости от моих производственных потребностей. Так, например, угольная промышленность не могла обойтись без использования русских военнопленных. Здесь было бы невозможно использовать резервы германской рабочей силы, состоящие, главным образом, из женщин. Далее, имелись также отдельные специальные области, в которых желательно было иметь иностранных специалистов. Однако большинство рабочей силы могло составлять немцы, также и женщины. Это в широком масштабе практиковалось в военной промышленности Англии и Америки, и, конечно, также Советского Союза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте, пожалуйста, доктор Флекснер. Незачем делать паузы.

ФЛЕКСНЕР. Я еще подробно вернусь к этому при пред"явлении доказательств. Я хотел бы еще раз обратиться к Вашим, господин Шпеер, показаниям от 18 октября 1945 г. Там Вы неоднократно подтверждали, что Вы знали о том, что рабочая сила из оккупированных областей набирается и перевозится в Германию, вопреки воле набираемых рабочих.

Обвинение утверждает, что Вы одобряли применение террора и насилия. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ШПЕЕР. Я не имел никакого влияния на методы получения рабочей силы. Если рабочие прибывали в Германию, вопреки своему желанию, то я понимаю под этим, что их обязывали законными методами работать для Германии. Были ли эти меры с точки зрения закона справедливыми или нет, я тогда не исследовал. Да это и не было моим делом. Под применением насилия и террора я понимаю полицейские меры, как аресты, облавы и т.д. Эти насильственные меры я не одобрял.

Это ясно следует из моей позиции на совещании у Ламмерса от 11 июля 1944 года. Я тогда стоял на той точке зрения, что ни усиление полиции, ни облавы, ни насильственные меры не являются правильными.

В этом документе я упоминался одновременно как один из тех, кто выразил свое сомнение по отношению к использованию насильственных мер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Где находится этот документ?

ФЛЕКСНЕР. Господин председатель, это документ 3819-ПС, который был представлен Обвинением во время перекрестного допроса, мне кажется, подсудимого Кейтеля и подсудимого Заукеля. Я не включил его в книгу документов.

Господин Шпеер, почему Вы были против насильственных

H1207-0314

H1207-0315

мер?

ШПЕЕР. С помощью насильственных мер такого характера разбилась система упорядоченного использования рабочей силы в оккупированных областях. Я же был заинтересован в регулярном производстве в оккупированных областях. При насильственных мерах я лишался рабочей силы в оккупированных областях, так как угрожала опасность, что они во все больших масштабах будут бежать в леса, чтобы не попасть в Германию, и тем самым усилят ряды движения сопротивления.

Это в свою очередь привело бы к усилению саботажа и опять-таки к ограничению производства в оккупированных областях. Поэтому, как командующие войсками в оккупированных областях, так и командующие групп армий, а также и я, были против этих предложений о широком применении насильственных мер.

ФЛЕКСНЕР. Были ли Вы особо заинтересованы в вербовке рабочей силы из различных стран и почему?

ШПЕЕР. Да, я был особо заинтересован в вербовке рабочей силы из Франции, Бельгии, Голландии, следовательно, с Запада, а также из Италии, так как генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы с начала 1943 года распорядился о том, что рабочие из этих областей, главным образом, должны быть представлены в распоряжение военной промышленности. Наоборот, рабочие с востока должны быть преимущественно использованы для сельского и лесного хозяйства, для строительства дорог. Это распоряжение Заукель подтверждал мне неоднократно также в 1944 году.

ФЛЕКСНЕР. Разрешите в этой связи, господин председатель, сослаться на документ 3012-ПС. Это - документ

США-190. Он находится на странице 19 английского текста и на странице 16 французского текста моей книги документов. Я цитирую из записи совещания экономической инспекции южной России. Пеккерт, уполномоченный Заукеля по России, заявляет, я цитирую:

"Следует учитывать, что вывоз рабочей силы из восточных областей необходим, прежде всего, для обеспечения сельского хозяйства и пищевой промышленности. Вся рабочая сила с Запада (особенно специалисты, необходимые министру Шпееру) должна быть использована для военной промышленности".

И далее, в документе 1289-ПС. Это доказательство РФ-71, оно имеется на странице 42 английского текста моей книги документов, странице 39 французского и немецкого текста. Речь идет о записи от 26 апреля 1944 года.

"Лишь с помощью новой мобилизации резервов в оккупированных областях возможно срочно удовлетворить потребности немецких военных заводов в квалифицированной рабочей силе. Резервы из других областей недостаточны ни в количественном, ни в качественном отношении. Они срочно необходимы для нужд сельского хозяйства, транспорта и строительства. Рабочие с Запада используются приблизительно на 75 процентов в военной промышленности".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Флекснер, я лично не совсем понимаю, какой вопрос Вы пытаетесь сейчас разрешить, и ни в малейшей степени не могу себе представить, какие аргументы вы выдвигаете. Я не понимаю, какое отношение к делу имеют те вопросы, которые вы задавали подсудимому. Какое имеет значение, ввозились ли эти рабочие с Запада или с Востока? Насколько я понимаю, выдвинутое Вами или подсудимым положение, вы утверждаете, что военная промышленность в

H1207-0316

H1207-0317

~~смысле~~ духе Женевской конвенции не включает в себя различных отраслей промышленности, которые имеют косвенное отношение к производству вооружения, а подразумевает только те отрасли промышленности, которые имеют самое непосредственное отношение к производству военных материалов. Однако раз Вы изложили нам это положение, я не вижу смысла в представлении нам доказательств по этому поводу, на которые вы только что ссылаетесь. Я хочу указать, что меня интересует всеэто лишь постольку, поскольку я совершенно не могу себе представить, что Вы стремитесь доказать.

ФЛЕКСНЕР. Господин председатель, это - подготовка к вопросу, к которому мы теперь переходим, а именно, к вопросу о предприятиях закрытого типа. В результате создания предприятий закрытого типа Шпеер хотел, если я могу так выразиться, практически добиться прекращения переброски рабочей силы с Запада в Германию. Поэтому я должен сначала доказать, что рабочие для его предприятий, поскольку они поставлялись из-за границы, - главным образом поставлялись с Запада. Я хочу доказать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (прерывая). Даже, если он действительно хотел приостановить ввоз рабочих с Запада, какое же это имеет значение?

ФЛЕКСНЕР. Шпеера обвиняют в том, господин председатель, что он активно участвовал в депортации рабочих с Запада для использования в своей военной промышленности. Обратимся же к датам. Начиная с 1943 года, Шпеер проводил иную политику, а до того, что как, мне кажется, уже явствует из представления предыдущего доказательства, рабочие, которые прибывали в Германию, в массе были рабочими, прибывшими туда добровольно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, конечно, если бы Вам удалось доказать, что эти рабочие прибыли туда добровольно, - это было бы очень важно. Но Вы направляете показания свидетеля совсем не в этом направлении.

ФЛЕКСНЕР. Да, но это - окончательная цель представления моих доказательств, господин председатель. Мне бы очень хотелось привести эти доказательства, если только это возможно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я только хочу сказать, что я не совсем понимаю, к чему ведут все ваши вопросы. (Пауза). Продолжайте, пожалуйста, не делайте таких пауз.

ФЛЕКСНЕР. Господин Шпеер, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы назвал Италию и оккупированные западные области странами, из которых, главным образом, должны были поставляться рабочие в целях работы в военной промышленности. В какой степени одобряли Вы мероприятия Заукеля в этих странах?

ШПЕЕР. До начала 1943 года я полностью одобрял их. До того момента для меня не было никаких значительных последствий отрицательного характера. С начала 1943 года среди рабочих Запада участились случаи отказов от направления в Германию. Это, возможно, было связано с поражением под Сталинградом и усилившимся воздушными налетами на Германию.

До начала 1943 года, по моим сведениям, рабочие более или менее добровольно приезжали в Германию, а с начала 1943 года, однако, часть вызванных рабочих не явилась на вербовочные пункты. Поэтому приблизительно с июня 1943 года я через командующего войсками во Франции создал так называемые "шперрбетрибе" - специальные

H1207 - 0318

H1207 – 0319

предприятия закрытого типа, которые вскоре были созданы в Бельгии, Голландии и Италии.

Важно то, что каждый рабочий, работавший на одном из таких предприятий, автоматически исключался из числа отправляемых в Германию, и что любой рабочий, которого назначали в Германию, мог пойти работать на одно из таких предприятий, и органы уполномоченного по использованию рабочей силы не могли забрать его с этого предприятия.

ФЛЕКСНЕР. Какие последствия имело это для вербовки рабочих в оккупированных западных странах?

ШПЕЕР. Использование рабочей силы из оккупированных западных областей в Германии после введения этого мероприятия снизилось до незначительного процента. Если ранее в Германию из Франции поставлялось от 80 до 100 тысяч человек, то после введения этих предприятий эта цифра снизилась до 3–4 тысяч в месяц, как следует из документа РФ-22.

Ясно и нужно в связи с этим упомянуть, что уменьшение этого количества, конечно, явилось также и результатом движения сопротивления, которое начало в то время распространяться на Западе.

ФЛЕКСНЕР. Вы и Ваше учреждение в то время одобряли политику Заукеля?

ШПЕЕР. Нет. В то время возникли первые серьезные разногласия относительно этих забронированных рабочих, по вопросу использования их на работах в Германии. Это происходило вследствие того, что потери в рабочей силе, которую я имел в промышленности оккупированных областей, были больше, чем поступление рабочей силы из оккупированных западных областей в Германию. Это явствует из документа РФ-22,

согласно которому еще в 1943 году и преимущественно в первой половине года, приблизительно 400 тысяч рабочих прибыло из Франции в Германию, а промышленность Франции потеряла одновременно 800 тысяч человек, количество же работавших на Германию рабочих, занятых в французской промышленности, снизилось на 450.000 рабочих.

ФЛЕКСНЕР. Почему Вы летом 1943 года требовали, чтобы Вам передали всю германскую промышленность из министерства экономики?

ШПЕЕР. В германской промышленности, по моему мнению, имелся большой резерв, так как германское мирное хозяйство в недостаточном об"еме было переведено на военные рельсы. Наряду с немецкими женщинами, по моему мнению, имелись еще другие крупные резервы рабочей силы в Германии.

ФЛЕКСНЕР. Что Вы предприняли, когда Вам передали от министерства экономики всю промышленность Германии?

ШПЕЕР. Тогда я уже подготовил следующий план. В Германии большая часть промышленности занималась производством, например, бумаги, одежды, мебели и других предметов широкого потребления так называемых, товаров широкого потребления, для вооруженных сил и нужд французского населения. В оккупированных западных областях, напротив, эти предметы не производились, так как не было сырья. Однако эта промышленность, именно в оккупированных западных областях была на особенно высоком уровне. Поэтому при проведении этого плана, сырье, которое производилось в Германии, как, например, искусственная шерсть, не давалось германским предприятиям и поставлялось на Запад. В конечном результате, тем самым, можно было использовать в стране на миллион рабочих больше,

13906

H1207 – 0320

H1207 – 0321

а я получил возможность занять лишний миллион рабочих в Германии в военной промышленности.

ФЛЕКСНЕР. Стремились ли Вы способствовать увеличению производительности военной промышленности, также и во Франции?

ШПЕЕР. Нет, все эти планы не удались. Французскому правительству до начала войны не удалось развить военную промышленность во Франции и мои усилия или, скорее, усилия моих инстанций по осуществлению этого плана также провалились.

ФЛЕКСНЕР. Что Вы преследовали этим новым планом? Какие преимущества принес Вам этот новый план?

ШПЕЕР. Я коротко об"ясню это. С помощь этого плана в Германии я мог использовать целый ряд предприятий для производства вооружения и получал при этом не только рабочую силу, заводские помещения, административный персонал, но и транспортный парк и, кроме того, эти предприятия, так ток, как они никогда не производили военной продукции, не имели почти совсем иностранной рабочей силы, таким образом, я получал для германских заводов исключительно германских рабочих, которые, конечно, в военной промышленности были значительно более ценными, чем иностранные рабочие любой национальности.

ФЛЕКСНЕР. Не был ли опасен, не приносил ли такой план ущерба для общего индустриального развития Германии?

ШПЕЕР. Ущерб был значительный, так как перевод производства на военные рельсы означал вывоз машин, а это, в свою очередь, означало, что по окончании войны перестройка этих предприятий на мирное производство должна была занять

от 6 до 8 месяцев.

Я тогда об"яснил на совещании гаулейтеров в Познани, что если мы в этой войне желаем добиться успеха, то мы должны быть теми, кто принесет наиболее крупные жертвы.

ФЛЕКСНЕР. Как этот план был претворен в действительность?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, доктор Флекснер, какое по Вашему мнению отношение имеет настоящий Трибунал к деталям осуществления этих планов? Нас не может интересовать вопрос о том, были ли его планы претворены в жизнь, или нет. Единственное, что в данном случае подлежит рассмотрению Трибунала, это вопрос о том, были ли его планы законны с точки зрения положений международного права или нет. Нам безразлично, преследовали ли его планы хорошие или дурные цели, нас не интересуют детали составления этих планов, нас интересует только, создавались ли они на законном основании, или нет.

ФЛЕКСНЕР. Да, конечно, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Говоря о подробностях этих планов, Вы только даром тратите время.

ФЛЕКСНЕР. Я тем самым хотел показать, что тенденции или, скажем, тенденция подсудимого, которую он преследовал в политике использования рабочей силы, сводилась к тому, чтобы иностранцы работали на своей родине, а немецкие рабочие использовались бы исключительно в производстве вооружения, т.е., следовательно, все то...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Флекснер, этот вопрос касается целесообразности этих планов, а не их законности. Подсудимый говорит, что у него имелось большое количество немецких

H1207 – 0322

H1207 - 0323

рабочих, хороших рабочих, которые вместо предметов вооружения производили предметы широкого потребления. Он считал, что наиболее целесообразно было организовать работу подведомственных ему отраслей промышленности в тех странах, где находится рабочая сила, с тем чтобы ее не приходилось вывозить из Франции или других западных стран.

С какой точки зрения нас могут интересовать эти вопросы? То, что рабочих насильственно заставляли работать на местах, столь же беззаконно, как то, что их вывозили в Германию для принудительного труда. Во всяком случае, это утверждает Обвинение.

ФЛЕКСНЕР. Да, но я думаю и считал...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (Прерывая) Сейчас Трибунал об"является перерыв.

(Об"является перерыв на 10 минут).

Встать, Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал завтра в 2 часа заслушает защитников по вопросу о том, каким образом следует распределить время на произнесение защитительных речей.

ФЛЕКСНЕР. Господин Шпеер, Вы, может быть, кратко ответите нам, как Вы согласовали Вашу программу с господином Бишелоном, французским министром экономики?
Но я прошу Вас быть кратким.

ШПЕЕР. Немедленно после того, как я в сентябре 1943 года начал руководить промышленностью, я договорился с Бишелоном, чтобы была осуществлена большая программа перемещения промышленности из Германии во Францию по вышеизложенной мною системе. Бишелон в беседе, которая имела место в связи с этим, заявил мне, что он не уполномочен говорить со мной по вопросу об использовании рабочей

силы. Наоборот, Лаваль в категорической форме запретил ему заниматься этим вопросом. Поэтому он должен обратить внимание на тот факт, что если продолжать вербовку рабочей силы в старых масштабах, то это сделает невозможным выполнение программы, о которой мы договорились. Я сам придерживался того же мнения. Мы затем пришли к соглашению, что предприятия всей французской промышленности, начиная с производства угля до изготовления готовых изделий, должны быть об"явлены предприятиями закрытого типа. Мы оба при этом ясно понимали, что такой метод делает мобилизацию рабочей силы для Германии почти совершенно невозможной и, как я уже сказал, каждый француз, если его направляют в Германию, может по своему желанию пойти на эти предприятия закрытого типа. Я дал Бишелону обещание, что я буду придерживаться этой линии поведения и в будущем; несмотря на все трудности, я сдержал свое обещание.

ФЛЕКНЕР. Господин председатель, в этой связи я хотел бы огласить выдержку из документа 124-Р. Это-доказательство США. Документ находится на странице 37 английской книги документов. В этом документе речь идет о речи Заукеля в Центральном управлении по планированию, которая здесь неоднократно упоминалась. Я хотел бы процитировать из нее следующее:

"Мои инстанции во Франции во время моего последнего визита заявили мне, что министр Бишелон подписал с министром Шпеером соглашение, согласно которому французские рабочие должны использоваться на работах во Франции и их не нужно будет отправлять в Германию. Вот, что было результатом первых крупных переговоров."

H1207 – 0324

H1207 – 0325

Господин Шпеер, какие последствия это имело для мобилизации рабочей силы из Германии во Францию?

ШПЕЕР. Я уже об"яснял это. Использование рабочей силы немедленно прекратилось почти полностью, начиная с 1 октября.

ФЛЕКСНЕР. Я еще вернусь к вопросу о последствиях, которые имел этот план, разработанный Бишелоном и Шпеером, к стремлениям Шпеера проводить в жизнь этот принцип, в связи с последующими документами. Сейчас же я не хотел бы продолжать говорить по данному вопросу, а хотел бы ограничиться оглашением выдержки из официального французского документа. Это – документ РФ-22 на странице 20 английской книги моих документов и на стр.17 немецкой и французской книги документов. Там в отчете сказано:

"Наконец, возникла настоящая вражда между Заукелем и Шпеером, которому была поручена организация принудительного труда в оккупированных областях".

И, наконец, несколькими строчками ниже: "Преимущество ~~названного~~ первого перед вторым, которое становилось тем более заметным чем дольше длилась ~~за месяцы~~ оккупация, значительно облегчило сопротивление депортации".

Из предыдущего текста ясно вытекает, что в отношении первого, – подсудимого Шпеера – и командующего войсками..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но эти цитаты носят кумулятивный характер. Вы уже три или четыре раза доказывали это положение.

ФЛЕКСНЕР. Хорошо, я не буду продолжать цитаты.

Я хочу выяснить, господин Шпеер, – в документе говорится, что Вы имели отношение к организации принудительного труда во Франции. Так ли это?

ШПЕЕР. Нет. Организация труда во Франции не входила в мое ведение.

ФЛЕКСНЕР. Вы уже сказали, что эта программа перемещения предприятий ограничивалась не только Францией. Скажите, пожалуйста, на какие страны она еще распространялась?

ШПЕЕР. На этот последний вопрос я отвечу в общем. Программа распространялась на Бельгию, Голландию, Италию, Чехословакию. Там все промышленные предприятия были об"явлены относящимися к предприятиям закрытого типа, причем там существовало такое же бронирование для рабочих, как и во Франции. Оно оставалось в силе и после заседания у Гитлера от 4 января 1944 г., где разрабатывалась новая программа для Запада на 1944 г. Я твердо придерживался этой политики. Следствием этого явилось то, что в первую половину 1944г. из Франции в Германию поступило 38000 рабочих вместо 500,000, которые предусматривались этим соглашением; из других стран прибыло в Германию также около 10% запланированного количества рабочих.

ФЛЕКСНЕР. Скажите, а как обстояло дело с рабочими из протектората?

ШПЕЕР. Везде был только небольшой процент запланированного количества.

ФЛЕКСНЕР. Здесь Обвинение пред"являло документ 1739-ПС, доказательство РФ-10. Он находится на странице 23 английского текста моей книги документов. Это—отчет Заукеля от декабря 1942 г. Далее, документ 1290-ПС, который находится на 24-й странице английского текста и был здесь также пред"явлен. Из этих документов, мне кажется, вытекает, что, согласно некоторым заявлениям Заукеля, с начала его

H1207 – 0326

H1207 - 0327

деятельности до марта включительно всегда требовалось такое количество заявок на рабочую силу, что он не мог их удовлетворить. Это правильно?

ШПЕЕР. Да, правильно.

ФЛЕКСНЕР. Из документа 16-ПС (это—доказательство США № 168 на странице 25-й английского текста моей книги документов) далее вытекает, что Заукель был против использования немецких женщин на всех военных предприятиях. Летом же 1942 г. он предоставил несколько сотен украинских девушек для работы в качестве прислуг в немецких хозяйствах. Все эти три документа показывают, что Шпеер, в связи с деятельностью своего министерства, не может нести ответственности ни за общее число, ни вообще за число прибывших в Германию рабочих.

Далее я хотел бы пред"явить доказательство № 8. В книге документов этот документ значится, господин председатель, под № 02 и находится на стр.26-й английской книги документов. Этот документ представляет собой запись совещания Центрального управления по планированию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Флекснер! Вы не сообщаете нам номеров, под которыми Вы представляете все эти документы в качестве доказательства. В сущности говоря, Вы вообще не представляете эти документы в качестве доказательства по существующим правилам. Я хочу сказать, что Вы сейчас ссылаетесь на номер 02. Я вообще не знаю, такой нумерации.

ФЛЕКСНЕР. Тогда разрешите мне передать этот документ как доказательство № 8.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А под каким номером Вы представили

предыдущий документ? Да, этот документ уже представлен; мне кажется, наиболее удобным было бы, если бы Вы впоследствии, после представления Вами доказательств, представили список документов, на которые Вы тут ссылались, с теми номерами, которые Вы соответственно им дали.

ФЛЕКСНЕР. Хорошо, господин председатель, я охотно это сделаю.

Я хотел бы сейчас огласить одну цитату. Речь идет о замечании Шпеера. "Для этого опять необходимо направить на заводы новые контингенты немецких рабочих, даже неподготовленных, так как я не могу заменить всех ушедших в армию немцев иностранцами. Германские ресурсы становятся просто недостаточными. Уже теперь мы имеем один случай саботажа за другим и мы не знаем, чьих рук это дело. Конечно, в таких условиях случаи саботажа будут иметь место. Меры, которые принимают, чтобы привлечь по меньшей мере 1 миллион немцев в военную промышленность, чрезвычайно суровы и, с моей точки зрения, практически приведут к снижению общего жизненного уровня верхних сословий. Это, следовательно, означает, что мы, грубо говоря, во время войны опролетаризируемся, если война продлится еще долгое время. Надо смотреть холодно и трезво на эти вещи. Итак, ничего другого нам не остается":

Это предложение Шпеера о полном использовании резервов рабочей силы, находящихся внутри самой Германии, до лета 1944 года не претворялось в жизнь. В этом заключалось зерно раздора между Шпеером, с одной стороны, и Заукелем и гаулейтерами, - с другой.

H1207 - 0328

H1207 – 0329

Как раз к этому пункту относятся показания свидетелей, данные ими в опросных листах. В пояснение я хотел бы сказать, что у Шибера это ответ на вопрос 22, у Ролайда - ответ на вопросы 1 и 4, у Керля ответ на вопрос 9, у Шмельте ответы на вопросы 13-й и 16. Я, к сожалению, господин председатель, не могу сейчас назвать страниц английского текста, так как я его еще не видел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На какой документ Вы только что сослались?

ФЛЕКСНЕР. Господин председатель, это опросные листы с ответами в дополнении к моей книге документов, и я надеюсь, что оно имеется сейчас в распоряжении Суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, совершенно верно.

ФЛЕКСНЕР. Я хотел бы сохранить за собой право в конце представления доказательств предъявить все эти опросные листы вместе. Сейчас я хотел бы коснуться лишь отдельных пунктов - высказываний свидетелей по поводу рассматриваемых вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

ФЛЕКСНЕР. О разногласиях между Заукелем и Шпеером свидетельствует, далее, запись выступления Шпеера на заседании Центрального управления по планированию от 21 декабря 1943 года. Она находится на 27 странице английского текста моей книги документов. У меня этот документ значится как доказательство № 9. Цитирую:...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Флекснер, Вам не следует оглашать этой выдержки; мне кажется, я Вам уже указывал на то, что меня не интересует, могли ли эти планы быть проведены в жизнь или нет.

ФЛЕКСНЕР. Хорошо. Господин Шпеер, Обвинение предъявило здесь весьма важный документ, представляющий собой запись заседания у Гитлера, от 4 января 1944 г. Этот документ был представлен под № 1292-ПС, доказательство США № 225. Я хотел бы сейчас сослаться на 28 страницу в английском тексте моей книги документов. Какие обстоятельства явились причиной созыва этого совещания?

ШПЕЕР. Это заседание было созвано по указанию Гитлера.

ФЛЕКСНЕР. С какими целями?

ШПЕЕР. Чтобы положить конец спорам между мной и Заукелем.

ФЛЕКСНЕР. Какое же решение вынес Гитлер?

ШПЕЕР. Как это часто бывало с Гитлером, он вынес нежизнеспособное компромиссное решение. Он сказал, что эти предприятия закрытого типа должны существовать, но, несмотря на это, Заукель должен мобилизовать три миллиона рабочих из оккупированных стран. Через ОКВ Гитлер отдал строжайшие указания всем командующим войсками в оккупированных областях всячески помогать Заукелю в осуществлении его задач.

ФЛЕКСНЕР. Скажите, Вы были согласны с таким решением вопроса?

ШПЕЕР. Нет, ни в какой мере, так как при проведении этой задачи моя программа перемещения промышленности на Запад должна была потерпеть крах.

ФЛЕКСНЕР. А что Вы предприняли после этого?

ШПЕЕР. Я, вопреки решению Гитлера на этом заседании, проинформировал командующих в таком духе, в каком я этого хотел, так что при получении ожидаемого приказа от ОКВ командующие имели две трактовки заседания. Но так как эти

H1207-0330

H1207 - 0331

командующие были более настроены в мою пользу, то можно было ожидать, что они поступят по моему указанию.

ФЛЕКСНЕР. Я хочу сослаться на следующий документ. Он находится на странице 29-й английского текста моей книги документов и на странице 26-й немецкой и французской книги документов. Этот документ представляет собой телеграмму Шпеера генералу Штулту в Париж. Этот документ имеет № доказательства "Шпеер-10". Из этого документа можно сделать два вывода. Во-первых, Шпеер пишет (я цитирую):

"По вопросу об оккупированных западных областях гаулейтер Заукель сначала установит контакт с соответствующими учреждениями для того, чтобы выяснить способы и возможности проведения этого мероприятия".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. С какой целью Вы цитируете это место, д-р Флекснер?

ФЛЕКСНЕР. Господин председатель, Обвинение предъявило здесь этот документ под № 1292-ПС для того, чтобы доказать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый уже передал нам содержание документа. Он изложил сущность всех обстоятельств этого дела. Мы прекрасно представляем себе, каковы были разногласия между Заукелем и Шпеером.

ФЛЕКСНЕР. Этот документ показывает, какова была реакция со стороны подсудимого на это решение, что он делал во изменение решения Гитлера или ~~чтобы~~ чтобы хотя бы ослабить его последствия. В этом документе подсудимый пишет генералу Штулт...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Флекснер, Трибунал уже указал вам самым ясным образом, что он думает по поводу отличающихся друг от друга планов и различных точек зрения Заукеля и

Шпеера. Почему Вы не переходите к другим вопросам Вашего допроса, если у Вас вообще есть какие-либо другие вопросы?

ФЛЕКНЕР. Господин председатель, я не собираюсь освещать здесь вопроса о разногласиях между Заукелем и Шпеером. Я хочу лишь осветить, какие меры предпринял Шпеер для того, чтобы претворить в жизнь свою точку зрения, и это совершенно не относится...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но Трибунал считает, что это совершенно не относится к делу, как я только что указывал, подсудимый уже рассказал нам о том, что он делал. Нет необходимости вновь зачитывать нам здесь все это.

ФЛЕКНЕР. Хорошо. Я хотел бы предъявить далее документ, который находится на странице 30 английского текста моей книги документов, на 27 странице немецкого и французского текстов. Этот документ представляет собой письмо Шпеера Заукелю от 6 января 1944 года. В этом письме устанавливается, что для работающих во Франции предприятий французской индустрии требуется 400 тысяч рабочих рук немедленно, а в дальнейшем, в последующие месяцы, необходимо оставить в резерве еще такое же количество. Следовательно, их нужно выделить из состава направляемых в Германию. Скажите, господин Шпеер, каково было влияние этих двух писем на решение Гитлера доставить только лишь из Франции миллион рабочих в Германию?

ШПЕЕР. Мне кажется, что лучше всего будет об"единить ответы на этот комплекс вопросов и лишь коротко сказать здесь несколько слов об этом. У нас существовали известные технические приемы для того, чтобы обойти отдельные приказы

H1207-0332

H1207 – 0333

Гитлера, которые не совсем были для нас удобны. Г-н Колль освещал уже этот момент, говоря, как он применял эти приемы в своей области. Естественно, что только посвященным понятно содержание писем, которые здесь пред"явлены, то, что они означают и каковы могли быть последствия. Далее, ясно вытекает из документа, который сейчас пред"является, а именно отрывка из речи Заукеля от 1 марта 1944 года, каковы были последствия этого решения в отношении мобилизации рабочей силы в оккупированных областях. Мне кажется, что результаты такого решения совершенно ясны и я уже их тут изложил. Думаю, что мы можем перейти к следующей странице, 49.

ЭЛЕКСПЕР. Г-н Шпеер, Вы можете мне ответить на вопрос о последствиях воздушных налетов в оккупированных западных областях?

ШПЕЕР. Да. Я хочу сейчас кое-что обобщенно сказать по этому вопросу.

Началу вторжения во Францию предшествовали мощные воздушные бомбардировки транспортной сети в оккупированных областях. Это привело к тому, что предприятия во Франции стояли и один миллион рабочих был без работы. Таким образом, рушился мой план о перемещении производства, и, согласно моим ожиданиям, также, как и ожиданиям французских инстанций, считалось, что будет предоставлено значительное количество рабочей силы для Германии. Но, несмотря на то, что в тот момент вся промышленность во Франции замерла, я издал приказ сохранить предприятия закрытого типа. Однако я, как специалист, хорошо знал, что пустить эти предприятия в ход даже при полном прекращении

налетов авиации может оказаться возможным лишь не ранее 9-12 месяцев, вследствие больших повреждений транспортной сети. Я, следовательно, действовал тут против своих интересов. Французское Обвинение подтверждает это в документе РФ-22, соответствующие цитаты имеются в книге документов.

Между 19 и 22 июня у меня состоялось совещание с Гитлером. Я добился решения, согласно которому рабочая сила в западных оккупированных областях, несмотря на все трудности, связанные с транспортом, во всяком случае остается на прежнем месте. Зейсс-Инкварт говорил уже здесь, что в отношении Голландии было принято такое же решение. По моему указанию рабочим на таких предприятиях закрытого типа даже продолжали платить жалование.

ФЛЕКСНЕР. В качестве доказательства "Шпеер № 12" я хотел бы сейчас пред"явить выдержку из записи совещания у фюрера с 19 по 20 июня 1944 года. Я прошу Суд принять этот документ к сведению без доказательств. Этот документ находится на странице 22-й английского текста моей книги документов. Я прошу Суд принять его к сведению.

Г-н Шпеер, Вам должно быть ясно, что с помощью принятого Вами решения, по крайней мере, миллион безработных рабочих на продолжительное время не будет использован, и именно во всех западных областях. Чем Вы могли оправдать такое решение?

ШПЕЕР. Я должен сказать совершенно откровенно, что это было первым моим решением, которое было обусловлено катастрофически ухудшающимся военным положением. Вторжение удалось, эффективные воздушные бомбардировки заводов нанесли непоправимый ущерб. Все это позволяло определить

H1207 – 0334

H1207 – 0335

приближение быстрого конца войны, с которым для меня наступила бы совершенно иная ситуация. Выводы из такой ситуации будут об"яснены мною позднее во время допроса на многих других примерах. Гитлер, само собой разумеется, в то время не придерживался такого мнения. Он, наоборот, верил, что нужно сделать все возможное, чтобы использовать для войны последние ресурсы.

ФЛЕКСНЕР. Может быть, Вы вкратце охарактеризуете Вашу точку зрения на переговоры от 11 июля 1944 года, мы о них уже однажды говорили. Это был документ № 3819-ПС. Только очень кратко.

ШПЕЕР. Я и на этом совещании от 11 июля оставался на своей старой точке зрения. Я вновь обратил внимание на имеющиеся в Германии резервы (это вытекает из протокола заседания) и настаивал на том, чтобы транспортные затруднения не имели такого влияния на производство и чтобы предприятия закрытого типа были сохранены в этих областях. Мне и присутствовавшим на совещании командующим войсками в оккупированных областях было хорошо известно, что тем самым будут оставаться в силе известные нам последствия для предприятий закрытого типа, т.е. прекращение поставки рабочей силы из оккупированных западных областей в Германию.

ФЛЕКСНЕР. Обвинение от Франции представило документ под № 833 на заседании Трибунала от 30 мая. Этот документ, если я правильно помню, был пред"явлен во время перекрестного допроса подсудимого Заукеля. Это - приказ, согласно которому находящиеся на Западе войска должны учесть всю

имеющуюся рабочую силу. Пожалуйста, кратко выскажитесь по этому поводу. Чтобы помочь Вам вспомнить этот факт, я напомню, что в этом документе имеется ссылка на заседание от 11 июля 1944 года.

ШПЕЕР. Протокол заседания достаточно ясно показывает, что, как я уже сказал, я был против всяких насильственных мероприятий. Приказ Кейтеля я лично не видел.

ФЛЕКСЕР. Обвинение от Франции предъявило здесь документ № 824. Это - письмо генерала фон Клюге от 25 июля 1944 года. Генерал Клюге ссылается на этот уже упомянутый документ - телеграмму Кейтеля. Известно ли Вам что-либо о том, был ли этот приказ когда-либо выполнен?

ШПЕЕР. Я знаю, что этот приказ выполнен не был. Для того, чтобы хорошо понять тогдашнее положение, нужно представить себе обстановку, которая создалась в то время в связи с событиями 20 июля. Тогда выполнялись далеко не все приказы фюрера. Как выяснилось из расследования после событий 20 июля, в то время господин Клюге, командующий Западным фронтом, планировал ведение переговоров с западными державами и, очевидно, предпринимал уже первые шаги для этого. Это и было причиной его самоубийства после неудачи, постигшей его группу 20 июля. Исключено, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы дали этому документу № 1824. Что означает этот номер?

ФЛЕКСЕР. Господин председатель, № 824. Номер 824 был проставлен французским обвинением. Под этим номером он и был затем представлен. К сожалению, я не мог установить номер доказательства. Я спрашивал, но мне его не сообщили. Сейчас мне сказали, что номер доказательства 1515-РФ.

H1207 - 0336

H1207 – 0337

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю Вас.

ШПЕЕР. Совершенно исключено, что фельдмаршал Клюге, в такой военной обстановке, при его принципиальных установках, мог отдать приказ, чтобы предпринимались облавы и насильственные мери. Упомянутое в этом документе введение в действие соглашения между Заукелем и Лавалем практически ничего не означало, так как предприятия закрытого типа продолжали существовать и поэтому данное соглашение не было эффективным. Однако лучшим доказательством того, что этот приказ не был выполнен, является документ Французского Обвинения РФ-22. Из этого документа совершенно ясно вытекает, что в июле 1944 года только 3.000 рабочих прибыло из Франции в Германию. Если бы в то время имело место применение насильственных мер с использованием войск для этой цели, то было бы легко отправить из Франции в Германию намного большее число рабочих.

ФЛЕКСНЕР. Скажите, использовали ли Вы свое влияние с тем, чтобы полностью прекратить мобилизацию рабочей силы из оккупированных областей в Германию?

ШПЕЕР. Нет, я должен здесь совершенно открыто заявить, что я хотя и использовал свое влияние в том направлении, чтобы ограничить мобилизацию рабочей силы или предотвратить облавы и насильственные мероприятия, однако, не с целью совершенно прекратить использование иностранной рабочей силы.

ФЛЕКСНЕР. Перехожу к следующей теме.

Обвинение касалось вопроса об организации Тодт и подвергало его рассмотрению. Можете ли Вы кратко обрисовать Суду задачи организации Тодт?

ШПЕЕР. Я опять кое-что здесь обобщу. Организация Тодт имела исключительно задачи технического порядка, а именно - осуществлять техническое строительство. На Востоке это было в основном железнодорожное строительство, дорожное строительство, на западе - строительство бетонных укреплений, как, например, так называемого "Атлантического вала". Для этого организация Тодт в несравненно большем масштабе использовала иностранных рабочих. Так, на Западе на одного немецкого рабочего приходилось 20 иностранных рабочих. В России примерно на одного немецкого рабочего - 4 русских рабочих.

Это возможно было осуществить только при том условии, что организация Тодт на западе широко прибегала к сотрудничеству с местными строительными фирмами и их мастерскими. Последние поставляли руководящий технический персонал. Эти фирмы сами мобилизовали рабочие руки и совершенно ясно, что они не имели возможности насильственно мобилизовывать рабочих. Поэтому очень большая часть рабочих, занятых в организации Тодт, пришла туда добровольно. Однако совершенно ясно, что всегда имелся какой-то определенный процент рабочих, которые использовались этой организацией на основании декрета об особой мобилизации.

Организация Тодт здесь называлась частью вооруженных сил. Формально, однако, следует здесь установить, что сюда не причисляли иностранных рабочих, а только немцев, которые, само собою разумеется, должны были каким-либо образом входить в состав вооруженных сил. У Обвинения на это иная точка зрения. Кроме этой организации, имелись еще транспортные части моего министерства, которые работали в

13924

H1207 – 0338

H1207 - 0339

оккупированных областях; по особым соображениям я придаю особенно большое значение констатации того факта, что в эти последние рабочие вербовались исключительно добровольно.

Обвинение утверждало, что организация Тодт была организацией, об"единявшей все военные строительства в оккупированных областях. По это не так. Она должна была проводить лишь от одной четверти до одной пятой всего об"ема строительных работ. В мае 1944 года организация Тодта была переведена на работу в Германию. На нее была там возложена ответственность за отдельные строительные работы, производство которых тогда намечалось, и руководство так называемым аппаратом генерального уполномоченного по вопросам строительства в системе управления по четырехлетнему плану. Она распределяла контингенты, поступавшие от Центрального управления по планированию, и имела прочие задачи руководящего характера. Однако она не несла ответственности за производство этих строительных работ и контроль над ними. В то время в империи для этого существовали различные государственные инстанции, и здесь действовало совершенно самостоятельно управление по строительству СС, которому поручалось выполнение целого ряда работ по строительству.

ФЛЕКСНЕР. Обвинение утверждало здесь, что Вы были инициатором того, чтобы использовать заключенных концентрационных лагерей на военных предприятиях; оно пред"явило, господин председатель, документ РФ-24, доказательство США-179. Он находится на странице 47 английского текста моей книги документов. Здесь имеется запись беседы с Гитлером в сентябре 1942 года.

Что привело к этой беседе, господин Шпеер?

ШПЕЕР. Когда я в феврале 1942 г. взял на себя руководство всей военной промышленностью, производившей вооружение для сухопутных сил, требовался общий значительный под"ем во всех областях, а для этого было необходимо создать целый ряд новых промышленных предприятий. Для этого же требовалось определенное количество рабочих рук. Гиммлер предложил как Гитлеру, так и мне использовать для этого свои концентрационные лагери. Он предложил план, согласно которому часть этих новостроек и необходимого машинного оборудования должна была быть размещена в концентрационных лагерях, причем работа должна была производиться под контролем СС. Против этого плана были начальник вооружения сухопутных сил генерал-полковник Фромм, а также и я. Помимо общих соображений, нами приэтом руководило то соображение, чтобы не дать возможность СС бесконтрольно производить оружие, во-вторых, то, что я был бы лишен возможности осуществлять техническое руководство такими предприятиями. Поэтому весной 1942 года при проведении обширной программы увеличения производства вооружения я этот план во внимание не принял. Гиммлер пошел к Гитлеру, и протокол этих переговоров, который здесь представлен, содержит мои возражения против пожеланий Гиммлера, на проведении которых настаивал Гитлер.

ФЛЕКСНЕР. Господин председатель, этот документ находится на странице 44-й немецкого текста и стр.47-й английского текста. Это - пункт 36-й протокола совещания у фюрера. Здесь говорится...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это страница 47 английского текста.

ФЛЕКСНЕР. Да. Там сказано, я цитирую:

H1207-0340

H1207 - 0341

"... помимо того, что имеется лишь незначительное число рабочих, будет вообще невозможно организовать выпуск предметов вооружения в концентрационных лагерях".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Флекснер, свидетель только-что изложил нам содержание этого документа, не так ли?

ФЛЕКСНЕР. Господин Шпеер, таким образом, согласно этому документу, Вы выступили с предложением направить на все фабрики в качестве рабочих заключенных из концентрационных лагерей. Удалось ли Вам это провести?

ШПЕЕР? Нет. В такой форме это проведено не было - и вот почему. ~~Ком~~ Вскоре выяснилось, что Гиммлер, вследствие своего честолюбия, хотел иметь влияние на эти предприятия и ему, очевидно, каким-либо путем удалось бы подчинить себе эти предприятия. По этим причинам лишь часть рабочих составлялась из заключенных концентрационных лагерей, чтобы противодействовать этим стремлениям Гиммлера. Поэтому на военных заводах начали организовывать трудовые лагери. Предусмотренная за участие в производстве выдача Гиммлеру 5-8% изготовленного оружия никогда не осуществлялась. Это возможно было предотвратить благодаря достижению соглашения с начальником штаба сухопутных сил при ОКВ - генералом Буле. Свидетель даст еще показания по этому вопросу.

ФЛЕКСНЕР. Далее я хочу сослаться на документ 1584-ПС, находящийся на 48 странице английского текста моей книги документов. Это - доказательство США № 221. Этот документ представляет собой письмо Гиммлера Герингу от 9 марта 1944 года. В нем говорится, что Гиммлер подчеркивает, что при увеличении его ответственности и, следовательно, ответственности СС следует ожидать увеличения темпов работы всей

промышленности и определения достижения лучших результатов". Из сопроводительного письма Поля к Гиммлеру вытекает, что имелись стремления установить контроль над использованием заключенных концлагерей или даже передать СС ответственность за руководство предприятиями. Простого использования заключенных в других предприятиях было бы недостаточно, согласно его опыту и знаниям. Следовательно, СС хотела установить контроль над использованием этой рабочей силы на предприятиях. Но этот документ одновременно доказывает еще и кое-что другое. Он подтверждает показания подсудимого Шпеера о том, что заключенные из концентрационных лагерей получали также денежные премии, если выяснялось, что они были ценными работниками. Далее, из последней страницы этого же документа ясно следует, что в среднем продолжительность рабочего времени составляла в месяц 240 часов. Это означало, что в течение недели они были заняты 60 часов.

Далее я хотел бы коснуться упомянутого еще вчера документа № 44. Этот документ был уже пред"явлен мной в качестве доказательства № 6 и находится в книге документов № 2. Это книга документов № 1, господин председатель, — дополнение к книге документов № 1.

Из этого документа ясно вытекает, в какой степени расширение предприятий, находившихся в ведении СС, было результатом честолюбивых замыслов Гиммлера и Поля. Из этого документа вытекает, далее, — я цитирую:

"Количество часов, которые заключенные концлагерей отрабатывают в нашей военной промышленности, еще не достигает 8 миллионов часов, так что совершенно очевидно, что не более чем около 32.000 мужчин и женщин из концлагерей

H1207 – 0342

H1207-0343

занято в нашей военной промышленности. Эта цифра постоянно уменьшается".

Господин председатель, это предложение находится на странице 90-й. Там Вы его найдете в английском тексте. Далее из этого письма вытекает, что автор приводит то же самое количество отработанных часов, что и Поль в своем письме, а именно 250 часов в месяц, что примерно составляет 63 часа в неделю.

Господин Шпеер, из этого документа Вы узнали, что рабочая сила, и, в частности, иностранные рабочие не возвращались назад на свое рабочее место, если они поступали в руки полиции из-за того, что совершили какие-либо проступки, и были отправлены в концлагери. Скажите, что Вы предприняли в этой связи?

ШПЕЕР. Я позволю себе и здесь объединить несколько вопросов. Я получил это письмо приблизительно 15 мая, когда я вернулся после своей болезни в Берлин. Содержание этого письма страшно взволновало меня, так как в конечном итоге здесь речь шла не о чем ином, как о похищении людей. Я попросил предоставить мне сводки о том, какое количество рабочих выбывает таким образом из производства ежемесячно. Мне сказали, что примерно 30-40 тысяч в месяц. В связи с этим я сделал заявление на заседании Центрального управления по планированию от 22 мая 1944 года, в котором я потребовал, чтобы эти рабочие во что бы то ни стало немедленно возвратились на свои предприятия и, как я выразился, пусть даже в качестве заключенных. Такое замечание само по себе нелогично, так как число уголовных

преступлений на каждом отдельном предприятии было очень незначительно, так что подобное мероприятие нельзя было провести. Но я этим хотел сказать, что рабочие должны обязательно возвратиться на свои старые места работы.

Это мое заявление на заседании Центрального управления по планированию предъявлялось Обвинением.

После заседания Центрального управления по планированию я тотчас же отправился к Гитлеру и 5 июля 1944 года у меня с ним состоялась беседа. Запись этой беседы с фюрером имеется. Я заявил, что такое положение является для меня нетерпимым. Я приводил при этом лишь доводы националистического характера, так как другие доводы не могли бы подействовать, и Гитлер заявил мне, что, как это ясно вытекает из записи, все эти рабочие будут возвращены на свои старые места работы. Он обещал мне, что после того, как я переговорю с Гиммлером, он также еще раз сообщит Гиммлеру свое решение.

ФЛЕКСНЕР. Передаю доказательство № 13 - выдержка из записи ~~беседы~~ совещания у фюрера с 3 по 5 июня 1944 г. Этот документ находится в книге документов на странице 92.

ШПЕЕР. Я после этой беседы отправился сейчас же к Гиммлеру и уведомил его о решении фюрера. Он же заявил мне, что никогда подобное число рабочих не было арестовано полицией, однако, он обещал мне тотчас же издать декрет во исполнение решения фюрера, чтобы СС больше не арестовывала рабочих.

H1207 – 0344

H1207-0345

Я сообщил Гитлеру о результатах моих переговоров с Гиммлером, а также попросил его еще раз поговорить с ним поэтому поводу. В то время у меня не было никаких оснований сомневаться в обещаниях Гиммлера, поскольку среди имперских министров было принято доверять друг другу. Во всяком случае, я не слыхал больше жалоб по этому поводу со стороны моих сотрудников. Должен подчеркнуть, что регулирование всех этих вопросов не входило в круг моих компетенций, но, поскольку мне эти сообщения показались неслыханными, я сразу же вмешался в это дело. Если бы я знал, что почти за полтора года до этого Гиммлер принял такие же меры и что в этом письме, в том письме, которое было здесь представлено...

ФЛЕКСНЕР: В данном случае речь идет, господин председатель, о документе ПС-1063, это доказательство США-219. Оно имеется на стр. 51 моей книги документов в английском тексте. Как раз на этот документ и ссылается сейчас подсудимый.

/Обращается к подсудимому/: Как далеко шли ваши старания в отношении получения рабочей силы из концлагерей?

ШПЕЕР: Я хочу еще кратко сказать по поводу этого документа. Если бы я раньше знал об этом документе, я никогда бы не верил Гиммлеру, что он в силу указания фюрера на деле выполнит его приказ. Ведь это письмо недвусмысленно показывает, что данное мероприятие сохранялось в тайне от третьих инстанций. Эти третьи инстанции могли быть только инстанциями генерального уполномоченного по использованию рабочей силы или моим учреждением.

ФЛЕКСНЕР: В этой связи я хочу обратить внимание Суда на то, что по этому вопросу свидетель Шмельте в пунктах 9 и 35, свидетель Шибер в пункте 20 заявляют то же самое в своих

опросных листах. Господин Шпеер, Обвинение предоставило под № Р-124, доказательство США-179, различные замечания, которые были сделаны Вами на заседании Центрального управления по планированию. Господин председатель, я хотел бы далее сослаться на страницу 153 английского текста моей книги документов.

Что Вы скажете, господин Шпеер, по поводу вашего замечания на заседании от 30 октября 1942 года относительно "уклоняющихся от работы"?

ШПЕЕР: Я сделал точно такое замечание, как оно изложено здесь в протоколе. У меня была здесь, однако, возможность перечитать весь застенографированный протокол заседания Центрального управления по планированию и я установил, что это замечание осталось лишь только замечанием, после которого я, со своей стороны, не потребовал, чтобы были приняты какие-либо меры.

ФЛЕКСНЕР: На этой же странице книги документов, господин председатель, помещено выступление на заседании от 22 апреля 1943 года.

Господин Шпеер, что вы скажете по поводу этого замечания? Оно относится к русским военнопленным.

ШПЕЕР: Следует коротко раз"яснить, что здесь... что это является доказательством того, что к понятию "военная промышленность" следовало подходить так, как я его излагал, так как две отрасли промышленности, в которых работало, согласно документам, 90.000 русских, занятых, согласно этому документу, в военной промышленности, были железо-сталелитейная и металлообрабатывающая промышленность, в которых было занято 29.000, и машиностроительная промышленность по

H1207-0346

H1207 – 0347

изготовлению котлов, транспортных средств и оборудования с 63.000 рабочих.

ФЛЕКСНЕР: Господин Шпеер, Обвинение останавливалось здесь также на замечании, сделанном Вами на заседании от 25.У.1944 года. Оно также имеется на стр. 58 английского текста книги документов. Вы там заявили, на совещании с Кейтелем и Дейтцлером, что по указанию фюрера должны быть распущены "добровольцы" и что вы намеревались перевести русских из прифронтовых районов.

ШПЕЕР: Я ознакомился и с этим разделом стенограммы. В документе речь идет о так называемых "Хиви" "добровольцах", которые следовали за обозами воевавших в России наших войск. С течением времени количество этих людей выросло до колоссальных размеров, так как эти люди следовали за отступающими войсками, так как иначе, очевидно, их родина стала бы их рассматривать, как предателей. Однако, эти "добровольцы" не были, согласно моему желанию, переданы промышленности.

ФЛЕКСНЕР: Не высказались ли вы сейчас коротко относительно документа, пред"явленного Обвинением под № ПС-556, — записи Заукеля о телефонном разговоре от 4 января 1943 г. по поводу использования рабочей силы?

ШПЕЕР: Согласно этому телефонному разговору, во Франции намечалось усиление мероприятий для увеличения поставок рабочей силы. Из протокола заседания у фюрера, который я нашел в последние дни, а именно заседания от 3 января 1943 года, вытекает, что тогда, во время обмена мнениями, Гитлер высказался в пользу усиления мобилизации французов в самой Франции для использования их во французской промышленности и в экономике вообще.

ФЛЕКСНЕР: Г-н председатель, я представлю этот документ позднее. Я до сих пор еще не имел возможности...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не можете ли вы сообщить Трибуналу, сколько времени еще займет предоставление вами доказательств, д-р Флекснер?

ФЛЕКСНЕР: Я надеюсь, господин председатель, что я закончу к 5 часам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я прошу вас принять во внимание то, что я уже говорил вам об отношении к делу тех аргументов и показаний, которые Вы до настоящего времени здесь приводили.

ФЛЕКСНЕР: Хорошо, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"являет перерыв.

/Об"является перерыв до 14.00/.

мс

13934

H1207-0348

H1207 – 0349

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 20 июня 1946 года

(ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать ! Суд идет !

ФЛЕЙШНЕР: Господин Шпеер, мы остановились на вопросе о телефонограмме Заукеля относительно использования рабочей силы от 4 января 1943 г. Как вы уже заявили, к этому вопросу относится и протокол фюрера от 3–5 января 1943 г., который я пред'явлю Суду позднее.

Не скажете ли вы нам вкратце, каково было содержание вашей беседы тогда?

ШПЕЕР: В этом протоколе установлено, что необходимо провести все мероприятия для того, чтобы достичь большего потенциала экономики во Франции. В этом протоколе содержится весьма резкое замечание Гитлера относительно того, как он представляет себе эту активизацию. Там написано, что саботаж должен караться самыми строгими мерами и что здесь не следует носиться с принципами гуманитарности.

Далее из этого протокола видно, что я тогда просил Гитлера поручить мне руководство экономическими вопросами во Франции и через несколько недель я действительно получил эти полномочия. Я говорю это для того, чтобы пока я здесь выступаю в качестве свидетеля – установить, что я не проводил эту линию Гитлера оставить всякие мысли о гуманности. Имел место один только случай, о котором я узнал, когда должны были быть расстреляны 10 заложников, потому что они осуществили акты саботажа в промышленном районе, в Мерт-э-Мосель. Я добился тогда того, что эти заложники не были расстреляны. Это

может подтвердить Рехлинг, который тогда руководил металлургической промышленностью в оккупированных западных областях. Это единственный случай, о котором я тогда узнал, что за саботаж в промышленности должны были быть расстреляны заложники.

Далее я могу показать, что тем рабочим, которые работали во Франции, я организовал еще обеды на предприятиях, на основании решения Гитлера в сентябре 1943 г., сверх установленной нормы питания. И далее в декабре 1943 г. я обратился с письмом к генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы и категорически потребовал, чтобы рабочие в оккупированных западных областях не только получали заработную плату, но что бы им так-же доставляли необходимые предметы потребления, которые рабочие могли бы приобретать на свою заработную плату.

Это - линия, которая безусловно противостоит той тенденции разграбления западных областей, о которой здесь говорил представитель французского Обвинения. Все три документа находятся в моем распоряжении и я могу их пред'явить.

Я хотел дать эти показания, чтобы выяснить, что я не одобрил и не выполнил этих указаний относительно очень резкой политики, которые были даны Гитлером и занесены в протоколе от 3-5 января.

ФЛЕКСНЕР: Я перехожу сейчас к другому вопросу, господин Шпеер. Что производилось во Франции на основании Вашей программы?

ШПЕЕР: Мы уже достаточно говорили об этом. Никакого вооружения не производилось, производились только предметы широкого потребления.

ФЛЕКСНЕР: Хорошо, я хотел это еще раз установить.

13936

H1207 – 0350

H1207 – 0351

Обвинение пред'явило Вам в качестве документа Р-124 протокол фюрера от марта 1944 года. Согласно этого протокола, вы обсуждали с Гитлером предложение рейхсмаршала относительно возвращения французских военнопленных на родину. Что вы скажете по этому вопросу?

ШПЕЕР: Это протокол от 3 марта 1944 года. Я с января до мая 1944 года был тяжело болен. Таким образом совещание имело место без моего участия. С Гитлером беседовал один мой сотрудник. Этот сотрудник пользовался особым доверием у Гитлера. Впрочем, это предложение не было осуществлено.

ФЛЕЙШНЕР: Господин Шпеер, Вы присутствовали ведь на заседании 30 мая, на котором обсуждался вопрос о том, каким образом была учреждена должность генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Я прошу вас коротко высказаться по этому вопросу.

ШПЕЕР: Я хотел бы вкратце сказать, что я сам предложил, чтобы была учреждена должность уполномоченного по использованию всей рабочей силы, которая смогла бы удовлетворить мою потребность в рабочей силе в области военной промышленности. Я тогда обращался по этому вопросу к гаулейтерам, но они были заинтересованы в чисто ведомственных вопросах. Учреждения министерства труда не могли ничего сделать с гаулейтерами, поэтому вопрос об использовании рабочей силы в Германии находился на точке замерзания. Я предложил Гитлеру, чтобы он назначил на эту должность знакомого мне гаулейтера Ганке. Впрочем, это уже подтвердил здесь Геринг. Гитлер был согласен с этим. Однако через два дня Борман предложил назначить на эту должность Заукеля. Я не знал близко Заукеля,

однако, я был согласен с его кандидатурой. Вполне возможно, что Заукелю об этом решении не было известно и поэтому он с полным основанием предполагает, что я выдвинул его кандидатуру.

Что касается самой должности генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, то она была учреждена таким образом: Ламмерс заявил, что он не может дать специальных полномочий по использованию рабочей силы в отдельных секторах; это рисковано с административной точки зрения. Поэтому было принято решение о назначении генерального уполномоченного по использованию всей рабочей силы.

Вначале фюрер собирался издать соответствующий указ об этом. Геринг протестовал против этого, потому что, по его мнению, это входило в его задачи как уполномоченного по четырехлетнему плану. Поэтому был достигнут компромисс, выразившийся в том, что, хотя Заукель и был назначен генеральным уполномоченным в управлении по 4-х летнему плану, но он фактически был подчинен Гитлеру.

Таким образом, Заукель практически подчинялся Гитлеру и, он это так всегда и понимал.

ФЛЕЙШНЕР: Вы слышали, что Заукель 25 мая показал, что Геринг так же принимал участие в заседаниях управления центрального планирования. Это - правильно?

ШПЕЕР: Нет, это совершенно неправильно. Я не мог его использовать там, так как там необходима была практическая деятельность.

ФЛЕЙШНЕР: Обвинение пред'явило показания Заукеля от 8 октября 1945 года. Согласно этим показаниям, вы отдали распоряжение о посылке своих уполномоченных в оккупированные

13938

H1207 – 0352

H1207 – 0353

области. Это - правильно ?

ШПЕЕР: Нет, в 1941 году я еще не занимался вопросом вооружения. Но и позже, когда Заукель начал свою деятельность, я не назначал своих уполномоченных и не способствовал тому, чтобы их назначали. Это входило в обязанности Заукеля.

ФЛЕКСНЕР: Французское Обвинение цитировало здесь протокол допроса Заукеля на предварительном следствии 27 сентября 1945 года. Согласно этим показаниям, Вы отдали специальный приказ о том, чтобы предоставлялись эшелоны для перевозки иностранных рабочих.

ШПЕЕР: Я считаю, что будет более целесообразным, если я сейчас остановлюсь на показаниях Заукеля, поскольку они касаются меня. Это будет быстрее.

ФЛЕКСНЕР: Хорошо, продолжайте пожалуйста.

ШПЕЕР: Распоряжения относительно предоставления эшелонов давались Заукелем и его сотрудниками. Возможно, однако, что, вследствие внезапных изменений в производственной программе или в результате воздушных бомбардировок, по желанию моих учреждений, имели место изменения маршрутов эшелонов. Однако за это всегда нес ответственность генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы.

Далее, здесь Заукель показал, что Геббельс вместе со мной после Сталинграда начал заниматься вопросом "тотального использования рабочей силы". В таком смысле - это неправильно. Поражение под Сталинградом имело место в январе 1943 года, а Геббельс отдал распоряжение о "тотальном использовании рабочей силы" в августе 1944 года. После Сталинграда в Германии должна была быть проведена большая реформа для того, чтобы высвободить рабочую силу в Германии, и я был одним из тех, кто требовал этого. Однако, ни Геббельс, ни я не могли провести этого плана. Был создан триумвират в составе Ламмерса, Бормана и Кейтеля, который, однако, не мог справиться с этой за-

дачей, из-за отсутствия специальных знаний в этой области.

Далее Заукель упоминал о создании отдела по использованию рабочей силы, который я учредил. Это заключалось в следующем: каждое крупное предприятие и каждое учреждение, нуждающееся в рабочей силе, имело свой отдел по использованию рабочей силы. Безусловно я руководил этими отделами. Однако эти отделы ни в коей мере не ущемляли функций Заукеля. Они не ставили перед собой никаких задач, имеющих большое значение; и это вытекало из того, что данные отделы были одними из 50 или 60 моих отделов. Если бы эту область и считали очень важной, она была бы отнесена к кругу деятельности одного из 6 или 8 моих управлений.

Далее Заукель говорил о том, что имели место совещания штабслейтеров, проводимые ими самими. В этих совещаниях принимал участие и представитель моего отдела по использованию рабочей силы на предприятиях, производящих вооружение для сухопутной армии и военно-морского флота. На этих совещаниях штабслейтеров присутствовало, примерно, человек 15, которые были заинтересованы в использовании рабочей силы. На этих совещаниях говорилось о срочной необходимости поставки рабочей силы, исходя из экономических соображений Заукеля. Это как раз и было той деятельностью, которая здесь неправильно приписывается центральному управлению по планированию.

Далее здесь утверждалось, что в апреле 1942 года я способствовал отправке иностранной рабочей силы в Германию и что следует приписать моей инициативе то, что вообще иностранные рабочие направлялись в Германию. Это неверно.

13940

H1207 – 0354

H1207 – 0355

В этом духе мне не нужно было воздействовать на Заукеля. Впрочем из протокола фюрера от 3 мая 1942 года вытекает (а этот протокол имеется в моем распоряжении), что введение трудовой повинности в западных областях произошло по предложению гаулейтера Заукеля, которое было утверждено фюрером.

Далее я могу пред'явить мою речь от 18 апреля 1942 г., из которой вытекает, что я в тот период еще придерживался того мнения, что немецкая строительная промышленность с 1,8 млн.рабочих должна быть законсервирована для того, чтобы использовать этих рабочих в военной промышленности. В этой моей принципиальной речи относительно использования рабочей силы, которую я произнес перед своими сотрудниками, нет ни одного слова относительно использования иностранной рабочей силы. Если бы я был одним из тех, кто энергично поддерживал эти планы, то я, очевидно, в этой речи упомянул бы об этом.

Наконец, в качестве последнего момента по вопросу о показаниях Заукеля, следует упомянуть о плане организации, который был уже пред'явлен. Этот план направлен к тому, чтобы отдельные сектора, которые там перечислены, были разделены по министерствам. В действительности же эти сектора были распределены по отдельным отраслям экономики, использовавшим рабочую силу, причем они были независимы от министерства. Только в моем министерстве и в министерстве авиации это совпадало с задачами министерств.

Далее неправильно, что в министерстве экономики также была представлена строительная промышленность. Она относилась к сфере моих полномочий. С 1943 года химическая промышленность и горная промышленность, которые также упомянуты в составе министерства экономики, были отнесены к сфере моих полномочий. Согласно тому, что я знаю, еще до октября 1943 года эти отрасли промышленности были также представлены в управлении по четырехлетнему

плану и, независимо от министерства экономики, они непосредственно посылали свои заявки Заукелю.

В этом плане далее неправильно то, что заявки на получение рабочей силы этих отдельных потребителей направлялись непосредственно Гитлеру. Гитлер не мог бы урегулировать споры этих 15 потребителей рабочей силы. Заявки, как я уже говорил, направлялись на совещание штабсдейтеров, и там эти вопросы разрешались под руководством Заукеля.

ФЛЕКСНЕР: Господин Шпеер, что вы сделали с вашими документами в конце войны?

ШПЕЕР: Я считал себя обязанным сохранить свои документы для того, чтобы при восстановлении хозяйства принять необходимые меры. Я, однако, отказывался от мысли, чтобы эти документы были просмотрены. Они здесь, в Нюрнберге, где находился мой архив, были переданы союзным властям в полной сохранности. Я их передал еще в тот период, когда я находился на свободе во Фленсбургской зоне. Таким образом, Обвинение имеет в своем распоряжении все обработанные мною документы, их несколько тысяч, записи речей перед общественностью, речи перед гаулейтерами и другие речи в военной промышленности и экономике, около 4 тысяч распоряжений фюрера, 5 тысяч страниц стенограмм управления центрального планирования, меморандумы и т.д. Я об этом говорю лишь только потому, что из этих документов ясно вытекает, что мои задачи были чисто техническими и экономическими.

ФЛЕКСНЕР: Вы не помните, излагали ли вы в этих документах свои соображения относительно вашего мировоззрения, антисемитизма и т.д.?

ШПЕЕР: Нет, ни в речах, ни в меморандумах я ничего подобного не говорил. Я полагаю, что иначе Обвинение имело бы возможность предъявить против меня соответствующие материалы.

ФЛЕКСНЕР: Господин Шпеер, в качестве министра воору-

13942

H1207 – 0356

H1207 – 0357

жения вы также находились в списке членов нового правительства, который составили участники путча 20 июля 1944 г. Вы принимали какое-либо участие в путче 20 июля?

ШПЕЕР: Нет, я не принимал участия в путче и не знал о нем заранее. Я не одобрял тогда покушения на Гитлера.

ФЛЕХНЕР: Господин председатель, по этому поводу сказано в опросном листе Кемпф, в вопросе 9-м и в вопросе 1-м. Что являлось причиной того, что вы как единственный министр национал-социалистского режима попали в этот список противников этого режима?

ШПЕЕР: Я тогда тесно сотрудничал с референтами генерального штаба сухопутных сил и командующего армией запаса. Оба штаба 20 июля были центром этого путча. Особенно тесными были мои отношения с генерал-полковником Фромом, командующим армией запаса и генерал-полковником Цейцлером, начальником генерального штаба сухопутной армии. Фром после 20 июля был повешен, а Цейцлер демобилизован из армии. Этим сотрудничеством об'ясняется тесный контакт с этими кругами, признававшими мои достижения; я тогда полагал, что по этим причинам они тогда хотели меня сохранить.

ФЛЕХНЕР: Таким образом, политические соображения здесь не играли роли?

ШПЕЕР: Конечно, не непосредственно. Во всяком случае всем было известно, что я уже давно открыто и резко выступал против принципиальных высказываний Гитлера и его принципиальных ошибок и, как я узнал позже, по многим принципиальным вопросам я придерживался того же мнения, что и участники события 20 июля.

ФЛЕХНЕР: Каковы были Ваши отношения к Гитлеру по

служебной линии?

ШПЕЕР: Начиная с 1937 года по сентябрь 1939 года, я как архитектор находился с ним в тесном контакте. Позднее в результате военных событий, эти отношения стали более отчужденными. После того, как я был назначен преемником Тода, отношения стали снова более тесными, однако, они стали более официальными, служебными отношениями.

В виду того, что я был очень сильно занят работой в военной промышленности, у меня редко была возможность бывать в главной ставке. Я, однако, примерно каждые две-три недели бывал в ставке фюрера. Моя болезнь, длившаяся в течение четырех месяцев, весной 1944 года была использована многими заинтересованными лицами для того, чтобы ослабить мою позицию, и после 20 июля тот факт, что я был избран в качестве министра путчистами, безусловно, вызвал шок у Гитлера, и это было использовано Борманом и Геббельсом для открытой борьбы против меня.

О подробностях этого можно узнать из письма, которое я послал Гитлеру 20 сентября 1944 года. Это письмо было преставлено здесь в качестве документа.

ДЖЕКСОН: Могли ли вы вести с Гитлером беседы на политические темы?

ШПЕЕР: Нет. Он считал меня министром по специальным вопросам. Попытки завести с ним разговор на общие политические темы не удавались, вследствие его недоступности.

С 1944 года он некоторым отрицательно относился к общим рассуждениям о военном положении, и что я вынужден был излагать свои мысли в меморандумах. Гитлер считал необходимым ограничить каждого своей специальной областью, и таким образом он был единственным человеком, координировавшим действия всех остальных. Это выходило далеко за пределы его

H1207 – 0358

H1207 – 0359

сил и знаний. Следствием этого было отсутствие единого политического руководства и специального военного учреждения, выносящего решения.

ФЛЕХНЕР: Таким образом вы, как министр-специалист хотите ограничить вашу ответственность лишь вашей специальной областью?

ШПЕЕР: Нет. Я хотел бы высказать по этому вопросу несколько принципиальных замечаний. Эта война принесла невообразимую катастрофу для немецкого народа и означает катастрофу для всего мира. Я считаю своим долгом нести ответственность за это несчастье перед немецким народом. Это является моим долгом еще и потому, что глава правительства уклонился от ответственности перед германским народом и перед всем миром.

Я, как один из руководителей империи, несу ответственность, начиная с 1942 года. Мои аргументы в этом отношении я изложу в своем последнем слове.

ФЛЕХНЕР: Несете ли вы ответственность за все задачи, которые относились к вашей обширной области деятельности?

ШПЕЕР: Это само собой разумеется, поскольку это было результатом моих общих принципиальных положений и моих специальных распоряжений, проводимых по моим указаниям.

ФЛЕХНЕР: Вы хотите здесь сослаться на приказы фюрера?

ШПЕЕР: Нет, поскольку Гитлер давал мне приказы и я их выполнял, я несу за них ответственность. Во всяком случае я выполнял не все приказы.

ФЛЕХНЕР: Господин председатель, я перехожу ко второй части представления доказательств по делу моего подзащитного.

Задачей этой части является не опровержение тех обви-

нений, которые были выдвинуты по вопросам специальных задач подзащитного, а рассмотрение тех обвинений, которые были пред'явлены против Шпеера, как члена так называемого общего заговора. Эта вторая часть сравнительно коротка.

Я полагаю, что в течение часа я закончу все представление доказательств.

Здесь речь идет о деятельности Шпеера, направленной к тому, чтобы воспрепятствовать разрушениям, которые Гитлер намечал провести в оккупированных областях и в Германии, о попытках Шпеера приблизить конец проигранной войны. Я считаю, что Суд допустит пред'явление этих доказательств.

Господин Шпеер, до какого периода времени вы прилагали все усилия для осуществления наиболее мощного вооружения и, тем самым, для продолжения войны?

ШПЕЕР: Примерно до середины января 1945 года.

ФЛЕЙШНЕР: Разве война не была еще ранее проиграна?

ШПЕЕР: В военном отношении и в отношении общей обстановки она была, безусловно, проиграна еще ранее. Однако, трудно считать войну проигранной и делать последние личные выводы из этого, когда можно ожидать лишь безоговорочной капитуляции.

ФЛЕЙШНЕР: С точки зрения уровня производства, о котором Вы должны были иметь представление, нельзя ли было еще ранее сделать вывода о том, что война проиграна?

ШПЕЕР: С точки зрения военной промышленности до октября 1944 года нельзя было сделать такого вывода, так как до этого времени, несмотря на воздушные налеты, мне удавалось увеличить рост промышленной продукции.

Эта продукция была настолько большой, что я в 1944 г. мог полностью обеспечить вооружением 130 пехотных и 40 тан-

13946

H1207 – 0360

H1207 – 0361

новых дивизий, то-есть два миллиона человек. Во всяком случае, выпуск продукции можно было бы повысить на 30%, если бы не воздушные налеты.

Наибольших достижений на протяжении всей войны мы достигли в августе 1944 года в отношении боеприпасов, в сентябре 1914 года в отношении строительства самолетов и в декабре 1944 года в отношении производства оружия и новых подводных лодок. Новые виды оружия должны были начать применяться несколькими месяцами позднее, вероятно в феврале-марте 1945 г. Я упомяну лишь о реактивных самолетах, о которых писалось в печати, о новых подводных лодках, о новых зенитных установках и т.д. Во всяком случае в результате воздушных налетов массовое производство этих новых видов оружия, которые, может быть, изменили бы ход войны в последний фазе, чрезвычайно затормаживалось, причем это производство снизилось до такой степени, что эти виды оружия не могли больше применяться в большом количестве.

Однако все эти старания оказались безуспешными, так как, начиная с 12 мая 1944 года, заводы, производившие горючее, сильно пострадали от воздушных налетов. Это означало катастрофу. Мы потеряли с этого момента 90% всего горючего. Успех этих воздушных налетов означал, что война с точки зрения продукционно-технической была проиграна, так как реактивные самолеты и новые танки ничего не значили без горючего.

ФУНКНЕР: Вы информировали Гитлера относительно того, как отражаются эти воздушные налеты на производство продукции?

ШПЕЕР: Да, я неоднократно подробно сообщал ему об этом, как устно, так и письменно. Только в период с июня по декабрь 1944 г. послал ему 12 меморандумов. Все они содержали информацию относительно катастрофического положения.

ФЛЕЙСНЕР: Господин председатель, я бы хотел в этой связи пред'явить Суду документ. Речь идет о меморандуме Шпеера от 30 июня 1944 г. Он помещен на странице 56-й английской книги документов и имеет номер 14. Я хочу огласить из него одну выдержку. Шпеер пишет Гитлеру:

"В сентябре этого года производство вооружения, которое необходимо для армии, не может быть обеспечено. Это означает, что начиная с этого времени создается непреодолимая недостача, которая должна привести к трагическим последствиям". Конец цитаты.

Относительно положения в области химической промышленности и производства горючего, Шпеер далее информирует Гитлера в меморандуме от 30 августа, который помещен на странице 62-й английского текста книги документов, и этот документ имеет номер 15. Я цитирую только одно предложение:

"Таким образом, важные области промышленности лишены того сырья, которое необходимо для продолжения современной войны". Конец цитаты.

Господин Шпеер, каким образом стало возможно, что вы и другие сотрудники Гитлера, несмотря на то, что вы понимали создавшуюся обстановку, - все же старались делать все, чтобы продолжать войну?

ШПЕЕР: На этой фазе войны Гитлер обманывал нас всех. Он через посла Гебеля из министерства иностранных дел, начиная с лета 1944 г., распространял слухи о том, что ведутся переговоры внешне-политического характера. Это подтвердили также и генерал-полковник Йодль, сидящий со мной на скамье подсудимых. Так, например, то, что японский посол был несколько раз у Гитлера, истолковывалось таким образом, будто через Японию ведутся переговоры с Москвой; что посол Нейбахер, который выступал здесь в качестве свидетеля, якобы, вел

H1207 – 0362

H1207 – 0363

на Балканах переговоры с представителями Соединенных Штатов Америки; что бывший советский посол в Берлине, якобы, находился в Стокгольме для того, чтобы вести там переговоры. Таким образом, он вселял надежду на то, что мы так же, как Япония, в этом безнадежном положении, начнем вести переговоры, чтобы избавить народ от последствий продолжения войны. Для этого, однако, было необходимо максимально усилить сопротивление.

Он обманывал всех, - он говорил военным начальникам о надеждах, которые он возлагал на дипломатические мероприятия, а политическим руководителям обещал новые победы при помощи новых войск и нового оружия, он распространял среди народа и войск на фронте слухи о появлении новых "чудесных" видов оружия для того, чтобы, таким образом, поддерживать силу к сопротивлению.

Я могу доказать, что я в своих речах, которые я произносил в тот период, и в своих письмах к Гитлеру и Геббельсу указывал на то, какой роковой и опасной является эта политика обмана народа, эти надежды на "чудесные" виды оружия.

ФЛЕЙСНЕР: Господин Шпеер, имелись ли приказы о разрушении промышленных предприятий во Франции, Бельгии и Голландии?

ШПЕЕР: Да. Гитлер на случай оккупации этих стран союзниками разработал подробный план разрушений предприятий важных для войны отраслей промышленности во всех этих странах и отдал соответствующие приказы. После планомерной подготовки должны были быть разрушены угольные шахты, железорудные шахты, электростанции и промышленные сооружения.

ФЛЕЙСНЕР: Вы предпринимали какие-либо меры для того, чтобы воспрепятствовать выполнению этих приказов?

ШПЕЕР: Да.

ФЛЕЙСНЕР: Вы добились этого?

ШПЕЕР: За выполнение этих приказов отвечал командующий Западным фронтом, так как эти приказы проводились в зоне военных действий. Однако, я констатировал, и заявил об этом командующему Западным фронтом, что эти разрушения не имеют никакого смысла для военной промышленности и что я, как министр военной промышленности, считаю эти разрушения ненужными, поэтому приказ о разрушении не был дан. Естественно, я взял на себя перед Гитлером ответственность за то, что разрушения не были осуществлены.

ФЛЕЙСНЕР: Когда это, примерно, было?

ШПЕЕР: Я, конечно, взял перед Гитлером на себя ответственность за то, что эти разрушения не были произведены.

ФЛЕЙСНЕР: Когда это примерно было?

ШПЕЕР: Примерно, в начале июля 1944 года.

ФЛЕЙСНЕР: Как вы можете оправдать эту вашу позицию?

ШПЕЕР: Известные мне тогда военные начальники заявляли, после того, как удалось вторжение союзных войск, что война должна окончиться в октябре или ноябре. Я сам, исходя из положения с горючим, придерживался той точки зрения, о которой ясно свидетельствует мой меморандум Гитлеру от 30 августа, в котором я заявил ему, что при таком положении с горючим в октябре и ноябре невозможны будут оперативные передвижения войск. То, что война продолжалась дольше, следует об'яснить тем, что наступило затишье в операциях противника в сентябре 1944 года, благодаря этому расход горючего мог быть сокращен и в это время Западный фронт получил новые танки и боеприпасы.

При таком положении вещей я, безусловно, мог отвечать за то, чтобы передать противнику промышленность в западных

13950

H1207 – 0364

H1207 – 0365

областях неповрежденной, так как она смогла бы принести ему пользу лишь через три четверти года вследствие разрушения транспортной сети. Этот шаг совпадает также с мерами по охране безработных на предприятиях закрытого типа, о которых я уже говорил.

ФЛЕКСНЕР: Гитлер был согласен с этими мероприятиями?

ШПЕЕР: Он не мог быть с ними согласен, поскольку он не знал о них. Однако, в тот период в ставке царило такое волнение, что он даже и не думал контролировать выполнение мероприятий по разрушению. Лишь позднее, в январе 1945 года, французы поместили сообщение в своей прессе о быстром развитии их неразрушенной промышленности. Это послужило поводом для тягчайших упреков со стороны Гитлера.

ФЛЕКСНЕР: Здесь французское обвинение предъявило документ РФ-132. Это доклад экономического советника при командующем войсками в Нидерландах. Согласно этому докладу, еще в сентябре 1944 года имелся приказ командующего Западным фронтом относительно того, что следует производить только разрушения береговых укреплений. Больше ничего разрушать нельзя. Экономический советник при командующем войсками в Нидерландах установил, что приказ командующего Западным фронтом к этому времени был уже устаревшим и что он по своему усмотрению отдал приказ о разрушении промышленных предприятий в Голландии. Как это было возможно и что вы сделали в этой области?

ШПЕЕР: Тогда действительно, вследствие перегибов в низших инстанциях, принципиальный приказ не производить разрушений на Западе был нарушен. Работа аппарата, передающего приказы, была сильно нарушена вследствие воздушных бомбардировок. Тогда Зейсс-Инкварт обратил мое внимание на то, что

в Голландии должны иметь место разрушения. Он уже показал здесь, что я уполномочил его сделать так, чтобы эти разрушения не производились. Это было в сентябре 1944 года. Для того, чтобы помешать этим разрушениям, 5 сентября 1944 года я, также без специальных полномочий, дал указание руководителям металлургической, угольной промышленности и начальнику гражданской администрации в Люксембурге о том, чтобы они воспрепятствовали разрушению угольных шахт в Саарской области, в Бельгии и Голландии. Тогда мы при таком безнадежном военном положении пошли даже на то, что я, например, как ответственный за электроэнергию, отдал приказ о том, чтобы электроэнергия подавалась на предприятия, находящиеся на другой стороне, за линией фронта с тем, чтобы не прекращалась работа насосов в угольных шахтах, так как выход из строя насосов означал бы затопление этих шахт.

ФЛЕКСНЕР: В связи с этим я предъявляю копию письма Шпеера гаулейтеру Симону в Кобленце. Это документ по делу Шпеер № 16, он помещен на странице 57 английского текста моей книги документов. Господин Шпеер, вы также и в других оккупированных областях, кроме Франции, Бельгии и Голландии, пытались воспрепятствовать осуществлению приказов о разрушении?

ШПЕЕР: Начиная с августа 1944 года, я старался спасти от разрушения промышленные сооружения в генерал-губернаторстве, а также рудники на Балканах, нефтяные заводы в Финляндии, а с сентября 1944 года промышленные сооружения в Северной Италии, а с февраля 1945 г. и нефтяные промыслы Венгрии и промышленных сооружений Чехословакии. При этом я должен подчеркнуть, что в этом отношении меня поддерживал генерал-полковник Йодль, который молча терпел мои указания относительно запрещения разрушения промышленных предприятий.

13952

H1207 – 0366

H1207 – 0367

ФЛЕКСНЕР: Как намеревался Гитлер сохранить свою промышленность и поддержать жизненный уровень германского населения, когда в начале сентября 1944 года войска противника со всех сторон стали приближаться к границам великой германской империи?

ШПЕЕР: Он совсем не имел намерения сохранять промышленность, наоборот, он отдал приказ о том, чтобы как раз Германия превратилась в "сожженную землю". Это означало беспощадное разрушение всех ценностей при приближении противника. За эту политику стояли Борман, Лей и Геббельс, в то время, как командующие частями вооруженных сил и министры были против этого.

ФЛЕКСНЕР: Так как эти усилия Шпеера, направленные на воспрепятствие разрушениям, которые приняли большие размеры, распространились и на те области, которые тогда рассматривались как часть территории Великой Германии, - я имею в виду Австрию, протекторат Богемии и Моравии, Верхнюю Силезию и Эльзас-Лотарингию, - то я прошу разрешить предъявить мне доказательство по этой теме. Господин Шпеер, на территории областей Великой Германии, т.е. тех областей, о которых я только что говорил, командующий армией имел исполнительную власть для проведения приказов о разрушении?

ШПЕЕР: Нет, в отношении промышленности и электростанций эта власть находилась в моих руках; в отношении мостов и железнодорожных сооружений - в руках вооруженных сил.

ФЛЕКСНЕР: Вы, проводя мероприятия по охране промышленности, делали разницу между областями так называемой старой германской империи и теми областями, которые были присоединены к Германии после 1933 года?

ШПЕЕР: Нет, промышленный район Верхней Силезии, а

также и другие области Польши, Богемия и Моравия, Эльзас и Лотарингия, а также и Австрил так же охранялись от разрушений, как и германские области. Как раз в восточных областях я путем многочисленных личных указаний там, на месте, провел ряд мероприятий.

ФЛЕКСНЕР: Что вы предпринимали против политики "сожженой земли"?

ШПЕЕР: 14 сентября 1944 года я возвратился из поездки на Западный фронт и в тот же день ознакомился с приказом о том, что следует уничтожать все без исключения. Я немедленно отдал приказ противоположного содержания, в котором официально требовал сохранения всех промышленных сооружений. Тогда я был очень взволнован тем фактом, что в Германии должны быть разрушены промышленные предприятия при таком безнадежном военном положении. Я был этим особенно взволнован, так как считал, что мне удалось сохранить от разрушения промышленные предприятия в оккупированных западных областях.

ФЛЕКСНЕР: В связи с этим, я хотел бы предъявить документ, который представляет собой приказ Шпеера о сохранении промышленных предприятий от 14 сентября 1944 года, он помещен на странице 58 английского текста моей книги документов. Это - доказательство имеет номер 17. Вы претворили в жизнь этот приказ, господин Шпеер?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Каким числом датирован этот документ? 14 сентября, вы сказали?

ФЛЕКСНЕР: 14 сентября, господин председатель, 1944г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какая это страница?

13954

H1207 – 0368

H1207 – 0369

ФЛЕКСНЕР: 58-я страница английского текста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте, пожалуйста.

ФЛЕКСНЕР: Могли ли вы осуществить этот приказ, господин Шпеер?

ШПЕЕР: В то же время в газете "Дельтишер Беобахтер" была помещена официальная статья имперского начальника прессы, которая пропагандировала политику "сожженной земли", так что для меня стало совершенно ясным, что этот приказ не мог иметь силу в течение долгого времени. Я здесь использовал возможно характерный для действий приближенных Гитлера метод для того, чтобы убедить его отказаться от ~~его=уве-ре=ия~~ политики "сожженной земли". Я использовал при этом его уверения всех своих сотрудников в том, что потерянные области будут снова возвращены. Я сказал ему, что если мы разрушим промышленные предприятия, то военный потенциал Германии будет снижен. Если же они будут снова возвращены, то они нам будут полезны в том случае, если они окажутся неразрушенными.

ФЛЕКСНЕР: После этого вы направили письмо Борману. Это письмо я хочу предъявить в качестве документа № 18. Господин председатель, этот документ находится на странице 59-й английского текста книги документов. Это телеграмма Борману.

ШПЕЕР: Мне кажется, что мы можем не зачитывать этой телеграммы.

ФЛЕКСНЕР: Вы послали эту телеграмму Борману до того как вы обсудили ее содержание с Гитлером?

ШПЕЕР: Да, я хотел бы здесь сказать в общем...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (прервая) Будьте любезны, указывайте также страницы во французской книге документов, для того, чтобы французские члены суда могли следить.

ФЛЕКСНЕР: Если я не ошибаюсь, это страница 56-я французского текста книги документов.

ШПЕЕР: Гитлер утвердил текст этого, предложенного мною письма, в котором я поставил его перед альтернативой: либо считать войну проигранной, либо сохранить от разрушения промышленные области. Правда, положение несколько изменилось в результате того, что тогда фронт несколько стабилизировался. Однако, Гитлер настойчиво требовал, чтобы были разрушены рудники во Франции. И здесь мне удалось, как это вытекает из документа, воспрепятствовать разрушению, а именно, благодаря тому, что я использовал надежду Гитлера на то, что при успешном проведении контрудара эти области будут возвращены Германии.

ФЛЕКСНЕР: Господин председатель, документ, на который только что ссылался подсудимый, представляет собой выдержку из протокола фюрера от 18-20 августа 1944 года. Я пред'являю его в качестве документа по делу Шпеера за № 19. Этот документ помещен в дополнении к моей книге документов на стр.101-й.

Господин Шпеер! Каким образом были отданы эти распоряжения?

ШПЕЕР: Я об этом уже говорил.

ФЛЕКСНЕР: В вашем письме употребляется термин "парализация" по отношению к промышленным предприятиям и т.п. Раз'ясните, пожалуйста, суду значение этого термина.

ШПЕЕР: Я могу лишь кратко сказать, что здесь речь идет о вывозе с предприятий части оборудования, что делало эти предприятия не способными к эксплоатации; но эти части оборудования не разрушались, а только прятались.

13956

H1207 – 0370

H1207 – 0371

ФЛЕКНЕР: Вы ранее указывали, что по января 1945 г. вы пытались по возможности добиться максимального уровня вооружения. Каковы были причины того, что с конца января 1945 года вы отказались от этих попыток?

ШПЕЕР: Начиная с января 1945 года начинается весьма безрадостная глава, а именно, последняя фаза этой войны и выяснение того, что Гитлер отождествлял судьбу германского народа со своей судьбой, а с конца 1945 г. мы пришли к выводу, что Гитлер сознательно хотел уничтожить жизненные источники своего народа в случае проигрыша войны. Я не намереваюсь говорить о моей деятельности в этот период в том смысле, чтобы использовать ее для своего оправдания. Но свою честь я должен защищать, и поэтому я коротко хотел бы остановиться на этом периоде времени.

ФЛЕКНЕР: Господин Шпеер, каково было положение с промышленной продукцией в различных областях, которые находились под вашей юрисдикцией к концу января 1945 года?

ШПЕЕР: Производство горючего с начала воздушных налетов на заводы, производящие горючее, в мае 1944 г. было совершенно неудовлетворительным и с этого времени уже не могло достичь прежнего уровня. Воздушные налеты на транспортные сооружения выключили с ноября 1944 г. Рурскую область, основную сырьевую базу Германии. Успешное наступление советских войск на угольный район Верхней Силезии с середины января 1945 года также лишило нас большой части поставленного угля. Таким образом, можно было точно рассчитать, когда экономика потерпит крах; создалось положение, при котором даже в случае прекращения наступательных операций противника, война все равно была бы проиграна в кратчайший срок, так как вследствие отсутствия угля экономика империи не могла бы выдержать дальнейшего напряжения войны.

ФЛЕЙШНЕР: В этой связи я хотел бы пред'явить меморандум Шпеера Гитлеру от 11 ноября 1944 года в качестве доказательства.

Господин президент, вы найдете выдержку из этого документа на странице 64-й английской и на странице 61-й немецкой и французской книги документов. Там написано (я цитирую): "Само собой разумеется, что с точки зрения общей структуры экономики империи, потеря рейнско-вестфальского промышленного района на длительный срок - недопустима для всей германской экономики и для ведения войны. Таким образом, фактически вся Курская область, за исключением продукции местной промышленности, работающей на нужды этой области будет совершенно потеряна для германской экономики. Не стоит говорить о последствиях потери Курской области на продолжительное время для империи в целом".

15 декабря 1944 г. в связи с предстоящим наступлением в Арденнах, Шпеер обратил внимание Гитлера на те последствия, которые будет иметь возможная потеря Верхней Силезии. В связи с этим я пред'являю меморандум Шпеера, который вы найдете на странице 102-й дополнения к моей книге документов. В английском и французском текстах страницы одни и те же. Здесь речь идет о выдержке из меморандума, адресованного начальнику генерального штаба сухопутных сил от 15 декабря 1944 г. Это - доказательство № 21.

ШПЕЕР: Этот меморандум был послан так же и Гитлеру.

ФЛЕЙШНЕР: Цитировать этот меморандум нет необходимости. Здесь доказывается, что возможная потеря Верхней Силезии уже через несколько недель полностью парализует боеспособность германских войск. Здесь указывается далее, что обеспе-

13958

H1207 - 0372

H1207 – 0373

чение армий вооружением в этом случае не может быть достигнуто. Большая часть Верхней Силезии вскоре после этого действительно была потеряна.

30 января 1945 г. Шпеер снова написал меморандум Гитлеру, который Суд найдет на странице 67-й английского текста книги документов. Это - страница 64-я французского текста. Этот документ я пред'являю суду в качестве доказательства защиты № 22. Я цитирую из него только следующее: "Германская военная промышленность после потери Верхней Силезии не будет больше в состоянии даже в самой отдаленной степени покрывать потребности фронта в боеприпасах, вооружении и танках, потери на фронте и потребности вооружения вновь формируемых частей". И далее особо подчеркивается следующее предложение. Я цитирую: "Превосходство противника в техническом отношении не может быть компенсировано храбростью наших солдат".

Господин Шпеер, что вы хотели сказать этим последним предложением, которое я только что процитировал?

ШПЕЕР: Гитлер тогда выпустил лозунг о том, что при защите родины храбрость солдат станет беспримерной, а что, союзные войска, наоборот, после освобождения оккупированных областей значительно ослабят свои действия. Это было также основным аргументом Геббельса и Бормана, которые тем самым хотели всеми средствами обосновать обострение борьбы.

ФЛЕКСНЕР: Господин Шпеер, Гитлера информировали и другие инстанции так же, как и Вас?

ШПЕЕР: Я остановлюсь сразу на нескольких моментах. Гудериан, начальник генерального штаба сухопутных сил, был в это время у господина фон Риббентропа и заявил ему, что война потеряна. Риббентроп сообщил это Гитлеру, и Гитлер в начале февраля сказал, как Гудериану, так и мне, что подобные пес-

симистские высказывания, которые имеются в моем меморандуме, или то, что сказал Гудериан министру иностранных дел, будут в дальнейшем рассматриваться и караться, как измена родине. Через несколько дней после этого во время обсуждения создавшейся обстановки, он запретил своим ближайшим сотрудникам говорить о том, что положение безнадежно. Всякий, кто будет нарушать это положение, будет расстрелян независимо от звания и должности, которую он занимает, а его семья будет арестована. Те факты, о которых сообщали Гитлеру и Гудериан и я относительно безнадежности положения, имели как раз обратное действие. Гитлер в первые дни февраля, за несколько дней до начала Ялтинской конференции, вызвал своего референта по прессе и в моем присутствии дал им указание, чтобы они во всей германской прессе в самых энергичных выражениях заявляли о том, что Германию никогда не принудят к капитуляции. Он тогда заявил, что он это делает для того, чтобы противники ни в коем случае не делали германскому народу никаких предложений. Язык прессы должен быть острым до такой степени, чтобы у государственных деятелей противника пропал бы интерес к тому, чтобы вбивать клин между ним и германским народом. Одновременно Гитлер снова выдвинул германскому народу лозунг: "победа или гибель". Все это происходило в тот период, когда ему и каждому умному человеку из его приближенных должно было быть ясно, что речь может итти только о гибели. Уже на одном из совещаний гауляйтеров летом 1944 г. Гитлер заявил (и Ширах может подтвердить это), что если германский народ в этой борьбе должен будет потерпеть поражение, то он, следовательно, был слишком слабым, он не выдержал своего испытания перед историей и поэтому гибель предопределена ему.

В таком безнадежном положении в январе и феврале месяце 1945 г. Гитлер делал заявления, которые показывали, что

13960

H1207 – 0374

H1207 – 0375

его прежние заявления не были риторическим приемом. Он в тот период во все возрастающей степени стал возлагать главную вину за поражение на германский народ, но ни в коем случае не на себя. Он очень резко высказывался относительно этой вины германского народа, который храбро вынес столько жертв в этой войне.

ФЛЕШНЕР: Генерал-полковник Йодль уже показал, что как Гитлер, так и его ближайшие сотрудники, совершенно ясно представляли себе безнадежность как военного, так и экономического положения. Не предпринимались ли в этом безнадежном положении совместные шаги ближайших сотрудников Гитлера для того, чтобы побудить его окончить войну?

ШПЕЕР: Нет, общего шага руководящих деятелей не было предпринято. Он был невозможен, так как приближенные Гитлера либо считали себя узкими специалистами, либо людьми, которые только получают приказы, или попросту отказывались от всего этого. В этом положении никто не брал на себя ответственности за руководство хотя бы дискуссией у фюрера, во избежание дальнейших жертв. А, с другой стороны, имелась группа, которая пользовалась большим влиянием и которая пыталась всеми средствами обострить борьбу. Она состояла из Геббельса, Бормана, Лея и, как я уже говорил, Фегеляйна и Бурглорфа. Эта группа также настаивала на том, чтобы побудить Гитлера выйти из Женевской Конвенции. Доктор Геббельс в начале февраля послал Гитлеру очень резкий меморандум, в котором он требовал выхода из Женевской Конвенции. Гитлер уже согласился с этим намерением, как об этом мне сообщил статс-секретарь Геббельса Науман. Борьба должна была продолжаться всеми средствами, невзирая ни на какие международные соглашения. Таков

был смысл меморандума Геббельса.

Необходимо установить, что эти намерения Гитлера и Геббельса потерпели крах благодаря единогласному возражению всех военных руководителей, как об этом мне позднее сообщил статс-секретарь Геббельса Науман.

ЭЛЬКНЕР: г-н Шпеер, свидетель Шталь в своем письменном показании заявил, что вы в середине февраля 1945 г. потребовали от него, чтобы он достал вам новое отравляющее вещество для того, чтобы совершить покушение на Гитлера, Бормана и Геббельса. Почему у вас было такое намерение?

ШПЕЕР: С моей точки зрения другого выхода не было. В отчаянии я хотел сделать этот шаг, так как с начала февраля для меня стало ясно, что Гитлер всеми средствами, невзирая на свой собственный народ, будет продолжать войну. Для меня было ясно, что, в случае проигрыша войны, он захочет об'единить свою судьбу с судьбой германского народа, и что он увидит в своем конце также конец германского народа. Кроме того, было ясно, что война окончательно проиграна и необходимо принять даже безоговорочную капитуляцию.

ЭЛЬКНЕР: Вы хотели сами провести это покушение? Почему этот ваш план сорвался?

ШПЕЕР: Я не хочу останавливаться на подробностях этого плана. Я мог, конечно, провести его только сам, так как, начиная с 20 июля, только очень небольшой круг лиц имел доступ к Гитлеру. У меня был целый ряд трудностей технического порядка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал желает знать подробности этого вопроса, но мы его рассмотрим после перерыва.

(Перерыв на 10 мин.)

13962

H1207 - 0376

H1207 - 0377

ФЛЕКСНЕР: Господин Шпеер, скажите Трибуналу, какие обстоятельства воспрепятствовали проведению в жизнь ваших намерений?

ШПЕЕР: Я очень неохотно освещаю здесь эти детали, так как подобные вещи всегда очень неприятны. Но если Трибунал желает, я могу это сделать.

ФЛЕКСНЕР: Пожалуйста.

ШПЕЕР: Гитлер в то время часто беседовал в своем убежище с Леем, Геббельсом и Борманом о создавшемся положении. Эти люди были очень близки к нему в то время, так как они поддерживали его курс радикализма. Начиная с 20 июля даже самым ближайшим сотрудникам Гитлера нельзя было входить в это убежище Гитлера без того, чтобы эсэсовцы не осмотрели их карманы и портфели. Я, как архитектор, точно знал устройство этого убежища. В этом убежище имелся специальный вентилятор, подобно вентилятору здесь в зале суда. Газ мог довольно легко попасть в убежище через вентиляционное отверстие, которое выходило в сад имперской канцелярии. Этот газ мог быстро распространиться по всем помещениям этого убежища. В середине февраля 1945 года я попросил к себе своего сотрудника, руководителя комитета "Боеприпасы" Шталя и открыто высказал ему свои намерения, так как я работал вместе с ним по предотвращению разрушений.

Я попросил его достать мне это современное отравляющее вещество. Этот мой сотрудник Шталь узнал у одного из своих знакомых, некоего Зойца из управления вооружения сухопутных сил, как применяется этот новый газ. Выяснилось, что газ этот действует только после взрыва и при высокой температуре. Только в таком случае происходит отравление.
Я не знаю, нужно ли вдаваться в такие подробности?

Но взрыв был вообще невозможен, так как вентиляционное приспособление было сделано из тонких листов железа и было бы разрушено этим взрывом.

С марта 1945 года я несколько раз беседовал с главным монтером имперской канцелярии Геншелем и благодаря этим беседам добился того, что фильтр не всегда был включен в эту вентиляционную установку, благодаря чему я мог бы просто применить обычный газ. Конечно, Геншель ничего не узнал о том, почему я веду эти расспросы. После этого я вместе с Геншелем осмотрел вентиляционную установку в саду имперской канцелярии и выяснил, что незадолго до этого по приказу Гитлера над этим вентиляционным отверстием был построен 4-х метровый камин. Его можно видеть и сейчас. Таким образом, мы не могли привести наш план в исполнение.

ФЛЕШНЕР: Я перехожу к другому вопросу. Господин Шпеер, вы слышали здесь показания Рите и Шильха? Они говорили о вашей деятельности, начиная с середины февраля 1944 года, направленной на обеспечение населения продовольствием. Что вы можете сказать по поводу этой вашей деятельности?

ШПЕЕР: Я могу кратко заявить, что все мои мероприятия в этой области были направлены на то, чтобы поставить хозяйство в первый же удобный момент на мирные рельсы, т.е. за счет вооружения, которым я руководил. Мы провели целый ряд мероприятий в этом направлении, и мне кажется, что это заняло бы слишком много времени, если бы я здесь стал подробно освещать все эти мероприятия. Все это имеется в документах. Речь шла о том, чтобы вопреки официальной политике, заботиться о том, чтобы города перед тем, как мы их оставляли, были бы в достаточной мере обеспечены продук-

13964

H1207 – 0378

H1207 – 0379

тами питания или , чтобы в случае нарушения транспорта можно было предпринять все меры, чтобы предоставить средства транспорта для перевозки посевного материала, что тогда было одним из самых животрепещущих вопросов. Если бы посевной материал опоздал на несколько недель, то урожай был бы крайне неудовлетворительным.

Все эти мероприятия оказывали отрицательное действие на вооружение. Но во всяком случае, мы по середины марта.. своими запасами могли обеспечить выпуск военной продукции. С этого же времени почти совсем прекратилось производство вооружения. Это произошло потому, что в нашем распоряжении было всего 20 или 30 процентов всего транспорта, а в первую очередь по железным дорогам пропускались поезда с продовольствием, а потом уже с вооружением.

ФЛЕКСНЕР: Могли ли проводиться эти мероприятия, направленные против планов ведения войны и сопротивление до последнего вздоха, в более широком масштабе. Находились ли такие люди, которые были готовы одобрить и проводить предложенные вами мероприятия?

ШПЕЕР: Все эти мероприятия были не настолько трудны и опасны, как это, может быть, казалось, так как с того времени т.е. с января 1945 г., в Германии можно было проводить любое разумное мероприятие, направленное против официальной политики. Каждый разумный немец приветствовал такие мероприятия и был доволен, когда кто-либо брал на себя ответственность за эти мероприятия. Все это обсуждалось в широких кругах специалистов. Каждый из участников этих бесед знал и без слов, что означали эти приказы. И я, например, установил очень тесный контакт со статс-секретарями министерства транспорта, министерства продовольственного снабжения, министерства пропаганды и позднее даже со статс-секретарем им-

перской канцелярии, т.е. с самим Борманом. И надо сказать, что все они были старыми членами партии и несмотря на это они выполняли свой долг перед народом другим путем, чем это делали руководители партии. Я все время информировал их о развитии военных событий, несмотря на запрет Гитлера и, таким образом, мы все вместе могли сделать очень многое для того, чтобы не выполнять этих безумных приказов этого времени.

ФЛЕКСНЕР: В каком отношении вы считали, что продолжение войны таит в себе опасность для широких масс немецкого народа?

ШПЕЕР: В середине марта 1945 г. войска противника снова начали наступление и было совершенно ясно, что в скором времени будут заняты те области, которые еще не были заняты. Сюда относятся такие области, как например, польская Верхняя Силезия и другие области, находящиеся вне границ старой империи. И приказ об уничтожении всех мостов при отступлении представлял большую опасность, так как взорванный саперами мост восстановить куда труднее, чем мост, поврежденный, например, при воздушном налете. Но такое плановое разрушение мостов в современном государстве равноценно нарушению всей нормальной жизни.

Кроме того с конца января радикальные партийные круги выдвинули требование разрушить все промышленные предприятия и Гитлер придерживался такого же мнения. И поэтому в феврале 1945 года я запретил производство и выдачу взрывчатых веществ промышленного значения. Этим самым были уменьшены запасы взрывчатых веществ, находящихся в рудниках и во владении частных лиц. И этот приказ был выполнен, как это уже подтвердил свидетель, выступавший передо мной. В середине марта я и Гудериан снова попытались максимально ограничить разру-

13966

H1207 – 0380

H1207 – 0381

шение мостов. Гитлеру был представлен соответствующий проект приказа, но Гитлер резко отклонил этот проект и потребовал издания еще более строгих приказов относительно разрушения мостов. Одновременно, – это было 18 марта 1945 г., он приказал расстрелять 8 офицеров, которые не захотели взорвать один мост. Об этом факте было сообщено в сводке, чтобы такие случаи не повторялись. И поэтому было крайне трудно обойти эти приказы о разрушении мостов. Но, несмотря на существующий запрет, 18 марта 1945 года я представил Гитлеру новый меморандум. Содержание его было очень ясным и точным, и этот меморандум не давал ему возможности отделаться общими фразами о намеченных им мероприятиях. Этот меморандум стал известен большому числу сотрудников Гитлера.

ФЛЕЙШНЕР: Трибунал найдет выдержку из этого меморандума на странице 69 английского текста книги документов. Пожалуйста, продолжайте.

ШПЕЕР: Я цитирую довольно большую выдержку из меморандума. Это на странице 69. "Вражеская авиация начала интенсивно бомбить наши коммуникации. В результате этого значительно сократилось количество хозяйственных перевозок. Вследствие этого, необходимо считаться с тем, что через 4–8 недель... наше хозяйство придет в полный упадок. После этого упадка мы уже не сможем продолжать войну и нашим долгом, долгом руководителей, является помочь немецкому народу в тот тяжелый час, который его ожидает. При этом мы должны трезво, не взирая на свою судьбу, поставить следующий вопрос – как все это скажется на нашем будущем? Если противник хочет уничтожить народ и его жизненную базу, то пусть он делает это сам. Мы должны предпринять все, чтобы не конца сохранить народу его жизненную базу, пусть даже в самой примитивной форме".

Затем следует ряд требований, поставленных мною. Я вкратце остановлюсь на них, я цитирую дальше:

"Следует позаботиться о том, чтобы в том случае, если бои будут перенесены дальше на территорию Германии, никто не имел права разрушать промышленные сооружения, угольные шахты, электростанции, железнодорожные постройки, водные и речные пути и т.д. Взрыв мостов приносил железнодорожному транспорту больше вреда, чем воздушные налеты за все последние годы. Их разрушение лишит германский народ жизненной возможности в дальнейшем".

Я цитирую кратко самый конец меморандума:

"Мы не имеем права на этой стадии войны со своей стороны предпринимать разрушения, которые могли бы нарушить жизнь народа. Если противник хочет уничтожить этот народ, боровшийся с неподражаемой храбростью, то пусть этот исторический позор ляжет исключительно на него. Мы должны предоставить народу все возможности, которые обеспечили бы ему в будущем новое строительство". Конец цитаты.

Итак, в этом меморандуме я ясно высказал то, что и без этого должно было быть известно Гитлеру, так как не нужно было быть специалистом по экономическим вопросам, чтобы сознавать последствие этих разрушений уже будущего немецкого народа. Гитлер еще до того, как я передал ему этот меморандум, уже знал содержание его, так как я обсуждал его с его сотрудниками, и поэтому его высказывания являются очень показательными для его точки зрения по этому принципиальному вопросу. Я бы не упрекал его здесь в том, что он намеревался потянуть за собой в пропасть весь немецкий народ, если бы этого не подтверждали его высказывания по этому вопросу в письме от 29 марта 1945 г.

13968

H1207 – 0382

H1207 – 0383

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду 29 мая или марта?
Шпеер: Март 1945г., господин Председатель.
ФЛЕКСНЕР: Господин председатель, вы найдете этот документ на странице75 английского текста, книги документов и на 72 странице французского текста. Я передаю это письмо в качестве доказательства № 24. Это письмо Шпеера Гитлеру от 29 марта 1945 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не следует ли Вам зачитать это письмо?

ФЛЕКСНЕР: Да, он хочет сам огласить это письмо.

Вы хотите теперь зачитать это письмо?

ШПЕЕР: Я цитирую:

"Когда я 18 марта передал вам свое письмо, я был твердо убежден в том, что выводы, сделанные мною из современного положения с целью сохранения народа, обязательно будут вами одобрены. Однажды вы ведь сами заявили, что задача государственного руководства заключается в том, чтобы уберечь народ от героического конца в проигранной войне. Еще вечером вы говорили мне то, из чего, - если я вас правильно понял, - ясно и недвусмысленно вытекает, что "если война будет проиграна, народ погибнет. Такая судьба неизбежна. Нет необходимости обращать внимание на те основы, в которых нуждается народ для продолжения своего самого примитивного существования. Наоборот, лучше самим разрушать эти вещи, так как в таком случае народ показал бы себя более слабым и тогда будущее стало бы принадлежать исключительно более сильному восточному народу. Все, что останется после войны, является неполноценным, так как все хорошие пали на поле битвы".

Я цитирую дальше: "После этих слов я чувствовал себя глубоко потрясенным. И когда день спустя я прочитал приказ о разрушении и вскоре после него резкий приказ об отступ-

лении, я увидел в этом первые шаги для претворения в жизнь этих намерений".

ФЛЕКСНЕР: Я хотел бы заметить, что в связи с этим я предоставляю в качестве документа по делу Шпеера приказ Гитлера о разрушении от 19 марта 1945 г. Трибунал найдет этот документ на странице 73 французского текста и на странице 76 английского текста книги документов. Затем я передаю инструкцию к приказу для службы транспорта и службы связи. Это на 78-й странице английского текста и на стр. 75 французского текста. Это доказательство № 26. И затем приказ Бормана о разрушении и эвакуации от 23 марта 1945 г. Этот документ находится на 102-й странице моей книги документов. Последний документ является доказательством по делу Шпеера № 27.

ФЛЕКСНЕР: Господин Шпеер, так как речь идет о приказе в котором имеются специальные выражения, то осветите Суду общее содержание этого приказа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали, что последний документ находится на странице 102-й второго тома? В моем экземпляре здесь документ генерала Гудериана от 13 декабря 1944 г.

ФЛЕКСНЕР: Господин председатель, я очень прошу извинить меня я ошибся, это не страница 102, а странице 93 - 94. Прошу прощения, я тоже только сегодня получил книгу документов.

Господин Шпеер, можете ли вы кратко осветить общее содержание этих приказов?

ШПЕЕР: Я могу кратко резюмировать. Гаулейтерам было приказано разрушить все промышленные предприятия, все важные электростанции, водопроводные станции и газовые заводы, а также продовольственные и вещевые склады. Я, так сказать, был этим приказом совершенно исключен из этих мероприятий и все

H1207 - 0384

H1207 – 0385

мои распоряжения, направленные на сохранение промышленности были отменены. Военные инстанции издали приказы уничтожить все мосты, а также и все железнодорожные, почтовые и телеграфные сооружения сооружения на железных дорогах и водные магистрали, все корабли, вагоны и паровозы. Целью этого было, как говорится в одном из указов, превратить все в пустыню. По приказу Бормана все население должно было быть сведено в Центральную Германию, как с Востока, так и с Запада Германии. Сюда относились и иностранные рабочие и военнопленные. Эти миллионы людей должны были пройти пешком многие сотни километров, и нельзя было обеспечить в таком положении их снабжение. Выполнение этого приказа привело бы к ужасной голодной катастрофе. Кроме того 29 марта 1945 г. вышел категорический приказ Гитлера всем командующим фронтами и всем гаулейтерам о том, что борьбу нужно вести, не считаясь со своим собственным населением. Таким образом, выполнение этого приказа Гитлера означало претворение в жизнь высказывания Гитлера, которое я слышал еще 18 марта относительно того, что не следует считаться с основой, в которой нуждается народ для своего дальнейшего существования, а наоборот, лучше всего самим разрушить эту основу. Учитывая ту дисциплину, которая всегда существовала по отношению к любому приказу в Германии, – независимо от его содержания, – следовало ожидать, что и эти приказы будут выполнены. Эти приказы распространялись и на области, которые были присоединены к территории Великой Германии. И, путешествуя по областям, которые находились в опасности, а также разговаривая с моими сотрудниками, я пытался воспрепятствовать выполнению этих приказов. Я приказал, например, чтобы весь запас имеющихся взрывчатых веществ был спущен в угольные шахты Рурской области и чтобы запасы взрывчатых веществ, находящихся на строительных площадках, были

спрятаны. Мы распределили все имевшиеся автом аты по самым важным предприятиям, чтобы они могли воспрепятствовать разрушению. Может быть это сейчас звучит несколько преувеличенно, но положение в то время было таковым, что если бы гаулейтер рискнул пойти на шахту в Рурской области, на которой имелся автомат, то в него начали бы стрелять. Я пытался убедить командующих фронтами в бессмысленности выполнения приказа о разрушении мостов и я мог путем переговоров с местными властями в большинстве случаев добиться невыполнения приказа об эвакуации. В этом большая заслуга статс-секретаря партийной канцелярии Клоппер, так как он в большинстве случаев не передавал гаулейтерам приказов об эвакуации.

Когда я возвратился из этой поездки, меня тотчас же вызвал к себе Гитлер. Это было 29 марта 1945 г. Я настолько явно выступал против его приказов, так много говорил с его гаулейтерами о проигранной войне, что это должно было стать известно Гитлеру. Здесь имеются свидетели, которые знают, что я действительно хотел добиться этого. Я не хотел обманывать Гитлера. Я хотел поставить его перед совершившимся фактом.

В начале разговора Гитлер заявил мне, что он слышал от Бормана, что я считаю войну проигранной и что я открыто выступаю против его запрета. Он потребовал от меня заявления о том, что я считаю войну не проигранной. Несмотря на это требование, я сказал, что война, все же, проиграна. Он дал мне тогда 24 часа на размышление. Я написал в эти 24 часа письмо, отрывки из которого здесь зачитывались и полное содержание которого известно Трибуналу. По истечении 24 часов я хотел передать это письмо Гитлеру, но Гитлер не принял этого письма. Я заявил ему, что он может расчитывать на меня и в будущем. Результатом этого было то, что он поручил мне выполне-

13972

H1207 – 0386

H1207 – 0387

ние приказов о разрушении.

ФЛЕКСНЕР: В связи с этим, я передаю приказ Гитлера от 30 марта 1945 г., который Суд найдет на стр.83 английского и на стр.79 французского текста книги документов. Это доказательство № 28. Что вы сделали на основании этого нового приказа?

ШПЕЕР: Текст его был составлен мною и это дало мне возможность обойти приказанные разрушения. Я издал приказ о том, что бы все мои распоряжения о сохранении промышленности снова вступили в силу. При этом я не послал этот приказ на утверждение Гитлеру, хотя он в своем приказе оставил за собой это право.

Вопреки обещанию, которое я дал ему относительно того, что я буду безпрекословно ему повиноваться, я уже на следующий день поехал к Зейсс-Инкварту, который уже говорил здесь об этом, и к двум гаулейтерам, чтобы раз'яснить им, что война проиграна и чтобы обсудить с ними последствия этой войны. Зейсс-Инкварт хорошо понял как мои распоряжения, которые я отдавал с тем, чтобы воспрепятствовать разрушению, так и эти разговоры, противоречащие обещанию, данному мною Гитлеру. Я считал это своим непосредственным долгом.

ФЛЕКСНЕР: Я передаю в качестве доказательства по делу Шпеера за № 29 распоряжение Шпеера от 30 марта в дополнение к приказу. Это на стр. 81 немецкого и французского текстов книги документов и на стр.85 английской книги документов.

ШПЕЕР: Несмотря на все мои старания, приказы о разрушении мостов все равно имели силу и результаты выполнения этих приказов можно видеть в Германии, Австрии, Польше и т.д. Я очень часто бывал на фронте и неоднократно беседовал по этому поводу с командующими действующих частей и это, может быть приносило мне некоторое облегчение. Наконец, 3 апреля

1945 г. я добился от командующего войсками связи издания нового приказа о запрещении разрушения сооружений связи, почты, железных дорог и радио-передаточных станций. Кроме того, 5 апреля было издано 6 приказов ОКВ за подписью генерала Винтера, который выступал здесь в качестве свидетеля. Этими приказами должно было быть достигнуто сохранение важнейших железнодорожных линий. Эти приказы сохранились. Я издал эти приказы через свое ведомство и через управление железных дорог. При царившей в то время неразберихе с приказами, подобные приказы, на издание которых я не имел никакого права, оказывали, по крайней мере, запутывающее действие.

ФЛЕКНЕР: Господин Шпеер, о целом ряде ваших попыток приблизить окончание войны сообщалось в прессе. Можете ли Вы осветить суду этот комплекс вопросов, о которых говорилось в печати?

ШПЕЕР: Я не хочу здесь подробно говорить о том, что не удалось провести. Я неоднократно пытался устранить Гиммлера и некоторых других из правительства и заставить их нести ответственность за свою предыдущую деятельность. Для проведения этих и других планов ко мне присоединились еще 8 офицеров фронтовиков, которые имели высокие награды. Среди них были два известнейших летчика Германии: Галанд и Баумбах. Статс-секретарь министерства пропаганды дал мне возможность 9 апреля произнести короткую речь, которая должна была передаваться по всем немецким радиостанциям. Все было уже подготовлено, но в самый последний момент Геббельс услышал об этом и потребовал, чтобы текст речи был разрешен Гитлером. Я представил Гитлеру сильно измененный текст, но он не разрешил мне огла-

13974

H1207 – 0388

H1207 – 0389

сить и этот сильно измененный текст. 21 апреля я имел возможность в Гамбурге произнести речь для записи на пластинку и она должна была быть сейчас же передана по радио в качестве инструкции для проведения завершающей фазы войны. Но сотрудники радиостанции заявили, что это будет возможно только после смерти Гитлера, т.е. когда данная ими присяга потеряет свою силу.

Я установил связь с командующим войсковой группировкой, действующей на р.Висла. Нам было ясно, что не следует вести боев за Берлин и что армии, вопреки приказу должны пройти мимо Берлина. Сначала мы действительно выполнили этот приказ, но затем Гитлер разослал по всем направлениям из Берлина своих уполномоченных, снабженных особыми правами и этим уполномоченным удалось собрать несколько дивизий и привести их в Берлин. Но первоначальное намерение сконцентрировать в Берлине целую армию потерпело неудачу благодаря нашему приказу. Начальником штаба, с которым я беседовал на эту тему, был генерал Кинзлер.

ФЕНСНЕР: Скажите, имели ли эти мероприятия в начале апреля и позднее вообще какой-либо смысл?

ШПЕЕР: Да. Мы расчитывали, что война продлится более длительное время, так как Черчилль предсказывал конец войны на июль 1945 г.

ФЕНСНЕР: Вы здесь говорили о тех ваших действиях, которые были направлены на сохранение фабрик и других экономических предприятий. Выступали ли вы также и на защиту иностранных рабочих?

ШПЕЕР: Я нес ответственность только за промышленные предприятия. В первую очередь я считал своим долгом охранять

от разрушения те предприятия, которые были подчинены мне. Однако различные мероприятия, которые я проводил, должны были быть полезными и для иностранных рабочих. Во-первых: иностранные рабочие и военнопленные благодаря принятым мною мерам были обеспечены продовольствием в последний период войны, это относится так же и к интернированным. Во-вторых: я во время совещаний на местах по вопросу о предотвращении взрывов, вопреки изданным партией приказам об эвакуации, добился того, что иностранные рабочие остались на местах.

Подобные совещания были проведены, например, 18 марта в Саарской области и 28 марта в Курской области. В начале марта я предложил перевезти пятьсот тысяч рабочих из империи в те области, которые еще не были заняты нами, т.е. голландцев в Голландию, чехов в Чехословакию. Но управление железными дорогами не взяло на себя ответственности за их перевозку, потому что транспорт уже был настолько разрушен, что этот план был невыполним. Наконец, я, как в своей речи, которую я намеревался произнести 9 апреля, так и в гамбургской речи, указывал на то, что мы обязаны сделать по отношению к иностранным рабочим, военнопленным и заключенным в этой последней фазе войны.

ФЛЕХНЕР: Господин председатель, я ссылаюсь в этой связи на стр.88 английского текста книги документов, стр.84 французского текста. Я передаю этот документ, находящийся на этой странице, в качестве доказательства по делу Шпеера за № 30.

Господин Шпеер, вы здесь рассказали, о контрасте между вашими действиями и действиями Гитлера и его политика в последний период войны. Почему вы не ушли в отставку?

13976

H1207 – 0390

H1207 – 0391

ШПЕЕР: У меня трижды была возможность уйти в отставку - один раз в апреле 1944 года, когда мой авторитет был сильно потерван; второй раз - в сентябре 1944 года, когда Борман и Геббельс были за то, чтобы я ушел в отставку; и третий раз - 29 марта 1945 года, когда Гитлер сам потребовал, чтобы я пошел в долгосрочный отпуск, что было равносильно отставке. Но я отклонял все эти предложения, так как, начиная с июля 1944 года, считал своим долгом оставаться на своем посту.

ЯКСНЕР: Здесь говорилось, что в последнюю фазу войны, т.е. приблизительно с января 1945 года, имелись намерения избавить народ от ненужных жертв. Вы придерживались такого же мнения?

ШПЕЕР: Нет, сначала говорили, что необходимо военное заграждение на Востоке, чтобы прикрывать беженцев. В действительности же до середины апреля 1945 года основная часть наших резервов, танков и боеприпасов была использована в боях на Западе. Тактическая линия была не такой, какой она должна была быть, если бы борьба преследовала те цели, которые здесь были установлены. Также и разрушение мостов на Западе, приказы об уничтожении жизненной базы доказывали обратное. Жертвы, которые были принесены обеими сторонами с января 1945 года были бессмысленны. Погибшие в этот период люди будут так же обвинять Гитлера, ответственного за продолжение войны, как и разрушенные города, которые в этот последний период потеряли много культурных ценностей и в которых было разрушено много квартир и зданий. Многие трудности, от которых в настоящее время страдает немецкий народ, следует отнести за счет разрушения мостов, железнодорожных путей, уничтожения поездов, вагонов, кораблей и т.д. Немецкий народ был

верен Гитлеру до конца, но Гитлер предал немецкий народ, и хотел столкнуть немецкий народ в пропасть. Только с 1 мая 1945 года Дениц попытался действовать разумно, но было уже слишком поздно.

ФЕКЕР: У меня есть еще один, и последний вопрос. Скажите, вашу деятельность в последние месяцы войны вы можете как-то совместить с вашей присягой и с понятием верности по отношению к Адольфу Гитлеру?

ШПЕЕР: Есть верность, которую должен соблюдать каждый, и это - верность по отношению к своему собственному народу. Этот долг стоит превыше всего. Если я занимаю руководящую должность и если я вижу, что производятся действия, направленные против желаний и интересов народа в таком случае я считаю, что я обязан действовать. Что Гитлер нарушил верность по отношению к народу, было ясно каждому умному человеку из его окружения, а именно уже с января или февраля 1945 г. В самом начале народ призвал Гитлера и Гитлер не имел права вместе со своей судьбой ставить на карту судьбу своего народа. И поэтому я считаю, что я выполнил свой само собой разумеющийся долг каждого немца. Правда, мне не удалось сделать всего, но я счастлив, что я своей деятельностью помог рабочим во временно оккупированных областях и в Германии.

ФЕКЕР: Господин председатель, я закончил допрос подсудимого Шпеера. Я хотел бы указать Трибуналу на то, что по этой теме, которая являлась предметом обсуждения всего вечернего заседания, дали показания свидетели Керль в 10 и 12 вопросах опросного листа, Роланд в 5, 6 и 8 вопросах, Шибер под № 25, Гудериан в вопросах 1, 3, 7-9 и 6, упомянутый Шпее-

13978

H1207 – 0392

H1207 – 0393

ром свидетель Шталь в пунктах 1 и 2 своего показания и свидетельница Кемпф под № 10. Еще отсутствуют и по получению будут предъявлены опросные листы свидетеля Мальценер и опросный лист, которому защита придает особенно большое значение, свидетеля фон Лозера, так как последний был офицером связи между генеральным штабом сухопутной армии и министерством Шпеера. Еще не получен опросный лист от генерала Буле, начальника штаба сухопутной армии и опросный лист полковника Баумбаха, бывшего ком-андира эскадрильи.

Другие документы я представлю суду после окончания последней части допроса подсудимого Шпеера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотят ли другие защитники задать какие-нибудь вопросы свидетелю?

(К микрофону подходит защитник СЕРВАТИУС)

СЕРВАТИУС: (защитник подсудимого Заукеля).

Господин свидетель, присутствовали ли во время переговоров, которые вел Заукель в 1943-44 году с Лавалем в Париже, представители вашего учреждения и поддерживали ли они требование Заукеля?

ШПЕЕР: На этих совещаниях частично присутствовали представители моего ведомства. Они должны были защищать интересы временно закрывшихся предприятий и должны были заботиться о том, чтобы никто не вмешивался в вопросы производства, которые я намеревался защищать.

СЕРВАТИУС: Следовательно, эти представители не поддерживали требований Заукеля, а выступали против них?

ШПЕЕР: Задача этих представителей не заключалась в том, чтобы действовать за или против требований Заукеля, так как Заукель настолько решительно выдвигал свои требования, что простые сотрудники вообще не могли высказываться в какой-

либо форме за или против этих требований. Это должно было быть задачей, выполнить которую должен был я сам.

СЕРВАТИУС: Стало быть эти представители не имели никаких задач?

ШПЕЕР: Это были люди, которые были представителями от военных заводов тяжелой военной промышленности в оккупированных областях, и они как таковые имели свои собственные задачи.

СЕРВАТИУС: Господин свидетель, вы в январе 1943 г. направили в Рурскую область 50 тысяч французских рабочих без ведома Заукеля?

ШПЕЕР: Да. После наступления в апреле-мае 1943 года на плотины рек Мене и Эдер я поехал туда и дал распоряжение о том, чтобы одна эйнзацгруппа из организации Тодта взяла на себя восстановительные работы. Я это сделал потому, что я хотел сейчас же иметь в штабе строительный материал и инструменты. Эта эйнзацгруппа без моего ведома доставила сюда французских рабочих. Это для нас было очень невыгодным, так как это ослабило работы по строительству Атлантического вала, которые по вмешательства Заукеля...

СЕРВАТИУС: Господин свидетель, меня не интересует, что там было сделано. Мне только важно установить, что вы самостоятельно, без ведома Заукеля ввезли в Германию 50 тысяч французских рабочих.

ШПЕЕР: Да. Это так.

СЕРВАТИУС: Заукель отвечал за распорядок рабочего дня на заводах. Известно ли вам, что Геббельс, как имперский уполномоченный по ведению тотальной войны, установил 10-часовой рабочий день, причем для иностранцев и для немцев одинаково. Это верно?

ШПЕЕР: Я думаю, что это правильно. Я сейчас уже

H1207 – 0394

H1207-0395

не помню этого точно, однако я полагаю, что это так.

СЕРВАТИУС: Вы заявляли, что положения Женевской конвенции не применялись по отношению к советских военнопленным и итальянским интернированным гражданским лицам?

ШПЕЕР: Да.

СЕРВАТИУС: Вы знаете о том, что положения Женевской конвенции, несмотря на то, что они не признавались по отношению к советским военнопленным, все-таки применялись к ним фактически, и что имеются соответствующие приказы?

ШПЕЕР: Я не могу ничего сказать вам по этому поводу, потому что это детали, это решалось непосредственно моими низшими инстанциями. Я бы охотно подтвердил вам это.

СЕРВАТИУС: Известно ли вам, что интернированные итальянцы, т.е. военнослужащие итальянской армии, направлялись в трудовые лагери и поэтому на них не распространялись положения Женевской конвенции?

ШПЕЕР: Да. Это так. Это делалось по распоряжению Заукеля.

СЕРВАТИУС: Ответственность за выполнение приказов Заукеля на предприятиях несли руководители предприятий. Это верно?

ШПЕЕР: Если они были выполнены.

СЕРВАТИУС: Вы сказали, что, если какой-либо приказ не мог быть выполнен вследствие особых событий - как например, воздушных налетов,- то специальная имперская инстанция должна была взяться за это дело?

ШПЕЕР: Да.

СЕРВАТИУС: Какая инстанция?

ШПЕЕР: Генеральный уполномоченный по вопросам использования рабочей силы.

СЕРВАТИУС: Это, значит, Заукель?

ШПЕЕР: Да, и немецкий трудовой фронт, который нес ответственность за расквартирование рабочих и за создание

рабочим условий для работы.

СЕРВАТИУС: Скажите, какой аппарат был представлен Заукелю для того, чтобы устранить эти трудности? Речь идет о практической помощи?

ШПЕЕР: Нет. Вы меня неправильно поняли. Катастрофическое положение было вызвано действием какой-то высшей силы. Ни один человек не мог устранить его, даже при всем его желании, так как каждый день имели место новые налеты авиации. Но невозможно - как говорил Заукель, чтобы руководитель производства нес ответственность за то, что эти неполадки не могли быть устранены. Я хотел, чтобы вы поняли, что при таком бедственном положении руководители производства должны были собраться все вместе и выяснить вопрос, возможно ли устранить эти трудности или нет. Причем Заукель был обязан выступать на таких совещаниях с информациями и давать соответствующие указания.

СЕРВАТИУС: Следовательно, он должен был воспрепятствовать выполнению приказов фюрера?

ШПЕЕР: Да.

СЕРВАТИУС: Господин свидетель, у вас был свой собственный административный аппарат и вы сказали, что вы были противником бюрократизма в администрации. Вы ввели самоуправление на производствах, а именно, вы учредили специальные комитеты. И эти комитеты находились под вашим руководством.

ШПЕЕР: Да.

СЕРВАТИУС: Это было автономное управление, в которое не вмешивалась ни одна инстанция?

ШПЕЕР: Да, конечно. Я бы не позволил этого.

СЕРВАТИУС: Следовательно, вы были представителем от предприятий в высших инстанциях?

H1207 - 0396

H1207 – 0397

ШПЕЕР: Нет, только по техническим вопросам, как я уже сказал.

СЕРВАТИУС: Ваша деятельность ограничивалась техническими вопросами?

ШПЕЕР: Иначе я должен был бы нести ответственность и за снабжение продовольствием, и за здравоохранение, и за вопросы полицейского порядка и т.д. Это не входило в мои обязанности, в таком случае мне дали бы другой пост.

СЕРВАТИУС: Господин свидетель, но вы же говорили, что вы как раз приняли ряд мер в области продовольственного снабжения и оказали рабочим большую помощь. Не подтверждаете ли вы этим мое предположение, что вы несли общую ответственность в этой области?

ШПЕЕР: Ни в коем случае. Я считаю, что я сделал это в рамках общей ответственности, а не индивидуальной ответственности.

СЕРВАТИУС: Господин свидетель, вы говорили об ответственности гаулейтеров, как рейхскомиссаров обороны в отношении военной промышленности. Не можете ли вы обстоятельнее рассказать об этой ответственности, я не совсем хорошо это понял.

ШПЕЕР: С 1942 года ответственность все больше и больше стала ложиться на гаулейтеров, которые были и рейхскомиссарами обороны. Это, так сказать, было стремлением, главным образом, Бормана.

СЕРВАТИУС: Скажите, какова же была задача этих людей?

ШПЕЕР: Минуточку. Я должен сказать, что Борман хотел сконцентрировать всю государственную и партийную власть в руках гаулейтеров. И это об'единение полномочий было почти полностью достигнуто с 1943 г. Единственным исключением являлись мои организации военной промышленности, так называе-

мые инспекции по вопросам вооружения. Это были военные инстанции - так как они раньше входили в состав ОКВ, - руководимые офицерами, и это позволяло мне быть независимым от гаулейтеров. Но все же я должен сказать, что гаулейтер был, так сказать, всеохватывающей инстанцией в своей области (гау) и он имел право издавать соответствующие приказы, если таких приказов не поступало с какой-либо другой стороны. У нас было тогда такое положение, как вы знаете, при котором вопрос заключался не в том, кто имел полномочия, а в том, кто имеет право издавать приказы и вот именно этим правом в большинстве случаев пользовались гаулейтеры. Поэтому они являлись ответственными централизующими инстанциями.

СЕРВАТИУС: Скажите, а что вы понимаете под централизующими инстанциями? Разрешите сначала сказать вам, что гаулейтер, как рейхскомиссар обороны, имел своей задачей об'единить все инстанции, если необходимо было принять какое-либо решение в гау.

Например: решение об устранении повреждений, нанесенных воздушными налетами, о строительстве нового завода, о закупке земельного участка и т.д. Но он не пользовался правами издания приказов. Это правильно?

ШПЕЕР: Нет. Я бы рекомендовал вам поговорить с отдельными гаулейтерами, которые скажут вам, как обстояло дело.

СЕРВАТИУС: Ну, хорошо, я оставлю этот вопрос. Я представлю сейчас соответствующий закон.

Итак, вы сказали, господин свидетель, что в Германии наступил период, когда было слишком много рабочей силы. Скажите, это об'ясняется тем, что Заукель привез слишком много рабочих в Германию из других стран?

13984

H1207 - 0398

H1207 – 0399

ШПЕЕР: Здесь, очевидно, возникло недоразумение. Мой защитник сослался на два документа, из которых следует, что с апреля 1942 года по апрель 1943 года Заукель направил в военную промышленность больше рабочих, чем это требовалось на предприятиях военной промышленности. Я не знаю, имеете ли вы в виду это место.

СЕРВАТИУС: Я помню, как вы сказали, что рабочих было больше, чем это было необходимо.

ШПЕЕР: Да.

СЕРВАТИУС: Следовательно, вы не хотите сказать, что это об'ясняется тем, что Заукель вывез в Германию слишком много рабочей силы из других стран?

ШПЕЕР: Нет. Я хотел этим показать, что и по мнению Заукеля он вывозил рабочих из Франции и т.д. в Германию не по моему требованию. Если бы он в докладе Гитлеру заявил, что он доставил на предприятия военной промышленности больше рабочих, чем это необходимо, то это значило бы, что он сделал больше, чем я требовал. Но в действительности дело обстояло не так. В действительности же он не поставил мне рабочую силу и мы очень много спорили, потому что я считал, что он, наоборот давал мне слишком мало рабочих, а в докладе Гитлеру он сказал, что рабочих очень много. Этот документ имеется здесь в Суде.

СЕРВАТИУС: Вы здесь указали на то, что вы часто спорили с Заукелем о том – достаточное ли количество рабочей силы находится в Германии, и если я вас правильно понял, вы сказали, что если бы мы так использовали рабочую силу, как это делается в Англии и Советском Союзе, то нам вообще не нужно было бы применять труда иностранных рабочих. Это верно?

ШПЕЕР: Я так не говорил.

СЕРВАТИУС: Как же это надо понимать?

ШПЕЕР: Я довольно ясно сказал, что я находил политику Заукеля в отношении использования иностранных рабочих на работах в Германии вполне правильной. Я не делал никаких попыток уклониться от ответственности в этой области, но я хочу сказать, что у нас было очень много немецких рабочих. А это является доказательством того, что я не ответственен за те требования, которые поступали к Заукелю через высшие инстанции. Другого я не хотел сказать.

СЕРВАТИУС: Скажите, известны ли вам положения закона, по которому к труду привлекались женщины и дети в большом количестве?

ШПЕЕР: Да.

СЕРВАТИУС: Вы также знаете о том, что на фабриках работали жены офицеров и высших чиновников?

ШПЕЕР: Да, с августа 1944 года.

СЕРВАТИУС: Где же была эта рабочая сила, о которой вы говорили?

ШПЕЕР: Да, но я ведь говорил о 1943 годе. В 1943 г. я в управлении центрального планирования потребовал, чтобы на предприятиях использовались немецкие рабочие, и также и в 1944 г. во время беседы с Гитлером 4 января я потребовал того же самого. Заукель в то время установил - и это вытекает из его речи от 1 марта 1944 года, которая пред'явлена суду, - что больше нет никаких резервов немецкой рабочей силы, но одновременно он здесь показал, что в 1944 г. ему удалось еще мобилизовать 2 миллиона немецких рабочих, а в январе 1944 г. во время беседы с Гитлером он заявил, что это невозможно. Он сам здесь доказал, что в тот период времени, когда я требовал мобилизации немецких рабочих, он не считал это необ-

13986

H1207 – 0400

H1207-0401

ходимым, а что позднее он был вынужден мобилизовать немецких рабочих, что доказывает правильность моей точки зрения в то время.

СЕРВАТИУС: Господин свидетель, эти 2 миллиона рабочих были годными для их использования в промышленности?

ШПЕЕР: Само собой разумеется.

СЕРВАТИУС: Они были использованы непосредственно в промышленности как специалисты?

ШПЕЕР: Их сначала обучали.

СЕРВАТИУС: В связи со сложностью перестановки рабочей силы они не переводились из одного предприятия в другое?

ШПЕЕР: Частично да, так как мы имели возможность использовать их в промышленности точной механики и на других работах, и потом - это знает каждый, который знаком с промышленностью Америки и Англии - эти новые машины вполне могли обслуживаться женщинами, даже при сложной работе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не интересуют все эти детали, д-р Серватиус.

СЕРВАТИУС: Господин председатель, я очень заинтересован в ответе на этот основной вопрос, так как если привозилось больше иностранных рабочих, чем это было нужно, то этот вопрос имеет очень большое значение для рассмотрения его с точки зрения международного права, т.е. можно ли вообще ввозить иностранных рабочих. Я хотел выяснить это. У меня есть еще 2 вопроса. Разрешите поставить их?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, вы можете сейчас поставить еще два вопроса, но не касающиеся этих деталей.

СЕРВАТИУС: Нет, нет, это уже совсем другие вопросы. Господин свидетель, вы здесь заявляли, что ваши по-

пытки подчинить себе Заукеля не увенчались успехом. Скажите, практически разве вы не достигли этого, тем, что средние инстанции гау, подчинявшиеся Заукелю, должны были выполнять указание Вашей комиссии по вооружению ?

ШПЕЕР: Нет, это вопрос, о котором нужно очень долго говорить. Если Вы хотите, чтобы я об'яснил это...

СЕРВАТИУС: Но ведь вы сказали "нет"...

ШПЕЕР: Да, но здесь речь идет о том, что я должен раз'яснить Суду новые вопросы. Если же Вам достаточно одного "нет"...

СЕРВАТИУС: Много говорить не нужно. Если вы скажете ясно "нет", то этим уже все выясняется. И последний вопрос.

Вы сказали, господин свидетель, что Заукель в своем управлении разрешал все вопросы о расстановке рабочей силы. Он же говорит, что эти вопросы решал фюрер. Не следует ли здесь делать различия между обширными требованиями программы, где говорится о распределении рабочей силы и учитывается большой период времени и теми требованиями, которые поступали ежедневно в ходе выполнения программы?

ШПЕЕР: Насколько я помню, на основании сохранившихся протоколов фюрера о моих беседах с ним, надо здесь различать две фазы. Первая фаза - до октября 1942 г. В этом периоде я присутствовал на многих совещаниях Заукеля. На этих совещаниях обсуждался вопрос о распределении рабочей силы в Германии на ближайшие месяцы. После октября 1942 года в моем присутствии Гитлер никогда не проводил совещаний, на которых обсуждались бы эти вопросы в деталях. Мне известно только совещание в апреле или мае 1944 года, о котором здесь еще не говорилось. Но на этих совещаниях говорилось обо всем в общих

H1207 - 0402

H1207 – 0403

чертах, а конкретно распределение проводилось по указанию Заукеля.

СЕРВАТИУС: Да, это как раз то, что я хотел сказать. Это были общие программные требования, в которых говорилось: необходимо привести 2 млн. рабочих из-за границы, а дальнейшее распределение рабочей силы производил Заукель.

ШПЕЕР: Правильно. Я могу подтвердить, что сказал Заукель относительно того, что он свои задания, касающиеся оккупированных областей, получал от Гитлера, так как ему нужен был авторитет Гитлера для проведения всех мероприятий.

СЕРВАТИУС: У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас Трибунал об'является перерыв.

(Об'является перерыв до 21 июня 1946 года).

вз

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 21 июня 1946 года

Утреннее заседание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Серватиус, Вы закончили допрос свидетеля?

СЕРВАТИУС. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. Желают ли другие защитники задать вопросы свидетелю?

/К микрофону подходит защитник Краус./

КРАУС /защитник подсудимого Шахта/. Господин свидетель, 25 января 1946 г. здесь в тюрьме в Нюрнберге, Вы передали моему подзащитному два письма. Во время допроса д-р Шахт вскользь упомянул о них. В целях экономии времени я прошу разрешения огласить их, чтобы тем самым подтвердить их достоверность. Они очень короткие.

Первое письмо следующее:

"Я сидел на террасе Бергофа в Оберзальцберге и ждал, пока мне будет дана возможность представить свои архитектурные планы, когда Шахт прибыл в Берггоф. Это было летом 1937 года. Сидя на террасе, я слышал громкий разговор Гитлера с Шахтом; голоса доносились из комнаты Гитлера. Гитлер почти кричал.

После окончания беседы Гитлер вышел на террасу и заметно раздраженным тоном сказал, что он не может больше работать с Шахтом и что у него было серьезное об"яснение с ним. Шахт своими методами финансирования нарушит его планы".

Это первое письмо. Оно правильно передано?

H1207 – 0404

H1207 – 0405

ШПЕЕР. Да. Правильно.

КРАУС. Правильно. Второе письмо относительно событий 20 июля.

"Примерно 22 июля - так начинается заявление - в моем присутствии Гитлер в большом обществе заявил..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В каком году это было?

КРАУС. В 1944 году, Ваша честь.

"... что Шахта как противника авторитарной системы следует арестовать. Затем Гитлер очень резко высказался о деятельности Шахта и о трудностях, которые он, Гитлер, якобы, имел в области вооружения из-за экономической политики Шахта. Он заявил , что такого человека, как Шахт, следовало бы расстрелять еще до войны за его вредную деятельность".

Последнее предложение Вашего письма гласит: "После подобного рода резких высказываний, я был очень удивлен, встретив здесь Шахта еще в живых".

Это заявление тоже правильно?

ШПЕЕР. Да.

КРАУС. Большое спасибо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желают ли другие защитники задать вопросы свидетелю? Желает ли Обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

/К микрофону подходит судья Джексон./

Г-н ДЖЕКСОН. Подсудимый, Ваш защитник, допрашивая Вас, подразделил допрос на две части: первую часть он назвал - личная ответственность, вторую - политическая часть дела. Я буду придерживаться такого же принципа.

Вы говорили очень много о том, за что Вы не несли

ответственности, и теперь я хочу точно выяснить, за что же Вы были ответственны? В 1932 г. Вы были не только членом партии, но Вы также занимали большое положение в партии - не так ли?

ШПЕЕР. Да, это верно.

Г-н ДЖЕКСОН. Какое же положение Вы занимали в партии?

ШПЕЕР. Я уже говорил об этом во время предварительного следствия. В 1934 г. я был временно руководителем отдела в организации Трудового фронта. Отдел этот занимался вопросом улучшения условий труда на предприятиях в Германии. Затем я был уполномоченным по строительству в штабе Гесса. С этих должностей я ушел в 1941 г. Протокол моего совещания с Гитлером, здесь имеется.

После 8 февраля 1942 г. я автоматически стал преемником Тодта в главном техническом управлении в системе Центрального аппарата НСДАП /рейхсляйтунг/.

Г-н ДЖЕКСОН. Каков был Ваш официальный титул?

ШПЕЕР. Титулы были только что введены в партии, и они были настолько сложны, что я затрудняюсь их сейчас назвать. Это была должность начальника главного управления в системе центрального аппарата НСДАП /рейхсляйтунг/, она называлась, кажется, хауптдинстлейтер или как-то вроде этого.

Г-н ДЖЕКСОН. В справочнике, изданном в 1943 г., сказано, что Вы были начальником главного технического управления?

ШПЕЕР. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. Ваш титул, кажется, назывался обербефельслейтер?

ШПЕЕР. Да, это вполне возможно.

Г-н ДЖЕКСОН. Что соответствует, примерно, генерал-

H1207 – 0406

H1207 – 0407

лейтенанту в армии.

ШПЕЕР. По сравнению с теми задачами, которые мне приходилось выполнять, это был очень небольшой титул.

Г-н ДЖЕКСОН. Время от времени Вы посещали партийные собрания и были в общих чертах знакомы с партийной программой. Не так ли?

ШПЕЕР. До 1942 г. я принимал участие в различных партийных съездах здесь, в Нюрнберге. Я принимал участие как архитектор, и, само собой разумеется, присутствовал на официальных партийных торжествах и на заседаниях рейхстага.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы обсуждали программу национал-социалистской партии и в общих чертах были знакомы с ней?

ШПЕЕР. Само собой разумеется.

Г-н ДЖЕКСОН. Я хочу задать Вам вопрос относительно того, каково было Ваше отношение к СС. Скажите, Вы были членом СС?

ШПЕЕР. Нет, я не был членом СС.

Г-н ДЖЕКСОН. Но однажды Вы заполняли анкету, или кто-то заполнил ее за Вас, но, как мне кажется, Вы так и не довели дела до конца.

ШПЕЕР. Это было в 1943 г. Гиммлер хотел, чтобы я получил большой чин в СС. Он высказывал это желание несколько раз и раньше, когда я еще был архитектором. Я уклонился, сказав, что я готов стать у него рядовым членом СС, как и уже раньше был рядовым членом СС. После этого группенфюрер Вольф начерно заполнил мою анкету, оставив до выяснения вопрос о том, какую работу я проводил раньше в СС в 1932 году. Его расследования показали, что в то время я не был проведен в рядовые члены СС, и потому мое членство в организации СС не было оформлено, т.к. я не хотел быть новым членом.

Г-н ДЖЕКСОН. Почему же Вы не хотели быть членом СС, которая являлась одной из важнейших организаций партии?

ШПЕЕР. В отношении меня всем было известно, что я отрицательно отношусь ко всем этим почетным чинам. Я не хотел подобного рода почестей, т.к. считал, что позволительно иметь чин только там, где несешь ответственность.

Г-н ДЖЕКСОН. И Вы не хотели брать на себя никакой ответственности в СС?

ШПЕЕР. Я очень мало соприкасался с организацией СС, и потому я не хотел брать на себя какую-либо ответственность.

Г-н ДЖЕКСОН. У нас имеются показания свидетеля о Вашем отношении к концентрационным лагерям, и как я понял Вас, Вы нам сказали, что Вы действительно использовали и поощряли использование принудительного труда заключенных, находившихся в концентрационных лагерях?

ШПЕЕР. Да, мы использовали их в немецкой военной промышленности.

Г-н ДЖЕКСОН. Мне кажется, что Вы также рекомендовали, чтобы лодырей, находившихся в трудовых лагерях, направляли в концентрационные лагери? Не так ли?

ШПЕЕР. Речь шла о так называемых прогульщиках. Прогульщиками мы называли тех рабочих, которые опаздывали на работу или симулировали болезнь. По отношению к таким рабочим во время войны принимались строгие меры. И я одобрял это.

Г-н ДЖЕКСОН. 30 октября 1942 г. на совещании Бюро Центрального планирования Вы действительно подняли этот вопрос, заявив следующее /я цитирую/:

13994

H1207 – 0408

H1207-0409

"Мы должны обсудить вопрос о лодырях. Лей установил, что там, где на предприятиях имеются свои врачи, которые осматривают больных, число больных сокращается на 1/4 или 1/5. СС и полиция в данном случае могут спокойно принимать суровые меры и направлять лодырей в концентрационные лагери. Иного выхода нет. Стоит это повторить несколько раз, и весть об этом быстро распространится..."

Вот каково было Ваше предложение?

ШПЕЕР. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. Иными словами рабочие ужасно боялись концентрационных лагерей, и Вы хотели это использовать для того, чтобы удержать рабочих на работе. Не так ли?

ШПЕЕР. Совершенно верно то, что концентрационный лагерь пользовался у нас дурной славой, и что поэтому, направляя в концентрационный лагерь или даже угрожая такой мерой, можно было улучшить положение на производстве. Но на упомянутом совещании этот вопрос больше не обсуждался. Такое замечание можно было сделать в напряженной военной обстановке.

Г-н ДЖЕКСОН. Однако, совершенно ясно, - если я неправильно интерпретирую, Вы можете исправить меня, что Вам было известно, что концентрационные лагери пользовались дурной славой среди рабочих и что условия в концентрационных лагерях все считали более жестокими, чем условия в трудовых лагерях. Правильно я Вас понял?

ШПЕЕР. Правильно, это было мне известно.

Конечно, я не знал всего того, что я услышал здесь на процессе, а то, о чем Вы сейчас говорили, было общеизвестным фактом.

Г-н ДЖЕКСОН. Во всей Германии было известно, что отправка в концентрационный лагерь была довольно тяжким наказанием?

ШПЕЕР. Да, но не в таком духе, как это было показано здесь на процессе.

Г-н ДЖЕКСОН. И действительно, дурная слава концентрационных лагерей была даже полезна, т.к. люди боялись попасть туда. Так это было?

ШПЕЕР. Несомненно, концентрационные лагери являлись известным средством, угрозой для поддержания порядка.

Г-н ДЖЕКСОН. И средством для того, чтобы заставить людей работать?

ШПЕЕР. Этого я бы не сказал в такой форме. Я утверждаю, что и иностранные рабочие работали у нас большею частью добровольно, как только они попадали в Германию.

Г-н ДЖЕКСОН. К этому мы еще вернемся. Вы использовали определенное количество заключенных концентрационных лагерей в промышленности, т.к. от Вас требовали, чтобы Вы делили получаемую продукцию с Гиммлером. Не так ли?

ШПЕЕР. Я Вас не понял.

Г-н ДЖЕКСОН. В конце концов Вы договорились с Гиммлером о том, что он будет получать 5% или приблизительно 5% продукции производимой рабочими концентрационных лагерей, в то время, как Вы будете получать 95% этой продукции. Так?

ШПЕЕР. Нет, это не совсем так.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо, в таком случае расскажите, как это было? Из документов следует, что было так, если я их правильно понял.

ШПЕЕР. В моем протоколе сказано следующее, я хотел бы это раз"яснить: Как я уже говорил вчера, Гиммлер хотел по-

H1207 - 0410

H1207-0411

строить в концлагерях свои заводы. Тогда он мог бы бесконтрольно выпускать вооружение. Гитлеру это, конечно, было известно. Пять процентов вооружения, которые нужно было бы отдавать Гиммлеру, были бы своего рода возмещением за то, что он отказался от строительства этих заводов на территории концентрационных лагерей. Психологически для меня было не совсем просто как-нибудь отговорить Гиммлера от идеи строить в концлагерях военные заводы, он сам лично всегда говорил об этом Гитлеру. Я надеялся, что он успокоится, получив пять процентов всего выпускаемого оружия. Но в действительности эти 5% ни разу не были ему предоставлены. Мы тихо решили этот вопрос в оперативном штабе ОКВ у генерала Буле, так что Гиммлер этого вооружения не получил.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо, Вы понимаете, конечно, что я не критикую Вашу сделку. Я не сомневаюсь в том, что Вы вполне заслуженно получали 95% , но дело в том, что Гиммлер использовал с Вашего согласия труд заключенных концлагерей для производства вооружения или, по крайней мере, намеревался это сделать. Вы же хотели, чтобы производство этого вооружения находилось под Вашим контролем.

ШПЕЕР. Нельзя ли передавать немного грромче перевод? Пожалуйста, повторите.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы же знали в то время, что Гиммлер использовал труд заключенных концлагерей для того, чтобы иметь свои независимые предприятия и что он намеревался включиться в производство вооружения с тем, чтобы иметь базу для вооружения СС. Вы знали об этом?

ШПЕЕР. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы также знали политику национал-социалистской партии и политику правительства по отношению

к евреям?

ШПЕЕР. Я знал, что национал-социалистическая партия является антисемитской партией, и что евреи из Германии были эвакуированы.

Г-н ДЖЕКСОН. Фактически Вы принимали участие в этой эвакуации, не так ли?

ШПЕЕР. Нет.

Г-н ДЖЕКСОН. У меня создалось такое впечатление на основании документа Л-156, представленного в качестве доказательства за № РФ-1522. Это письмо генерального уполномоченного по использованию рабочей силы от 26 марта 1943 года, которое Вы, несомненно, видели. Вы вновь можете ознакомиться с ним, если желаете. В этом письме сказано следующее:

"В конце февраля рейхсфюрер СС, по согласованию со мной и имперским министром вооружения и боеприпасов, в целях обеспечения безопасности государства снял с работы всех евреев, которые еще продолжали работать на свободе и не находились в лагерях, и направил их в трудовые лагери или собрал их для последующей отправки".

Правильно здесь описывается Ваша деятельность?

ШПЕЕР. Нет.

Г-н ДЖЕКСОН. Может быть, Вы мне скажете, какова была Ваша роль? Во всяком случае, нет никакого сомнения в том, что евреи действительно были об"единены в трудбригады или были собраны для депортации? Не так ли?

ШПЕЕР. Это правильно.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы говорите, что Вы не делали этого. Не скажете ли Вы, кто же это делал?

H1207 – 0412

H1207 – 0413

ШПЕЕР. Это довольно длительный процесс. Когда я в феврале 1942 г. занял свой пост, то партия выдвинула требование об удалении с военных заводов всех евреев, которые там еще продолжали работать. Я тогда запротестовал и добился того, что Борман издал специальный циркуляр, в котором говорилось, что евреи могут продолжать работать на военных заводах и что партийным инстанциям запрещается делать руководителям предприятий упреки политического характера за то, что они не увольняют с работы евреев. Такого рода политические упреки делали руководителям предприятий гаулейтеры, особенно Саксонии и в Берлине. После этого евреи могли оставаться на предприятиях. Не имея на это никаких полномочий, я разослал циркуляр партии всем руководителям предприятий, поместив его в своем бюллетене с тем, чтобы в случае, если партийные учреждения, несмотря на все, не выполнят это указание, ко мне поступят жалобы от руководителей предприятий. Вопрос этот таким образом был урегулирован, и все было спокойно до сентября или октября 1942 года. В это время состоялось совещание у Гитлера, на котором присутствовал Заукель и на котором Гитлер резко поставил вопрос о том, чтобы все евреи с военных заводов были уволены и отдал соответствующие распоряжения. Об этом свидетельствует сохранившийся протокол совещания. Но, несмотря на это, опять удавалось удержать евреев на заводах. И только в марте 1943г. как показывает документ, сопротивление оказалось безуспешным, и евреи должны были уйти с военных заводов.

Я хочу обратить внимание на то, что, насколько я помню, здесь речь не шла еще о еврейской проблеме в целом, а о том, что в 1941-1942 г.г. евреи пошли на военные заводы, чтобы,

получив работу, имеющую военное значение, избежать эвакуации, которая была уже в разгаре. Главным образом, они были заняты в электропромышленности. Здесь, безусловно, оказалось некоторое влияние тайного советника Бюхера, работавшего в электропромышленности, представлявшего фирму "АЭГ" /"Всеобщее электрообщество"/ и фирму Сименса. Он помог принять многих евреев на работу в эти фирмы. Тогда евреи были еще ~~в своих квартирах~~ совершенно свободны и их семьи жили еще в своих квартирах. Конечно, гаулейтер Заукель не представил мне этого документа, но Заукель утверждает, что он его также не видел. Верно то, что я узнал об этом мероприятии до того, как оно было проведено в жизнь, ибо следовало обсудить вопрос о том, как найти евреям замену, но верно также и то, что и на этот раз я выразил протест против снятия специалистов с работы военной промышленности, потому что это затруднило бы ее, не говоря уже о других предприятиях.

Г-н ДЖЕКСОН. Именно этот пункт я и хотел подчеркнуть. Как я понял, Вы всячески старались получить достаточное количество рабочей силы для военной промышленности, чтобы производить вооружение, необходимое для победы Германии в войне?

ШПЕЕР. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. И эта антисемитская кампания была настолько интенсивной, что она лишала Вас опытного технического персонала и не давала Вам возможности выполнить поставленные перед Вами задачи. Разве это не соответствует действительности?

ШПЕЕР. Я не понял смысла вопроса.

Г-н ДЖЕКСОН. Осуществление поставленной перед Вами зада-

14000

H1207 – 0414

H1207 – 0415

чи - выпускать вооружение для обеспечения победы Германии в войне, сильно осложнялось в связи с антисемитской кампанией, проводимой другими подсудимыми.

ШПЕЕР. Да это так. Совершенно ясно, что если бы те евреи, которые были эвакуированы, могли бы у меня работать, это было бы для меня большим преимуществом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Джексон, было ли установлено, кто именно подписал документ Л-156? Очевидно, на нем имеется подпись?

Г-н ДЖЕКСОН. Да, я думаю, что там имеется подпись. Я предполагаю, что это подпись генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Мы постараемся выяснить это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может быть, подсудимый может нам сказать, кто подписал этот документ /документ передается подсудимому/?

ШПЕЕР. Я не знаю этого человека; да, это, очевидно, какой-нибудь мелкий чиновник генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, т.к. со всеми ближайшими сотрудниками Заукеля я знаком лично... Нет, извините, документ, как я сейчас увидел, подписан руководителем Кобленца, с которым я, конечно, не знаком.

Г-н ДЖЕКСОН. Во всяком случае не возникает никаких сомнений по поводу содержания этих показаний, т.к. Вы дали соответствующие пояснения.

ШПЕЕР. Нет, никаких сомнений.

Г-н ДЖЕКСОН. Теперь я хочу спросить Вас о принудительном наборе рабочих. Если я Вас правильно понял, Вам было известно, что из Венгрии для работы на подземных авиационных заводах было вывезено 100.000 евреев. На допросе 18 октября 1945 г. Вы нам сообщили, что Вы не возражали против этого. Это правильно или нет?

ШПЕЕР. Да, это правильно.

Г-н ДЖЕКСОН. И совершенно откровенно в тот же день Вы сообщили нам, что для Вас вообще не было секретом то, что большая часть рабочих, рекрутируемых Заукелем, вербовалось незаконными путями. Это тоже правильно? Не так ли?

ШПЕЕР. Я обратил особое внимание на выражение, какое употребил тогда допрашивавший офицер; он сказал: "они приезжали не по своему желанию" - и я это подтвердил.

Г-н ДЖЕКСОН. Разве Вы не сказали, что для Вас не было секретом то, что они доставлялись туда незаконным методом? Разве Вы не добавили этого?

ШПЕЕР. Нет, нет, совершенно определенно нет.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо, но Вы во всяком случае знали, что на совещании у фюрера в августе 1942 г. фюрер одобрил все принудительные меры, применяемые при вербовке рабочих в случае, если их нельзя было завербовать на добровольных началах, и Вы знали, что эти меры проводились в жизнь? Вы нисколько не беспокоились о том, являются эти меры законными или беззаконными? Вам нужна была рабочая сила?

ШПЕЕР. Совершенно верно.

Г-н ДЖЕКСОН. Но вас абсолютно не беспокоил вопрос о том, делалось ли это законно или беззаконно?

ШПЕЕР. Я думаю, что это было вполне обосновано военным положением и всей той точкой зрения, которую мы занимали тогда в данном вопросе.

Г-н ДЖЕКСОН. Да, это соответствовало политике правительства. Для Вас этого было вполне достаточно в то время. Не так ли?

ШПЕЕР. Да, я считаю, что в тот момент, когда я принял свою должность, т.е. в феврале 1942 г., все нарушения между-

14002

H1207 – 0416

H1207 – 0417

народного права, которые мне сегодня могут быть поставлены в вину, к тому времени уже были реализованы.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы не будете отрицать того, что на Вас падает доля ответственности за осуществление этих мер, - ответственности юридической или фактической - безразлично. На Вас падает доля ответственности за насильственный угон в Германию рабочих. Вы не будете этого отрицать, не так ли?

ШПЕЕР. Рабочих в большинстве случае отправляли в Германию против их воли. Я знал, что они приезжали в Германию не по своему желанию. Но в первый период до осени 1942 г. я прилагал все усилия для того, чтобы таким образом в Германию прибыло как можно больше рабочей силы.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы также принимали некоторое участие в распределении этой рабочей силы на различные заводы и в различные отрасли промышленности, нуждавшиеся в ней?

ШПЕЕР. Нет, этот вопрос требует раз"яснения, т.к. он для меня не достаточно ясен.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо. В конце концов, Вы договорились с Заукелем относительно распределения рабочей силы по мере ее поступления в Германию, не так ли?

ШПЕЕР. Распределение рабочих определялось так называемой степенью необходимости в них. Конечно, я должен был говорить Заукелю, где именно, для выполнения какой программы больше всего была необходима рабочая сила. Окончательно вопрос решался генеральными директивами.

Г-н ДЖЕКСОН. Другими словами, Вы устанавливали очередность в обеспечении различных отраслей промышленности рабочей силой по мере ее поступления в Германию.

ШПЕЕР. Само собой разумеется, так это и должно было быть.

было быть.

Г-н ДЖЕКСОН. Теперь коснемся вопроса об использовании военнопленных. Могут быть расхождения в точных цифрах, но совершенно очевидно, что военнопленные использовались в военной промышленности, не так ли?

ШПЕЕР. Нет.

В военной промышленности использовались только русские военнопленные и интернированные итальянские военнослужащие. Я неоднократно обсуждал с Кейтелем вопрос использования в военной промышленности французских и других военнопленных. Я должен здесь сказать, что Кейтель каждый раз становился на ту точку зрения, что этих военнопленных нельзя заставлять работать, это противоречило бы Женевской конвенции об обращении с военнопленными.

Я могу сказать, лишь про себя только то, что на основании этого факта я не хотел настаивать на использовании военнопленных на военных предприятиях, нарушая Женевскую конвенцию. Конечно, такое понятие, как производство вооружения, очень спорное. Все зависит от определения данного понятия, от того, рассматривать ли его в широком или в узком смысле слова.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы были преемником д-ра Тодта и имели те же полномочия, которые раньше имел он?

ШПЕЕР. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. Одна из его директив от 31 октября 1941 г. /письмо ОКВ/, уже представленная здесь в качестве доказательства за № 214, - документ ЕС-194, предусматривает, что представители имперского министра вооружения и боеприпасов могут посещать лагери для военнопленных с тем, чтобы производить отбор квалифицированных рабочих. Это входило в Ваши полномочия, не так ли?

14884

H1207 – 0418

H1207 – 0419

ШПЕЕР. Нет, это особое мероприятие было проведено один ~~одним~~ раз доктором Тодтом по согласованию с ОКВ. Потом оно больше не проводилось.

Г-н ДЖЕКСОН. 22 апреля 1943 г. на 36-м совещании Бюро центрального планирования Вы, г-н Шпеер, выступили со следующей жалобой: "Имеется таблица данных о том, в какие сектора направлены русские военнопленные; эта таблица представляет большой интерес. Она показывает, что в военной промышленности занято только 30 процентов военнопленных. Я всегда высказывал свое недовольство по этому поводу".

Это правильно, не так ли?

ШПЕЕР. Здесь, мне кажется, неверно переведено. Нужно сказать, не в"промышленности боеприпасов", а в "военной" промышленности было занято 30 процентов.

Г-н ДЖЕКСОН. Я сказал в "военной".

ШПЕЕР. Да. Но это еще не является доказательством того, что такое использование военнопленных являлось нарушением Женевской конвенции об обращении с военнопленными, потому что в секторе военной промышленности было достаточно возможности использовать их в процессе производства предметов, которые с точки зрения Женевского соглашения не считались военными. Несмотря на это, мне кажется, что в отношении русских военнопленных не придавалось большого значения строгому соблюдению положений Женевской конвенции, как это имело место в отношении военнопленных западных стран.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы утверждаете, что военнопленные, я говорю здесь о французских военнопленных, не использовались на предприятиях по производству материалов, которые предназначались непосредственно для войны, или же Вы утверждаете, что они и использовались там, но это было законно в соответствии

с положением Женевской конвенции?

ШПЕЕР. Насколько мне известно, в отношении французских военнопленных эти положения не нарушались. Я не могу этого точно сказать, т.к. контроль за их использование не входил в функции моего учреждения. Однако во время моих многочисленных посещений заводов мое внимание ни разу не было обращено на то, чтобы где-нибудь военнопленные из западных областей изготовляли оружие.

Г-н ДЖЕКСОН. Скажите нам, пожалуйста, точно, что именно делали французские военнопленные в промышленности, где они работали?

ШПЕЕР. На это я не могу Вам ответить. Я уже вчера говорил, что распределение военнопленных, иностранных и немецких рабочих по предприятиям не входило в мои функции, этим ведало управление труда совместно с администрацией стационарных лагерей военнопленных, если имелись в виду последние.

Я только один раз получил общий отчет о том, какое всего количество рабочих и каких именно специальностей было занято на заводах. Я не мог составить себе общее представление о том, какие именно рабочие работали на отдельных предприятиях. Поэтому на этот вопрос я не могу дать исчерпывающего ответа.

Г-н ДЖЕКСОН. Теперь займемся вопросом о тех 50.000 квалифицированных рабочих, которые, как Вы вчера сказали, были Вами вывезены и использованы на работе в различных областях промышленности и в отношении которых Заукель выражал свое недовольство. На какой работе Вы использовали этих рабочих?

ШПЕЕР. Да, но это не были военнопленные.

14006

H1207-0420

H1207 – 0421

Г-н ДЖЕКСОН. Поговорим об этих рабочих. Где Вы их использовали?

ШПЕЕР. Эти рабочие были переброшены с Атлантического вала, где они работали, в Рурскую область с целью ремонта обеих плотин, которые были повреждены в результате воздушных налетов. Нужно сказать, что сначала я не знал о перемещении этих 50 тысяч рабочих и переброска их с запада в Германию означала для нас катастрофу на Атлантическом вале; Одна треть всех занятых на строительстве Атлантического вала рабочих после этого покинула строительство, т.к. рабочие боялись, что они тоже попадут в Германию. Поэтому мы постарались как можно скорее отменить это мероприятие, чтобы сохранить к себе то доверие, которое питали к нам французские рабочие, работавшие на строительстве Атлантического вала. Из этого факта следует, что французские рабочие у нас не строительных работах организации Тодта работали не по принуждению, иначе оно не могло бы быть такого массового ухода тотчас же, как только они узнали об опасности быть направленными в Германию. Итак, это мероприятие с 50.000 рабочими из организации Тодта во Франции было единичным явлением, которое мы вскоре прекратили. Это была ошибка, которая всегда может произойти, если министр дает строгое указание, а низшие инстанции начинают всеми имеющимися средствами выполнять его.

Г-н ДЖЕКСОН. Известен ли Вам документ ЕС-60, в котором говорится, что организация Тодта должна производить набор рабочей силы насильственными методами?

ШПЕЕР. В данный момент я этого не помню. Разрешите посмотреть документ.

Г-н ДЖЕКСОН. Пожалуйста, если Вы хотите. Напоминаю Вам, что этот документ противоречит Вашим показаниям по этому вопросу. Это - страница 42-я, следующий абзац:

"К сожалению, число рабочих, предоставляемых организации Тодта на основании статьи 52 Гаагской конвенции относительно правил ведения сухопутной войны, вот уже в течение некоторого времени значительно уменьшилось , так как большая часть направленных туда рабочих вообще не является. Поэтому должны быть приняты принудительные меры. Правда, префект и французские трудовые биржи сотрудничают с нами вполне лойяльно. Однако, они недостаточно авторитетны для того, чтобы провести это в жизнь."

ШПЕЕР. Я думаю, что меня возможно неправильно поняли. Я не оспариваю того, что большая часть рабочих организации Тодт, работавших на западе, была обязана работать и что на основании этой трудовой повинности они приходили на строительство, но у нас не было возможности в принудительном порядке удержать их на этой работе. Вот что я и хотел сказать. Если они не хотели работать, они могли уйти с работы и примкнуть к движению сопротивления или же скрываться где-нибудь в другом месте.

Г-н ДЖЕКСОН. Это так называемая система трудовой повинности являлась системой принуждения? Не так ли?

ШПЕЕР. Речь идет о трудовой повинности французских рабочих - в Германии или во Франции. Правда, я должен еще добавить, что этот отчет относится к июню 1943 г. В октябре 1943 г. вся организация Тодта была приравнена к разряду особых предприятий, с которых рабочих не мобилизовали в Германию. Таким образом она получала все преимущества этих предприятий, о которых я подробно говорил вчера. Это был шаг, обеспечивший организации Тодта огромный приток рабочих, которые приходили добровольно, если не считать косвенным принуждением

H1207-0422

H1207 - 0423

того давления, которое оказывалось на них путем угрозы переброски в Германию, так что эта опасность заставляла их итти в организацию Тодта или же в другие предприятия закрытого типа, откуда рабочих не мобилизовали.

Г-н ДЖЕКСОН. Помещались ли эти рабочие в трудовые лагери?

ШПЕЕР. На строительстве всегда делается так. Строительные участки находились далеко от деревень и потому создавались специальные лагери для рабочих, где размещались как немецкие, так и иностранные рабочие. Но, когда представлялась возможность, мы размещали рабочих также в деревнях. Я не думаю, чтобы они, как правило, размещались только в лагерях. Точно я не могу этого сказать.

Г-н ДЖЕКСОН. Документ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Представлялся ли этот документ раньше?

Г-н ДЖЕКСОН. Я как раз хотел назвать Вам номер. Документ, который я цитировал, является доказательством США № 892.

Итак, оставим вопрос о Вашем личном участии в этом...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Джексон, это новый документ?

Г-н ДЖЕКСОН. Нет, этот документ уже был представлен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Был ли этот документ представлен ранее?

Г-н ДЖЕКСОН. Мне только что сказали, что я ошибся и что это - новый документ; № 892 - это новый номер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Могли бы Вы нам сказать, что это за документ и откуда он поступил? На нем имеется номер ЕС-60, следовательно, он относится к числу захваченных документов.

Г-н ДЖЕКСОН. Это один из документов экономического характера. Это очень большой документ.

14009

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Можете ли Вы нам сказать, что это за документ и кем он подписан? Очевидно, это очень большой документ. Не так ли?

Г-н ДЖЕКСОН. Это очень большой документ. Это отчет оберфельдкоменданта. Документ подписан - Лилле.

/Обращаясь к свидетелю./ Теперь перейдем к вопросу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разрешите мне взглянуть на этот документ. Г-н судья Джексон, я обращаю внимание на тот факт, что в протокол войдет лишь та часть документа, которую Вы огласили. Но Вы не указали ни даты, ни подписи документа. Я не знаю, имеется ли вообще подпись на этом документе?

Г-н ДЖЕКСОН. Я не намерен представлять этот документ. Я лишь делаю это для того, чтобы освежить память подсудимого. Я могу коснуться этого документа более подробно, если Ваша честь желает этого, Но в документе много материала, не относящегося к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо. Если Вы не хотите представлять этот документ в качестве доказательства, то в таком случае нам не следует его рассматривать.

Г-н ДЖЕКСОН. Большая часть документа не относится к делу. Выдержка соответствующим образом заверена.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В таком случае Вы можете ссылаться на документ; и нет необходимости соответствующим образом заверять документ для представления его в качестве доказательства.

Г-н ДЖЕКСОН. Оставим вопрос о Вашем личном участии в этих делах и перейдем к вопросам, относящимся ко второй части Вашего прямого допроса. Я хочу спросить Вас о Вашем показании по поводу предложения отказа от Женевской конвенции. Вчера Вы показали, что было внесено предложение отка-

14010

H1207 – 0424

H1207 – 0425

заться от выполнения пунктов Женевской конвенции. Может быть, Вы нам скажете, кто внес такое предложение?

ШПЕЕР. Это предложение, как я вчера уже говорил, было выдвинуто д-ром Геббельсом после воздушного налета на Дрезден. Уже раньше, начиная с осени 1944 года, Геббельс и Лей начали поговаривать о том, что надо всеми средствами обострить войну. У меня создалось впечатление, что налет на Дрезден и то возмущение, которое было этим вызвано, дали Геббельсу повод начать добиваться отказа от Женевской конвенции.

Г-н ДЖЕКСОН. В то время было выдвинуто предположение начать химическую войну? Было тогда внесено такое предложение?

ШПЕЕР. Я не мог прямо, сам лично установить, что действительно намеревались начать химическую войну. Но я знал от различных сотрудников Лея и Геббельса, что последние ставили вопрос о применении наших новых газов "Табун" и "Зарин". Они считали, что оба эти газа будут особенно эффективны, и на самом деле действие их было ужасным. Это мы почувствовали уже осенью 1944 г., когда положение очень обострилось и заставило многих побеспокоиться.

Г-н ДЖЕКСОН. Не расскажете ли Вы нам сейчас об этих двух газах, о производстве этих газов, о их свойствах, а также о той подготовке, которая проводилась для ведения химической войны?

ШПЕЕР. Я не могу рассказать об этом подробно, потому что я не специалист в этом деле. Я знаю только, что эти газы были особенно эффективны, что от них не мог

спасти никакой противогаз, т.е. не было никаких защитительных средств. Другими словами, солдат не мог защитить себя от них. Мы имели три завода, которые вырабатывали эти газы, которые совершенно не были разрушены и до ноября 1944 г. работали на полную мощность. Когда до нас дошли слухи о возможности применения газов, в ноябре 1944 г. я прекратил их производство.

Я вывел эти заводы из строя тем, что прекратил поставку так называемых промежуточных продуктов, т.е. химических веществ. И действительно по данным союзных властей примерно с конца декабря или с начала января производство газов у нас было прекращено, т.е. заводы не работали... Сначала я пытался добиться разрешения закрыть эти газовые заводы легальным путем. Я написал Гитлеру письмо, которое здесь имеется и которое датировано октябрем 1944 г. Свое требование остановить работу этих заводов я мотивировал тем, что промежуточные продукты , главным образом, цинк, нужны при воздушных налетах и для других целей.

Гитлер дал мне знать, что производство газов ни в коем случае не должно быть приостановлено, но я отдал распоряжение промежуточные продукты не поставлять.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы можете сейчас назвать ту группу людей, которые выступали за ведение химической войны?

ШПЕЕР. В военных кругах определенно не было ни одного человека, который выступал бы за химическую войну. Все разумные военные люди отрицательно относились к ней. Начать химическую войну было бы просто безумием, так как при наличии того превосходства в воздухе, которое имели Вы, совершенно незащищенные немецкие города постигла бы

14012

H1207 – 0426

H1207 – 0427

ужасная катастрофа.

Г-н ДЖЕКСОН. Люди, выступавшие за химическую войну, относились к политическим деятелям окружавшим Гитлера?

ШПЕЕР. Сторонниками химической войны были люди, занимавшиеся политикой, круг их был строго ограничен. В первую очередь это были - Борман, Лей и Геббельс. Это была та самая тройка, которая все время любыми средствами хотела добиться обострения борьбы. Такой человек, как Фегелейн, определенно относился к одной из подобного рода групп. Не могу с уверенностью сказать это о Гиммлере, т.к. последний в то время находился в некоторой немилости у Гитлера, потому что он позволял себе роскошь командовать группой армии, ничего не понимая в этом деле.

Г-н ДЖЕКСОН. Один из этих газов был тем газом, который Вы предложили испытать на тех, кто предлагал применить газы в отношении других людей. Я полагаю Вы предлагали это потому...

ШПЕЕР. Я должен совершенно откровенно сказать: причиной возникновения этих планов явилось то, что мы боялись применения газов и невольное предположение о возможной необходимости применения газов заставило нас создать такой план.

Г-н ДЖЕКСОН. Насколько я понимаю, Вы приводили те же доводы, что и военные лица. Иными словами, было ясно, что Германия могла оказаться в еще более худшем положении, если бы она начала подобного рода войну. Это то, что беспокоило военных. Не так ли?

ШПЕЕР. Нет, не только это. В той фазе войны было ясно, что ни в коем случае нельзя допускать никаких международных преступлений, которые после поражения Германии

были бы обвинением для всего немецкого народа. Вот что было здесь решающим.

Г-н ДЖЕКСОН. Что Вы можете сказать относительно бомб, которые все еще продолжали сбрасывать на Англию после того, как стало уже совершенно очевидно, что война проиграна?

ШПЕЕР. Вы имеете в виду самолеты-снаряды?

Г-н ДЖЕКСОН. Да.

ШПЕЕР. Производство самолетов-снарядов с технической точки зрения было для нас дорогостоящим делом, а действие их по сравнению с затраченными средствами - минимальным. Поэтому мы не были очень заинтересованы в том, чтобы выпускать их в большом количестве. Тот, кто больше всех настаивал на их выпуске, был Гиммлер. Он поручил обергруппенфюреру Таммеру расстрелять все самолеты-снаряды над Англией. В армейских кругах придерживались того же мнения, что и я , а именно, считали, что они обходятся слишком дорого. Подобного же суждения придерживались и офицеры военно-воздушного флота, т.к. на те средства, которые требовались для производства одного самолета-снаряда, можно бы было построить истребитель. Ясно, что для нас было бы куда лучше, если бы мы отказались от этой бессмыслицы.

Г-н ДЖЕКСОН. Возвратимся к свойствам этого газа. Одним из свойств этого газа было то, что он выделял большое количество тепла. В момент, когда происходил взрыв, создавалась чрезвычайно высокая температура, от которой ничто не могло защитить. Это правильно?

ШПЕЕР. Нет. Это ошибка. Дело обстоит следующим образом: обычные газы испаряются при нормальной температура воздуха. Этот газ испарялся только лишь при очень высокой

14814

H1207 – 0428

H1207 – 0429

температуре, а температура повышалась до необходимого предела только тогда, когда происходил взрыв.

Когда взрывчатое вещество взрывается, создается, как известно, очень высокая температура и газ испаряется. Твердое вещество превращается в газ. По действие его совершенно не зависит от температуры.

Г-н ДЖЕКСОН. Известно ли Вам, что с этим газом и проводили различные опыты.

ШПЕЕР. Нет, этого я не могу сказать. Наверное, делали опыты.

Г-н ДЖЕКСОН. Кто возглавлял проведение этих опытов?

ШПЕЕР. Насколько мне известно, его возглавлял отдел усовершенствования управления вооружения штаба сухопутных сил. Точно я не могу этого сказать.

Г-н ДЖЕКСОН. Ряд опытов и исследовательских работ проводился также и в области атомной энергии, не так ли?

ШПЕЕР. К сожалению, мы не достигли еще таких успехов в этой области, так как все лучшие силы, которые занимались изучением атомной энергии, выехали в Америку. Мы очень отстали в данном вопросе. Нам потребовалось бы еще один-два года для того, чтобы расщепить атом.

Г-н ДЖЕКСОН: Политика изгнания тех людей, которые не соглашались с режимом Германии, не дала хороших результатов?

ШПЕЕР: Да, в данном случае это привело к отрицательным результатам.

Г-н ДЖЕКСОН: У меня имеется сообщение об одном эксперименте, который был проведен близ Освенцима, и я хотел бы спросить, Вы слышали о нем или знакомы с ним? Цель этих опытов заключалась в том, чтобы найти эффективное средство для быстрого уничтожения людей без излишних беспокойств, которые неизбежны при расстрелах, отравлении газами, сожжении и т.д.

Как мне сообщили, этот опыт проводился следующим образом? В специально отстроенной небольшой деревне разместили, примерно, 20 тысяч евреев. Посредством этого вновь изобретенного средства 20 тысяч человек были уничтожены почти мгновенно и так, что от них ничего не осталось. В результате взрыва температура достигала 400°-500° по Цельсию. Люди были уничтожены так, что от них не осталось никаких следов.

Вам известен этот опыт?

ШПЕЕР: Я считаю это совершенно невероятным. Я знал бы... если бы у нас готовились такого рода боевые средства. Это бы не осталось для меня неизвестным. Но у нас не было ничего подобного, так как совершенно очевидно, что в области химической войны обе стороны стремились к тому, чтобы овладеть всеми боевыми средствами, какие только вообще были возможны, ибо никто не знал, кто начнет химическую войну.

Г-н ДЖЕКСОН: Значит сообщения о новом секретном оружии были весьма преувеличены для того, чтобы поддержать в немец-

14016

H1207 – 0430

H1207 – 0431

ком народе желание продолжать войну?

ШПЕЕР: Да, в последнюю фазу войны это было действительно так. Начиная с июня - июля месяца 1944 года я очень часто бывал на фронте, посетил 40 фронтовых дивизий на их боевых рубежах, и должен был при этом констатировать, что в войсках также, как и в немецком народе, старались поддержать веру в победу, которая должна была притти в результате применения нового чудодейственного оружия, которое позволит не вводить в бой живой силы. Только этой надеждой можно об"яснить себе тот факт, что в Германии многие люди жертвовали своей жизнью, хотя в душе они знали, что война окончена. Но они верили, что в самом ближайшем будущем появится новое оружие. Я писал об этом Гитлеру и, неоднократно выступая с речами даже перед пропагандистами Геббельса, пытался поколебать эту веру. Но как Гитлер, так и Геббельс заявили мне, что это не пропаганда, которая проводится ими, а это вера, которая родилась в самом народе. Только здесь, на скамье подсудимых, я услышал от Фриче, что такого рода пропаганда проводилась систематически, она проникала в народ по каким-то невидимым каналам; ею руководил штандартенфюрер-СС Берг. Из этого мне многое стало ясным. Берг как представитель министерства пропаганды часто присутствовал на заседаниях и на больших совещаниях в моем министерстве, так как он писал об этом в прессе. Он был в курсе всех наших планов на будущее и, таким образом, использовал свою осведомленность для того, чтобы придавать гласности эти сильно приукрашенные сведения.

Г-н ДЖЕКСОН: Когда же стало очевидным, что война проиграна? Насколько я понимаю, Вы считали себя в некоторой сте-

пени ответственным за то, чтобы вывести германский народ из войны с минимальными потерями. Является ли это правильным изложением Вашей точки зрения?

ШПЕЕР: Да, у меня было такое чувство, но не только по отношению к немецкому народу. Я сознавал, что нужно пресечь всякие разрушения также и в оккупированных областях. Для меня это было одинаково важно по той простой причине, что я пришел к выводу, что после войны будут обвинять во всех этих разрушениях не нас, а будущее правительство или немецкий народ.

Г-н ДЖЕКСОН: Ваше расхождение во мнении с теми людьми, которые хотели продолжать войну до самого конца, заключалось в том, что Вы хотели, чтобы Германия могла бы опять воспрянуть? Разве это не так? В то время, как Гитлер считал, что, если он сам не сможет пережить конца, то ему совершенно безразлично, переживет ли его Германия.

ШПЕЕР: Это правильно. Я никогда бы не решился дать такие показания здесь на Суде, если бы я не мог доказать правильность их документами, так как подобного рода показания звучат как нечто невероятное, ужасное. Письмо, которое я написал Гитлеру 29 марта, где подтверждается это его высказывание, говорит за то, что оно принадлежит ему.

Г-н ДЖЕКСОН: Хорошо. Позволю себе заметить, что эта точка зрения Гитлера для нас не нова. По-моему, почти во всех странах было известно, что именно таковой была его точка зрения. Скажите, Вы присутствовали, когда Гитлер получил телеграмму от Геринга, в которой последний предлагал, чтобы он, Геринг, возглавил правительство?

14018

H1207-0432

H1207 – 0433

ШПЕЕР: 23 апреля я вылетел в Берлин, чтобы проститься со своими сотрудниками и, откровенно говоря, для того, чтобы после всего происшедшего предоставить себя в распоряжение Гитлера. Может быть, здесь это звучит несколько странно, но во мне говорили противоречивые чувства, когда я начинал думать о том, что я хотел сделать против него, и вообще когда я представлял себе все его поведение... Мое отношение к Гитлеру в то время еще не выяснилось, не было еще определенной базы в моих отношениях к нему. Я полетел к нему. Я не знал, известны ему мои дела или нет. Я был в неведении, прикажет он мне или нет остаться в Берлине. Я считал своим долгом не бежать, как трус, а еще раз отдать себя в распоряжение этого человека. В тот день на имя Гитлера поступила телеграмма от Геринга. Нет, это была телеграмма Геринга не Гитлеру, а Риббентропу, Борман передал ее Гитлеру.

Г-н ДЖЕКСОН: Передал ее Гитлеру?

ШПЕЕР: Да, Гитлеру.

Г-н ДЖЕКСОН: Что сказал Гитлер по этому поводу?

ШПЕЕР: Гитлер был чрезвычайно взволнован содержанием этой телеграммы и в очень ясной форме высказался о Геринге, заявив, что он уже давно знал, что Геринг подвел его, что он продажный человек и морфинист. Я был чрезвычайно потрясен, так как мне казалось, что если ему как главе государства это давно известно, то ему нет извинения за то, что он оставлял на посту такого человека, от которого зависела судьба многих людей. Однако характерным для позиции Гитлера во всем этом вопросе было то, что он вслед за этим сказал: "Но переговоры о капитуляции он все же может вести".

Г-н ДЖЕКСОН: Он сказал, почему он хочет, чтобы именно Геринг вел переговоры о капитуляции?

ШПЕЕР: Нет. Он сказал в пренебрежительном тоне: "Теперь в конце-концов совершенно безразлично, кто это сделает". Этим он выразил свое отношение к немецкому народу.

Г-н ДЖЕКСОН. То-есть он считал, что все безвозвратно потеряно и не остается ничего другого, как дать Герингу возможность сделать это. Так его следовало понять?

ШПЕЕР. У меня создалось такое впечатление.

Г-н ДЖЕКСОН. Оказала ли на Вас политика, ввергнувшая Германию в пропасть после того, как война была проиграна, такое влияние, что Вы стали участником ряда заговоров, ставив - ших себе целью устранение людей, ответственных, как Вы в этом убедились сегодня, за разрушения в Вашей стране?

ШПЕЕР. Да. Но я хотел бы еще сказать в связи с этим ...

Г-н ДЖЕКСОН. Существовали и другие заговоры, кроме тех, о которых Вы нам рассказали. Не так ли?

ШПЕЕР. В то время было чрезвычайно просто организовать заговор. Стоило остановить любого человека на улице и объяс - нить ему положение вещей, как он сразу соглашался с тем, что это явное безумие и, если у него имелось хоть сколько-нибудь мужества, он соглашался на все. У меня, к сожалению, не было аппарата, которым я мог бы командовать и который мог бы что-либо сделать в этом направлении. Поэтому я был вынужден устанавливать связь с самыми различными людьми с помощью бесед. Однако мне хотелось бы сказать, что подобного рода деятель - ность была не столь опасна, как это может показаться ... может быть... имелось еще несколько десятков безумцев. Остальные 80 миллионов были очень разумны, поскольку они знали, что ставилось на карту.

14020

H1207 – 0434

H1207 – 0435

Г-н ДЖЕКСОН. Возможно, Вы испытывали в какой-то степени чувство ответственности за то, что подчинили судьбу 80 миллионов людей целиком и полностью принципу фюрерства? Сознавали ли Вы это тогда, или Вы осознали это лишь сегодня, обратившись к прошлому?

ШПЕЕР. Я не совсем понял смысл Вашего вопроса. Нельзя ли повторить вопрос еще раз?

Г-н ДЖЕКСОН. У Вас было 80 миллионов здравомыслящих людей, устремлявшихся в бездну. Дюжины людей оказалось достаточно, чтобы ввергнуть народ в бездну и никто не был в состоянии остановить их? Я Вас сейчас спрашиваю, Вы испытывали чувство ответственности за установление в Германии принципа фюрерства, который так красочно описал нам Геринг?

ШПЕЕР. Я лично, став в феврале 1942 г. министром, тем самым уже подчинил себя этому принципу фюрерства. Правда, в моей организации я впоследствии увидел, что этот принцип фюрерства имеет колоссальные ошибки, и пытался ослабить его действие. Но страшная опасность, заложенная в основе этой авторитарной системы, стала очевидной лишь в тот момент, когда приближался ее конец. Тогда стало ясно, что означает принцип фюрерства, требующий безоговорочного выполнения любого приказа.

Все, что мы видели здесь на процессе, - безоговорочно выполнявшиеся приказы, в том числе, например, приказы о разрушении мостов в своей собственной стране. Только сейчас выявились ошибки или последствия этой авторитарной системы. Авторитарная система..., вернее, конец ее показал, какая страшная опасность кроется в ней, даже совершенно не при -

14021

нимая во внимание личность Гитлера. Сочетание Гитлера и этой системы привело мир к ужасной катастрофе.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо. Гитлер мертв, - я полагаю, Вы согласны с этим? И мы бессильны воздать ему должное. Не правда ли, что среди людей, окружавших Гитлера, помимо Вас, не было ни одного человека, который бы мог встать и сказать ему прямо в глаза, что война проиграна?

ШПЕЕР. Да, в известной мере это правильно. Среди военных руководителей было много таких, которые совершенно ясно говорили Гитлеру, каково положение на вверенных им участках. Многие командующие войсковых соединений совершенно недвусмысленно говорили ему о катастрофическом развитии событий. Во время обсуждения обстановки это вызывало жаркие дискуссии. Такие люди, как, например, Гудериан и Йодль часто в моем присутствии делали Гитлеру ясные доклады о положении дел на подведомственных им участках работы и Гитлер должен был видеть общую картину, но я не мог установить, приходил ли кто-либо из ответственных лиц, окружавших Гитлера, к нему со словами: "Война проиграна". Я также не видел, чтобы эти ответственные лица делали попытку установить между собой контакт, чтобы совместно каким-либо образом повлиять на Гитлера. И я сам, если не считать немногих исключений, также не предпринимал попытки подобного рода, так как это было бы бесцельно, ибо в тот период Гитлер так запугал всех своих ближайших сотрудников, что они стали совершенно безвольными.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо, давайте обратимся ко второму лицу в Германии, который сказал нам, что он готов был

14022

H1207 – 0436

H1207 – 0437

бороться до конца. Вы присутствовали при разговоре между Герингом и генералом Галандом, во время которого Геринг, по существу, запретил Галанду сообщать о том страшном несчастьи, которое ожидало Германию?

ШПЕЕР. В такой форме это не соответствует действи - тельности. Разговор был иным.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо, расскажите нам все, что Вам известно о беседе генерала Галанда с Герингом.

ШПЕЕР. Это было в ставке Гитлера в Восточной Пруссии, у поезда Геринга. Галанд доложил Гитлеру, что вражеские истребители сопровождают соединения бомбардировщиков уже до района Лютиха, и что следует ожидать, что эти соедине - ния бомбардировщиков будут сопровождаться истребителями и на большие расстояния. После обсуждения обстановки у Гитле- ра, Геринг вызвал к себе Галанда и с возмущением заявил ему, что доложенное последним не может соответствовать дей- ствительности, Геринг выразил уверенность в том, что истре- бители не могут сопровождать бомбардировщиков до Лютиха. При этом он сослался на свой опыт старого летчика-истреби - теля. Галанд ответил на это, что истребители уже сбиты, и их обломки находятся у Лютиха. Геринг не хотел этому верить. Галанд, будучи весьма прямым человеком, весьма определенно высказал Герингу свое мнение, не обращая внимания на воз - мущение последнего.

В конце-концов Геринг как командующий военно-воздуш- ными силами категорически запретил Галанду докладывать об этом факте. Он не допускал такой возможности, что вражеские истребители так далеко проникали на территорию Германии, и

14023

и приказал Галанду придерживаться такого же мнения.

Я еще раз беседовал на эту тему с Галандом, которого Геринг снял с поста командующего истребительной авиации. В тот период времени Галанд командовал истребительной авиацией, входившей в состав ВВС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда происходила эта беседа?

Г-н ДЖЕКСОН. Я как раз собирался спросить об этом.

ШПЕЕР. Скорее всего это было в конце 1943 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Судья Джексон, может быть, сейчас лучше будет сделать перерыв.

/ Объявляется перерыв на 10 минут /

Смотри следующ.страницу.

14024

H1207 – 0438

H1207 – 0439

Встать! Суд идет!

Г-н ДЖЕКСОН. Господа судьи, я хотел спросить свидетеля следующее: в дни, когда Вы боролись за получение достаточного количества рабочей силы для производства вооружения Германии, было ли Вам известно о том, что Геринг использовал рабочую силу для того, чтобы собирать произведения искусства и переправлять их в Германию лично для себя? Что Вам было известно в то время об этом?

ШПЕЕР. Для этого ему нужно было немного рабочей силы.

Г-н ДЖЕКСОН. Да, но эти несколько рабочих были очень ценными, не так ли?

ШПЕЕР. Были ценными произведения искусства, а не рабочие.

Г-н ДЖЕКСОН. Для него?

ШПЕЕР. Да.

Г-н ДЖЕКСОН (смеется). Хорошо... Теперь я хочу Вас спросить о тех усилиях, которые Вы прилагали в области производства, очевидно, Вам приходилось сталкиваться с большими трудностями? Крупп играл весьма значительную роль в производстве вооружения Германии, не так ли?

ШПЕЕР. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. Он возглавлял крупнейшее об"единение, не так ли?

ШПЕЕР. Да, но как я вчера уже об"яснял, он производил мало оружий и мало предметов вооружения, но это был один из самых крупных и видных концернов в системе всей военной промышленности.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы старались, насколько это было возможно, предотвратить использование ресурсов и рабочей силы для произ

вдства тех товаров, которые не были нужны для ведения войны. Это верно?

ШПЕЕР. Да, это верно.

Г-н ДЖЕКСОН. И то, что производилось на заводах Круппа, будь то пушки или какие-либо другие предметы, было крайне необходимым для военной экономики или для ведения войны. Это правильно, не так ли?

ШПЕЕР. Здесь можно сказать вообще. В конце-концов важен любой предмет, который изготовляется во время войны на родине, - будь то пара сапог для рабочего, одежда или уголь, - все это служит, конечно, для того, чтобы сделать возможным дальнейшее ведение войны. Однако это не имеет никакого отношения к давно устаревшим положениям Женевской конвенции о военнопленных.

Г-н ДЖЕКСОН. В настоящее время я не затрагиваю вопроса о положениях Женевской конвенции. Я хочу задать Вам несколько вопросов о Ваших усилиях в целях увеличения производства жизненно необходимых материалов. Я хотел спросить, было ли это военными материалами или нет, каковы были условия, в которых находились рабочие по милости правительства? Мне кажется, Вы сможете нам дать некоторую информацию по этому вопросу. Вы часто посещали заводы Круппа, не правда ли?

ШПЕЕР. Я был пять или шесть раз на заводах Круппа.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы были достаточно хорошо информированы о росте производительности труда, как на заводах Круппа, так и на других заводах?

ШПЕЕР. Во время этих посещений речь шла о ликвидации последствий воздушных налетов, я всегда приезжал после такого налета и имел возможность ознакомиться с выпуском продукции.

14026

H1207 - 0440

H1207 – 0441

Я очень хорошо знал этот вопрос, так как я работал очень много.

Г-н ДЖЕКСОН. Крупп имел несколько трудовых лагерей?

ШПЕЕР. Само собой разумеется у него были трудовые лагери.

Г-н ДЖЕКСОН. Крупп использовал на своих заводах очень большое количество как иностранных рабочих, так и военнопленных, не так ли?

ШПЕЕР. Я не могу определить процентного соотношения, но, несомненно, Крупп использовал также иностранных рабочих и военнопленных.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо, я могу сказать Вам, что мы расследовали трудовые лагери Круппа и на основании картотеки самого же Круппа мы установили, что в 1943 г. в трудовых лагерях находилось 39.245 иностранных рабочих и 11.234 военнопленных, что эти цифры все время возрастали и в сентябре 1944 г. они достигли 54.990 иностранных рабочих и 18.902 военнопленных. Близки ли эти цифры к тем сведениям, которые можете привести Вы на основании того что известно Вам?

ШПЕЕР. Мне неизвестны подробности, я не помню сейчас цифры и не помню сколько всего рабочих было у Круппа. Я думаю, что процент иностранных рабочих у Круппа был тот же самый, что и на других военных предприятиях.

Г-н ДЖЕКСОН. Итак, какой же приблизительно процент составляли эти рабочие?

ШПЕЕР. Эта цифра очень сильно колебалась. На более старых предприятиях, где имелся кадровый состав рабочих, процент иностранных рабочих был более незначительным, чем на

новых, только что созданных предприятиях, не имевших старых кадров. Причина заключалась в том, что молодые возрасты призывались в армию, на предприятиях, располагавших старыми кадрами рабочих, был большой процент рабочих старших возрастов. Поэтому то на предприятиях, выпускающих предметы вооружения сухопутных войск, т.е. на старых предприятиях, процент занятых иностранных рабочих был меньше, чем на предприятиях, выпускающих вооружение для ВВС, т.е. вновь созданных предприятиях, не имевших в своем распоряжении старых кадровых рабочих. Но цифры я при всем желании не могу Вам назвать.

Г-н ДЖЕКСОН. Иностранные рабочие, которые работали на заводах Круппа, возьмем заводы Круппа в качестве примера, были размещены в трудовых лагерях, которые охранялись не так ли?

ШПЕЕР. Я не думаю, чтобы они охранялись, но я не могу этого точно сказать. Я не хочу здесь умолчать какие-либо полученные мной сведения, но я не имел абсолютно никакой возможности заниматься этими вопросами, посещая предприятия, так как я беспокоился о другом. Вообще за все время моего пребывания на посту министра вооружения, я ни разу не посетил ни одного лагеря для рабочих - и поэтому не могу дать никаких сведений.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо, сейчас я намереваюсь дать Вам некоторую информацию о трудовых лагерях Круппа и затем в связи с этим задам Вам несколько вопросов. Я не собираюсь утверждать, что Вы лично были ответственны за условия, в которых находились эти рабочие. Я просто хочу указать Вам на то, что было сделано в этом направлении правительством, а затем

14028

H1207 - 0442

H1207 - 0443

спросить Вас, как это отражалось на Ваших устремлениях в области увеличения выпуска продукции.

Известен ли Вам документ Д-288, представленный в качестве доказательства США-202? Этот документ представляет собой письменное показание, данное под присягой доктором Егер, который позднее был вызван в суд в качестве свидетеля.

ШПЕЕР. Да. Но мне кажется, что здесь многое преувеличено.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы отрицаете, что эти показания соответствуют действительности?

ШПЕЕР. Нет.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо. Вам лично ничего не было известно о существовавших там условиях. На чем основывается Ваше предположение о том, что заявление доктора Егера является преувеличенным?

ШПЕЕР. Если бы положение вещей действительно было таковым, то я, наверное, услышал бы об этом, так как, само собой разумеется, руководитель предприятия во время моих посещений обращался ко мне со всеми своими трудностями и невзгодами. Последние были особенно ощутимы после воздушных налетов, когда, например, немецкие и иностранные рабочие оставались без крова. Тогда мне сообщали о случившемся. Поэтому я могу сделать вывод, что описанное в аффидевите Егера положение вещей было временным, а не постоянным явлением. Это было результатом воздушних налетов и продолжалось неделю или две, а потом все снова налаживалось. Совершенно ясно, что после сильного налета авиации на какой-либо город выходило из строя все: водопровод, газопровод, электрическая сеть. Таким образом, условия на определенный период

времени становились очень тяжелыми.

Г-н ДЖЕКСОН. Я напомню Вам о том, что письменные показания доктора Егера относятся к октябрю 1942 г. и о том, что он был вызван сюда в качестве свидетеля. Вы, конечно, знакомы с его устными показаниями?

ШПЕЕР. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо. Сейчас я хочу обратить Ваше внимание на новый документ Д-361, представленный в качестве доказательства за № США-893. Документ подписан начальником управления паровозостроительных заводов; он сообщает о тех условиях, в которых находились его иностранные рабочие. Я вновь повторяю, что я не считаю Вас ответственным за это. Я допускаю что за это было ответственно правительство. Я хотел бы огласить этот документ, несмотря на то, что он довольно пространный.

Документ был составлен 25 февраля 1942 г. в Кессельбау и адресован г-ну Гупе через г-на Винтерса и г-на Шмидта. "Я получил от Германского трудфронта письмо, датированное 18 февраля и присланное на мой домашний адрес с приглашением посетить управление Германского Трудового Фронта" (указывает адрес и дату). " Я хотел разрешить вопрос, о котором мне ничего не было известно по телефону. Мне ответили из Германского Трудового фронта, что вопрос крайне важный и требует моего личного присутствия. После этого я спросил господина Юнгериха, работавшего в отделе социально-трудовых вопросов, должен ли я туда пойти. Г-н Юнгерих ответил: "Вы, очевидно, не должны итти, но было бы лучше, если бы Вы пошли". Приблизительно в 9 ч.50 мин. я направился в комнату № 20 в этом уч-

14020

H1207-0444

H1207 – 0445

нежении к господину Приору. В ходе последовавшей за тем беседы, довольно оживленной и длившейся приблизительно полчаса, выяснилось почему г-н Приор хотел говорить со мной. 16 числа этого месяца 23 русских военнопленных были направлены на работу на Котельный завод. Эти люди прибыли на работу утром без хлеба и без инструментов. Во время 2-х перерывов военнопленные подходили к немецким рабочим и слезно просили, чтобы они им дали хлеба, так как они голодны. В первый же обеденный перерыв русским военнопленным роздали еду, которая осталась от французских военнопленных. Для того, чтобы как-то уладить это, 17-го я отправился на кухню в Вейдкамп, согласно указаниям господина Тейли, и говорил с начальником этой кухни г-жей Блок о предоставлении русским военнопленным питания во время обеденного перерыва. Госпожа Блок обещала мне предоставить питание немедленно и, кроме того, взаимообразно дала необходимую посуду для 22 человек. Я попросил г-жу Блок передавать оставшуюся от 800 столующихся у нее голландцев пищу нашим русским военнопленным до особого распоряжения. Она обещала делать и это. На следующий день в обед она прислала им сверх нормы бачок молочного супа. Затем обеденная норма была уменьшена. В виду того, что несколько русских уже были сильно истощены и дополнительное питание перестало поступать, я позвонил по телефону г-же Блок и попросил ее увеличить порции выдаваемой пищи. Так как мой телефонный разговор оказался безуспешным, я вновь лично посетил г-жу Блок. На сей раз г-жа Блок в очень резкой форме отказалась выдавать какое-либо дополнительное питание.

Теперь я подробно остановлюсь на этой беседе.

Кроме г-на Приора, в комнате находились два других госпо-

14031

дина из организации Германского трудового фронта и г-жа Блок, которая заведывала кухней в Вейдкэмп. Господин Приор взял слово и, жестикулируя, в оскорбительной форме упрекал меня в том, что я якобы весьма заметно переметнулся на сторону большевиков. Он сослался на ряд законов имперского правительства, которые осуждали такую линию поведения. К несчастью, мне не совсем была ясна ситуация с правовой точки зрения, в противном случае я немедленно бы покинул комнату. Затем я попытался раз"яснить г-ну Приору, что русские военнопленные присланы к нам как рабочие, а не как большевики, что они крайне истощены и не в состоянии справиться со своей тяжелой работой, на которую они были поставлены на котельном заводе, что больные люди являются для нас балластом, а не помощью в работе. На это замечание г-н Приор ответил, что если один из них ничего не стоит, то другой будет подходящим, что у большевиков нет души и если 100 тысяч из них умрет, то другие 100 тыс. займут их место. На мое замечание о том, что при подобной текучести рабочей силы мы не сможем выполнить наших задач, т.е. не сможем поставлять достаточное количество паровозов для железных дорог Германии, которые настойчиво требуют сокращения сроков выполнения заказов, г-н Приор ответил: "В данном случае поставки имеют второстепенное значение"! Мои попытки заставить г-на Приора понять, в чем заключаются наши экономические интересы, не увенчались успехом.

„В заключение я могу лишь сказать, что, будучи немцем, я хорошо знаю, каково было наше отношение к русским военнопленным. В данном случае я действовал по указанию своих начальников и старался добиться увеличения выпуска

14032

H1207 – 0446

H1207 – 0447

продукции, которую от нас требовали".

На документе имеется подпись: - Зелинг (начальник управления паровозо-строительного завода).

К этому документу приложено письмо, подписанное Гейле.

"К выше-приведенному письму я хочу добавить следующее: после того, как русские военнопленные были переданы нам16 числа этого месяца отделом по распределению рабочей силы, я немедленно связался с доктором Леманом по вопросу о их продснабжении. От него я узнал, что каждый пленный получал утром между 4-мя и 5-ю часами 300 грамм хлеба. Я указал, что совершенно невозможно проработать при такой норме хлеба до 18 часов, на что мне доктор Леман заявил, что русских военнопленных не следует приучать к "западно-европейскому питанию". Я возразил на это, что военнопленные не могут выполнять норму, существующую на котельном заводе, и что нам при таких условиях совсем не выгодно в дальнейшем использовать этих людей на работе. В то же время я требовал, что, если русских будут продолжать использовать на такой работе, то им необходимо днем выдавать горячую пищу и, по возможности, разделить выдаваемую норму хлеба таким образом, чтобы одна часть выдавалась рано утром и вторая - во время завтрака.

Мое предположение уже было нами претворено в жизнь в отношении французских военнопленных и оказалось практически выполнимым и разумным. К несчастью, однако, доктор Леман не согласился на мое предложение. Поэтому, естественно, я должен был взять разрешение этого вопроса в свои собственные руки. Я дал указание г-ну Зелингу организовать питание русских военнопленных по той же самой системе, которая применялась в отношении французских военнопленных с тем, чтобы

русские как можно скорее смогли бы выполнять ту работу, которая для них была предназначена. Все это было связано с вопросом повышения выпуска продукции, которую от нас требовали министр боеприпасов и вооружения и Германский трудовой фронт".

Теперь я хочу спросить Вас о следующем: разве действия начальника паровозо-строительного завода не были действиями, направленными на повышение выпуска продукции?

ШПЕЕР. Ясно, что у рабочего, который не имеет достаточного питания, не может быть хорошей производительности. Я уже говорил вчера о том, что каждый руководитель предприятия и я, будучи во главе всего этого, были, конечно, заинтересованы в том, что рабочие хорошо питались и были довольны, так как необеспеченные и недовольные рабочие производят больше брака, другими словами, возможность выпуска брака увеличивается.

Относительно этого документа я должен сказать следующее. Это документ от 25 февраля 1942 года. В то время было дано официальное указание, согласно которому отношение к русским военнопленным и русским рабочим, вновь прибывшим в империю, должно было быть хуже, чем к военнопленным и рабочим, прибывшим с запада. Мне стало это известно из жалоб руководителей предприятий. В моей книге документов имеется документ от середины марта 1942 года, который, следовательно, появился через 3-4 недели после издания этого указания. Это протокол заседания руководящих работников. Здесь я обратил внимание Гитлера на то, что питание русских рабочих, русских военнопленных совершенно недостаточно, что им нужно предоставить удовлетворительное питание и, что, кроме того, русские рабочи

14034

H1207 - 0448

H1207 – 0449

как военнопленные, содержатся в лагерях за колючей проволокой, и это также необходимо устранить. Из протокола явствует, что в обоих случаях я добился от Гитлера изменения в существующем положении вещей.

Далее я должен отметить как заслугу Заукеля, что он в первую очередь боролся против волны непонимания и делал все, чтобы улучшить положение и снабжение иностранных рабочих и военнопленных.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо. На вопросе о том, в каких условиях находились рабочие, мы остановимся несколько позднее. Сейчас я хочу спросить Вас вот о чем: если Вы и Заукель не были ответственными за эти условия, то кто же в таком случае был ответственен за них. Я обращаю Ваше внимание на то, что именно это мы должны сейчас выяснить.

Я покажу Вам новый документ Д-398, представляемый в качестве доказательства за № США-894. Это заявление, сделанное англо-американской комиссии по обследованию условий в трудовых лагерях Круппа. Я могу также использовать документ Д-321. Я представляю его в качестве доказательства под № США-895.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. До этого Вы представили документ за № 894.

Г-н ДЖЕКСОН. Документ № 398 был представлен в качестве доказательства за № США-894, а документ № 321 представляется в качестве доказательства за № 895. Этот документ имеет отношение... Это заявление сделано одним из работников имперской железной дороги. Я должен сказать, что ни одно из этих расследований не базируется на показаниях самих военнопленных.

"Я, нижеподписавшийся Адам Шмидт, работавший на железнодорожной станции Эссен - Западная, проживающий в Маргаретенгес Штиллер Винкель, 12, даю добровольно следующее показание:

Я работаю на имперской железной дороге с 1918 г., с 1935 г. я работаю на железнодорожной станции Эссен-Западная. В середине 1941 г. прибили первые рабочие из Польши, Галиции и Польской Украины. Они были доставлены в Эссен в товарных вагонах, предназначенных для перевозки картофеля, строительных материалов и скота, и должны были быть использованы на заводах Круппа. Вагоны были переполнены людьми. Я лично считал, что бесчеловечно перевозить людей в таких условиях. Людей было набито столько, что они почти что не имели возможности двигаться. Надсмотрщики заводов Круппа особенно следили за тем, чтобы рабочие как можно быстрее входили и выходили из вагонов. Это возмущало каждого честного немца, наблюдавшего эту картину и то, как людей толкали, давили и вообще обращались с ними по-зверски. С самого начала, как только прибыли транспорты с людьми, мы могли наблюдать, как бесчеловечно с ними обращались. Каждый вагон был настолько переполнен, что просто нельзя было понять, как такое количество людей могло быть помещено в одном вагоне. Я видел своими собственными глазами, как больных людей, которые едва двигались - часто это были люди с больными ногами, имеющие ранение и люди, страдающие внутренними болезнями, заставляли работать. Часто можно было наблюдать, как этим людям было трудно самим двигаться. То же самое можно сказать и о восточных рабочих и военнопленных, которые прибыли в Эссен в середине 1942 года".

Затем он описывает их одежду и пищу. В интересах экономии времени я не буду оглашать этот документ полностью.

14036

H1207 – 0450

H1207 – 0451

Считаете ли Вы, что эти показания преувеличены?

ШПЕЕР. Конечно, рабочие, прибывавшие с востока в Германию, были плохо одеты. Но я знаю, что Заукель за время своей деятельности многое сделал для того, чтобы лучше одеть этих рабочих. Многие русские рабочие находились у нас в Германии в лучших условиях, чем в России. Русские рабочие у нас были очень довольны. Так что из того, что они прибывали оборванными, нельзя сделать вывода, что это была наша вина. Мы не могли отправлять на заводы оборванных рабочих в плохой обуви. Они получали другое платье и обувь.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо, сейчас я хотел бы обратить Ваше внимание на документ Д-398.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прежде чем перейти к этому документу, расскажите нам, каковы были условия транспортировки? Вам был задан вопрос, являются ли эти показания преувеличенными. Вы не ответили на этот вопрос и лишь кратко описали их одежду.

ШПЕЕР. Господин председатель, я не могу дать показаний относительно условий транспортировки, так как я не получал по этому вопросу сведений.

Г-н ДЖЕКСОН. Я спрашиваю Вас сейчас о документе № 398, который представляется в качестве доказательства за № США-894. Это заявление Хофера, проживающего в Эссене:

"С апреля 1943 г. я работал с Левенкампом на танковом заводе № 4: Этот человек был очень жесток в обращении с иностранными рабочими. Он отнимал пищу, принадлежавшую военнопленным, и уносил себе домой. Каждый день чинились новые жестокости по отношению к восточным рабочим, русским военнопленным, французам, итальянцам и гражданскому

населению других стран. У него имелся стальной ящик. Этот ящик был настолько мал, что в нем едва мог поместиться один человек. Он сажал в этот ящик иностранцев, в том числе и женщин, и держал их там в течение 48 часов совершенно без пищи. Их даже не выпускали для отправления естественных надобностей Прочим лицам было запрещено оказывать какую-либо помощь людям, закрытым в этом ящике, или освобождать последних. Во время уборки этого не/официального лагеря он стрелял в убегавших русских, однако, он не попал ни в одного из них.

Однажды я был свидетелем того, как он, раздавая пищу, ударил одного француза по лицу черпаком так сильно, что лицо француза покрылось кровью. Далее он сожительствовал с русскими девушками, совершенно не заботясь о рождающихся детях.

Он никогда не давал им молока, так что русские женщины должны были кормить своих детей посахаренной водой, вместо молока. Когда Левенкамп был арестован, он написал два письма и показал их мне через свою жену. Он пытался доказать, что никогда не бил людей".

У меня имеется еще много показаний по этому поводу, но я не буду их зачитывать. По Вашему мнению, эти показания также преувеличены?

ШПЕЕР. Я считаю эти показания ложными. Я хотел бы сказать, что немецкому народу не свойственно что-либо подобное. А если и были отдельные случаи такого рода, то они всегда у нас наказывались. Нельзя допустить, чтобы здесь таким образом затаптывали немецкий народ в грязь. Что касается руководителей немецких предприятий, то они были порядочными людьми, которые заботились о своих рабочих. Когда руководитель предприятий Круппа слышал о таких вещах, он сейчас же вмешивался и устранял их.

14038

H1207 – 0452

H1207 – 0453

Г-н ДЖЕКСОН: Хорошо. Ну а что Вы можете сказать об этом стальном ящике? По Вашему, они не могли построить такого ящика? Или же Вы не верите всему тому, что было рассказано об этом ящике?

ИНЕБР: Нет, я не верю этому. Это значит, что я не верю, чтобы это могло быть правдой. После катастрофы 1945 года было составлено очень большое количество аффидевитов, которые не совсем соответствуют действительности. Вы здесь не при чем... После поражения люди, естественно, прибегают к такого рода вещам.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо. Я бы хотел, чтобы Вы ознакомились с документом № 258. Я обращаю Ваше внимание на важность этого документа, поскольку в нем говорится о том, что охрана состояла из членов СС:

"Заключенные лагеря в основном состояли из еврейских женщин и девушек Венгрии и Румынии. Заключенные начали поступать в Эссен в 1944 году и были использованы для работы на заводах Круппа. Условия жизни и питание заключенных лагеря были ниже всяких установленных норм. Вначале заключенные жили в небольших деревянных бараках. Эти бараки сгорели во время воздушного налета, и с тех пор заключенные должны были спать в сыром подвале. Они спали на полу, на соломенном тюфяке, укрываясь двумя одеялами. В большинстве случаев заключенные не имели возможности ежедневно умываться, так как не было воды; они были лишены возможности принять ванну. Я мог часто наблюдать на заводе Круппа, как во время обеденного перерыва заключенные стирали и кипятили свое белье в старых, грязных ведрах на костре и здесь же мылись. Во время воздушных налетов

заключенные должны были укрываться в траншеях, тогда как охранные части СС укрывались в специально построенных бомбоубежищах. Под"ем производился в 5 часов. Утром им не давали ни кофе, ни какой другой пищи. В 5 часов I5 минут они тащились на фабрику пешком 3/4 часа, очень плохо одетые, часто без обуви. Когда шел дождь или снег, они накрывались одеялами. Работа начиналась в 6 часов утра. Обеденный перерыв длился от I2 до I2.30. Только во время этого перерыва заключенные имели возможность изготовить для себя какую-либо пищу из картофельных очистков и других отбросов. Рабочий день длился от I0 до II часов. Хотя пленные были крайне обессилены от голода, их использовали на очень тяжелой в физическом отношении работе, где надсмотрщики и женщины из охраны СС обращались с ними очень плохо.

В пять или шесть часов вечера они возвращались обратно в лагерь. Сопровождающая их охрана СС, состоявшая из женщин, несмотря на протесты со стороны гражданского населения, часто очень грубо обращалась с заключенными во время их возвращения в лагерь. Они били и толкали их и употребляли такие ругательства, которые даже невозможно повторить. Часто некоторых девушек или женщин приносили в лагерь на руках их товарищи, поскольку они находились в состоянии полного изнеможения. В шесть или семь часов вечера эти изможденные люди возвращались в лагерь. По существу, только в это время выдавалась дневная пища. Еда состояла из капустного супа. Вечером выдавался ужин, состоящий из воды и куска хлеба, который был предназначен для следующего дня. Временами по воскре-

14040

H1207 – 0454

H1207 - 0455

сеньям пища была несколько лучше. Обследование лагеря на протяжении всего периода его существования никогда не проводилось фирмой Круппа. В марте 1945 года заключенные лагеря были доставлены в концентрационный лагерь в Бухенвальд, а оттуда некоторые из них были направлены на работу. Начальником лагеря был обершарфюрер СС Рик".

Остальное не представляет особого интереса. Это, по вашему мнению, также является преувеличением?

ШПЕЕР: Это из документа...

ФЛЕКСНЕР: Господин председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /обращаясь к подсудимому/. Я не слышу Вашего ответа.

Мне показалось, что подсудимый что-то сказал.

ФЛЕКСНЕР: Господин председатель! Разрешите обратить внимание Суда на сам документ, который у меня имеется, правда, в копии. Сверху говорится: "Дано под присягой перед военным судом". А внизу стоит обычная подпись. Здесь ничего не сказано о том, что данный документ представляет собой показания, данные под присягой, или же аффидевит или что-либо подобное, здесь просто написано: "Необходимо провести дальнейшее расследование. Губерт Карден". А затем, очевидно, следует имя человека, дававшего показание. Далее имеется еще одна подпись: "Ассистент уголовной полиции" - это полицейский чиновник, проходящий испытательный стаж в полиции, то-есть человек, у которого имеются перспективы на занятие какой-нибудь должности в полиции. Он то и поставил здесь свое имя. Далее имеется подпись: "К.Е. Лонг. Майор". Здесь не говорится ни одного слова о том, что хотя бы один из этих

трех человек рассматривает содержание данного документа как показания, данные под присягой. Поэтому я считаю, что данный документ нельзя рассматривать как аффидевит в собственном смысле этого слова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, господин судья Джексон. Вы желаете что-нибудь сказать?

Г-н ДЖЕКСОН: Документ говорит сам за себя. Как я уже указал данному свидетелю, я изложил ему результаты обследования. Я не утверждаю, что он лично ответственен за такие условия. Я намереваюсь задать ему ряд вопросов относительно того, кто был ответственен за такие условия в лагере.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На копии, которую я имею, сделана надпись: "Показания, данные под присягой перед военным судом".

Г-н ДЖЕКСОН: Да, показания были даны в Эссене при расследовании этого вопроса. Конечно, если бы я возлагал на данного подсудимого ответственность за данные условия, то можно было бы выдвигать какие-то аргументы по этому поводу. Пред"явление этого показания полностью соответствует положениям Устава, разрешающим представлять Трибуналу протоколы судебных заседаний других судов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеется ли у Вас подлинник этого документа?

Г-н ДЖЕКСОН: Да.

/Документ передается членам Трибунала/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не возражает против того, чтобы этот документ использовался при перекрестном допросе.

Под каким номером Вы представляете этот документ в качестве доказательства?

H1207-0456

H1207 - 0457

Г-н ДЖЕКСОН: Я представляю этот документ в качестве доказательства за № 896.

/Обращается к Шееру/. Сейчас я обращаю Ваше внимание на доказательство № 382.

ШЕЕР: Да, но я хотел бы дать ответ по поводу этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин судья Джексон! Перед нами имеется ряд фотографий. Скажите, заверены ли эти фотографии и являются ли они частью одного из предоставленных Вами документов?

Г-н ДЖЕКСОН: Да, они являются частью документа, который я сейчас представляю. Но подсудимый желает дать свои комментарии по поводу последнего документа. Я думаю, сначала следует выслушать его, а затем уже мы сможем перейти к другому вопросу.

ШЕЕР: Мне хотелось бы сделать заявление принципиального характера, так как Вы не раз говорили здесь о том, что на меня не падает ответственность за эти вещи. Если бы такое положение вещей было повсюду, я чувствовал бы себя ответственным за них на основании моего вчерашнего заявления. Я не хочу, чтобы с меня здесь снимали эту ответственность. Но обстоятельства были не таковы, как это здесь описывается. Все эксцессы, о которых здесь говорилось, были единичными случаями. Что касается указанного документа, то я должен установить следующее: судя по содержанию этого документа, можно заключить, что имеется в виду концентрационный лагерь, один из небольших концентрационных лагерей, которые находились вблизи предприятий. Предприятия не имели возможности осматривать эти лагери, и поэтому совершенно правильно

предложение, в котором говорится, что представитель предприятия ни разу не посетил лагеря. Наличие охраны СС указывает также на то, что речь идет также о концентрационном лагере.

Если вопрос, который Вы задали мне в отношении охраны трудовых лагерей иностранных рабочих, касается этого документа, то Ваш вывод был неверен, так как, насколько мне известно, остальные трудовые лагери не охранялись ни СС, ни прочими организациями.

Таким образом, моя позиция такова, что я чувствую себя обязанным оградить руководителей предприятий от несправедливого обвинения, которое может быть им пред"явлено. Руководитель предприятия не мог заботиться об условиях в таком лагере. Я лично не могу сказать, было ли положение в лагерях действительно таковым. На процессе было представлено очень большое количество документов, характеризующих условия концентрационных лагерей.

Г-н ДЖЕКСОН: Я прошу, чтобы Вам показали документ № Л-382, представленный в качестве документального доказательства за № США-897. Этот документ представляет собой показания нескольких лиц по поводу одного из стальных ящиков, которые находились в лагере для иностранных рабочих танкового завода № 4, а также в лагере для русских. Я не знаю, есть ли необходимость оглашать все показания полностью. Это отдельные примеры? Какова Ваша точка зрения по данному поводу?

ШПЕЕР: То, что здесь снято, - это один из обычных шкафчиков для спецодежды, которые имеются на каждом предприятии.. Так, что... фотографии не имеют никакой доказательной силы.

H1207-0458

H1207 - 0459

Г-н ДЖЕКСОН: Очень хорошо. В таком случае я попрошу Вам показать документ № Д-230. Этот документ представляет собой записи относительно стальных дубинок, которые были найдены в лагере и которые будут Вам показаны. Согласно отчету было распределено 80 таких дубинок.

ШПЕЕР: Разрешите мне высказать здесь свое мнение?

Г-н ДЖЕКСОН: Да, если Вы хотите.

ШПЕЕР: Да. Это - не что иное, как эрзац резиновой дубинки...

У нас не было резины, поэтому охрана имела, вероятно, нечто в этом роде.

Г-н ДЖЕКСОН: Я так и подумал, когда прочел этот документ.

ШПЕЕР: Да, но охрана не прибегала же сразу к этому стальному предмету, так же как Ваши полицейские не прибегают сразу к резиновой дубинке. Они должны иметь что-то в руках? Так уж заведено в мире.

Г-н ДЖЕКСОН: Хорошо, мы не будем спорить по этому вопросу.

ШПЕЕР: Я не специалист, я только предполагаю, что это так. Я не могу дать присягу в том, что это действительно было так. Я привожу это в качестве аргумента.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин судья Джексон, под каким номером Вы представляете этот документ?

Г-н ДЖЕКСОН: Да, это - документ № 898, Ваша честь. Далее документ № 899, который я представляю в качестве доказательства за № США-283 и который представляет собой отчет за 1943 год о работе госпиталей Круппа. Отчет озаглавлен: "Случаи смерти восточных рабочих".

"54 восточных рабочих умерли в госпитале на Лазаретт-трассе: 50 - в результате различных заболеваний и 4 - по другим причинам. Из 50 восточных рабочих от туберкулеза умерло - 36, от истощения - 2, внутреннего кровоизлияния - I, от тифа - I, от кишечных заболеваний - 2, от воспаления легких - 3, от аппендицита - I, от болезни печени - I, от воспаления мозга - I.

Таким образом, этот отчет показывает, что 4/5 всех людей умерло от туберкулеза и истощения".

Разве время от времени Вы не получали отчетов о состоянии здоровья тех рабочих, которых Вы использовали для выполнения Вашей программы вооружения?

ШПЕЕР: Я хотел бы сначала высказать свое мнение относительно самого документа. Из последнего не видно, как велико было общее количество рабочих, в отношении которого установлен процент смертных случаев. Так что нельзя сказать, является ли указанный процент действительно слишком высоким. На одном из заседаний Бюро центрального планирования на основании имевшихся данных я установил, что большое количество русских рабочих больны туберкулезом. Я не знаю, это ли Вы имеете в виду, когда говорите об информации. Замечание было сделано Вейтером, а затем мы при помощи органов здравоохранения, в компетенцию которых входили эти вопросы, пытались изменить положение.

Г-н ДЖЕКСОН: Но процент смертности от туберкулеза в сравнении с общей смертностью был крайне велик, в этом нет никакого сомнения, не так ли?

ШПЕЕР: Я не знаю - был ли ненормально высок процент

14046

H1207 - 0460

H1207 – 0461

смертности, но временами приходилось констатировать ненормально высокий процент заболевания туберкулезом.

Г-н ДЖЕКСОН: Из этого документа не видно, насколько велик был процент смертности вообще. Но этот документ показывает, насколько высок был процент смертности от туберкулеза по сравнению с общей смертностью, не так ли? 80% смертности от туберкулеза говорит об очень большом проценте заболеваемости туберкулезом, не так ли?

ШПЕЕР: Возможно, но у меня лично об этом точных сведений не имеется.

Г-н ДЖЕКСОН: Теперь я попрошу Вам показать документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы присвоили ему какой-нибудь номер? Он должен итти за № 899, не так ли?

Г-н ДЖЕКСОН: Да, Ваша честь, номер этого документа 899: /К подсудимому/. Сейчас я хочу, чтобы Вам показали документ № 335. Это - отчет из архивов Круппа в Эссене от 12 июня 1944 года, направленный "Доктору областного лагеря господину Егеру", подписанный Штиннесбеком:

"В середине мая я начал осуществлять санитарный надзор над лагерем военнопленных № 1420 на Негератштрассе. В этом лагере находилось 644 французских военнопленных. Во время воздушного налета 27 апреля этого года лагерь был сильно разрушен и в настоящий момент условия в лагере крайне тяжелые. 315 военнопленных все еще находятся в лагере. 170 из них живут уже не в помещении, а в туннеле железнодорожной станции в Эссене на Грюнерштрассе. Туннель - сырое и непригодное для постоянного человеческого жилья место. Остальные заключенные размещены на 10 различных фабриках Круппа. Прием

больных производится французским военным врачом, который проявляет особое сочувствие по отношению к своим соотечественникам. Больные с фабрик Круппа должны также присылаться на этот прием. Прием происходит в уборной одного из сожженных домов вне лагеря. Четыре французских санитара спят в этих же уборных. ~~Для тяжело больных пациентов~~ Имеется двухярусная деревянная кровать, предназначенная для тяжелобольных пациентов. Обычно медицинская помощь оказывается под открытым небом. В дождливую погоду все больные собираются в маленькой комнате. Условия ужасные. Нет ни стульев, ни столов, ни воды. Вести регистрацию больных невозможно. Перевязочных материалов и медикаментов нехватает, хотя рабочие, получившие тяжелые повреждения на работе, очень часто направляются сюда для того, чтобы им была оказана первая медицинская помощь и где им, естественно, должна быть сделана перевязка до того, как они будут направлены в госпиталь. Имеется также очень много серьезных жалоб в отношении пищи, которую охрана лагеря находит достаточной. При рассмотрении вопроса о заболеваемости и смертности рабочих, следует принять во внимание эти обстоятельства. Крайне необходимо срочно начать

14048

H1207 – 0462

H1207 – 0463

строительство помещений для заключенных и для больных с тем, чтобы им можно было оказать соответствующую медицинскую помощь. Пожалуйста, примите необходимые меры. Подпись: Штиннесбек".

ШПЕЕР: Из этого документа ясно видно, какое может создаться положение после крупных налетов авиации. Как немецкие, так и иностранные рабочие были в данном случае в одинаковых условиях. Что в лагере не оказывалось ни кроватей, ни шкафов, ни прочего инвентаря, об"ясняется тем обстоятельством, что бараки, в которых обычно все имелось, сгорали после налетов авиации. В снабжении Рурской области в это время часто замечались перебои. Причиной этому является то обстоятельство, что транспорт был основным об"ектом воздушных атак. Таким образом, продовольствие не могло доставляться в Рурскую область все в том же количестве. Но все это были обстоятельства временного порядка, и как только воздушные налеты на некоторое время прекращались, положение улучшалось. Мы принимали все меры для того, чтобы потом, когда катастрофа назрела еще больше, то-есть начиная с сентября-октября 1944 года и в особенности с ноября 1944 года, ставить интересы продовольственного снабжения выше интересов вооружения. Надо сказать, что такое положение создалось впервые. Мы стремились к тому, чтобы в трудный момент была проявлена (забота), в первую очередь, о продовольственном снабжении рабочих. Производство вооружения могло оставаться на некоторое время на втором плане

Г-н ДЖЕКСОН. Следовательно, Вы занимались обеспечением этих рабочих питанием и созданием для них соответствующих условий? Правильно ли я понимаю, что именно Вы это делали, что именно Вы принимали необходимые меры?

ШПЕЕР. Да, правильно, я это делал, и я очень рад, что я это делал, несмотря на то, что мне, может быть, придется слышать упреки. Я считаю общечеловеческим долгом стремиться к устранению подобного рода недостатков, когда узнаешь о них, даже в том случае, если тот или иной вопрос не входит в твою компетенцию. Свидетель Рике показал здесь, что в вопросе питания руководящим было министерство питания.

Г-н ДЖЕКСОН. Но ведь очень важным условием выпуска продукции являлось создание для рабочих надлежащих условий? Это является самым элементарным условием, не так ли?

ШПЕЕР. Нет, это неверная формулировка.

Г-н ДЖЕКСОН. Сформулируйте в таком случае сами, какова должна быть взаимосвязь между питанием рабочих и количеством выпускаемой продукции.

ШПЕЕР. Я вчера уже говорил об ответственности за создание надлежащих условий труда для рабочих. Функции были в данном случае разделены между министерством питания, отделом здравоохранения при имперском министре внутренних дел, инстанцией инспектора по труду при генеральном уполномоченным по использованию рабочей силы и т.д. и т.п. Не было одной такой инстанции, которая несла бы общую ответственность в этом деле и, вероятно, должна была бы подчиняться мне. Всей структурой нашего государства не была предусмотрена такого рода об"единяющая инстанция, на подобие рейхсканцлера,

14050

H1207 – 0464

H1207 – 0465

которая могла бы контролировать и направлять дела всех ведомств в общий поток путем созыва совещаний. Я, будучи ответственным за производство, не имел прямого отношения к этим вопросам. Когда я слышал какие-нибудь жалобы от руководителей производств или от своих руководителей главных комитетов, то я, разумеется, делал все, чтобы урегулировать неполадки.

Г-н ДЖЕКСОН. На заводах Круппа...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может быть, сейчас мы сделаем перерыв?

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо, Ваша честь.

(об"является перерыв до 14.00)

1405/

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 21 июня 1946 г.

/Вечернее заседание/

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал хочет сейчас заслушать мнение защитников относительно того распоридка, который они предлагают в отношении времени для их защитительных речей.

/К микрофону подходит адвокат Нельте защитник подсудимого Кейтеля/.

Д-р НЕЛЬТЕ: Вначале я хотел бы, в раз"яснение этого вопроса, заявить, что защитники, с которыми суд обсудил на более раннем закрытом заседании вопрос о защитительных речах, не информировали об этом всю защиту, так как у них создалось впечатление, что Трибунал не будет ограничивать защиту ни в каком отношении. Я, лично, когда я выдвигал свои возражения, ничего не знал об этом обсуждении, что я могу заявить от имени своих коллег, которые ранее совещались с Вами.

Согласно предложению Трибунала, защитники отдельных подсудимых обсудили решение, оглашенное на заседании 13 июня 1946 г., и я представлю суду результат этого обсуждения, причем я должен сделать некоторые определенные оговорки в отношении некоторых коллег, которые или не присутствуют, или же имеют другое мнение относительно распределения времени.

Защитники считают, что решение о построении и длительности защитительной речи на этом заключительном про-

14052

H1207 – 0466

H1207 – 0467

цессе может быть вынесено на основании своего долга только каждым отдельным защитником. Это ни в коей мере не повредит общепризнанному праву Трибунала выступать в ходе процесса против возможного злоупотребления свободой слова. Далее, мы считаем, что исходя из этого принципиального соображения и согласно общепринятой практике в международных судах Трибунал поймет и одобрит то, что защитники возражают против профилактического ограничения свободы слова, т.к. нельзя заранее ожидать злоупотребления. Но эти принципиальные соображения, конечно, соответствуют готовности защитников следовать указаниям и желаниям Трибунала, насколько это можно согласовать с правильно понятым ведением защиты в каждом отдельном случае. С этой точки зрения отдельным защитникам было предложено самим вычислить, сколько времени займет их намеченное устное выступление. Результат этой оценки таков, что при уважении самодисциплины защитников и учитывая пожелания Высокого Трибунала, общая продолжительность всех защитительных речей составит приблизительно 20 полных дней заседаний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, Трибунал просил защитников распределить между собой I4 дней, установленных Трибуналом.

НЕЛЬТЕ: Мне кажется, господин председатель, что из только что сделанного мною заявления ясно вытекает, что невозможно принять этот принцип. Если Трибунал считает эти четырнадцать дней неоспоримо достаточным временем, то вся защита, конечно, подчинится этому решению. Но будет, мне кажется, невозможно при таких обстоятельст-

вах добиться соглашения среди защитников, возникает большая опасность того, что те защитники, которые будут выступать последними, вынуждены будут торопиться из-за отсутствия времени.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что Трибунал полностью понимает, что Вы и Ваши коллегии считают I4 дней слишком коротким сроком, но, как я сказал, Трибунал просил о другом, о распределении этого времени между защитниками. Из того, что Вы говорили совершенно не следует, что Вы произвели какое-либо распределение времени между Вашими коллегами, независимо от того идет ли речь о I4 днях или о 20 днях, которые Вы просите.

НЕЛЬТЕ: Мы пришли к решению в отношении 20 дней на основании того, что отдельные защитники указали, сколько приблизительно времени займут их защитительные речи. Поэтому вполне можно сказать, что если Трибунал примет срок в 20 дней, то можно будет сообщить количество времени, необходимое для отдельных защитительных речей. Но практически невозможно вести защиту при общем сроке в I4 дней. Вы можете быть уверены, господин председатель, в том, что мы изучили этот вопрос по совести и продумали, каким образом возможно распределить между отдельными защитниками отдельные комплексы. Но общий срок в 20 дней кажется нам, - этим не указывается ни минимум, ни максимум, - совершенно необходимым для того, чтобы мы смогли произвести такое распределение. Очень возможно, г-н председатель, что в ходе выступлений...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, как я уже Вам указывал, Трибунал хотел бы знать другое, а именно распределение вре-

H1207 – 0468

H1207 - 0469

мени между Вашими коллегами. Очевидно, у Вас есть какое-то распределение времени, которое вызвало эту необходимость получить 20 дней, о которых Вы просили вместо четырнадцати. Трибунал хочет, чтобы Вы сообщили ему, какое это распределение, если оно у Вас имеется. Если его еще у Вас нет, то Трибунал хотел бы заслушать каждого отдельного защитника о том, сколько нужно ему лично времени для его защитительной речи. Если у Вас есть такой список, то Вам следует передать его Трибуналу.

НЕЛЬТЕ: Эти данные имеются и они будут представлены Трибуналу. Данные об этом имеются, однако, отдельные защитники заявили, что их данные будут правильны лишь при том условии, если будет предоставлено определенное количество дней. Это на точка зрения, о которой я сказал ранее, что она меняется в некоторых отношениях. Однако все мы считали, что решение суда было лишь предложением, а не максимумом или минимумом времени, которое должно быть распределено. Я надеюсь, г-н председатель, что и Ваши слова следует понимать в том смысле, что Трибунал еще обсудит вопрос о том, не будет ли предусмотренное время в I4 дней увеличено в соответствии с нашей просьбой о 20 днях, которые мы считаем для себя необходимыми.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал хочет знать распределение времени между отдельными защитниками. Именно об этом просил Трибунал, именно это он хочет знать. Мы просим Вас или подать нам это распределение времени в письменном виде сейчас или мы просим каждого из Вас заявить, сколько, по его предположениям, потребуется времени ему лично на его защитительную речь.

НЕЛЬТЕ: Мне кажется, что я могу от имени своих коллег заявить, что мы предоставили суду в письменном виде план длительности речей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Нельте, Трибунал считает, что он должен получить это распределение времени сейчас. Ранее,- по-моему, вчера, Трибунал об"явил, что желает заслушать защитников по поводу распределения времени сегодня в 2 часа дня и потому мы желаем получить это распределение времени сейчас.

НЕЛЬТЕ: Тогда я могу просить лишь о том, чтобы каждый отдельный защитник был спрошен об этом, так как я, конечно, не могу по памяти сказать, сколько времени требуется каждому защитнику.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы могли написать заранее, но, если его у Вас нет в письменном виде, Вы несомненно не можете удержать все это в памяти, может быть, Вы лучше скажете, сколько времени потребуется лично Вам?

НЕЛЬТЕ: 7 часов. Коллега Хорн говорит мне... Хорн по делу Риббентропа сказал, что ему потребуется 6 часов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы лучше будем заслушивать каждого защитника по очереди. Пожалуйста д-р Штаммер?

ШТАММЕР: 7 часов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Заутер?

ХОРН: Разрешите мне просить от имени д-ра Кранцбюлера и д-ра Зимерса. Они просили по 8 часов на каждого.

ЗАУТЕР: Для Заутера по делу Функа - 6 часов, по

14056

H1207-0470

H1207 - 0471

делу Шираха также 6 часов.

СЕРВАТИУС: Для Серватиуса по делу Заукеля мне потребуется 5 часов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минутку, я не успевал так быстро записывать. Кого представляет д-р Хорн? Зимерса и еще кого? И сколько ему нужно времени?

ХОРН: Д-ра Зимерса и д-ра Кранцбюлера - по 8 часов.

СЕРВАТИУС: По делу Заукеля 5 часов.

КАУФМАН: По делу Кальтенбруннера, приблизительно, 4-5 часов.

МАРКС: Для д-ра Маркса по делу Шираха - 4 часа.

ЗАЙДЛЬ: Для д-ра Зайдля по делу Гесса и Франка вместе 11 часов.

ПАННЕНБЕКЕР: Для Панненбекера по делу Фрика потребуется 5 часов. Я вспоминал по списку, что для Бергольда по делу Бормана потребуется 3 часа. Г-н Бергольд отсутствует, я помню, что в списке было указано 3 часа.

Для Дикса по делу Шахта 5 часов.

ЭКСНЕР: Для Экснера по делу Йодля - 5 часов.

КУБУШОВ: По делу Папена, приблизительно, 5 часов.

ШТЕЙНБАУЭР: Для Штейнбауэра по делу Зейсс-Инкварта потребуется 5 часов.

ФЛЕКСНЕР: Для Флекснера по делу Шпеера потребуется 4 часа.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Для д-ра фон Людингхаузена...

/Пауза по техническим причинам/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Говорите громче, тогда переводчики смогут слышать Вас и переводить.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Для меня самого, г-н председатель, 8 часов. Как известно, д-р Яррайс составил общее выступление, для которого ему потребуется 4 часа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: О чем будет говорить доктор Яррейс?

ЛЮДИНГХАУЗЕН: На тему, одобреннув Трибуналом, по общим вопросам международного права.

ЗАЙДЛЬ: Защитник подсудимого Розенберга заявил, что ему будет нужно 8 часов.

ФРИЦ: Г-н председатель, я прошу учитывать то, что дело Фриче еще не представлялось и я еще не могу дать точных сведений, приблизительно, 4 часа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Нельте, Трибунал хочет прежде всего знать, собираются ли защитники написать свои речи и затем зачитывать их здесь? Вы слышите меня?

НЕЛЬТЕ: Насколько мне известно, все защитники предварительно напишут свои речи, но будут ли они оглашать весь текст, или будут зачитывать часть, или представят отдельные части, это еще не известно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обсудили ли они вопрос о том, представят ли они речи для перевода, потому что Трибунал уже подчеркивал, что будет гораздо удобнее для тех членов Трибунала, которые не читают по-немецки, иметь речи в письменном виде. Это окажет большую помощь не только Трибуналу, но и самим подсудимым, если защитники сделают таким образом.

НЕЛЬТЕ: Этот вопрос еще не был решен, он был об"ектом обсуждения, но еще не удалось достичь окончательного решения. Нам кажется, что время, которое нам предоставили, сделает, пожалуй, невозможным перевод наших рукописей на все 4 языка.

14058

H1207 – 0472

H1207 - 0473

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал, конечно, имеет ввиду, что если речи будут переданы для перевода, они не могут быть даны никому до тех пор, пока они не будут фактически произнесены. Они не будут даны заранее ни Трибуналу, ни обвинению и, таким образом, речи останутся совершенно секретными до тех пор, пока они не будут оглашены.

Во-вторых, несомненно, что произнесение многих речей будет задержано теми защитниками, которые будут выступать ранее. Таким образом, получится большое количество времени или в пределах I4 дней или в течение большего срока, если он будет дан защите, которое даст возможность перевести речи. Защитники должны понять, что если их речи будут написаны, они сумеют совершенно точно или почти точно сказать, сколько времени потребуется для того, чтобы их произнести. Есть еще одно обстоятельство, на которое я хочу обратить внимание защитников.

У нас имеется 2I подсудимый, и совершенно естественно, что есть темы, которые являются общими для всех, поэтому имеется возможность для защитников в какой-то степени разделить эти общие вопросы между собой с тем, чтобы не каждый защитник рассматривал вопросы, на которых уже останавливались другие защитники, в большей степени, чем это нужно, и чтобы не останавливались на одном и том же вопросе несколько раз.

Я нее знаю, рассматривали ли защитники этот вопрос, но так или иначе Трибунал надеется, что защитники подумают над следующими тремя вопросами:

во-первых, могут ли они предоставить свои речи для перевода, с тем, чтобы помочь Трибуналу;

во-вторых, если их речи будут написаны, смогут ли они точно определить время, которое им потребуется, и в-третьих, не могут ли они в какой-то степени разделить между собой тематику, с тем, чтобы нам не пришлось слушать несколько раз одно и то же.

Я не знаю, хочет ли обвинение сказать что-нибудь. Трибунал установил в постановлении по вопросу распределения времени, что он предполагает, что обвинение потребуется всего лишь три дня. Может быть, будет лучше, если обвинение выступит с заявлением о том, является ли отведенное время достаточным.

/К микрофону подходит сэр Дэвид Максуэлл Файф/.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд, обвинение не просит больше, чем три дня. Может быть, мы займем несколько меньше времени, но мы не просим больше трех дней.

/К микрофону подходит судья Джексон/.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Я хотел бы, Ваша честь, привлечь Ваше внимание к следующему обстоятельству. Я надеюсь, что от нас не ожидают, что мы будем гектографировать речи, произнесенные в течение 20 дней, это просто совершенно невозможно. Гражданину Соединенных Штатов представляется всего один час для того, чтобы оспаривать свое дело в Верховном Суде и сами клиенты защитников здесь открыто и резко критиковали об"ем времени, о котором здесь просили защитники. Такое количество времени неразумно тратить на работу данного суда, и я вынужден протестовать против того, чтобы от нас ожидали гектографирования речей, произносимых в течение 20 дней. Это просто невозможно.

14060

H1207 - 0474

H1207-0475

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал хочет знать, собирается ли обвинение предетавить свои речи в письменном виде к тому времени, когда они будут произноситься?

/К микрофону подходит сэр Дэвид/.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Что касается заключительной речи главного обвинителя, то мы, конечно, расчитывали и надеемся дать Трибуналу копии этой речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А перевод?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, это будет сделано. Милорд, я хотел бы заметить, что хотя доктор Нельте, кажется, сказал здесь, что перевод речей займет очень много времени, я смотрю на это оптимистически, так как я знаю, что в переводе, в частности, на английский, у нас трудностей не будет. У нас на-днях стоял вопрос о переводе речей за период 76 дней и наши переводчики проделали эту работу за один день. Быть может, доктор Нельте слишком пессимистически настроен в этом отношении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал рассмотрит этот вопрос.

Теперь Трибунал будет продолжать перекрестный допрос подсудимого Шпеера.

/Подсудимый Шпеер направляется к свидетельскому пульту/.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Я думаю, Ваша честь, что фотографии, которые предетавлялись в качестве доказательства, будут не совсем понятны, если в протоколе не будет приведено их описание. Я коротко оглашу его. Это описание камеры пыток, которыми пользовались в лагере для иностранных рабочих, № 4 бронетанкового завода и в ужасном лагере для русских, где под присягой нам были даны следующие показания:

"На фотографии "А" изображен железный шкаф, специально изготовленный фирмой Круппа для пыток советских рабочих, которые невозможно описать словами. В этот шкаф, где почти никто не мог стать во весь рост, запирали мужчин и женщин. Высота этого карцера - 152 сантиметра, ширина и глубина от 40 до 50 см. Часто даже двух людей вталкивали и втискивали в один стальной ящик. Русские..."

Я дальше не буду читать.

Фотография "В" показывает этот же ящик в закрытом виде.

Фотография "С" - открытый ящик.

Фотография "Д" показывает лагерь, который заведомо был выбран администрацией Круппа для жилья русских рабочих. Отдельные комнаты были в 2 - 2,5 метра шириной, 5 метров длиной и в 2 метра высотой. В каждой комнате жили примерно, по 16 человек на двухэтажных нарах. Я думаю, что это все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин судья Джексон, одну минуту, я думаю, что Вам следует прочитать последние три строчки второго абзаца, начиная со слов "в верхней части ящика..."

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Простите, сэр. "В верхней части ящика было несколько отверстий, как в сите, через которые на несчастные жертвы в зимнюю стужу лили ледяную воду".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прочтите также последние три строчки последнего абзаца в связи с тем, что говорил подсудимый по поводу этого доказательства.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Мы включаем два письма, которые начальник лагеря Ловенкамп выкрал из тюрьмы для того, чтобы вынудить нижеподписавшегося Хоффера дать благоприятные для него показания. Я, может быть, должен зачитать последний абзац.

14062

H1207 – 0476

H1207 – 0477

"Я, нижеподписавшийся, Дам, - один из подписавшихся - лично видел, как три русских рабочих были заперты в ящик, причем двое из них в одно отделение, после того, как их сначала избили в ночь под 1945 новый год. Двое русских должны были всю ночь под новый год находиться в этом ящике и на них также выливали ледяную воду".

Я могу сказать Трибуналу, что мы имеем, примерно, 100 показаний и заявлений в связи с расследованием, произведенным в этом лагере. Я не собираюсь их представлять здесь, потому что я думаю, что они будут кумулятивными и я удовлетворюсь лишь еще одним - Д-313, который будет иметь доказательный номер 901, это заявление доктора.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин судья Джексон, этот лагерь, о котором Вы говорите, был концентрационным лагерем?

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Насколько я знаю, это был лагерь для военнопленных и трудовой лагерь. В Эссене были трудовые лагери и лагери для военнопленных. Я не думаю, чтобы это был концентрационный лагерь, но, мне кажется, что иногда различие между этими типами лагерей весьма невелико.

Этот документ гласит: "Я, нижеподписавшийся, доктор Аполинарий Готовицкий, врач польской армии, был взят в плен немцами 3 января 1941 г. и оставался в качестве военнопленного до прихода американских войск. Я оказывал медицинскую помощь русским, польским и французским военнопленным, которых принуждали работать в различных местах на заводах Круппа, Я лично посещал русских военнопленных в лагере на Раумтштрассе в Эссене, в котором находилось около 1800 человек.

... В этом лагере был большой зал, который мог вместить примерно 200 человек, однако, там было поселено около 300 или 400 человек в таких ужасных условиях, что всякое медицинское обслуживание было невозможно. Пол был цементным, а соломенные матрацы, на которых спали люди, были полны вшей и клопов. Даже в холодную погоду помещение никогда не отапливалось. И мне, врачу, казалось, что недостойно человеческого существа, чтобы люди жили в таких условиях. Помещение было невозможно поддерживать в чистоте, потому что в комнате было так тесно, что люди не могли нормально двигаться. Каждый день ко мне приводили по крайней мере I0 человек, у которых тело было покрыто синяками в результате постоянных избиений резиновыми дубинками, стальными хлыстами или палками. Часто люди корчились в агонии и я не имел возможности оказать им хоть какую-нибудь медицинскую помощь. Несмотря на то, что я протестовал, писал жалобы и заявления, я не мог защитить этих людей или добиться того, чтобы их хотя бы на день освободили от работы. Мне было тяжело смотреть на то, как страдавших людей принуждали к тяжелой работе. Идя на риск, я лично ходил к представителю администрации Круппа, а также представителю директората Круппа, стараясь добиться помощи. Это было категорически запрещено, так как лагерь находился под управлением СС и гестапо и, согласно хорошо известным директивам, я должен был молчать, иначе я сам мог попасть в концентрационный лагерь. Очень много раз я сам приносил в лагерь свой собственный хлеб для того, чтобы отдать его заключенным, когда это было возможно, хотя я сам получал очень мало хлеба. С начала I94I г. условия не

14064

H1207 – 0478

H1207 – 0479

только не улучшились, но стали еще более тяжелыми. Пища состояла из грязного водянистого супа, в котором попадался песок. Часто военнопленные должны были есть гнилую вонючую капусту. Я мог ежедневно наблюдать людей, которые из-за голода и жестокого обращения медленно умирали. Мертвецы очень часто лежали по два-три дня на своих койках до тех пор, пока их тела не начинали издавать такое зловоние, что сами заключенные выносили их и где-нибудь хоронили. Посуда, из которой они ели, употреблялась также и для отправления естественных потребностей, люди были слишком утомлены или слишком слабы от голода для того, чтобы встать и выйти из барака. Их будили в 3 часа. Та же самая посуда употреблялась и для мытья, а затем для еды. Об этом все знали. Несмотря на эти факты, я не имел возможности добиться хотя бы минимальной помощи или медицинского обслуживания для того, чтобы устранить эти эпидемии, болезни и случаи голодной смерти. Не могло быть и речи о какой-либо медицинской помощи заключенным. Я сам никогда не получал никаких медикаментов. В I94I г. я один должен был оказывать медицинскую помощь всем этим людям, но вполне понятно, что я не мог этого делать, поскольку я был единственным человеком, который оказывал медицинскую помощь этим людям. Кроме того, я почти совсем не имел медикаментов. Я не знал, что мне делать с этими I800 людей, которые ежедневно приходили ко мне, плача и жалуясь. Я сам часто падал в обморок и, несмотря на это, я должен был брать все на себя и видеть, как люди погибали и умирали. Никогда не сообщалось о том, как умирали военнопленные.

14065

Я сам собственными глазами видел, как, возвращаясь с работы от Круппа, они по дороге падали, и другим заключенным приходилось везти их на тачке или нести на руках. Так они возвращались с работы в лагерь. Работа, которую они выполняли, была очень тяжелой и опасной, и было много случаев, когда заключенные обрезали себе руки, пальцы или ноги. Это были очень серьезные травмы и люди обращались ко мне и просили медицинской помощи. Но я даже не мог освободить их на день или два от работы, хотя и обращался в директорат Круппа и просил разрешения об этом. В конце I94I г. ежедневно умирало по двое людей, а в I942 г., смертность увеличилась до трех-четырех человек ежедневно. Я работал под начальством доктора Мея и мне очень часто удавалось приводить его в лагерь, где он видел, в каких ужасных условиях живут заключенные и слышал их жалобы. Но даже он не мог получить медикаменты от медицинской службы Вермахта или от Круппа, или добиться лучших условий, обращения или пищи. Я был свидетелем одного его разговора с русской женщиной из этого лагеря, которая рассказала мне лично, что они работают на фабрике Круппа, где ежедневно их избивают самым ужасным образом. Их пища состояла из водянистого супа, грязного и нес"едобного, а его ужасный запах можно было почувствовать на расстоянии. Одежда их состояла из грязных лохмотьев, а на ногах они носили или тряпки или деревянные колодки.

По моему, с ними обращались так же, как и с военнопленными. Избиение происходило ежедневно, такие условия существовали в течение долгих лет, с самого начала и до того момента, как пришли американские войска. Люди жили в постоянной тревоге и для них было опасно говорить кому-либо

14066

H1207 - 0480

H1207 – 0481

об условиях, которые существовали в их лагерях, потому что правила были таковы, что они могли быть убиты любым стражником СС или гестапо, если бы тот заметил, что они делают это. Для меня же, как для врача, было возможно говорить с ними; они доверяли мне и знали, что я - поляк и никому их не выдам.

Подпись: "Аполинарий Готовицкий".

Вы об"яснили, что некоторые из этих условий, по Вашему мнению, об"яснялись тем фактом, что в результате бомбежек бараки для военнопленных и рабочих были разрушены?

ШПЕЕР: Это правильно, но это еще не говорит о том, что подобное положение, если оно действительно существовало, было общим явлением.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Простите, я по ошибке слушал сейчас по микрофону перевод не на английском языке и не понял, что Вы сказали. Повторите, пожалуйста, еще раз.

ШПЕЕР: Это верно, но я хотел бы указать на то, что положение, описываемое в этом афидевите, нельзя считать общим и кроме того я не думаю, что верно то, что здесь описано. Но я не могу высказываться об этом, так как Вы ведь не можете предположить, что я очень хорошо знаком со всем, что происходило в лагерях фирмы Крупп*а*.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Во-первых, Вы считали правильным расселять насильно увезенных рабочих и военнопленных так близко к военным об"ектам, как были расселены эти военнопленные?

ШПЕЕР: Я здесь не хотел бы говорить Вам того, что так затрагивает каждого немца. Военные об"екты подвергались налетам и поэтому лагери не были расположены вблизи военных об"ектов.

14067

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: И Вы не считали, что заводы Круппа являются подходящими об"ектами?

ШПЕЕР: Лагери находились не на заводах Круппа, а вблизи города Эссена. Вблизи самих заводов мы в принципе не создавали лагерей, поскольку мы считали, что эти заводы будут подвергаться бомбардировке, а мы не хотели, чтобы эти лагери были разрушены.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Вы обратили внимание на то, что одна из фотографий, представленных в качестве доказательства, показывает, что лагерь находился в непосредственной близости от заводов?

ШПЕЕР: Я бы охотно взглянул на ~~эту фотографию~~. /Подсудимому показывают фотографию/. На этой фотографии видно, что на заднем плане находится какое-то большое предприятие, но это ничего не меняет в моих показаниях о том, что мы размещали лагери почти исключительно за границами городов. Я не знаю, как это здесь получилось так, я также не могу сказать, лагерь ли это или барак для переодевания, или еще что-либо, что необходимо вблизи лагеря. Мне кажется, что это шкафы для одежды и что это один из многих бараков, которые необходимы для того, чтобы рабочие могли переодеваться до начала и после работы. То, что это шкафы для одежды, а не специальные шкафы, Вам может сказать любой специалист в Германии, ибо это предмет массового производства, за это говорит также то, что наверху имеются отверстия для воздуха, ибо в каждом шкафу для одежды для вентиляции, вверху и внизу имеются отверстия для воздуха.

14068

H1207-0482

H1207-0483

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Как министр военного производства, Вы были жизненно заинтересованы в снижении заболеваемости среди рабочих? Не так ли?

ШПЕЕР: Я был заинтересован в том, чтобы производительность была высока, это ясно; и к этому в специальных случаях...

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Так, специальные случаи. Но во всех случаях производство частично зависит от уровня заболеваемости рабочих, не так ли? Разве не является фактом,- Вы должны это знать, - как человек, занимавшийся вопросами военного производства, что двумя самыми сложными вопросами в связи с рабочей силой и производством являются, во-первых, высокая заболеваемость, а, во-вторых, быстрая потеря трудоспособности и что эти факторы снижают выпуск продукции. Разве это не так?

ШПЕЕР: Оба эти момента мешали нам. Но сами по себе они не были распространены в такой степени, как это можно предположить на основании Ваших слов. Процент заболеваний был очень небольшим, и, по моему мнению, примерно, нормальным. Во всяком случае, пропаганда, воздушная пропаганда; в сбрасывавшихся листовках рабочих призывали притворяться больными и в этих листовках рабочим давались подробные указания, как можно симулировать болезнь и кротив этого мы, и особенно соответствующие инстанции, принимали меры и я считал эти меры правильными.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Какие это были меры?

ШПЕЕР: Я не могу рассказать подробностей, так как я сам не издавал этих распоряжений о наказании и не должен

14069

был давать по этому поводу указаний. Насколько я знаю, это делалось в сотрудничестве между генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы и инстанциями полиции и государства. Но это было подведомственно тем учреждениям, которые ведали уголовным преследованием.

СУДЬЯ ДИКСОН: Если Вы не знали, каковы были эти меры, как Вы можете говорить нам, что Вы их одобрили? Мы каждый раз упираемся в то, что никто не знал того, что делалось. Но Вы знали, по крайней мере, что там применялись чрезвычайно жестокие наказания, не так ли?

ШПЕЕР: Если я говорю "Я согласен с этим", то я хочу сказать, что я не хотел брать этого на свою ответственность. Но Вы должны понять, что министр производства имеет перед собой огромную задачу именно при воздушных налетах и что я заботился о вещах, которые не входили в круг моих обязанностей, только в тех случаях, если какое-либо обстоятельство... Если меня к этому принуждало тяжелое положение. В других случаях я был доволен, если я справлялся со своей собственной работой, и в конце концов круг моих задач был не мал. Мне кажется, что если бы Вы спросили английского министра вооружения во время германских бомбардировок, разделял ли он заботы министра труда, и беспокоился ли он об этих вопросах, то английский министр производства с полным правом сказал бы Вам: у меня в это время были другие дела, я должен был поддерживать высокий уровень продукции, и я не должен был следить, чтобы министр труда... чтобы он в своем секторе держал дела в порядке. И никто не упрекнет английского министра производства в том, что он не заботился об этом.

14070

H1207 – 0484

H1207-0485

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Хорошо. Военное производство было Вашим делом, и Вы хотите сказать мне, что Вы не имели никаких отчетов или докладов о положении рабочих, занятых на ваших военных предприятия, из которых Вы могли бы узнать не слишком ли велика норма заболеваемости и все ли в порядке в области общих условий труда?

ШПЕЕР: То, что я слышал, имелось в центральном планировании. Или даже больше, на основании этого Вы можете видеть зеркальное отражение того, что я слышал. Даже если имели место многие другие заседания, то... я не могу в деталях сказать, что я знал, ибо это были вопросы, не относившиеся к моему кругу задач. Само собой разумеется, что всякий, тесно связанный с делами государства, кое-что слышит о том, что происходит вокруг, и что узнает о неполадках в других областях. Положение таково, что эти... что ты не обязан расследовать эти неполадки что потом точно не знаешь... что происходило в деталях; Вы не можете требовать этого от меня. Если у Вас есть какой-либо конкретный случай, то я охотно расскажу о нем.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Хорошо: Предположим, что эти условия были Вам известны и что они существовали. С кем Вы должны были обсуждать вопрос об исправлении существующего порядка вещей? С кем из правительственных чиновников?

ШПЕЕР: При нормальных условиях министр стал бы действовать таким образом. Это письмо он отослал бы соответствующим властям, которые были ответственны за эти вопросы. Далее я должен сказать, что касается меня лично, что если я слышал о подобных неполадках, то я старался устранить их

и связывался непосредственно с ответственной инстанцией. Это был или германский трудовой фронт, при котором я имел человека для связи, или это дело передавалось через мое управление по использованию рабочей силы Заукеля и я... у меня обычно бывало так, что, если я не получал ответа, то я считал, что вопрос исчерпан, т.к. я не мог следить за этими вещами и потом еще спрашивать, исправлено положение или нет.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Таким образом, Вы не могли обсуждать эти вопросы с Круппом, Вы считаете, что они не отвечали за существование таких условий?

ШПЕЕР: У Круппа, при его посещении речь , конечно, шла об общем положении рабочих после воздушных бомбардировок, т.к. это была большая забота для нас, как раз для фирмы Круппа, это я знаю хорошо. Но у Круппа... я не помню, чтобы мне было сказано, что иностранные рабочие или военнопленные находятся в особенно плохом положении. Они все были временно в тяжелом положении. Германские рабочие жили в это время в подвалах, в небольших подвальных комнатах часто помещалось 6-8 человек.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Вы заявили некоторое время назад, что Вы, как министр правительства, несли некоторую ответственность за существование этих условий. Я хотел бы, чтобы Вы об"яснили о какой ответственности, которую Вы взяли на себя как член правительства, Вы говорили.

ШПЕЕР: Вы имеете в виду мое вчерашнее заявление о том, что я...

14072

H1207-0486

H1207 – 0487

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Ваша общая ответственность, что Вы имели в виду под Вашей общей ответственностью, наряду с другими?

ШПЕЕР: По моему, в государственной жизни существует два рода ответственности: первый род ответственности - это ответственность за свой собственный сектор, за него, конечно, несешь полную ответственность. Кроме того, я лично придерживаюсь того мнения, что в отношении решающих вопросов существует общая ответственность и должна существовать, поскольку ты являешся одним из руководящих лиц, ибо кто же еще должен нести ответственность за ход событий, если не ближайшие сотрудники главы государства. Но эта общая ответственность может быть только в принципиальных вопросах. Такая ответственность на может распространяться на отдельные случаи, которые имеют место в других министерствах или других ответственных ведомствах, ибо иначе вся дисциплина в государственной жизни будут полностью нарушена, тогда никто не будет знать, что... ответственность за детали должна быть неприменно сохранена за отдельным лицом в его области работы.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Как я понимаю, Вы хотите сказать, что Вы, как член правительства и руководитель в тот период времени, признаете свою ответственность за общую политику правительства, но не за отдельные ее детали, имевшие место в процессе ее осуществления? Я правильно изложил Вашу точку зрения?

ШПЕЕР: Да, да.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Я думаю, что на этом закончу перекрестный допрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хочет ли кто-нибудь еще из обвинителей подвергнуть подсудимого перекрестному допросу?

/К микрофону подходит генерал Рагинский от русского обвинения/.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Подсудимый Шпеер, излагая свою биографию суду и отвечая на вопросы господина судьи Джексона Вы упустили ряд существенных, с моей точки зрения, обстоятельств из Вашей биографии, в связи с этим я Вам поставлю несколько вопросов.

ШПЕЕР: Я выпустил те ~~пункты~~ пункты, которые я не хотел оспаривать, которые так или иначе содержатся в документах, и это заняло бы очень много времени, если бы я упоминал все эти пункты в отдельности.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Я вам напомню, чтобы не занимать много времени у Трибунала. Правильно ли я понял, что, кроме поста министра, Вы в разное время были: личным архитектором Гитлера, после смерти профессора Тродта. Занимали Вы такую должность?

ШПЕЕР: Да.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы были генеральным инспектором шоссейных дорог?

ШПЕЕР: Только после смерти доктора Тодта.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Генеральным инспектором водного и энергетического хозяйства.

ШПЕЕР: Да.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Генеральным уполномоченным по строительству в управлении по 4-летнему плану.

ШПЕЕР: Да, генеральным уполномоченным по строительству.

14074

H1207 – 0488

H1207 – 0489

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Руководителем организации ТОДТ.

ШПЕЕР: Да.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Были руководителем управления техники в национал-социалистской партии?

ШПЕЕР: Да.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Руководителем союза германских техников-национал-социалистов?

ШПЕЕР: Да.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Кроме этих постов, Вы других руководящих постов не занимали?

ШПЕЕР: О, я занимал, приблизительно, 10 или 12 постов, но я не могу же перечислять их все.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы были одним из руководителей имперской Палаты культуры?

ШПЕЕР: Нет, это неправильно. И точно не могу этого сказать. Я был там, кажется, сенатором или кем-то в этом роде.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы были советником президиума Академии культуры?

ШПЕЕР: Да.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы были членом президиума Академии искусств и архитектуры?

ШПЕЕР: Да, да.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Не будем перечислять остальных должностей, чтобы не занимать времени. Вы помните свои показания на допросе у полковника Розенблита 14 ноября 1945 года?

ШПЕЕР: Подробностей не помню.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Я вам напомню и прошу сказать, правильно ли был записан Вас ответ:

На вопрос: "Признаете ли Вы, что в своей книге "Майн кампф" Гитлер очень ясно высказал свои агрессивные планы в отношении стран Запада и Востока и, в частности, в отношении Советского Союза" Вы ответили: "Да, я признаю это". Вы помните, что так показывали?

ШПЕЕР: Очень может быть.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы и сейчас подтверждаете это?

ШПЕЕР: Нет.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Сейчас Вы не подтверждаете?

ШПЕЕР: Я должен сказать, что тогда я постыдился сказать, что книгу "Майн Кампф" я не прочитал до конца. Мне казалось это несколько смешным.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Хорошо. Мы не будем тратить время на это дело, тогда Вы постыдились сказать, или сейчас Вы стыдитесь, оставим этот вопрос.

ШПЕЕР: Да, тогда я обманул.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Тогда Вы обманули, или, может быть, сейчас обманываете.

ШПЕЕР: Нет, тогда.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Не в этом дело. Вы были сотрудником штаба Гесса?

ШПЕЕР: Да.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы сотрудничали с Леем?

ШПЕЕР: Да, в трудовом фронте.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Да, в Германском трудовом фронте. Вы также имели крупный ранг в нацистской партии?

ШПЕЕР: Нет. Этот ранг не был высоким. Он вовсе не соответствовал тому положению, которое я занимал в государстве.

14076

H1207 – 0490

H1207 - 0491

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы сперва прослушайте мой вопрос, а потом отвечайте сразу.

Я повторяю: Вы были сотрудником штаба Гесса, вы сотрудничали с "Трудовым фронтом", с Леем, Вы были руководителем управления техники нацистской партии, занимали руководящий пост в нацистской партии? Вы вчера в суде заявляли, что являлись одним из друзей Гитлера, и Вы хотите уверить, что Вы узнали о планах и намерениях Гитлера только из книги "Майн Кампф"?

ШПЕЕР: Об этом я могу рассказать подробно. У меня с Гитлером был тесный контакт, я слышал его личное мнение и это личное мнение привело меня к тому заключению, что у него были планы такого характера, как они изложены здесь, в документах. Я особенно был успокоен в 1939 году, когда был заключен пакт о ненападении с Россией. И в конце концов, Ваши дипломаты также, наверное, читали книгу "Майн кампф", и тем не менее они заключили с нами пакт о ненападении. А они ведь наверняка интеллигентнее меня, я имею в виду в политических вопросах.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Мы не будем сейчас разбирать, кто читал эту книгу и кто ее не читал, это не относится к делу и не интересует суд. Значит, вы утверждаете, что Вы о планах Гитлера ничего не знали?

ШПЕЕР: Да.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Скажите, как руководитель главного управления техники в нацистской партии, какие задачи Вы выполняли? Какие задачи стояли перед этим главным управлением?

ШПЕЕР: Партии?

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вам лучше знать. Вы же занимали должность руководителя главного управления техники нацистской партии.

ШПЕЕР: На эту должность я вступил лишь в 1942 году. А в 1942 году, во время войны, это главное управление техники НСДАП, собственно, не имело никаких задач. Сотрудников, которые находились в этом управлении, я включил в свое министерство, где они и работали, исполняя государственные функции. Более подробные сведения об этом имеются в письменных показаниях одного свидетеля, которые были здесь представлены в книге документов свидетеля Зауера.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: В этом документе Зауера о чем говорится?

ШПЕЕР: В этой книге имеется также мой декрет, изданный в конце 1942 года, где я говорю о передаче этих задач государственному аппарату, что и было мной сделано.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы все-таки не ответили на мой вопрос. Чтобы было яснее, я зачитаю то, что говорил Зауер по этому вопросу, а Вы потом скажете, правильно ли он осветил эти задачи.

Зауер на вопрос о задачах главного управления техники в НСДАП ответил: "Задачей главного управления техники было единое управление по организации техники с целью обслуживания немецких инженеров по научным, специальным и политическим вопросам". Скажите, это была политическая организация?

ШПЕЕР: Нет, это была скорее техническая организация.

14078

H1207-0492

H1207 - 0493

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Техническая организация, которая занималась только техническими вопросами?

ШПЕЕР: Да, конечно.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: В книге документов, которую представил Ваш защитник и которую он уже частично цитировал здесь, тоже имеется указание о задачах главного управления по технике. Из этого документа видно, что эта организация преследовала цель внедрения национал-социалистского мышления и что эта организация была политической, а не технической.

ШПЕЕР: Где это написано? Могу ли я получить этот документ?

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Конечно. Книга документов имеется в нашем распоряжении и я Вам сумею ее дать, если она Вам нужна, Сейчас Вам покажут структуру крейслейтера.

ШПЕЕР: Было переведено. это из моей книги документов. Но это не из моей книги документов, это из книги организации НСДАП.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Это - структура НСДАП. Это и есть документ 1893-ПС, который предоставлен Вашим защитником.

ШПЕЕР: Но в моей книге документов сказано, именно там: главное техническое управление НСДАП не имело политических задач. Я взял этот отрывок из организационного справочника НСДАП. Я бы не включил его в свою книгу документов, если-бы у меня не было впечатления, что как раз из этой выдержки вытекает, что в противоположность всем другим управлениям, главное техническое управление имело в партии аполитичные задачи.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: А национал-социалистский Союз германских техников тоже не был политической организацией?

ШПЕЕР: Никоим образом.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Никоим образом? Скажите, а руководители Союза могли быть не членами нацистской партии?

ШПЕЕР: Им не нужно было быть членами, насколько я знаю. Я никогда не обращал внимание на то, были ли они членами партии или нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть мы сейчас об"явим перерыв?

/Об"является перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы являлись одним из руководителей "центрального планирования". В Ваши задачи входило изыскание новых источников сырья?

ШПЕЕР: Я не понимаю смысла Вашего вопроса.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: В задачи "центрального планирования" входило-ли изыскание новых источников сырья?

ШПЕЕР: Нет, само по себе нет.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Ну, хорошо. Я Вам зачту из Вашей книги документов, Вы послушайте, а то мы очень много времени с Вами теряем.

В приказе от 22 апреля 1942 года за подписью Геринга /это - приказ, помещенный в Вашей книге документов, в первом томе, на стр. 14 русского текста и 17-й странице английского текста/ говорится: "Для обеспечения

14080

H1207-0494

H1207 -0495

приказания фюрера о развертывании вооружения и требований войны, также как и для согласованного снабжения сырьем и повышения хозяйственных возможностей, приказывая организовать "центральное планирование". Далее, перечисляется, кто входит в "центральное планирование", и пункт 3-й этого приказа Геринга перечисляет задачи. Я оглашаю этот третий пункт. "Центральное планирование " охватывает общее хозяйство и имеет следующие задачи:

пункт "С" - распределение наличного сырья, особенно железа и металлов между потребителями";

пункт "В" - изыскание новых и использование имеющихся уже источников сырья".

Это написано в Вашем документе?

ШПЕЕР: Да, но тут имеется некоторое различие. Мне было переведено "источники сырья". Под источниками сырья я понимаю залежи руды, например, или залежи угля. То, что здесь в этом параграфе имеется ввиду, это - организация новых центров по добыче сырья. То-есть здесь имеется ввиду строительство заводов по производству стали, например, или заводов по производству алюминия.

Об этом я уже сам рассказал в моем... я рассказал, что расширение базы основного сырья для промышленности имело важное значение и что я интересовался этой деятельностью.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Да,это и трудно отрицать - это написано в документе.

ШПЕЕР: Нет, это лишь... специальные выражения. Возможно, что эти специальные термины, в результате двукрат-

ного перевода, неправильно доходят до Вас. Сам по себе смысл этого абзаца совершенно ясен. Это может подтвердить любой специалист. Это та же самая деятельность.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Смысл понятен. Скажите, когда Вы перечисляли состав "центрального планирования", почему Вы не назвали Функа в качестве члена "центрального планирования"?

ШПЕЕР: Нет. Это было... Функ почти совсем не принимал участия в работе "центрального планирования" и поэтому я его не мог упомянуть, он впервые официально стал членом его лишь в сентябре 1943 года, однако и после этого периода он принимал участие лишь в одном или двух заседаниях, так что его деятельность была весьма минимальна.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Я не спрашивал Вас о деятельности, а я спрашивал, являлся ли Функ членом "центрального планирования"?

ШПЕЕР: Да с сентября 1943 года.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы случайно не назвали его, или у Вас была какая-то особая цель?

ШПЕЕР: Я назвал только трех членов, которые входили в его состав, начиная с основания этого учреждения, так как я говорил только об основании "центрального управления по планированию", этим и об"ясняется данная ошибка. Я не хотел тратить время Суда, описывая общеизвестный факт.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы здесь утверждали, что вообще занимались мирным строительством, а назначение на пост

14082

H1207 – 0496

H1207-0497

министра вооружения приняли без желания, что у Вас были колебания и т.д. Вы это и сейчас утверждаете?

ШПЕЕР: Разрешите мне еще раз попросить Вас повторить вопрос?

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Пожалуйста. Вы говорили неоднократно, отвечая на вопросы защитника, что пост министра вооружения Вы приняли без особого желания, что у Вас были большие колебания и что вообще Вы не хотели этим делом заниматься. Вы и сейчас это утверждаете?

ШПЕЕР: Да.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Я Вам напомню, что Вы говорили представителям промышленности Рейнско-Вестфальской области. Вы помните, что Вы там говорили? Я процитирую один абзац из Вашего выступления. Вы говорили тогда: "Весной 1942 года, я, не колеблясь, принял требования, поставленные фюрером, как программу, которую необходимо выполнить, которую я выполняю и буду выполнять". Говорили Вы это?

ШПЕЕР: Да, однако, это не имеет ничего общего с Вашим утверждением, которое Вы сделали. Требования, которые здесь имеются в виду... минутку... являются требованиями по увеличению производства вооружения для сухопутных сил. Я говорил о них. Кроме того, само собой разумеется, что я тогда немедленно принял назначение на пост министра вооружения, без всяких колебаний. Этого я никогда не оспаривал. Я лишь сказал, что я охотнее был-бы архитектором, чем министром вооружения и это, очевидно, было превратно понято.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: А теперь мы посмотрим, что Вы говорили в своей речи гаулейтерам в Мюнхене.

"Я, - говорили Вы, - бросил всю эту деятельность /архитекторную/, чтобы безоговорочно отдаться разрешению военных задач. Фюрер ожидает этого от всех нас".

Разве это то же самое, что Вы на Трибунале говорите? То же самое?

ШПЕЕР: Да. Мне кажется, что в Вашем государстве это тоже было принято.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Я Вас спрашиваю не о нашем государстве. Я спрашиваю Вас, что Вы говорили тогда гаулейтерам и что Вы говорите на суде.

ШПЕЕР: Да, я хотел только способствовать тому, чтобы Вы меня поняли, так как Вам, повидимому, не понятно, что во время войны принимают пост министра вооружения. Это ... если это необходимо, то разумеется само собой, и мне непонятно, что Вы не понимаете этого и хотите выдвинуть на основании этого обвинение против меня.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Я Вас прекрасно понял.

ШПЕЕР: Очень хорошо.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Когда Вы выступали перед гаулейтерами, Вы, конечно, не думали, что за свои слова Вам придется держать ответ перед Международным Военным Трибуналом.

Перейдем к следующему вопросу.

ШПЕЕР: Простите, один момент, я должен ответить на это утверждение. То, что я ничего не нахожу в этом особенного, вытекает из того, что Вы зачитали эту цитату

H1207 – 0498

H1207 – 0499

из моей книги документов, я бы иначе не включил ее в свою книгу документов, и я надеюсь, Вы считаете меня достаточно умным для того, чтобы я мог еще правильно составить свою книгу документов.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Но эти документы имеются также в распоряжении обвинения. Перейдем, однако, к следующему вопросу. Отвечая на вопросы защитника, Вы говорили о принципах и задачах Вашего министерства. Вот в этой связи я хочу поставить Вам несколько вопросов. Вы помните содержание Вашей статьи под названием "Увеличение производительности", опубликованной в "Дас Рейх" 19 апреля 1942 г.? Вам передадут сейчас копию.

ШПЕЕР: Пожалуйста.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Господин председатель, я представляю эту статью как документ под № СССР-479. Я Вам напомню вкратце, что Вы писали о принципах Вашего министерства.

"Энергичное применение самых суровых наказаний за проступки: карать каторжными работами или смертной казнью. Война должна быть выиграна".

Вы так писали?

ШПЕЕР: Да.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Теперь я Вам напомню выдержку из другой Вашей статьи. Вам ее тоже передадут.

ШПЕЕР: Одну минуту. Разрешите мне попросить Вас, чтобы Вы огласили весь абзац. Вы выпустили местами отдельные предложения?

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Я опустил. Я Вам поставлю вопрос по этом по всему предложению.

ШПЕЕР: Да, из них, однако, следует... следует, почему было предусмотрено тюремное заключение и смертная казнь. Это же важно. Мне кажется, что Вы должны процитировать все вместе для того, чтобы не повредить общую связь.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы потом дадите об"яснение на мой вопрос, а пока слушайте мой вопрос. Если Вы хотите дать об"яснения по поводу этой статьи, то Вы должны его дать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Рагинский, Трибунал считает, что лучше было бы, если бы подсудимый сейчас предоставил свои об"яснения по этому поводу.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Если подсудимый желает дать об"яснения по поводу этой статьи, то я готов их выслушать.

ШПЕЕР: Разрешите... Текст, который Вы выпустили, гласит следующее:

"Фюрер по моему предложению приказал, чтобы те руководители предприятий и служащие, а также те чиновники и офицеры, которые пытаются путем дачи неправильных сведений обеспечить себе материалы или рабочую силу, должны караться или долгосрочным тюремным заключением или смертной казнью".

Дело обстояло следующим образом. Когда я вступил на свой пост, то обнаружил, что при подаче требований в центральные учреждения, промежуточные инстанции делали дополнительные предложения, т.е. каждая из многочисленных промежуточных инстанций делала самостоятельно дополнительные предложения. Таким образом те заявки, которые сосредоточивались у меня, были чрезвычайно большими,

14086

H1207 - 0500

H1207 – 0501

невероятными и поэтому планирование стало вообще невозможным. Так, например, заявки, которые я получил на медь

в течение одного года, превышали всю мировую продукцию меди в течение одного года, потому что, подавались дополнительные заявки промежуточными инстанциями. И для того, чтобы противодействовать этому и получать достоверные сведения, я издал для этих чиновников и офицеров, а также руководителей предприятий и служащих распоряжение, которое должно было действовать устрашающе.

Я говорил об этом также в своей речи перед гаулейтерами и там сказано, что это распоряжение, очевидно, будет иметь своим результатом то, что ни один человек не отважится давать неправильные сведения по инстанциям, и таким образом цель этого распоряжения будет достигнута. Я говорил, что никогда не будет необходимости применять этот указ, так как я не думаю, что руководители предприятий, служащие, чиновники и офицеры имеют столько мужества, что передадут неправильные сведения при угрозе такого наказания. В действительности дело никогда не доходило до этого. Однако, заявки на материалы и рабочую силу, поступавшие ко мне, с этого времени значительно сократились.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы утверждали, что в Ваши обязанности, как министра, входило только производство. Так я Вас понял?

ШПЕЕР: Да, вооружение и военное производство.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: А снабжение, снабжение этой промышленности сырьем не входило в Ваши обязанности?

ШПЕЕР: Нет, это стало моей задачей с сентября 1943 г. после того, как я стал руководить производством. Это тогда я регулировал весь процесс от сырья до готового продукта.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: В книге "Германия в борьбе" за 1943 г., в ноябрьском номере /Вам покажут этот номер, этот документ я предоставляю суду под № СССР - 480/ говорится: "На основании указа фюрера от 2 сентября 1943 г., о концентрации военной экономики и указа рейхсмаршала великой Германской империи и уполномоченного по 4-летнему плану от 4 сентября 1943 г. о централизованном планировании, - имперский министр Шпеер в качестве министра вооружения и военной промышленности руководит теперь всем военным производством. Он один является уполномоченным и ответственным за снабжение, руководство и производство военной промышленности". Это правильно? Я прошу кратко ответить, правильно это или нет?

ШПЕЕР: Это сказано несколько по дилетантски, так как понятие „промышленное военное хозяйство" не совсем совпадает с понятием "вооружение и военная промышленность". Очевидно, это написано не специалистом, но в остальном все это соответствует тому, что я сказал. Я сказал, что военная промышленность охватывает все производство.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Но Вы отвечали после сентября 1943 года не только за военную промышленность, но и за военную экономику, а это разные вещи.

14088

H1207 – 0502

H1207 – 0503

ШПЕЕР: Нет, в этом как раз и заключается ошибка. Здесь написано... в отношении военной экономики сказано "промышленное военное хозяйство"... "Промышленное военное хозяйство" значит примерно, то же самое, что военная продукция. Это военное хозяйство в ремесле и промышленности. Здесь нужно провести некоторые ограничения, и если ранее было сказано "вся продукция военного хозяйства", то здесь, очевидно, по мысли автора, имеется в виду продукция. Но понятие...

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Вы здесь уже говорили, что, приняв пост министра в 1942 году, Вам досталось, если можно так выразиться, очень тяжелое наследство. Скажите, только очень кратко, каково было положение к тому времени со стратегическим сырьем, в частности, с цветными металлами для производства боеприпасов?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Рагинский, разве нам необходимо входить в детали этого вопроса? Вполне понятно, что человек, который в то время ведал миллионами рабочих, имел большие обязанности. К чему направлен Ваш вопрос?

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Этот вопрос является подготовительным для следующего вопроса, поскольку это связано...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, но что же является конечной целью перекрестного допроса? Вы сказали, что Ваш вопрос является подготовкой к следующим вопросам. Что же Вы ставили себе целью, задавая этот вопрос?

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Цель - доказать, что и подсудимый Шпеер принимал участие в экономическом разграблении оккупированных государств и областей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да? Тогда спросите его прямо об этом.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Я как раз к этому и приступаю. Вы признаете, что принимали участие в экономическом разграблении оккупированных территорий?

ШПЕЕР: Я, безусловно, принимал участие в экономическом использовании оккупированных территорий. Мне кажется, что понятие "разграбление" не совсем ясно передает положение вещей. Я не знаю, что Вы понимаете под "разграблением" оккупированных районов?

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Для ликвидации дефицита в стратегическом сырье Вы вывозили цветные металлы из Бельгии, Франции и других оккупированных стран?

ШПЕЕР: Да, само собой разумеется. Я не сам их вывозил, но я, без сомнения, в этом участвовал в какой-то форме. Я не отвечал за это, однако я, без сомнения, способствовал тому, чтобы мы получили как можно больше оттуда материалов.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Я удовлетворен Вашим ответом, а квалификацию ~~своих~~ ваших действий даст Трибунал.

Вы помните приказ Гитлера от 2 сентября о "концентрации военного хозяйства"? Этот документ представляется под № СССР-482. Я не намерен зачитывать весь этот приказ, это заняло бы чересчур много времени. Я оглашу из этого

14090

H1207-0504

H1207 – 0505

приказа несколько параграфов. Он начинается следующей фразой:

"Принимая во внимание требования войны о более строгом учете и однородном использовании рабочей силы в продолжении войны, приказываю: § 2.Полномочия рейхсминистра хозяйства в области сырья и продукции, индустрии и ремесел распространяются на рейхсминистра по вооружению и боеприпасам. Рейхсминистр по вооружению и боеприпасам, ввиду его увеличенного круга заданий, называется рейхсминистром по вооружению военной промышленности".

Вы ознакомились с этим приказом?

ШПЕЕР: Да, я знаю его.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Я попрошу очень кратко и очень сжато сказать, в связи с этим приказом, как были разграничены функции между Вами и Функом?

ШПЕЕР: Это вытекает из текста приказа. Я руководил всем производством, начиная от сырья до готового продукта, а Функ ~~занимался~~ ведал всеми общими экономическими вопросами вообще, это главным образом вопросы денежного обращения и вопросы акционерного права и торговли и т.п. вопросы.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Понятно.

ШПЕЕР: Это, конечно, не исчерпывающий ответ, который я дал, это лишь примерный ответ.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Меня удовлетворяет этот ответ. В связи с этим приказом Вы получили полномочия по регулированию товарооборота?

ШПЕЕР: Я не знаю, что Вы здесь имеете в виду?

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Ну, хорошо. Чтобы не терять времени, Вам покажут документ от 6 сентября 1943 года, подписанный Вами и Функом. Этот документ я предоставляю Трибуналу под № СССР-483. Я зачитаю первый пункт первого параграфа. "Поскольку в законодательных предписаниях полномочия рейхсминистра хозяйства распространяются и на урегулирование товарооборота, эти полномочия на время войны передаются рейхсминистру по вооружению и военной промышленности".

Таким образом, Ваша роль в военных усилиях Германии, Ваша роль во время войны, как руководителя военной промышленности Германии, была значительно шире, чем это Вы представляли здесь, на суде, не так ли?

ШПЕЕР: Нет, я ведь... я не пытался показать что-либо другое, ведь я сказал, что министр вооружения во время войны является вообще самым важным министром в империи и что все должны были работать только для него. Мне кажется, что более полного описания своих задач я дать не мог. Вопрос [redacted] товарооборота имеет второстепенное значение. При всем желании я не могу сказать, что здесь подразумевается под "товарооборотом". Это специальный термин, который мне не очень понятен.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Да, но ведь этот документ подписан Вами, а Вы говорите, что Вы не знаете, что там имеется в виду. Вы ведь его подписали вместе с Функом.

ШПЕЕР: Конечно.

14092

H1207-0506

H1207 – 0507

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Скажите, как осуществлялась связь между Вами, между Вашим министерством и немецким трудовым фронтом? И была ли такая связь?

ШПЕЕР: Я имел офицера связи между германским трудовым фронтом и мной, точно так же, как и со всеми другими важными учреждениями империи.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: А Вы не назовете фамилии этого офицера?

ШПЕЕР: Это - мой свидетел Хупфауэр, который позже стал у меня начальником центрального управления.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Хупфауэр. Хорошо.

Вы заявили, что в число военных предприятий не должны включаться такие отрасли промышленности, как текстильная, переработка алюминия, леса и т.д. Я Вас правильно понял? Вы именно это заявляли?

ШПЕЕР: Нет, - это ошибка. Вам, очевидно, неправильно перевели.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: А как правильно следует Вас понять?

ШПЕЕР: Мне кажется, что здесь произошли две ошибки в переводе. Во-первых, я в своих показаниях не говорил о военном хозяйстве, а о понятии "вооружение", и я сказал, что в это понятие "вооружение" включаются и текстильные предприятия, и дерево и кожеобрабатывающая промышленность. Но вооружение и военное хозяйство - два совершенно различных понятия.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: А Вы текстильную промышленность полностью исключаете из понятия "вооружения"?

ШПЕЕР: Я сказал, что различные текстильные предприятия были включены в промышленность вооружения, хотя они на самом деле и не производили предметов вооружения в узком смысле этого слова.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: А разве текстильная промышленность не выпускала парашютов (для военно-воздушного флота, ~~для боеприпасов воздушного флота~~?

ШПЕЕР: Да, но тогда Вам следовало бы изучить Женевскую конвенцию о военнопленных - там указывается, что это не запрещено производить силами военнопленных. У меня есть здесь этот текст, могу его зачитать Вам.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Да, и Вы хотите нас серьезно заверить, что порох можно производить без целлюлозы, и поэтому суживаете понятия промышленности вооружения и военного производства?

ШПЕЕР: Нет, тогда Вы совершенно неправильно меня поняли. Я хотел по возможности расширить понятие "промышленность вооружения", чтобы иметь возможность доказать, что это понятие - промышленность, производившая вооруже-

14024

H1207 – 0508

H1207 – 0509

ния, современное понятие "промышленность вооружения" представляет собой нечто совершенно иное, чем промышленность, которая производит предметы вооружения в смысле Женевской конвенции.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Ну, хорошо. Вы говорили о своих возражениях против использования иностранных рабочих. О мотивах этих возражений указывает в своих показаниях Шмельтер. Это " Ваш начальник отдела труда министерства. Эти показания представлены Вашим защитником. Я зачитаю один абзац, а/ Вы скажите, правильно ли говорит об этом Шмельтер? "Постольку он /Шпеер/ неоднократно указывал на то, что использование иностранных рабочих создаст большие трудности для империи по обеспечению их продуктами питания..."

Таковы были мотивы Ваших возражений?

ШПЕЕР: Перевод, очевидно, ~~сделан~~ был ~~что~~ неправилен. ~~=~~. Я хорошо помню текст и смысл этих показаний. Смысл совершенно правилен. Речь шла о следующей проблеме:

Если мы направляли в Германию новую рабочую силу, то для этой рабочей силы, во-первых, необходимо было иметь основное количество калорий, которое нужно для пропитания

человека. Это основное количество калорий так или иначе должны были получать немецкие рабочие, еще находившиеся в Германии. Вследствие этого продукты питания экономились, если бы у меня в Германии работали немецкие рабочие и затем я мог бы дать дополнительное количество калорий, которое необходимо для сверхурочных и тяжелых работ, то я мог бы увеличить питание.

Таков был смысл этих соображений Шмельтера.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Подсудимый Шпеер, Вы уклоняетесь от прямого ответа на мой вопрос, а излагаете детали, которые меня совершенно не интересуют.

ШПЕЕР: Нет, я охотно отвечаю Вам.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ: Я спросил Вас: то место из показаний Шмельтера, которое я Вам зачитал, - правильно или нет?

ШПЕЕР: Нет, здесь неправильный перевод. Я хотел бы иметь подлинник на немецком языке.

14096

H1207 – 0510

H1207 – 0511

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Оригинал имеется в вашей немецкой книге документов. Я перейду к следующему вопросу.

ШПЕЕР. Да, но необходимо, чтобы Вы сейчас показали мне этот документ. Я считаю, что для меня нет необходимости брать с собой на свидетельский пульт свою книгу документов при перекрестном допросе русскими представителем Обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы должны передать документ свидетелю, если он у вас имеется.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Господин председатель. Этот документ включен в книгу документов защиты. Эта книга документов защиты имеется у суда. У меня имеется только русский перевод этих документов , в том числе и аффидевит Шмельтера, который вчера передан суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Флекснер, у вас есть этот документ?

ФЛЕКСНЕР. Да. /Передает документ./

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю вас.

ШПЕЕР. На какой это странице? Скажите, пожалуйста.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Это- на странице 129-й русского текста,-ответ на вопрос 13-й, последний абзац.

ШПЕЕР. Да, здесь написано в немецком тексте: "Он неоднократно указывал на то..." - т.е. Шпеер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это был Шпеер?

ШПЕЕР. "Он неоднократно указывал на то, что использование иностранных рабочих вызовет большие трудности в промышленности и предоставление им дополнительных продуктов питания со стороны империи".

Я об"яснял, какови были причины подобной обстановки.

Далее в тех же показаниях вы можете ознакомиться с моим обоснованием этого положения.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Ваш заместитель Шибер на поставленный ему вопрос: было ли известно Шпееру, что требуемые от Заукеля рабочие привозятся из оккупированных областей, - ответил: "Да. Это был очень спорный вопрос. Мы всегда говорили, что Заукель будет доставлять лишь партизан, если он будет применять принудительные ~~меры~~ методы к рабочим, не желающим выезжать в Германию".

Таким образом, вы не только знали о том, что на ваших заводах работали угнанные в рабство, но и о методах, которые Заукель применял. Вы подтверждаете это?

ШПЕЕР. Я знал, что рабочие попадали в Германию частично против их воли. Я об этом уже говорил. Я также уже показал, что я считал последствия этой насильственной вербовки рабочих рекламами для промышленности в оккупированных областях. Это будет повторение моих показаний.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Повторений показаний не следует делать. Скажите, вы разве не настаивали перед Заукелем на предоставлении вам рабочих, которых он должен насильственно набрать в оккупированных странах, сверх тех требований и заявок, которые вы сделали? Я вам напомню ваше письмо к Заукелю, это ускорит процесс допроса. 6 января 1944 года вы писали Заукелю:

"Дорогой товарищ Заукель! Прошу вас, соответственно вашему обещанию фюреру, прислать мне рабочую силу для того, чтобы я мог выполнить порученное мне фюрером задание в назначенный срок. Кроме того, имеется потребность в немедленной присылке 70 тысяч рабочих для организации Тодта, согласно установленным по приказу фюрера № 51 срокам работы на Атлантическом вале".

14098

H1207 – 0512

H1207 – 0513

Вы подтверждаете это? Вы писали такое письмо Заукелю?

ШПЕЕР. Да. Я даже признаю, что я включил это письмо в свою книгу документов, именно исходя из следующих соображений: 4 января 1944 года имело место совещание у Гитлера, на котором Гитлер дал приказ вывезти из Франции в Германию миллион рабочих. В тот же день я сообщил генералу Штудту – моему уполномоченному по Франции, что потребность в рабочей силе для особых предприятий следует удовлетворить в первую очередь до посылки рабочих в Германию. Этим письмом, которое у вас в руках, через два дня сообщил Заукель, что моя потребность во Франции составляет 800 тысяч рабочих для французских предприятий и, что, кроме того, на Атлантическом вале также недостает рабочих, и что поэтому следует в первую очередь получить этих рабочих до того, как один миллион рабочих будет направлен в Германию.

Я уже вчера заявил, что в результате этих двух писем, акция, о которой ранее был дан приказ Гитлера, была приостановлена и что целью было ясно показать военному командующему, который также получил это письмо, что в первую очередь рабочих следует использовать в самой Франции. Это было очень ценно для военного командующего.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Подсудимый Шпеер, вам было известно, что на подведомственных вам военных заводах принудительно оставлялись рабочие, бывшие заключенные, которые уже отбыли срок своего наказания. Было это вам известно или нет?

ШПЕЕР. Во время моей службы – это не было мне известно, я узнал об этом из одного документа здесь, на суде.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Вам это не было известно?

ШПЕЕР. Да. Я знаю, что вы имеете в виду - это написано в письме Шибера от 4 мая 1944 года, которое включено в книгу документов. Однако, все эти подробности я никак не мог вспомнить.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Вы не можете вспомнить? Но Шибер вам 7 мая 1944 г. в специальном письме, адресованном вам лично, об этом писал и вы не могли не знать это в 1944 году. А то обстоятельство, что этот документ включен в вашу книгу документов, никак положения не меняет.

ШПЕЕР. Я... На основании этого письма, я затем написал также Гиммлеру как раз по вопросу о рабочих, которые отбыли свой срок заключения. Я в любой момент могу представить здесь это письмо. Я не сделал этого потому, что... чтобы книга документов не была слишком об"емистой. Из этого письма вытекает, что я просил Гиммлера о том, чтобы эти рабочие, после того как они [redacted] отбудут свое наказание, оставались на свободе, в то время как Гиммлер выступал за то, чтобы эти рабочие вообще оставались и дальше в заключении.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Вы помните письмо ОКВ от 8 июля 1943 года по вопросу о рабочей силе для горной промышленности? Помните ли вы о таком письме и содержание этого письма?

ШПЕЕР. Нет.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Я вам напомню. Этот документ был представлен Трибуналу, как доказательство под № США-455 и неоднократно здесь цитировался, поэтому, я полагаю, что можно не зачитывать все письмо, а только основные положения. В этом письме указывается на распоряжение фюрера передать 400 тысяч русских военнопленных в угольную промышленность. Помните вы о таком факте?

14100

H1207 – 0514

H1207 – 0515

ШПЕЕР. Я охотно бы взглянул на этот документ.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Вам дадут посмотреть этот документ. В пункте втором этого документа указывается: "Все военнопленные, взятые на востоке после 5 июля 1943 года, должны быть переданы лагерям ОКВ и оттуда непосредственно или в порядке обмена через других потребителей рабочей силы – генеральному уполномоченному по рабочей силе для использования в угольной промышленности".

Далее в пункте четвертом этого документа указывается, что "мужчины в возрасте от 16 до 55 лет , взятые в борьбе с партизанами в зоне военных действий, в армейском тылу, об"являются военнопленными и также передаются в лагерь военнопленных".

Это письмо было послано также и вам и, следовательно, вы знали, какими нечеловеческими методами вы получали рабочих для угольной промышленности. Это вы признаете?

ШПЕЕР. Нет, я этого не признаю.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Хорошо.

ШПЕЕР. Нет, я нахожу... Я не знаю, имеете ли вы в виду то, что военнопленные, которые были захвачены в бою с партизанами в районе боевых действий, должны были использоваться в горной промышленности? Я тогда полагал, что солдаты, взятые в плен в борьбе с партизанами, были взяты в плен в бою, а партизан, захваченный в плен в бою, естественно, является военнопленным.

Я, однако, слышал здесь, что было выдвинуто утверждение что как раз с военнопленными, которые были захвачены в партизанских областях, обращались не как с военнопленными. Мне кажется это доказательством обратного. Этот документ

показывает, что с этими пленными из партизанских областей обращались как с военнопленными.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Меня совершенно не интересуют комментарии к этому документу. Я вас спрашиваю, каким методом вы получали военнопленных для угольной промышленности? Вы ответили, что не признаете этого и я считаю, что вопрос по этому документу закончен. Перейдем к следующему документу.

4 января 1944 г. вы участвовали в совещании у Гитлера, на котором обсуждался вопрос об использовании рабочей силы на 1944 год. Вы тогда заявили, что вам потребуется дополнительно 1.300.000 рабочих. На этом совещании было принято решение, что Заукель в 1944 г. поставит не менее четырех миллионов рабочих из оккупированных областей и что в доставке этих рабочих Заукелем будет принимать участие Гиммлер. В этом протоколе совещания, подписанном Ламмерсом, указано, что все участники совещания пришли к единодушному выводу. Вы признаете, что, как участник этого совещания, и как рейхсминистр, вы несете ответственность за принудительный угон в Германию миллионов людей?

ШПЕЕР. Однако эта программа совершенно не была осуществлена. Эта программа не была осуществлена.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Подсудимый Шпеер, мы с вами очень много времени займем у Трибунала, если вы не будете отвечать на поставленные вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Рагинский, насколько я понимаю показания этого свидетеля, он заявил нам о том, что военнопленные и рабочие привозились в Германию насильно, против их воли. Он никогда не отрицал этого.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Да, господин председатель, он подтвердил, однако, на вопрос, признает ли он себя ответственным

H1207 – 0516

H1207 – 0517

за эту операцию, начиная 4 января, ответа он не дал. Я повторю свой вопрос. Я спрашиваю у вас не о том – осуществил ли Заукель эту программу, а мой вопрос сводится к следующему: 4 января с вашим участием было принято решение у Гитлера о том, что Заукель угонит 4 миллиона человек в рабство в Германию при содействии и при помощи Гиммлера. Вы принимали участие в этом совещании. Как видно из записи, все участники совещания пришли к единодушному выводу. Вы признаете свою ответственность за это или нет?

ШПЕЕР. Постольку, поскольку это касается моего сектора и моей ответственности. Я предполагаю, что суд решит, насколько велика моя ответственность. Я сам не могу этого установить здесь.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Я зачитаю вам выдержку из документа, представленного Трибуналу под № США-184. В этом документе указывается на решение Заукеля провести освидетельствование и мобилизацию двух возрастов – 1926 и 1927 гг. – во всех вновь оккупированных восточных областях. В этом документе говорится также: "Господин имперский министр вооружения и боеприпасов дал на этот приказ свое согласие". Этот документ заканчивается следующей фразой: "Освидетельствование и мобилизация должны начаться и проводиться ускоренными темпами со всей энергией и применением всех подходящих мер". Вы припоминаете такой приказ?

ШПЕЕР. Я здесь читал этот документ. Это правильно.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Перейдем к следующему вопросу. Вы говорили здесь, что резко критиковали ближнее окружение Гитлера. Назовите нам имена, кого вы критиковали?

ШПЕЕР. Нет, я не назову вам этих лиц.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Не назовете этих лиц? Потому что

вы не критиковали много? Как вас понять?

ШПЕЕР. Нет, я критиковал, но я не считаю правильным называть их здесь.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Я не настаиваю на том, чтобы вы ответили. Скажите, ваши так наз. расхождения с Гитлером начались после того, как вы убедились, что Германия проиграла войну?

ШПЕЕР. Да, я об этом подробно говорил вчера.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Вы очень много говорили здесь о том, что вы противились разрушению промышленных предприятий западных областей перед отступлением немецких войск, но разве вы не руководствовались при этом исключительно тем, что рассчитывали в ближайшее время снова занять эти области и таким образом сохранить за собой эти предприятия?

ШПЕЕР. Нет, причина заключалась не в этом. Я вчера об этом подробно говорил. Я это избрал в качестве предлога для того, чтобы воспрепятствовать этому разрушению. Если вы прочитаете, например, мой меморандум о положении с горючим, то из него ясно вытекает, что я не придерживался того мнения что можно говорить о реоккупации, и мне кажется, что любой военный руководитель не считал, что в 1944 г. можно было говорить о реоккупации Франции, Голландии или Бельгии. То же самое относилось, конечно, и к восточным областям.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Я думаю, что будет лучше, если мы обратимся к документу. Это будет правильнее и сократит время. Вы писали в телеграмме, которую вы заготовили для гауляйтеров Вермахта, Вагнера и других, - я читаю на странице 56-й, т.1 вашей книги документов: - "Фюрер указал, что в скором времени будут возвращены утраченные области, так как для дальнейшего ведения войны западные области в отношении вооружения и военной продукции имеют большое значение". Разве это то, что вы здесь говорите? Ведь вы писали совсем о другом.

14104

H1207-0518

H1207 – 0519

ШПЕЕР. Нет, это место цитировалось вчера моим защитником. Я хотел бы еще раз получить этот документ. Я не знаю, есть ли необходимость в том, чтобы я еще раз повторил все об"яснение, данное уже вчера, которое длилось, приблизительно, 10 минут. Вы верите моему вчерашнему об"яснению или нет?

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Я вовсе не хочу, чтобы вы повторили то, что говорили вчера, если вы не хотите правильно ответить на поставленный вопрос.

Перейдем к другому документу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Рагинский, вы задали свидетелю вопрос, на который он вчера уже отвечал; естественно, он должен повторить свой ответ, если хочет дать последовательные показания.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Господин председатель, я также считаю, что не следует повторять вчерашние ответы, это совершенно бесполезная трата времени. Если подсудимый не желает правдиво ответить на этот вопрос, то я предпочитаю его не спрашивать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но свидетель говорит, что он вчера правдиво ответил на этот вопрос; если вы хотите, чтобы он повторил свой ответ, он, конечно, может это сделать, но это займет у него минут 10. Вот что заявил свидетель по этому поводу и, мне кажется, что это совершенно логично.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Да, я предпочитаю перейти к другому вопросу.

Скажите, почему вы телеграмму по поводу разрушения промышленных предприятий направили гауляйтерам?

ШПЕЕР. Эта телеграмма была направлена не только гауляйтерам. Она была направлена моим уполномоченным и гау-

лейтерам. Гауляйтеров надо было информировать, потому что они при некоторых обстоятельствах сами могли отдать приказ о разрушениях, а так как гауляйтеры не подчинялись мне, я должен был составить проект этой телеграммы и отправить ее Борману, которому подчинялись гауляйтеры, с тем, чтобы она от Бормана была направлена гауляйтерам.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Вы говорили, что сторонниками политики Гитлера "выжженной земли" были Геббельс и Лей. Разве из сидящих здесь на скамье подсудимых, никто не поддерживал в этом вопросе Гитлера?

ШПЕЕР. Насколько я вспоминаю, никто из тех, кто сейчас сидит на скамье подсудимых, не выступал за политику "выжженной земли". Наоборот, я... например, Функ, резко выступал против этого.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. За эту политику были только те, кто теперь мертв?

ШПЕЕР. Да, и поэтому они, очевидно, и покончили жизнь самоубийством, потому что они были за эту политику и делали еще кое-что.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Ваш защитник пред"явил Трибуналу несколько писем, адресованных на имя Гитлера и датированных мартом 1945 г. Скажите, после этих писем вы потеряли доверие к Гитлеру?

ШПЕЕР. Я вчера уже говорил о том, что после этого имели место очень резкие разногласия между нами, и Гитлер хотел, чтобы я ушел в отпуск, длительный отпуск. Это практически означало бы мой уход в отставку. Но я этого не хотел.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Это я слышал, но ведь именно вас Гитлер 30 марта 1945 г. назначил руководить мероприятиями по тотальному разрушению индустриальных об"ектов?

14106

H1207 – 0520

H1207 – 0521

ШПЕЕР. Да. Дело обстояло так, что я... я отвечал за разрушения или неразрушение промышленности в Германии до 19 марта 1945 года. Тогда Гитлер указом, который также был представлен, лишил меня полномочий самому проводить эти разрушения, а указом Гитлера от 30 марта 1945 г., проект которого составил я, я снова получил право проводить эти разрушения. Но самое главное... я также представил свои приказы, которые были изданы на основании полномочий проводить разрушения и, кроме того, из них совершенно ясно вытекает, что я запретил проводить разрушения. Таким образом я достиг своей цели. Неважно, какие распоряжения издавал Гитлер, а важно, какие издавал я на основании этого приказа. Он также имеется в документах.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Гитлер после получения этих писем не рассматривал вас как оппозиционера по отношению к нему?

ШПЕЕР. Гитлер сказал тогда, во время совещания, которое было у меня в ним, что он не может отказаться от меня ни по внутри-политическим, ни по внешне-политическим соображениям. Это было его обоснованием. Я полагаю, что его доверие ко мне было уже тогда несколько поколеблено, т.к. он в своем завещании назначил другого в качестве моего преемника.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. И последний к вам вопрос. Вы 15 апреля в Гамбургской радиостудии записали свою речь на случай падения Берлина. В этой заготовленной речи, текст которой так и не был опубликован, вы высказались за прекращение деятельности Вервольфа и т.д. Скажите, кто руководил организацией Вервольф?

ШПЕЕР. Организацией Вервольф руководил рейхслейтер Борман.

14107

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. А кроме Бормана?

ШПЕЕР. Никто, только Борман. Насколько я знаю, это был только Борман. Я не могу точно сказать, однако, Вервольф был организацией, которая подчинялась Борману.

ГЕНЕРАЛ РАГИНСКИЙ. Это понятно. Если бы Борман был на скамье подсудимых, то тогда оказалось бы, что этой организацией руководил Гиммлер. Другого ответа от вас я и не ожидал. У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Сервациус, вы хотите задать свидетелю какие-либо вопросы, вытекающие из перекрестного допроса?

СЕРВАЦИУС /защитник подсудимого Заукеля/. У меня есть несколько вопросов по поводу перекрестного допроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не слышал, что вы сказали.

СЕРВАЦИУС. У меня есть только несколько вопросов в связи с перекрестным допросом.

Господин свидетель, вы заявили, что после воздушных налетов обо всех недостатках, которые возникали на предприятиях, вы сообщали дальше, германскому трудовому фронту или также Заукелю. Это правильно?

ШПЕЕР. Нет, в такой форме не совсем. Меня спрашивали, поступали ли ко мне иногда сообщения о таком положении, и я сказал - да. И об этих случаях я сообщал далее или Заукелю или Германскому трудовому фронту, поскольку они ведали этим вопросом.

СЕРВАЦИУС. Каково было содержание этих докладов, которые направлялись Заукелю?

ШПЕЕР. Я уже говорил, что я не могу вспомнить, какие именно были эти вопросы. Вопрос был задан теоретически: что бы я сделал, если бы ко мне поступали такие доклады? Однако, если они поступали ко мне, то я не могу подробно вспомнить их содержания.

14108

H1207 – 0522

H1207 – 0523

СЕРВАТИУС. А что против этого предпринимал Заукель?

ШПЕЕР. Заукель ничего не мог сделать против воздушных налетов.

СЕРВАТИУС. Если вы направляли ему эти отчеты, то, очевидно, вы преследовали ту цель, что он помог бы в этом случае?

ШПЕЕР. Да, или что он, ведая этими вопросами, был бы достаточно хорошо информирован относительно условий, которые имелись на его предприятиях.

СЕРВАТИУС. Его функции заключались в посредничестве при получении рабочей силы?

ШПЕЕР. Нет, он также ведал условиями использования рабочей силы.

СЕРВАТИУС. Условия труда могли быть улучшены лишь путем поставки продовольствия, материалов и т.п.

ШПЕЕР. Естественно, но в конце концов генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы отвечал за условия труда. Это вытекает из указа, который был подписан Герингом. Конечно за то, чтобы для рабочих были созданы безупречные условия труда, отвечали опять-таки другие учреждения – это ясно.

СЕРВАТИУС. Однако, здесь речь шла не о том, чтобы давать распоряжения, а об оказании практической помощи.

ШПЕЕР. Практическая помощь после воздушных налетов оказывалась не центральным учреждением, это было невозможно, так как транспортная, зачастую и телефонная связь, была нарушена. Эти вопросы разрешались на местах.

СЕРВАТИУС. Таким образом, Заукель не мог помочь?

ШПЕЕР. Он лично нет. Однако на местах у него были

низшие инстанции
~~другие инстанции~~, которые затем включались в эту работу.

СЕРВАТИУС. Для получения каких-либо материалов он должен был обращаться к вам, так как все было конфисковано для военной промышленности?

ШПЕЕР. Что касается строительных материалов, то он мог их, конечно, получить только от меня, и он, действительно, получал в свое распоряжение большое количество строительных материалов. Я хотел бы также сказать, что не Заукель обычно получал строительные материалы в свое распоряжение, а Германский трудовой фронт, который фактически ведал обслуживанием лагерей.

СЕРВАТИУС. Какие были учреждения для обслуживания? Вы не были обслуживающей инстанцией для предприятий?

ШПЕЕР. Не в том смысле, в каком вы хотите это понять. Вы, очевидно, охотно услышали бы от меня ответ, что я отвечал также за условия труда?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Сервatиус, Трибунал считает, что все эти вопросы уже ранее затрагивались свидетелем.

СЕРВАТИУС. Господин председатель, по-моему, этот вопрос еще не обсуждался. Вчера речь шла о самоуправлении. Это - вторая группа инстанций для обслуживания предприятий, помимо комиссий и инспекций военной промышленности и это была третья возможность для Шпеера установить связь с предприятиями через инженеров, ведавших использованием рабочей силы. Я хотел бы задать ему в этой связи еще один вопрос.

ШПЕЕР. Я охотно отвечу.

СЕРВАТИУС. Не было ли у вас возможности улучшить положение на предприятиях через инженеров, ведавших использованием рабочей силы. Не могли ли вы непосредственно наблюдать за положением там?

14110

H1207 - 0524

H1207 – 0525

ШПЕЕР. Я должен, очевидно, описать задачи инженеров, ведавших использованием рабочей силы. Они состояли в следующем: эти инженеры имели чисто специальные технические задачи, это ясно уже из названия.

СЕРВАТИУС. Их задачи были ограничены техническими задачами?

ШПЕЕР. Да.

СЕРВАТИУС. Тогда у меня больше нет вопросов.

ЛЕКСНЕР. Господин председатель, в связи с перекрестным допросом, у меня есть только два вопроса.

Первый заключается в следующем: Господин Шпеер, я еще раз ссылаюсь на ответ, который вы дали судье Джексону в конце перекрестного допроса. Вас спросили: тем, что вы брали на себя общую ответственность, вы хотите взять на себя вину за все то, что произошло, вы хотите взять на себя ответственность перед историей за все это?

ШПЕЕР. Это вопрос, на который очень трудно ответить. Собственно говоря, это вопрос, на который, наверно, ответит суд в своем приговоре. Я хотел лишь сказать, что и при авторитарной системе должна быть общая ответственность руководящих лиц, и что нельзя после катастрофы уйти от этой общей катастрофы, так как, если бы война была выиграна, то руководство, очевидно, претендовало бы на то, что оно несло общую ответственность. Однако, в какой степени это можно подвергнуть наказаниям с точки зрения права, я не могу решить и я не хочу решать этого.

ЛЕКСНЕР. Хорошо. Затем представитель американского обвинения пред"явил Вам целый ряд документов относительно событий, которые в основном, мне кажется, почти исключительно касаются фирмы Круппа. Вы здесь уже показали, что

14111

вы сами об этих событиях ничего не знали, если я вас правильно понял.

ЗИЛЬБЕР. Я не видел всех деталей, которые необходимы для того, чтобы дать оценку этим документам, каждому в отдельности.

ФЛЕКСНЕР. Господин председатель, тогда у меня больше нет вопросов. Я должен только оставить за собой право принять еще решение относительно того, следует ли, поскольку эти аффидевиты предъявлены для обвинения моего подзащитного, - это мне не совсем ясно, - вызвать для перекрестного допроса то лицо, которое дало эти письменные показания. Мне очень [redacted] жаль, но возможно мне придется сделать это. Здесь говорится о событиях, относительно которых я ранее ничего не знал и о которых будут здесь говорить. Затем, господин председатель, мне необходимо пять минут для того, чтобы закончить представление документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Флекснер, в отношении этих аффидевитов, по которым вы хотите допрашивать свидетелей в перекрестном допросе, вы должны представить по этому поводу письменные ходатайства, причем это нужно сделать незамедлительно. Я, кажется, не ошибаюсь, говоря, что осталось допросить только двух подсудимых, и поэтому я не думаю, чтобы можно было во-время отыскать этих свидетелей и доставить их сюда, если ваше ходатайство не будет представлено в самом скором времени. Вы говорите, что вам достаточно пяти минут для того, чтобы закончить?

ФЛЕКСНЕР. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю, что лучше вам сейчас закончить это.

Доктор Флекснер, у Трибунала есть один-два вопроса к

H1207 – 0526

H1207 – 0527

подсудимый.

СУДЬЯ БИДДЛ. Подсудимый, вы говорили о том, что западные военнопленные не использовались в военной промышленности Германии и в производстве вооружения. Вы помните об этом?

ШИРЕР. Да.

СУДЬЯ БИДДЛ. В связи с этим существовали определенные установки, не так ли?

ШИРЕР. Я сказал об этом по своим сведениям, которые могли быть и не совсем точными. Я вспомнил лишь беседы, которые были у меня с Кейтелем об использовании этих рабочих, и Кейтель отказался от использования их в отдельных случаях. Больше я ничего об этом не знаю.

СУДЬЯ БИДДЛ. Вы никогда не видели каких-либо установок или распоряжений, в которых указывалось бы об этом различии?

ШИРЕР. Нет.

СУДЬЯ БИДДЛ. А в отношении гражданских лиц из территорий, не подвергавшихся оккупации? Я думаю, что они также использовались в военной промышленности Германии, не так ли?

ШИРЕР. Они были... иностранные рабочие использовались не на основе какого-либо соглашения.

СУДЬЯ БИДДЛ. Это как раз то, что я хотел знать. Вы заявили о том, что у концентрационных лагерей была дурная репутация, не правда ли? Насколько я помню, это были ваши собственные слова "дурная репутация", не так ли?

ШИРЕР. Да.

СУДЬЯ БИДДЛ. Что вы имели ввиду под этим выражением "дурная репутация"? Что это за репутация? В связи с чем?

ШИРЕР. Это трудно об"яснить. В Германии знали, что концентрационные... что пребывание в концлагере дело неприятное, это я тоже знал. Однако, у меня не было подробных сведений.

Судья ВИДДЛ. Но даже, если вы не знали никаких подробностей по этому поводу, мне кажется, выражение "неприятное дело" - является слишком мягким. Разве не было широко известно, что в концентрационных лагерях применялись насилия и телесные наказания? Вы это имели ввиду, говоря о репутации концентрационных лагерей? Разве справедливость не обязывает упомянуть об этом?

ШПЕЕР. Нет. Судя по тем сведениям, которые у нас имелись, это слишком широкое утверждение. Я также полагал, что в отдельных случаях имели место истязания, но я не предполагал, чтобы это было правилом. Это мне не было известно.

Судья ВИДДЛ. Разве вы не знали, что насилие или физическая сила применялись в целях внедрения определенных установок в случаях, если заключенные отказывались или подчинялся?

ШПЕЕР. Об этом я не знал. Я должен здесь заявить, что в тот период, когда я был министром, как ни странно это звучит, я был спокойнее за судьбу заключенных в концентрационных лагерях, чем в тот период, когда я не был министром, так как в мою бытность министром, официальные инстанции сообщали мне о концлагерях только хорошее и успокаивающее, говорили, что питание улучшается и т.д.

Судья ВИДДЛ. У меня и вами еще один вопрос. Меня заинтересовало то, что вы ответили в конце - по поводу того, что руководители германской национал-социалистской партии несли ответственность за отдельные принципы общего характера за действия, имеющие большое значение. Вы можете назвать какие-либо из них? Что вы под этим подразумевали? О каких принципах шла речь? Вы, например, имели в виду продолжение

14114

H1207 - 0528

H1207 – 0529

ведения войны?

ШИРЕР. Я считаю, что принципиальное значение имеют такие дела, как, например, начало войны или окончание войны.

СУДЬЯ БИДЛЛ. Вы имеете в виду те принципы, за которые руководители НСДАП несли ответственность в начале войны и в конце войны?

ШИРЕР. Да.

СУДЬЯ БИДЛЛ. Благодарю вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель может вернуться на свое место. Вы можете сейчас закончить представление доказательств, доктор Флекснер.

ФЛЕКСНЕР. Да, охотно. В дополнение моего вчерашнего представления доказательств, я хочу представить письмо Шпеера Заукелю от 28 января 1944 года, которое цитировалось здесь вчера. Я даю ему номер доказательства 31. Затем аналогичное письмо Шпеера Заукелю от 11 марта 1944 года, которому даю № 32. Затем упомянутое вчера подсудимым при его допросе положение к приказу о разрушениях, которое суд найдет на странице 81 английской книги документов и которому я даю № 33.

Далее в качестве документа № 34 я хочу представить письмо Гитлера Шперу от 21 апреля 1944 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, когда датирован документ № 33? Вы сказали, что это страница 81. Вы имеете в виду страницу 81 оригинала, т.е. страницу 85 английского текста?

ФЛЕКСНЕР. Нет, я имел в виду 81 страницу английского текста, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда датирован этот документ?

ФЛЕКСНЕР. Это положение к приказу фюрера от 19 марта 1944 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, это не совсем правильно. На странице 81 документальной книги, находящейся у Трибунала, в конце...

СУДЬЯ БИДЛЛ. Это страница 80.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это декрет, датированный 23 марта 1945 года?

ЛЕЙСНЕР. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда это страница 80.

ЛЕЙСНЕР. Это положение к приказу фюрера от 19 марта...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

ЛЕЙСНЕР. Таким образом, следующий документ, господин председатель, находится на странице 55 английского текста и на странице 52 подлинника, которая совпадает также со страницей французского текста. Это - упоминавшееся ранее письмо Гитлера Шееру относительно поручения Герингу строительства истребителей. Я даю этому документу № 34.

В качестве документа № 36 - документ № 35 я предъявлю несколько позже,- я представляю опросный лист Керна. Он подписан свидетелем Гансом Керном, его подпись заверена офицером из лагеря, представителем Обвинения и мною.

В качестве документа № 37 я передаю опросный лист...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На какой странице находится документ № 36?

ЛЕЙСНЕР. Документ № 37...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет, мне нужна страница документа № 36.

ЛЕЙСНЕР. Да, 36. Это - страница 105 в подлиннике.

На странице 113 книги документов № 2, господин председатель, находится выдержка из опроса свидетеля Либера. Я предъявляю ее в качестве документа № 37. Он представлен в двух экземплярах на английском и немецком языках. Протокол

14116

H1207 - 0530

H1207 – 0531

заверен подписью представителя Обвинения и моей подписью. Во второй книге документов на странице 127 суд найдет протокол допроса свидетеля Вильтера, который я представляю под № 38. Этот протокол заверен таким же образом.

На странице 136-й второй книги документов я прошу найти показания свидетеля Хундхаузера, который был здесь сегодня упомянут. Этот документ получает № 39.

На странице 148-й второй книги документов суд найдет протокол допроса свидетеля Заура. Я передаю этот документ под № 40, опять-таки в двух экземплярах, на английском и немецком языках. Английский текст заверен подписью представителя Обвинения и мной.

Если суд откроет страницу 148 моей второй книги документов, то он найдет там опросный лист Франка, а также протокол допроса Франка, который был произведен представителем Обвинения и мною в Людвигсбурге. Протокол также заверен представителем Обвинения и мною. На страницу 153.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это был № 41?

ФЛЕКСНЕР. Это был № 41, господин председатель.

На странице 153-й книги документов суд найдет протокол допроса Роланда, который получает № 42. И этот протокол заверен таким же образом в двух экземплярах, на английском и немецком языках.

На странице 165 книги документов суд найдет протокол допроса свидетельницы Кемпф, которая была допрошена представителем Обвинения и мною 3 мая в Красберге. Этот протокол таким же образом заверен, он получает № 43.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сколько у вас еще документов, доктор Флекснер?

ФЛЕКСНЕР. Еще два. На странице 176-й книги документов

помещен опросный лист свидетеля Гудериана, который был допрошен в Хорсбурге. Этот протокол имеется на немецком и английском языках. Английский текст заверен представителем Обвинения и мною. Он получает № 44.

На странице 181 книги документов - документ, который я ранее упомянул - получает № 44. На странице 181 книги документов помещен документ, которому я даю № 45. Суд найдет здесь показания свидетеля Шталь,- № 45 также на английском и немецком языках. Английский текст заверен представителем Обвинения и мною.

В заключение на странице 186 книги документов помещен опросный лист свидетеля Карла Брандта. Я даю этому документу № 46. Этот документ заверен лагерными властями и имеется в двух экземплярах, как на английском, так и на немецком языке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это все?

ФЛЕЙШНЕР. Это все.

Теперь, господин председатель, вчера подсудимый привел выдержку из совещания у фюрера от 3-5 января. Этот документ еще не переведен. Если вы мне разрешите, я его пред"явлю позднее. Представители обвинения уже видели этот документ и не возражают против его пред"явления.

Таким образом, я заканчиваю пред"явление документов, которые я хотел представить. Я думаю, что суд не желает слушать об"яснений к документам в книге документов, к тому же русское Обвинение достаточно подробно останавливалось на этих документах. Таким образом я заканчиваю свое дело - дело подсудимого Шпеера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал об"являет перерыв.

/Об"является перерыв до 10 час.утра 22 июня 1946г./

14118

H1207-0532

H1207 – 0533

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 22 июня 1946 года

/Утреннее заседание/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Людингхаузен, как Трибунал полагает, у Вас имеется дополнительное ходатайство о вызове еще одного свидетеля посла Франсуа Понсе и об истребовании некоторых дополнительных документов.

ЛЮДИНГХАУЗЕН /защитник подсудимого фон Нейрата/. Да, г-н председатель, я хотел бы особо остановиться на вопросе о вызове г-на Франсуа Понсе. Посол Франсуа Понсе ответил на мое приглашение, которое я ему направил, и позавчера я получил это письмо через французское Обвинение. Я получил копию этого письма, однако, французское Обвинение обещало мне затем передать для пред'явления суду подлинник этого письма и оно не имеет ничего против его использования. Английское Обвинение также не имеет возражений против этого. Таким образом, ходатайство о допросе свидетеля...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотите сказать таким образом, что Вы используете это письмо?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Да, я хочу использовать письмо. Приглашение свидетеля и допрос его становятся излишним, а, следовательно, и мое ходатайство, которое я подал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает это удобным. Но, конечно, мы сначала рассмотрим вопрос о том, относится ли содержание этого письма к данному делу.

Что касается других документов, об истребовании которых Вы ходатайствуете, то я хотел бы знать, возражает ли Обвинение против их представления или нет?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Да, в двух случаях я отказался от истребования документов. Эти два документа, которые я хотел пред'явить, вызвали возражения со стороны Обвинения и я вычеркнул их из моих книг документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обвинение, по-моему, возражало против трех документов из той книги, которая лежит передо мной. Я не знаю, верно это или нет?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Нет, против двух, это номера 93 и 101 из моей книги документов. Против них поступили возражения, и я их исключил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Простите, я ошибся, вы исключили их. Тогда все в порядке. Пожалуйста, продолжайте.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Г-н председатель, однако, разрешите мне сделать некоторые предварительные замечания. До сих пор только первая книга документов переведена, она уже имеется. Но остальные книги документов еще не переведены. Я прошу, однако, несмотря на это, разрешить мне, во-первых, приводить эти документы при соответствующих вопросах, указывая номера документов и их шифр и, во-вторых, цитировать из них некоторые абзацы с тем, чтобы сохранить общую связь и избежать необходимости, после того, как перевод будет готов, еще раз представлять эти документы. Это означало бы только излишнюю потерю времени.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотите сказать, что Вы будете рассматривать вопрос о документах прежде, чем Вы вызовете подсудимого в качестве свидетеля?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Нет, нет, во время допроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда вы хотите вызвать подсудимого в качестве свидетеля сейчас?

H1207 – 0534

H1207 – 0535

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Да.

/Подсудимый Константин фон Нейрат занимает место за свидетельским пультом/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ: Константин фон Нейрат.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги! - "Клянусь богом, всемогущим и всеведающим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Подсудимый повторяет слова присяги/.

~~ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.~~ Вы можете сесть.

/Прямой допрос подсудимого фон Нейрата/

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Г-н фон Нейрат, пожалуйста, дайте нам краткие сведения о Вашем происхождении и воспитании в родительском доме и обучении в школе.

НЕЙРАТ. Я родился 2 февраля 1873 г. Мой отец происходит из старой чиновничьей семьи. Мой дедушка, прадедушка и прапрадедушка были министрами юстиции и иностранных дел и жили в Вюртемберге. Мать моя происходит из швабской дворянской семьи, предки которой в большинстве случаев были офицерами в королевской австрийской армии. Я до 12 лет воспитывался в сельской местности вблизи Берлина в чрезвычайно простых и строгих условиях , причем особое внимание уделялось воспитанию во мне долга говорить правду, чувства ответственности, патриотизма и христианского образа жизни наряду с воспитанием веротерпимости по отношению к другим религиям.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Затем вы сдали экзамены в школе и учились дальше. Где и когда?

НЕЙРАТ. По окончании гимназии я в Тюбингине и Берлине изучал право, сдал оба государственных экзамена и получил звание доктора юридических наук.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Какие служебные посты Вы занимали после сдачи экзаменов до того, когда Вы были назначены имперским министром иностранных дел?

НЕЙРАТ. В 1901 г. я начал службу в дипломатическом корпусе империи. Вначале я был в центральном учреждении Берлина, затем в 1903 г. я прибыл в генеральное консульство в Лондоне, затем снова в министер ство иностранных дел в Берлине, где я работал во всех отделах министер ства.

В 1914 году...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда, какую дату вы называете?

НЕЙРАТ. В 1914 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, что вы пробыли в Лондоне 11 лет?

НЕЙРАТ. Да. Затем я, в качестве советника посольства, поехал в Константинополь. В конце 1916 года я ушел в отставку с дипломатической службы вследствие разногласий с политикой тогдашнего рейхсканцлера фон Бетмана - Гольвега, и стал затем главой правительства при короле Вюртембергском. На этом посту я оставался до революции в конце 1918 года. Тогдашний комиссар социал-демократической народной партии Эберт просил меня снова поступить на дипломатическую службу. Я сделал это, оставив вместе с тем свою политическую позицию, стал посланником в Дании, где я в первую очередь занялся урегулированием наших разногласий с Данией по вопросу о Шлезвиге. В ноябре 1921 года я стал посланником в Риме при Папе Римском и оставался на этом посту до 1930 г. Там я пережил фашистскую революцию с ее кровавыми событиями и последствиями. Вначале у меня были резкие разногласия с Муссолини, которые, однако, с его стороны постепенно перешли в чувство доверия ко мне. В первую мировую войну я был капитаном в гренадерском полку, получил в декабре 1914 года за храбрость в б

14122

H1207 – 0536

H1207 – 0537

боях с противником железный крест первой степени, был ранен и затем снова был направлен на свой пост посла в Константинополе.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Какова ваша позиция по отношению к церкви и религии?

НЕЙРАТ. Как я уже говорил, я был воспитан в христианском духе и всегда рассматривал христианскую церковь и мораль, как основу государства. Поэтому у Гитлера я всегда пытался добиться того, чтобы он не допустил распространения антихристианских взглядов, которые были свойственны партийным кругам. Насколько это было возможно, я всегда выступал против эксцессов, организованных некоторыми кругами партии против церкви, монастырей и т.д.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, в этой связи я хочу огласить абзац из письменных показаний епископа Вурма в Штутгарте. Эти письменные показания находятся в моей первой книге документов под № 1.

"Господина фон Нейрата я узнал в период борьбы с церковью. Я считал, что могу к нему обратиться, как к соотечественнику и как к отпрыску семьи евангелического вероисповедания. Его отец был членом евангелического синода провинции. В моем доверии к нему я не ошибся. Он часто принимал меня и неоднократно содействовал моим беседам с другими членами имперского кабинета. В частности, осенью 1934 года, когда, вследствие противозаконных нападок тогдашнего имперского епископа Людвига Мюллера, вызванных моим противодействием господству над церковью немецких христиан, я был отстранен от своей должности и интернирован в моем доме, г-н фон Нейрат совместно с министром внутренних дел доктором Фриком и имперским министром юстиции доктором Гюртнером настоял на моем освобождении

от ареста и на восстановлении меня в звании епископа, а также способствовал тому, что я получил возможность провести беседу в рейхсканцелярии, результатом которой явилась отмена противозаконного постановления епископа.

И в последующие периоды церковной борьбы я всегда находил у него дружеский прием и полное понимание в области вопросов, связанных с церковью."

Далее, я хотел бы сослаться на документ, помещенный в моей книге документов под № 2. Это письменные, данные под присягой, показания старого, близкого друга подсудимого - адвоката и нотариуса Манфреда Циммермана в Берлине. Я хочу огласить из этих письменных показаний небольшую выдержку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не думаю, что нужно читать этот документ целиком. Трибунал его, конечно, примет во внимание.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Пожалуйста. Я придаю значение этому документу потому, что он был написан человеком, который знает Нейрата в течение 40 лет. Поэтому я считаю необходимым, наряду с заявлением епископа Бурма, процитировать показания человека, который знал подсудимого в его повседневной жизни. Однако, если господин председатель считает, что нет необходимости оглашать этот документ, то я только сошлюсь на него.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вам не нужно читать его целиком. Вы можете обратить наше внимание только на выдержки, которые являются наиболее важными.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Г-н председатель, эта цитата находится на странице 5-й этих письменных показаний. Абзац пятый начинается словами:/Русский текст - страница 11, параграф 5/.

"Константин фон Нейрат по своему происхождению, воспитанию и жизненному пути во всех отношениях был личностью с твердыми убеждениями."

14124

H1207 - 0538

H1207-0539

Далее я не зачитываю. Затем я хочу пред'явить письменные показания пастора Раддера и бургомистра фон Линцвейнгена. Эти показания находятся под № 24 в моей книге документов № 1.

Господин фон Нейрат, какова была ваша позиция по еврейскому вопросу?

НЕЙРАТ. Я никогда не был антисемитом. Этому мешали мои убеждения верующего христианина и гуманиста. Но сокращение чрезмерного еврейского влияния на все области общественной и культурной жизни в Германии, которое развилось после первой мировой войны, я считал желательным явлением. Все насильственные акты по отношению к евреям я отклонял так же, как и пропаганду, направленную против евреев. Всю расовую политику национал-социалистской партии я считал неправильной и, поэтому, я выступал против нее. После того, как были введены в силу антиеврейские законы, я выступал против их проведения в жизнь, и служащие министерства иностранных дел, которые имели неарийское происхождение, оставались на своих постах благодаря моему вмешательству. Только после того, как партия приняла решение относительно назначения чиновников, я должен был ограничиться защитой лишь отдельных лиц. Многим из них я обеспечил возможность эмигрировать.

Так называемый "расовый закон" был составлен фанатиком расовой теории из партии и, несмотря на мои категорические возражения, которые я сделал в Нюрнберге, + он все-же был издан.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В этой связи я хочу огласить небольшой отрывок из письменного показания под присягой бывшего посла Курта Прюфера. Этот документ находится под номером 4 в моей книге документов.

Посол Прюфер был начальником департамента в министерстве иностранных дел в то время, когда господин фон Нейрат

был министром иностранных дел. Я хочу коротко процитировать то место, в котором излагается его отношение к чиновникам другого вероисповедания. "Нейрат во многих случаях...".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На какой это странице?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В немецком тексте - это страница 9-я.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А в нашем тексте - на 21-й странице?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Это - на странице 21-й первой книги документов.

"Он во многих случаях вступался за чиновников министерства иностранных дел, которые в силу своей расы, вероисповедания или бывшей принадлежности к другим партиям, преследовались национал-социалистами. Таким образом, до смерти Гинденбурга, пока Нейрат ведал сам всеми вопросами о назначении чиновников, целый ряд чиновников еврейского происхождения или смешанного происхождения оставался на своих постах, и даже имело место повышение в должности этих чиновников.

Только тогда, когда имперский министр после смерти Гинденбурга так же, как и другие начальники ведомств, согласно указу фюрера, был лишен права принимать решения по всем вопросам, касавшимся чиновников, и когда эти функции были переданы заместителю фюрера, в этой области одержал верх радикализм партии, который затем, в особенности после ухода Нейрата в отставку, принимал все более резкие формы".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это - ответ на какой вопрос?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Это было письменное показание под присягой бывшего посла - доктора Курта Прюфера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, я знаю, что это так. Я хочу знать, какой это именно ответ?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Четвертый. Нет, простите - это письменное показание под присягой, это - не опросный лист.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В нашем экземпляре он,во всяком случае, подразделен на параграфы.

14126

H1207 – 0540

H1207 – 0541

ЛЮДИНГХАУЗЕН. § 18. Это - ответ на вопрос № 18.

Затем я хотел бы также указать на письменное показание, данное под присягой баронессой Риттер в Мюнхене. Баронесса Риттер является дальней родственницей подсудимого. Она - вдова бывшего баварского посла при Ватикане, она знает господина фон Нейрата в течение многих лет и хорошо знает также его образ мыслей.

Это документ № 3 в моей книге документов. Я хотел бы на странице третьей этого документа процитировать небольшой отрывок:

"Такое же терпимое отношение, как и по отношению к христианскому вероисповеданию, было у него и по отношению к еврейскому вопросу. Поэтому он категорически возражал против расовой политики Гитлера. Ему практически удалось до 1937 г. предотвратить в своем ведомстве увольнения с постов евреев. Кроме того, он помогал всем лицам, которые по служебным или по личным обстоятельствам были близки к нему и которых коснулись изданные законы об евреях, в меру своих возможностей в финансовом и других отношениях". Конец цитаты.

Как вы, господин фон Нейрат, относились к антиеврейским тенденциям и мероприятиям Гитлера?

НЕЙРАТ. Я видел в них антисемитизм, который не был редким явлением среди германского народа, однако, он не имел практических результатов. В отношении всех эксцессов, о которых мне стало известно, я заявлял Гитлеру свой протест, исходя не только из внешнеполитических соображений, и просил его, чтобы он особенно сдерживал Геббельса, а также и Гиммлера.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. По этому поводу я хотел бы поставить промежуточный вопрос, который заключается в следующем: Что вы знали о деятельности и преследованиях, предпринятых гестапо и СА, а также и СС? В связи с этим я хочу предъявить Вам пока-

зания недавно допрошенного здесь свидетеля Гизевиуса. Он сказал:

"Кроме того, я дал материалы ближайшему сотруднику министерства иностранных дел /он имеет ввиду Вас, господин Нейрат/, начальнику протокольного отдела, послу Бюлову-Шванде, и по тем сведениям, которые получены мною от Бюлова-Швандте. Этот материал он неоднократно предъявлял министру. Речь идет о так называемом материале об эксцессах и в особенности, конечно, направленных против иностранцев".

НЕЙРАТ. Утверждение этого свидетеля Гизевиуса о том, что я должен был бы знать через моего начальника протокольного отдела о деятельности гестапо в целом, - это утверждение Гизевиуса-совершенно неверное предположение. По служебной линии я на основании жалоб послов и посланников знал, конечно, относительно побоев и арестов, которые производились полицией и СА. Но относительно общих служебных инстанций гестапо и их деятельности я ничего не знал.

Во всех случаях, о которых мне становилось известно, я обращался к министру внутренних дел, начальнику полиции и гестапо, с требованием сначала расследования, а затем и наказания виновных.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Что Вы знали и слышали относительно концлагерей; когда Вы впервые узнали о них вообще и когда и от кого Вы узнали об условиях, существовавших в этих лагерях?

НЕЙРАТ. Об учреждении так называемых концлагерей я узнал еще со времени бурской войны. О существовании таких лагерей в Германии мне стало известно, примерно, в 1934 - 1935 г.г., когда два чиновника из моего министерства и в числе их уже упомянутый господином Гизевиусом начальник протокольного отдела неожиданно были арестованы. При расследовании, последовавшем

14128

H1207 – 0542

H1207 – 0543

затем, я установил, что они были направлены в так называемый концлагерь. Я вызвал г-на Гиммлера и г-на Гейдриха и обвинил их в этом; при этом имелись весьма резкие разногласия между этими обоими господами и мной. В результате моей немедленно поданной жалобы Гитлеру, оба эти чиновники были освобождены. Затем я спросил их также, как с ними обращались. При этом оба единодушно ответили мне, что обращение в общем, не говоря о лишении свободы, было неплохим. Концлагерь, в который они были направлены, был лагерем Ораниенбург. Позже я узнал также о существовании лагеря Дахау и в 1933 г. также о лагере Бухенвальд, а именно, вследствие того, что туда были направлены арестованные Гиммлером чешские студенты.

Относительно того количества концлагерей, о котором стало известно здесь, в суде, и тем более об обращении с военнопленными или о лагерях уничтожения - я впервые услышал здесь, в Нюрнберге.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Кем и когда Вы были назначены министром иностранных дел и каким образом это произошло?

НЕЙРАТ. Министром иностранных дел я был назначен 2 июня 1932 г. рейхспрезидентом фон Гинденбургом. Гинденбург уже в 1929 г., после смерти Штреземана, хотел назначить меня министром иностранных дел. Я тогда отказался от этого, так как при тех условиях и отношениях между партиями, которые существовали в Рейхстаге, я не видел возможности для ведения стабильной политики. Я не принадлежал ни к одной из этих 30-ти партий, и, таким образом, не мог найти в то время никакой поддержки в Рейхстаге. Фон Гинденбург, однако, взял с меня обещание, что я последую его призыву, если отечество будет находиться в опасности.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В этой связи я хотел процитировать телеграмму, в которой тогда министерство иностранных дел известило

г-на фон Нейрата о том, что рейхспрезидент желает, чтобы он вступил в правительство. Это запись переданной по телефону телеграммы; текст ее следующий. Она находится под № 6 в моей книге документов:

"Лично господину послу для расшифровки.

Берлин, 31 мая 1932 г.".

Затем она была направлена в Лондон.

"Господин имперский президент просит Вас, ссылаясь на данное Вами ранее обещание, возглавить министерство иностранных дел в формируемом кабинете министров, который будет состоять из представителей правых кругов, не связанных партийно-политическими обязательствами, и должен опираться не столько на Рейхстаг, сколько на авторитет рейхспрезидента. Господин рейхспрезидент обращается к Вам с настойчивым призывом не отказываться в этот тяжелый час от службы отечеству. В случае, если Вы не можете тотчас дать утвердительного ответа, я прошу Вас немедленно приехать сюда". Подписано - "Бюлов". Он был тогда статс-секретарем министерства иностранных дел.

Далее я ссылаюсь на копию письма руководителя политического управления министерства иностранных дел относительно назначения г-на фон Нейрата имперским министром иностранных дел, которую он тогда направил посланнику Рюмелину, бывшему с ним в дружеских отношениях. Автор этого письма - начальник департамента доктор Кепке - во время его допроса здесь, в суде, подтвердит достоверность этого письма, то-есть, тот факт, что это письмо является копией подлинного письма посланнику Рюмелину. Поэтому, мне кажется, в настоящий момент не следует оглашать этот документ. Этот документ под номером 8 находится в моей книге документов.

Вы легко приняли решение последовать этому призыву Гин-

14130

H1207 – 0544

H1207 – 0545

денбурга и принять этот ответственный пост, который в тот период был вдвойне ответственным постом?

НЕЙРАТ. Нет, ни в коей мере. Я не имел никакого желания принять тогда пост министра иностранных дел. Я охотно бы остался на своем посту посла в Лондоне, где я установил хорошие отношения с правительством и с королевской семьей, и надеялся поэтому, что я смогу быть еще полезным обеим странам - Англии и Германии. Однако, мимо призыва Гинденбурга, я, конечно, не мог пройти просто так. Однако и тогда я принял решение лишь после того, как я имел с ним длительную беседу, в которой я описал мои цели и мои соображения относительно германской внешней политики и я получил его заверение относительно того, что он поддерживает мои мирные намерения и выбор средств для достижения равноправия Германии, для укрепления ее позиций в Лиге Наций и восстановления суверенитета Германской империи.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В этой связи я хотел бы указать на уже цитировавшееся здесь письменное показание под присягой бывшего посла Прюфера, которое помещено за № 4 в моей книге документов. Я хотел бы огласить из него абзац № 7, в котором рассматривается вопрос о назначении подсудимого на его пост Гинденбургом. В моем немецком тексте книги документов это страница 27.

"В кругу высших чиновников министерства иностранных дел было общеизвестно, что Гинденбург, назначив Гитлера рейхсканцлером, поставил условие, чтобы Нейрат оставался министром иностранных дел. Барон Нейрат, получивший это назначение в 1932 году, вовсе не стремился получить этот пост. Более того, еще в 1929 году, когда Гинденбург предлагал ему этот пост, он отказался от него на том основании, что, не принадлежа ни к какой партии и не имея поэтому поддержки со стороны

партии, он не считает себя подходящим лицом для руководства министерством в парламентарном государстве. Только тогда, когда рейхспрезидент фон Гинденбург, к которому Нейрат питал особое уважение, в 1932 году сформировал свой первый правительственный кабинет, Нейрат отбросил свои сомнения и вошел в этот кабинет в качестве министра иностранных дел".

Какова была тогда ваша оценка внешнеполитического положения?

НЕЙРАТ. Развитие отношений между партиями в 1932 году обострилось настолько, что с моей точки зрения имелись только две возможности: либо участие в правительстве национал-социалистской партии, которая тогда насчитывала очень большое количество членов; или, в случае, если ее требование на этот счет будет отклонено, - гражданская война. Детали относительно образования правительства в 1933 году и прихода к власти Гитлера были уже достаточно подробно изложены подсудимым фон Папеном.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Какова была Ваша собственная оценка и Ваше отношение к Гитлеру, к национал-социализму вообще и к национал-социалистским идеям, в частности, и прежде всего, к национал-социалистской партии?

НЕЙРАТ. Гитлера я лично не знал. Методы партии в ее борьбе за власть в государстве были мне неприятны. Каждая ее идея в отдельности мне не была известна. Некоторые из этих идей, а именно в социальной области, казались мне хорошими; другие я считал революционным явлением, которые постепенно будут смягчены, как я это уже наблюдал в период революции в Германии в 1918 году и затем в Италии в период фашистской революции. В целом я, однако, относился к ним отрицательно. Во всяком случае, я считал тогда, что решающая роль Гитлера и

14132

H1207 – 0546

H1207 – 0547

национал-социалистской партии в германской политике или единовластие партии в лице Гитлера являются неправильными и не соответствуют интересам Германии, и, особенно, они не соответствуют интересам германской внешней политики.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В этой связи я хочу процитировать еще одну выдержку из уже упомянутого письменного показания под присягой посла Прюфера. Это документ № 4 моей книги документов, страница 28. Эта выдержка интересна постольку, поскольку Прюфер являлся чиновником министерства Нейрата.

"Барон Нейрат не был национал-социалистом. По причине своего воспитания и традиций, он даже питал сильную антипатию к национал-социалистской доктрине, поскольку она проповедывала радикальные и насильственные методы. Эта антипатия, которой он вовсе не скрывал, проявлялась особенно ярко в его отношении к эксцессам, которые совершали партийные органы против всех инакомыслящих и, прежде всего, против евреев и лиц с примесью еврейской крови; эта антипатия проявлялась также в его отношении к постоянному вмешательству национал-социалистской партии во все области жизни германского народа и государства, другими словами, к притязаниям на единовластие, к принципу фюрерства, кратко выражаясь: к диктатуре. Барон фон Нейрат в 1936 - 1938 г.г., когда я, будучи начальником бюджетного отдела и отдела кадров, очень часто видел его, зачастую говорил мне и другим лицам в моем присутствии совершенно недвусмысленно о том, какую заботу и неудовольствие доставляет ему становящееся все более непредвиденным развитие внутренней и внешней политики Германии". /Конец цитаты/.

Господин председатель, я позволю себе просить суд приобщить к делу опросный лист графа Шверина Крозика - бывшего имперского министра финансов. Опросный лист находится в моей книге документов под № 25.

Для того, чтобы перейти к Вашим внешнеполитическим идеям и принципам, я хочу спросить Вас, какова была Ваша позиция по отношению к Версальскому договору и к Лиге Наций?

НЕЙРАТ. В бессмысленных и несправедливых статьях Версальского договора, которые вызвали беспорядок в экономике всего мира, следует искать корни национал-социализма, а следовательно, и причину второй мировой войны. Так как этот договор поставили в связь с Лигой Наций, сделав ее сторожем его статей, то первоначальная цель Лиги Наций, а именно - цель примирения народов и сохранения мира - стала иллюзорной. Хотя в статуте была предусмотрена возможность ревизии, однако, ассамблея Лиги Наций не воспользовалась этой возможностью. После того, как США уклонились от участия в Лиге Наций, Россия, а позднее и Япония, вышли из нее, эта, так называемая, Лига Наций в своем подавляющем большинстве состояла только из круга лиц, заинтересованных в сохранении статус-кво, а именно статус-кво, который был создан Версальским договором. Вместо того, чтобы устранять неоднократно наступавшее напряжение в отношениях, Лига Наций стремилась к тому, чтобы не допустить никаких изменений в существовавшем положении. Каждый дальнозоркий государственный деятель мог предвидеть, что великий, уважающий свое национальное достоинство народ, который был дискриминирован в своих правах Версальским договором, не потерпит такого положения в течение долгого периода времени. Характерно, что не только в Германии неоднократно указывалось на то, что это должно привести к очень нехорошему концу, но в Женеве, в резиденции красноречивых тщеславных ораторов, оставались глухи к этому.

ЛОДИНГХАУЗЕН. Неоспоримым историческим фактом является то, что германская внешняя политика всех правительств, которые предшествовали правительству Гитлера, стремилась к тому,

14124

H1207 - 0548

H1207 – 0549

чтобы добиться изменения Версальского договора исключительно мирными средствами. Придерживался ли Гинденбург этой политики, или Гинденбург стоял за другое решение вопроса, за насильственное, военное решение вопроса?

НЕЙРАТ. Нет, он совершенно не хотел насильственного решения вопроса, даже и в том случае, если бы Германия имела военные средства, необходимые для этого. Он неоднократно говорил мне: "Новой войны следует избежать во что бы то ни стало".

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, я прошу приобщить к делу выдержку из речи графа Бернсторфа - представителя Германии в Лиге Наций, от 25 сентября 1928 года, и хочу сослаться на нее. Она находится в моей книге документов № 2, под № 24. Перевод ее еще не готов, однако, я надеюсь, что он в понедельник будет представлен Суду.

Далее я ссылаюсь на выдержку из речи бывшего рейхсканцлера Брюнинга от 19 мая 1931 г. в Киле и прошу приобщить ее к делу, это - документ № 36 в моей книге документов № 2, а также еще одну выдержку из речи бывшего имперского министра иностранных дел Курциуса - преемника и друга умершего незадолго до этого рейхсканцлера Штреземана, которую Курциус произнес на ассамблее Лиги Наций.

/К микрофону подходит сэр Давид Максуэлл Файф/.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, я сказал доктору Людингхаузену, что я получил том 2-й. Я не знаю, есть ли у Трибунала английский перевод.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет, мне кажется, у нас его нет. Сэр Давид, Обвинение согласно с тем, что эти документы относятся к делу и могут быть приняты?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Мы не собираемся выдвигать

каких-либо возражений против кратких ссылок на документы, как мы и делали до сих пор. Я уже заявил о точке зрения Обвинения на Версальский договор. В той мере, в какой эти ссылки являются разумными и умеренными, мы не выдвигаем никаких формальных возражений против них.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен, Трибунал уже своим постановлением отклонил принятие в качестве доказательств целого ряда документов, которые, якобы, должны показать несправедливость Версальского договора; поскольку Обвинение придерживается определенной точки зрения по этому поводу, Трибунал будет рассматривать эти документы как имеющие лишь исторический интерес, но фактически не относящиеся к данному делу. Единственный вопрос, который возникает, заключается в том, пытались ли подсудимые насильственно добиться уничтожения условий Версальского договора. Нас не касается вопрос о справедливости или несправедливости этого договора.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Нет, господин председатель, я пред'явил эти документы не для того, чтобы критиковать Версальский договор, а лишь для того, чтобы привести доказательство тому, что прежние правительства преследовали достижение мирными средствами тех целей, которые преследовал позже мой подзащитный, будучи министром иностранных дел, и что, следовательно, и под его руководством также не было предпринято никаких изменений в тенденции и в целях германской внешней политики по отношению к западным государствам. Только это было основанием для привлечения этих документов, а не критика.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо, доктор Людингхаузен. Но ведь в течение последних нескольких минут выступление подсудимого сводилось исключительно к критике несправедливости Версальско-

14126

H1207 – 0550

H1207 – 0551

го договора.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Да, это было его общим введением, однако, для меня важно было лишь показать последовательность германской политики.

/Обращаясь к подсудимому/. Каковы были Ваши собственные взгляды по вопросу о дальнейшем ведении внешней политики империи в отношении только что рассмотренного вопроса?

НЕЙРАТ. Я придерживался той точки зрения, что решения различных политических проблем можно добиться только мирным путем, а именно, постепенно шаг за шагом. Предпосылкой для этого было, конечно, полное равноправие Германии во всех областях, следовательно, и в военной области; далее, восстановление суверенитета для всей территории империи и отмена всякой дискриминации. Достижение этой цели было вначале первой задачей германской внешней политики.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, я хочу в связи с этим опять-таки сослаться на упомянутое письменное показание под присягой посла доктора Прюфера. Это - документ № 4 в моей первой книге документов, и я с разрешения Суда хочу огласить из этого документа в качестве подтверждения того, что только что сказал подсудимый, часть абзаца 12-го.

"Политика Нейрата была политикой международного взаимопонимания и мира. Эта политика нисколько не противоречила тому, что господин фон Нейрат также стремился к пересмотру суровых условий Версальского договора. Однако, он хотел достигнуть этого исключительно путем переговоров, но отнюдь не насильственным путем. Все высказывания и указания, которые я, будучи его сотрудником, когда-либо видел или выслушивал от него, были направлены к этому".

Тот факт, что барон фон Нейрат видел в себе поборника

мира, лучше всего подтверждается заявлением, которое он сделал при своем уходе из министерства иностранных дел. Он заявил тогда в тесном кругу своих сотрудников, что отныне войны уже не удастся избежать. Этим он, очевидно, хотел сказать, что отныне руководство внешней политикой из его рук переходит в руки легкомысленных людей".

/Обращаясь к подсудимому/. Господин фон Нейрат, таким образом, Вы полностью были согласны с Гинденбургом в том отношении, что Вы, как и он, полностью отрицали всякое применение силы для достижения этой цели, т.е. изменения Версальского договора. Вы считали достижение этой цели возможным и были убежденным противником военных конфликтов, которые Вы считали самым большим несчастьем не только для Германии, но и для всего мира?

НЕЙРАТ. Да, Германия и весь мир тогда все еще находились в состоянии тяжелого экономического кризиса, который был вызван условиями Версальского договора. Каждый новый военный конфликт, поэтому, мог привести лишь к большому несчастью.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Через несколько дней после того, как Вы 2 июня 1932 года приступили к исполнению своих обязанностей на вашем новом посту министра иностранных дел, началось заседание, так называемой, конференции по репарациям в Лозанне, в которой Вы принимали участие вместе с новым рейхсканцлером фон Папеном. Не скажете ли Вы нам коротко о том, что являлось целью этой конференции?

НЕЙРАТ. Балласт контрибуции, который был возложен на нас Версальским договором и который никогда не был зафиксирован, должен был быть документально оформлен, т.е. должна была быть зафиксирована его окончательная сумма. Эта цель была достигнута.

14138

H1207 – 0552

H1207 – 0553

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Заседала ли одновременно с этим в Женеве конференция по разоружению?

НЕЙРАТ. Да, переговоры проводились почти одновременно.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, в этой связи я для того, чтобы достичь общего взаимопонимания, позволю себе кратко указать на то, что решение об учреждении конференции по разоружению было принято на Ассамблее Лиги наций 25 сентября 1928 г., и в нем подчеркивается тесная связь между международной безопасность, то-есть, миром между всеми европейскими государствами, и ограничением вооружения.

В этой связи я хочу указать на текст решения Лиги наций, который находится под № 33 в моей книге документов.

Это страница 90-я книги документов № 2.

Не можете ли Вы дать нам краткий обзор хода этих переговоров по разоружению?

НЕЙРАТ. Да, дать краткий обзор, конечно, очень трудно. Конференция по разоружению была учреждена Лигой Наций для того, чтобы осуществить предусмотренное статьей 8-й разоружение всех государств, как ответное мероприятие, идущее по пути уже проведенного в 1927 г. в Германии разоружения. Переговоры на конференции по разоружению, однако, через короткий промежуток времени, несмотря на протест германских пред ставителей, были отложены. Из переговоров, которые велись до этого момента, и самого факта отсрочки их уже тогда можно было сделать ясный вывод о том, что государства, в которых не было проведено разоружение, не были готовы к тому, чтобы провести до конца свое собственное разоружение соответственно тем масштабам и методам, которые были применены при уже осуществленном разоружении Германии. Это обстоятельство сделало неприемлемой для Германии резолюцию, предложенную на этой конференции по разоружению, и

представитель Германии, поэтому, получил указание заявить, что Германия до тех пор не примет участия в работе конференции по разоружению, пока не будет признано право Германии на равноправное участие в выработке окончательных решений конференции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен, я думаю, что мы сейчас об'явим перерыв .

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Пожалуйста, г-н председатель.

/Об'является перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, в отношении только что разрешенного комплекса вопросов я хотел бы сейчас представить ряд документов и прошу приобщить их к делу. Я пред'явил или, вернее, пред'являю документы под № 40 из второй книги документов, это выдержки из германского меморандума от 29 августа 1932 г., и выдержки из интервью, которое дал фон Нейрат представителям телеграфного бюро Вольфа официальной германской информационной службы, это документ 41 моей второй книги документов. В качестве следующего документа я пред'являю выдержки из заявления г-на фон Нейрата, данного им представителям германской прессы 30-го сентября 1932 года. Этот документ я пред'являю под № 45 в моей 2-й книге документов. Далее я пред'являю выдержку из письма подсудимого председателю конференции по разоружению. Это документ № 43 в моей 2-й книге документов. И в заключение я хочу сослаться на речь германского представителя на конференции по разоружению в Женеве, которую я представляю под № 39, она находится в моей второй книге документов. Из этой речи можно точно определить развитие взглядов и точку зрения подсудимого, а, следовательно, и всей германской внешней политики по отношению к переговорам, возобновленным 16-го

14140

H1207 – 0554

H1207 – 0555

числа. на конференции по разоружению. Г-н фон Нейрат, в пред'явленных мною документах Вы подчеркиваете, что проблема разоружения должна быть разрешена исключительно мирными средствами и что никакое насилие не должно иметь места при разрешении этой проблемы. Соответствовала ли эта выраженная вами тенденция Вашему внутреннему убеждению и представляла ли она собою действительные принципы вашей политики?

НЕЙРАТ. Да, за все время, пока я был министром иностранных дел, не применялось ни одно средство, которое не было общепринятым в международных масштабах и разрешенным с точки зрения международного права.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. 16-го должны были вновь начаться заседания конференции по разоружению. Каков был результат этой работы конференции по разоружению?

НЕЙРАТ. Вначале работа конференции по разоружению была безрезультатной, но спустя некоторое время, в декабре 1932 г. было выработано так называемое совместное заявление пяти держав, инициатором которого была Англия. В этом заявлении было признано требование Германии предоставления ей равноправия и отмены дискриминирующих ее статей Версальского договора. После этого заявления пяти держав участников войны, принятого конференцией по разоружению, а позднее и ассамблеей Лиги наций, было раз и навсегда признано равноправие Германии. Поэтому Германия могла теперь использовать свое право отказа от пятого раздела Версальского договора, ссылаясь на взятые на себя подписавшимися державами обязательства о всеобщем разоружении. Выработкой и оглашением этого заявления пяти держав была создана предпосылка для того, чтобы Германия вновь приняла участие в работах конференции по разоружению.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, я позволю себе сослаться на текст заявления пяти держав от 11 декабря 1932 года.

Это заявление находится в моей книге документов № 2, под № 47-а. Далее я ссылаюсь на статью подсудимого в "Службе родине" относительно этого признания равноправия Германии. Этот документ я представляю под номером 48. Он был опубликован незадолго до прихода к власти Гитлера.

В январе 1933 года Гитлер был назначен на пост рейхсканцлера, к власти пришла НСДАП.

Принимали ли Вы какое-либо участие в событиях, сопутствовавших назначению Гитлера на пост рейхсканцлера и взятию власти НСДАП?

НЕЙРАТ. Нет, при назначении Гитлера на пост рейхсканцлера я не принимал участия ни в какой стадии переговоров. Никто, в том числе и рейхспрезидент, не говоря уже о партийных руководителях, не спросил тогда моего мнения. Я не был в близких отношениях ни с одним из руководителей партий и, особенно, с национал-социалистской партией. Между прочим, Геринг и фон Папен дали здесь совершенно правильные показания по этому вопросу.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Какие мысли возникали у Вас тогда в связи с назначением Гитлера на пост рейхсканцлера или, другими словами, в связи с приходом к власти НСДАП?

НЕЙРАТ. В связи с этим у меня были весьма серьезные сомнения, но, как я показал в начале допроса, в силу сложившихся отношений между партиями и невозможности образовать в противовес национал-социалистам другое правительство, я не видел никакого другого выхода из этого положения, так как следовало избежать тогда гражданской войны, в отношении исхода которой в силу преобладающего количества сторонников Гитлера не могло быть никакого сомнения.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. По какой причине Вы, вопреки Вашим взглядам на события, о которых Вы нам только что рассказали, остались

14142

H1207 – 0556

H1207-0557

на посту министра иностранных дел во вновь образованном правительстве Гитлера?

НЕЙРАТ. По настоятельной просьбе Гинденбурга.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В связи с этим я позволю себе сослаться на вышеупомянутое письменное показание под присягой баронессы Риттер. Это документ № 3 в моей книге документов. С разрешения суда я зачитаю из него небольшую выдержку.

"Когда затем в 1933 году было образовано новое правительство во главе с рейхсканцлером Гитлером, - Гинденбург поставил Гитлеру условия, которое заключалось в том, что Нейрат должен остаться на посту министра иностранных дел. В соответствии с этим Гинденбург просил Нейрата остаться на этом посту, и Нейрат, согласно своему данному прежде слову, исполнил желание Гинденбурга.

Я знаю, что Нейрат в последующее время имел серьезные сомнения по этому поводу, но был того мнения, что его патриотический долг - остаться на посту. В этой связи я вспоминаю одно особенно яркое сравнение с рифом, который, благодаря своему положению на середине реки может замедлить стремительное течение в то время, как у берега он был бы бессильным сделать это. Он часто говорил: Когда немцы часто удивляются тому, что я участвую в правительстве этого режима, ~~но~~ при этом они думают всегда лишь об отрицательных сторонах этого, не ценя по-существу, того, как много несчастий я мог предотвратить; тем самым они забывают, какого труда стоит самому пробиться к Гитлеру через целый вал его телохранителей".

Баронесса Риттер имела здесь в виду круг ближайших соратников Гитлера.

Знаете ли Вы, по какой причине Гинденбург настаивал на том, чтобы Вы остались на посту министра иностранных дел в

кабинете, вновь созданном Гитлером?

НЕЙРАТ. Чтобы обеспечить дальнейшее проведение мирной политики и предотвратить необдуманные, возможные при его темпераментной натуре, шаги Гитлера, - одним словом, чтобы выполнять роль тормоза.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, Гинденбург, настаивая на том, чтобы Вы остались на посту министра иностранных дел или вступили в кабинет Гитлера, не делал ли это обстоятельство условием для назначения Гитлера на пост рейхсканцлера?

НЕЙРАТ. Да, об этом он сказал мне позднее.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В этой связи я также позволю себе сослаться на письменное показание под присягой бывшего посла Курта Прюфера. Это - документ № 4 моей книги документов. Я зачитаю краткую выдержку из него:

"Гинденбург по своим политическим взглядам..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какая это страница?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Это - страница 27, доказательство № 4.

"Политические принципы Гинденбурга, поскольку он был консерватором, примерно соответствовали взглядам барона фон Нейрата. Для всех, кто сколько-нибудь был знаком с обстановкой, было ясно, что он передал власть Гитлеру вопреки своей воле, лишь под сильным давлением внутриполитического развития. Если он при этих обстоятельствах настаивал и даже поставил условием передачи власти Гитлеру, чтобы его советник по вопросам внешней политики - Нейрат остался на посту министра иностранных дел, то это, несомненно, было вызвано только тем, что он хотел обеспечить надежную опору, по крайней мере, для ведения внешней политики, т.е. для сохранения мира в то время, как его [illegible] окружали неуравновешанные, безусловно, чуждые ему новые элементы, к которым он не питал никакой симпатии".

14144

H1207 – 0558

H1207 – 0559

Говорили ли Вы с Гинденбургом по этому поводу и не высказали ли Вы ему то, что Вы не склонны и не склонны вступать в этот кабинет Гитлера?

НЕЙРАТ. Да, я ему это сказал и об'яснил таким образом, что у него не могло оставаться никаких сомнений.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Что Вам на это ответил Гинденбург?

НЕЙРАТ. Гинденбург сказал мне, что я должен принести эту жертву. В противном случае, он не будет иметь ни одного спокойного часа. У Гитлера, по его словам, нет никакого опыта в вопросах ведения внешней политики.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. И только после этого и только по этой причине Вы решили войти в состав кабинета Гитлера?

НЕЙРАТ. Да. Английский представитель Обвинения сэр Дэвид на заседании 1-го марта с.г. утверждал здесь, что, войдя в состав этого кабинета, я тем самым продал Гитлеру свою честь и репутацию. Я не намерен отвечать на это сильное оскорбление.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, я позволю себе в связи с этим привести выдержку из "Дневника посла Додда 1933/1937 г.г.", который находится под № 13 в моей книге документов, в частности я намерен сейчас зачитать запись от 6 апреля 1934 г. на стр. 100, это стр. 55 немецкого текста. Речь идет о характерном замечании Додда относительно Нейрата.

Я цитирую:

"Мне жаль этих здравомыслящих немцев, хорошо знающих мир, которые должны работать для своего отечества и должны все-же подчиняться невежеству и деспотизму Гитлера и его товарищей".

Во время этих бесед с Гинденбургом Вы не обещали ему оставаться в составе кабинета до тех пор, пока у Вас будет какая-либо возможность решать все внешнеполитические проблемы

только мирным путем и избегать военных конфликтов, даже и тогда, когда не станет Гинденбурга?

НЕЙРАТ. Да, он неоднократно говорил мне об этом своем желании.

ЛОДИНГХАУЗЕН. Это, очевидно, и было причиной того, что после смерти Гинденбурга Вы остались на своем посту?

НЕЙРАТ. Да. И, кроме того, поскольку я в то время убедился в том, что Гитлер в силу своего темперамента, будучи взволнованным, очень часто был склонен предпринимать необдуманные шаги, которые могли бы угрожать делу мира, + но при этом я неоднократно убеждался в том, что в таких случаях мои сомнения и опасения доходили до него, - он понимал их.

ЛОДИНГХАУЗЕН. Как Вам известно, Обвинение инкриминирует Вам то, что Вы вошли в состав кабинета Гитлера и остались в нем в качестве министра иностранных дел, и, особенно то, что Вы оставались в составе этого правительства и после смерти Гинденбурга.

НЕЙРАТ. Как мне это может быть поставлено в вину, мне совершенно непонятно.

Я никогда не принадлежал ни к какой партии, никогда не давал клятвы выполнять их программы, и никогда не присягал на верность вождям партий. Я служил при правительстве кайзера, при правительстве социалистов во главе с Эбертом, меня вновь призвали к дипломатическоу службе в качестве посланника, а затем посла. Я пережил смену демократических, либеральных, консервативных правительств. Не являлясь сторонником их программ, я неоднократно находился в оппозиции к стоявшим тогда у власти партиям, я в своем сотрудничестве с другими силами всегда преследовал только один интерес - интерес своего отечества. У меня не было никакой причины для того, чтобы не

14146

H1207 – 0560

H1207 – 0561

попытаться сделать это и при правительстве Гитлера и НСДАП. К тому же, свои оппозиционные взгляды можно было развивать с надеждой на успех, только будучи членом правительства. Свобода слова, использование прессы в Германии были запрещены или, это было связано с очень большими трудностями. Личная свобода находилась в опасности. Между прочим, в других странах дело обстояло почти также. Я имею ввиду участие в правительстве различных партий, как например, РЭНО или лорда Ванситарта, с которым я был лично знаком и который во время моего пребывания в Англии был первым статс-секретарем министерства иностранных дел как при правительствах консерваторов, так и при правительствах лейбористов.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Почему, однако, и после 30 июня 1934 года и кровавых событий того времени Вы все-таки остались в правительстве и не потребовали отставки? Вы знаете, что Обвинение инкриминировало другим подсудимым тот факт, что они и после 30 июня 1934 года оставались в правительстве.

НЕЙРАТ. Помимо того, что на основании изложения Гитлером событий путча Рема я должен был сделать вывод о том, что речь шла о весьма серьезном мятеже, я сам пережил целый ряд революций, в том числе и русскую революцию, и, как я уже говорил, и фашистскую революцию в Риме, и я лично видел, что от таких революций очень часто страдают невинные люди. Кроме того, я был тогда совершенно согласен с поведением фон Гинденбурга, который, если бы я и захотел ~~бы~~ уйти в отставку, никогда бы не дал разрешения на это. В качестве эпизода, - примера того, что я должен был поверить в большую силу этого мятежа и отнестись с полной серьезностью к изложению этих событий Гитлером, упомяну о том, что в этот день, именно 30 июня, в Берлине находился брат короля Японии, которого я должен был пригласить к

себе на обед. В этом обеде приняли участие + генерал-полковник Фрич и ряд других генералов и ответственных сотрудников министерства иностранных дел. Но принц не явился к обеду, он пришел час спустя. Когда я его спросил о причине его опоздания, то выяснилось, что и мой дом был оцеплен членами СА, и что принц был задержан ими и поэтому он не мог своевременно попасть ко мне в дом. Спустя несколько дней генерал-полковник Фрич рассказал мне как развивались эти события среди военных, и спросил меня, известно ли мне, что как он, так и я, находились в списке Рема. Таким образом, этот мятеж не был таким безобидным, каким его описал свидетель Гизевиус.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Прежде чем вы решили войти в кабинет Гитлера, говорили ли Вы лично с Гитлером об основных принципах и направлении, тенденциях внешней политики, которую Вы намеревались проводить?

НЕЙРАТ. Да, я говорил с ним и очень подробно. Я показал ему, что наших целей мы могли добиться только путем переговоров в соответствии с международной ситуацией. Это, безусловно, потребовало большого терпения. Гитлер, казалось, понимал это; то же впечатление у меня оставалось и в последующие годы. Я убежден, что он в то время был полностью согласен с продолжением этого курса внешней политики и говорил это вполне серьезно. Он неоднократно подчеркивал, между прочим, что он знает, что такое война, и что он не хочет новой войны.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В этой связи я позволю себе еще раз сослаться на письменное показание под присягой посла Прюфера; это — документ № 4 моей первой книги документов. С разрешения суда я намерен процитировать здесь следующее: "Политика фон Нейрата являлась политикой международного взаимопонимания и мира".

14148

H1207 – 0562

H1207 – 0563

/Это находится на странице 29-й/. "Эта политика нисколько не противоречила тому, что и господин фон Нейрат также стремился к пересмотру суровых условий Версальского договора. Однако, он хотел достигнуть этого исключительно путем переговоров, но отнюдь не применением силы".

Затем на этой же странице...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы уже зачитывали этот документ?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Да. Я хотел бы сейчас в связи с этим огласить другую выдержку: "Я убежден, - говорит Прюфер, - что барон фон Нейрат так же, как и другие сотрудники министерства иностранных дел не знал ничего конкретного об агрессивных планах Гитлера. Наоборот, в первые годы после переворота все верили в постоянно повторявшиеся заверения национал-социалистских вождей в их мирных намерениях. Я полагаю даже, что они сами в первые годы вовсе не желали развязывания войны. В руководящих кругах партии, к которым Нейрат совсем не принадлежал, верили тогда и даже надеялись на то, что путем до сих пор успешной тактики блефа и внезапности действий можно будет и в дальнейшем легко пожинать лавры победы без войны. Та мания величия, которая возникла на почве успеха и переросла, благодаря ему, в безграничную, доходящую до мистики, веру в свое счастье, в свою непогрешимость и всемогущество, привела Гитлера и его ближайших сподвижников к тому, что они сделали войну одним из средств для осуществления своей политики. Мы, чиновники министерства иностранных дел, в том числе и глава министерства барон Нейрат, только со временем поняли процесс этого развития. Приблизительно до начала 1936 г. лишь очень немногие служащие министерства были приняты в партию, которая со своей стороны относилась с недоверием и подозрением к руководству министерства, включая и чиновников, только что принятых в партию".

14149

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен, служит ли все это на самом деле для доказательства Ваших утверждений? Вы читаете слишком длинный отрывок.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я уже окончил, господин председатель. Вы сами в программе национал-социалистов усматривали какую-нибудь цель или намерения, вызвать разногласия с другими государствами?

НЕЙРАТ. Нет. Вопреки утверждению Обвинения, которое, несмотря на неоднократное повторение его, не соответствует действительности, я при всем желании не могу усмотреть в этой программе этого намерения вызвать ~~военные~~ военные конфликты в случае, если не удастся достичь своих целей мирным путем, и из различных выступлений Гитлера я знаю, что в первое время своего правления он и сам не думал об этом. Он хотел установить, насколько будет возможным, тесное сотрудничество с Англией и прочные, устраняющие прежнюю вражду обеих народов, дружественные отношения с Францией. Последнее обстоятельство явилось причиной его заявления, сделанного им после проведения в Саарской области плебисцита и заключающегося в том, что он раз и навсегда отказывается от завоевания Эльзаса.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Обвинение инкриминирует Вам особенно то, что Вы из следующих пунктов программы национал-социалистской партии должны были заключить, что нацисты преследовали во внешней политике агрессивные цели и с самого начала стремились к войне. В программе говорилось: „Мы требуем об'единения всех немцев в одну Великую германскую империю на основе права всех народов на самоопределение. Мы требуем равноправия для немецкого народа по отношению ко всем другим нациям, и ликвидации Версальского и Сен-Жерменского договоров".

Что вы скажете по этому поводу?

14150

H1207 – 0564

H1207 – 0565

НЕЙРАТ. При всем желании я не могу обнаружить агрессивный дух в этих только что процитированных вами предложениях. Право на самоопределение является признанным международным правом, принципом осуществования современного государства. Этот принцип теоретически, по крайней мере, лежал и в основе Версальского договора. Он явился в свое время также основой для проведения плебисцита в пограничных областях. Об'единение всех немцев на основе общепризнанного принципа было поэтому, с точки зрения международного права и внешней политики вполне допустимым политическим поступатом. Устранение дискриминирующих статей Версальского договора путем возможных изменений было действительной и самой важной целью германской внешней политики; и, как здесь уже подчеркивалось, это было основной целью всех предшествовавших национал-социалистам буржуазных и социал-демократических правительств.

Я не могу себе представить, каким образом можно подозревать наличие агрессивного намерения в том, если какой-нибудь народ стремится освободиться от тяжести такого несправедливого договора, учитывая то, что он стремится к этому мирным путем. В этом,я хочу добавить, и состояла внешняя политика, которую я представлял до того момента, когда я в конце 1937 г. должен был действительно признать, что Гитлер рассматривает войну, как одно из средств своей политики. Прежде, как уже было сказано об этом ни и речи не было.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Какое влияние оказало взятие власти Гитлером в Германии на заграницу?

НЕЙРАТ. Тотчас же наступило определенное ухудшение общественного мнения, появилось недоверие по отношению к новому правительству. Отрицательное отношение выявилось безошибочно. Для меня это стало особенно ясно на международной экономиче-

ской конференции в 1933 году в Лондоне, где я имел возможность говорить со многими старыми друзьями и членами других делегаций и мог ясно убедиться в такой перемене отношения к нам. Практически же последствия такого изменения отношения к Германии выразились в большой сдержанности, проявленной представителями других стран во всех последовавших переговорах, а так же и в процессе возобновленных заседаний конференции по разоружению.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, в этой связи я хотел бы сослаться на письмо, которое находится в моей книге документов под № 11. Это отчет барона фон Нейрата рейхспрезиденту фон Гинденбургу о Лондонской конференции от 19 июня 1933 года. Я позволю себе зачитать лишь небольшой отрывок из него: "К сожалению, я должен сказать, что впечатления, полученные мной здесь, вызывают тревогу. На основании сообщений главы нашей миссии...".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На какой это странице?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Это 47-я страница.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, продолжайте читать.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. "На основании отчетов главы нашей миссии, я был подготовлен к некоторым нехорошим явлениям, ко многим мрачным событиям и неблагоприятному суждению о нас заграницей. Однако, имея все эти опасения, я надеялся все же, что многое, возможно, будет иметь только временное влияние и что многое еще может уладиться. Однако мои опасения оказались более основательными, чем мои надежды. Я с трудом узнал Лондон. Я встретил здесь прежде всего в английских кругах, а затем уже и в международных, такие настроения, которые свидетельствовали об ухудшении отношения к Германии как в области политики, так и

14752

H1207 – 0566

H1207 – 0567

в области морали, - ухудшение, которое трудно переоценить".

После этого главная комиссия конференции по разоружению возобновила свою дальнейшую работу зимой 1933-34 г.г.

Можете ли Вы нам коротко изложить ход происходивших в ней переговоров, поскольку он имеет важное значение для последующих событий?

НЕЙРАТ. В основу этих переговоров был положен французский план от 14 ноября 1932 года. Этот план неожиданным образом предусматривал реорганизацию кадровых войск в войска с коротким сроком службы, так как, согласно высказанной французским представителем точке зрения, только войска с кратким сроком службы могли рассматриваться как оборонительные войска, в то время как постоянные войска, состоящие из кадровых солдат, носили агрессивный характер.

Эта точка зрения Франции была совершенно новой и представляла собой не только противоположность той точке зрения, которой Франция придерживалась до тех пор, но и отход от составляющих основу Версальского договора положений о разоружении Германии. Это означало для Германии, и на этом, очевидно, строился весь расчет, ликвидацию ее постоянного войска в 100.000 человек; кроме того, этим новым планом Франция дала понять, что она со своей стороны не намеревалась проводить разоружение. Это подтвердилось выступлением французского представителя Поля Бонкура на очередном заседании 8 февраля 1933 г. Такую же точку зрения Франция защищала и в последовавших переговорах относительно предложенной Англией так называемой рабочей программы от 30 января 1933 года, при помощи которой Англия стремилась ускорить работу конференции. Эта попытка ускорения переговоров на конференции имела своей целью урегулирование противоречивых тенденций держав, но она была неудачной в силу упрямого

14153

нежелания Франции изменить свою позицию. Затем были попытки обойти эти трудности путем изменения программы, и, в частности, вначале тогда дебатировался вопрос о численности сухопутных войск.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В этой связи я позволю себе представить или просить суд приобщить к делу документ № 49 /он находится во второй книге документов/. Этот документ содержит выдержки из английской рабочей программы от 30-го января 1933 года. Затем я прошу также приобщить к делу документы 46-47. Они также находятся в моей второй книге документов. Они содержат выдержки из французского плана относительно унификации систем континентальных европейских войск, и затем документ № 47, находящийся также в моей второй книге документов, который содержит выдержки из речи г-на фон Нейрата на заседании ассамблеи Лиги наций 7-го декабря 1932 года, в которой отражены переговоры, имевшие место до этой даты.

Каково было отношение конференции по разоружению ~~по~~ 12 вопросу проведения разоружения как такового, т.е. ~~по~~ 12 вопросу сокращения численности сухопутных войск?

НЕЙРАТ. Я должен в своих показаниях положиться на записи. Я не в состоянии помнить все эти детали, формулировки и выступления. Этот вопрос требует детального ответа, так что я смогу ответить на него только на основании записей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен! В течение целого утра мы рассматриваем этот вопрос и мы еще не дошли до 1933 года. Трибунал считает, что показания даются слишком подробно. Как я уже говорил, вы пытаетесь,главным образом, показать, что Версальский договор был несправедливым, что не относится к делу.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, я позволю себе ответить на это следующим образом: я хотел показать не несправед-

14754

H1207-0568

H1207 – 0569

ливость Версальского договора, а...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Людингхаузен, пожалуйста, продолжайте Как я уже говорил, мы считаем, что Вы рассматриваете вопросы слишком подробно.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Хорошо, господин председатель, я приму это к сведению.

/Обращаясь к подсудимому/: Что же было сделано, г-н фон Нейрат, для того, чтобы снова наладить переговоры? Английский премьер-министр 16 мая предложил новый план, каково было отношение к нему со стороны западных держав?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но все это не имеет никакого отношения к программе по разоружению.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, я ведь должен показать, какова была причина и каково было общее настроение, которые обусловили наш выход из Лиги наций, что ставится нам в вину. Ведь осенью 1933 года Германия вышла из Лиги наций...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимому Нейрату не вменяется в вину, что он оказал влияние на германское правительство для выхода его из Лиги Наций - не правда ли?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Все же это имеет место. Выход из Лиги Наций я могу об'яснить лишь теми событиями, которые предшествовали этому. Я ведь не могу сказать в трех словах, что вот то-то и то-то является причиной. Я ведь должен об'яснить, как постепенно накалялась атмосфера, какие это были обстоятельства, в силу которых германскому правительству не оставалось ничего другого, как выйти из конференции по разоружению и из Лиги Наций, так как именно этим об'ясняется решение германского правительства о возобновлении вооружения. В истории и в политике решения и действия всегда являются следствием того, что им предшествовало. Развитие политических отношений складывалось в течение целого периода времени. Это не стихийное

событие и не стихийное решение. Я не могу этого сказать в отношении военного приказа, поскольку издание этого приказа имеет свою причину в соответствующих приказах другой стороны; я должен вглсить...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прерывая/. Мы не нуждаемся в обсуждении всех этих вопросов. Мы просим вас продолжать. Я указал Вам лишь на то, что мы занимаемся рассмотрением этих вопросов все утро и еще не дошли до 1933 года.

НЕЙРАТ. Господин председатель, я попытаюсь очень кратко охарактеризовать этот период времени до выхода из Лиги Наций и из конференции по разоружению.

Как я уже сказал, работа конференции продолжалась целый год, до лета 1933 года. Осенью вновь было созвано заседание конференции по разоружению, на котором дебатировалась одна и та же тема. Результатом этой конференции явилось следующее: западные державы окончательно отклонили предложение по разоружению, и это явилось причиной того, что мы сначала ушли с конференции по разоружению, так как мы не считали возможным, что работа этой конференции может привести к чему-то полезному. После этого мы вышли и из Лиги Наций, поскольку мы убедились в несостоятельности Лиги Наций, которую мы наблюдали при разрешении самых разнообразных жизненно-важных вопросов.

Таким образом, мы сейчас подошли к периоду, который побудил нас выйти из Лиги Наций. Причины, побудившие нас в то время сделать этот шаг, я изложил конкретно в одной из своих речей, на которую мой защитник вероятно сможет сослаться.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Какого числа была произнесена Вами эта речь?

НЕЙРАТ. Эта речь была произнесена в октябре 1933 года.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Ах, так.

14156

H1207 – 0570

H1207 – 0571

НЕЙРАТ. 16 октября. В иностранной печати эта речь датирована 16 октября. В этой речи я показал, что выход из конференции по разоружению и из Лиги Наций вовсе не означает, что Германия вообще не желает принимать участия в переговорах или обсуждениях, в особенности с западными державами.

ЛОДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, выдержки из этой речи представлены в моем документе под № 59. Так как в основном это то же самое, что сказал фон Нейрат, только изложено более подробно, - я готов отказаться от оглашения этой выдержки.

Но я в силу своего долга, должен все-таки обратить Ваше внимание на документы, представленные мною и относящиеся к этому периоду, рассмотрение которого, по существу, закончено, с тем, чтобы у вас создалась правильная картина того, как развивались события в середине октября. В этой связи позволю себе сослаться на документ № 56; это речь г-на фон Нейрата перед представителями иностранной прессы; далее - на документ № 58. Это - воззвание Гитлера к германскому народу; затем - на только что оглашенный документ № 59, - на германский меморандум по вопросу о разоружении и равноправии, от 18-го декабря 1933 года. Это документ № 61; затем - на документ № 62, это - интервью господина фон Нейрата, данное берлинскому корреспонденту газеты "Нью-Йорк таймс", от 29 декабря 1933 года; далее - на ответ германского правительства на французский меморандум от 1 января 1934 года; это - документ № 64, он находится в моей третьей книге документов; на германский меморандум от 13 марта 1934 года, - документ 67; на документ 68, речь председателя конференции по разоружению господина сэра Невиля Гендерсона от 10 апреля 1934 года, и, в заключение, - на документ № 69 - ноту германского правительства от 16 апреля 1934 года, которая была ответом на английский меморандум о разоружении от 16 апреля. Мне сейчас

сказали, что я ошибся, что я неправильно назвал имя Гендерсона. Следовало сказать не Невиль, а Артур Гендерсон.

В середине апреля 1934 года произошло очень важное событие. Не выскажетесь ли Вы по этому поводу, поскольку это заявление - эта устная нота означала полный поворот и изменение в европейской политике?

НЕЙРАТ. Это была французская нота, направленная английскому правительству в ответ на запрос Англии и в ответ на германский меморандум от 13 марта 1934 г., в которых говорилось о возобновлении работы конференции. Более подробно по этому вопросу сказано в этой уже зачитанной речи перед представителями берлинской прессы. Это - документ, который Вы упомянули.

Своим ответом "нет", данным в этой ноте, французское правительство обрекло на неудачу стремление добиться какого-либо результата по вопросу разоружения.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В этой связи я позволю себе сослаться на ряд документов, которые я представил и которые находятся в моей книге документов № 3. Это - документы: № 61 - выдержка из речи бельгийского премьер-министра графа Бронвилля от марта 1934 года; № 63 - выдержка из дневника посла Лодда; № 70 - выдержка из только что упомянутой ноты французского правительства английскому правительству от 17 апреля 1934 г.; № 74 - речь министра иностранных дел подсудимого фон Нейрата перед представителями берлинской прессы, где он высказывается по поводу французской ноты; и, в заключение, документ, который представляет собой выдержку из речи американского уполномоченного на конференции по разоружению Нормана Дэвиса от 29 мая 1934 г.. В чем заключался только что упомянутый мною поворот в европейской политике?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы назвали номер последнего документа?

14158

H1207 - 0572

H1207 – 0573

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Последнего, г-н председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Это номер 76.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте, пожалуйста.

НЕЙРАТ. Прежде чем ответить на этот вопрос, я прошу разрешения сделать замечание относительно другого вопроса.

Обвинение пред'явило мне здесь речь Гитлера от 23 сентября 1939 года, речь, с которой он обратился к командующим сухопутными силами и в которой он говорил о политических и организационных мероприятиях, предшествовавших войне.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы говорите, что это было 23 сентября?

НЕЙРАТ. Да, от 23 сентября 1939 года.

Обвинение усматривает в упоминании о выходе из Лиги Наций и об уходе с конференции по разоружению знак того, что уже тогда существовали агрессивные намерения, что оно и инкриминирует мне.

Я уже неоднократно подчеркивал, что до 1937 года вообще никогда не было речи о каких-либо агрессивных намерениях или о подготовке к агрессивной войне. Гитлер произнес эту упомянутую Обвинением речь 6 лет спустя после этих событий, полтора года спустя после моего ухода в отставку с поста министра иностранных дел. Совершенно ясно, что у такого человека, как Гитлер, в такой момент, а именно – после победоносного завершения войны с Польшей, все эти события принимали другую окраску по сравнению с тем, чем они были в действительности. С точки зрения того времени, когда была произнесена эта речь, об этих событиях можно так же мало судить, как и вообще о сегодняшней германской внешней политике. Их надо рассматривать с точки зрения того периода времени, в который они имели место.

Теперь я отвечу на поставленный мне вопрос. По моему мнению, причины этого заключались в большей или меньшей степени в том факте, что в ходе предшествовавших дипломатических переговоров стало ясно, что Англия и Италия не стояли уже более безоговорочно за Францию и не намеревались уже более разделять точку зрения Франции, которая наотрез отказалась от признания требования Германией равноправия. Такую же позицию заняли, впрочем, и нейтральные государства: Дания, Испания, Норвегия, Швеция и Швейцария, о чем они заявили в ноте, направленной ими конференции по разоружению 14 апреля 1934 г. Франция боялась тогда остаться изолированной и тем самым подвергнуться опасности, которая заключалась в том, что она не сможет полностью отказаться от разоружения своей армии. В своей упомянутой мною речи перед представителями германской прессы от 27 апреля 1934 года я ясно высказал свою точку зрения, которая представляла собой точку зрения всей германской политики в отношении такого поведения Франции.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В чем выразилось влияние этой ноты Франции от 17 апреля на ее собственное политическое поведение?

НЕЙРАТ. Уже несколько дней спустя после опубликования этой ноты тогдашний французский министр иностранных дел Луи Барто предпринял поездку на Восток, а именно в Варшаву и Прагу. Как вскоре выяснилось, цель этой поездки была подготовить в Польше и Чехословакии почву для восстановления дипломатических отношений между этими и остальными странами - так называемой Малой Антанты, с одной стороны, и Советским Союзом, - с другой, и, таким образом, проложить России путь для участия в европейской политике. Усилия Барто оказались успешными. Как Чехословакия, так и Польша и Румыния восстановили дипломатические отношения с Россией, и Барто во время своей второй поездки мог добиться согласия всех стран "Малой Антанты" на включение их

14160

H1207 – 0574

H1207 – 0575

в предложенный Францией и Россией Восточный пакт.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, не велись ли одновременно с этим переговоры о восточном пакте, который позднее оказался орудием, так же направленным против Германии?

НЕЙРАТ. Да, я только что упоминал об этом. Был разработан и представлен восточный пакт, который, как таковой, мы в основном тоже приняли, однако, впоследствии он потерпел крах, потому что мы должны были взять на себя такие обязательства, которых мы не могли выполнить, в частности, обязательство об оказании помощи во всех случаях, если между восточными странами разразится военный конфликт. Мы абсолютно не были в состоянии выполнить его. Это и было причиной краха Восточного пакта.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. В связи с этими показаниями фон Нейрата я позволю себе сослаться на три документа моей третьей книги документов. Это документы: № 72 - официальное коммюнике о переговорах, которые велись в Варшаве французским министром иностранных дел, от 24 апреля 1934 года; документ № 73 - официальное коммюнике о переговорах, которые велись в Праге французским министром иностранных дел, от 27 апреля 1934 года и третий документ - выдержка из речи французского министра иностранных дел от 30 мая 1934 года.

Какую же политику Вы проводили дальше после прекращения работ конференции в связи с этой французской нотой?

НЕЙРАТ. Вначале с нашей стороны были предприняты попытки путем переговоров с отдельными государствами добиться фактического признания нашего равноправия и общего взаимопонимания со всеми народами, чтобы этим обеспечить действительный длительный мир. Германским миссиям в иностранных государствах я в то время поручил вести переговоры по этому поводу с правительствами соответствующих стран. Гитлер для того, чтобы наладить опять эти переговоры, решил принять приглашение Муссолини встре

титься для ведения дружественных переговоров в Венеции. Целью этой встречи было, как сказал об этом позже Муссолини, сделать попытку разогнать тучи, которые затемнили политический горизонт Европы.

Несколько дней спустя после своего возвращения из Венеции, Гитлер произнес большую речь, в которой он вновь подтвердил стремление Германии к миру.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, в этой связи я хочу сослаться на документ № 80 моей третьей книги документов, который содержит выдержку из этой речи Адольфа Гитлера, произнесенной им 17 июня 1934 года в Гере. Эта выдержка касается внешней политики.

Если господин председатель желает сделать теперь перерыв...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Людингхаузен! Трибунал надеется, что в понедельник, когда Вы будете продолжать, Вы сумеете менее подробно рассматривать эти вопросы, касающиеся политической истории, поскольку они хорошо известны всем тем, кто пережил это, а в особенности Трибуналу, который в течение долгого времени рассматривает их здесь.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Постараюсь, господин председатель.

/Об'является перерыв до 10.00 часов 24 июня/.

нн

Страницы сверены. 21.VII.46. В. Васина

14162

H1207-0576

H1207 – 0577

Страницы проверены,

21. XII-41. В. Васильев